

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕРТИЗА

1/2017

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Журнал рецензий № 1(10)/2017

Дата подписания в печать 17.03.2017

Учредитель

ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.nestorbook.ru

Редакционный совет

КАРАВАШКИН Андрей Витальевич, д.филол.наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ (Москва)

КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.ист.наук, профессор кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к.филос.наук, доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ-«НИНХ»), сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) (Новосибирск, Москва)

ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.ист.наук, руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ТЕСЛЯ Андрей Александрович, к.филос.наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, д.филол.наук, зам.директора Института славяноведения РАН (Москва)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.ист.наук, профессор кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.ист.наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (Москва)

Российского государственного педагогического университета им. Герцена, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Ответственный редактор – ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.ист.наук, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

Зам. ответственного редактора – ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, д.ист.наук, профессор кафедры международных отношений Самарского государственного университета (Самара)

Ответственный секретарь – КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

Член редколлегии – КОРЧИНСКИЙ Анатолий Викторович, к. фил.наук, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания ИФИ РГГУ (Москва)

Член редколлегии – ТРОИЦКИЙ Юрий Львович, к. ист. наук, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания ИФИ РГГУ, заместитель директора ИФИ РГГУ по методической работе и историческому образованию (Москва)

Переписка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год
ISSN 2409-6105

Издатель

ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.istorex.ru

Типография

ООО «Нестор-История»
191119, Санкт-Петербург, ул. Правды, д. 15
Тел. (812)622-01-23
Тираж 300 экз.
Заказ № 877

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**Глобальная память**

- 7 **А. П. НАЗАРЕТЯН** *Идеология versus цивилизация?*
- 30 **А. М. ХАЗАНОВ** *О ком скорбеть и кого забыть? (Ре)конструкция коллективной памяти в современной России*

Национальная память

- 67 **О. Б. ЛЕОНТЬЕВА** *Помнящая культура. Рец.: Кознова И. Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России / Ирина Кознова. М.: Политическая энциклопедия, 2016.*
- 72 **П. И. ТАХНАЕВА** *К вопросу о несостоявшейся депортации дагестанцев в 1944 г.*

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

- 96 **В. И. ЦВИРКУН** *Легенда и реалии переноса останков Дмитрия Кантемира из Москвы в Яссы*
- 108 **А. А. БОЧАРОВ** *«Спасайте меня и требуйте в вознаграждение, что вам угодно»: был ли отравлен герой русского флота А. И. Казарский (по страницам книг В. В. Шигина)*

ОБОБЩАЮЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 124 **С. Л. ФИРСОВ** *Русская церковь в эпоху воинствующего богоборчества. Рец.: Поляков А. Г. Викторианское течение в Русской Православной Церкви в контексте церковно-государственных отношений. Киров: «Веси», 2009. 284 с.*
- 135 **В. Г. ЧЕНЦОВА** *Афон и Россия: после юбилея. Рец.: Русь и Афон. К 1000-летию присутствия русского монашества на Святой горе. Выставочный комплекс Храма Христа Спасителя, 21 сентября – 23 октября 2016 года. Каталог. М.: Кучково поле, 2016. 216 с.*
- 146 **А. А. НЕПОМНЯЩИЙ,**
А. В. СЕВАСТЬЯНОВ *Может ли история оправдывать политическую концепцию? Рец.: Возгрин В. Е. Немецкие колонисты и коренной народ Крыма в национальной политике Российской империи. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. 416 с.*

151 П. В. ЧЕЧЕНКОВ

История Нижегородского края: новые издания, старые проблемы

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Мир

163 А. С. СТЫКАЛИН

Рец.: Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории / отв. редактор Е. П. Серапионова. М., Институт славяноведения РАН, 2015. 680 с.

168 А. А. ТЕСЛЯ

Рец.: Клопова М. Э. Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М.: Индрик, 2016. 280 с.

Российская империя

175 Н. С. ГУСЕВ

Рец.: Накануне Великой войны: Россия и мир / под ред. М. Б. Смолина, К. А. Залесского. М., 2014. 336 с.

181 М. В. ЗАЙЦЕВ

Рец.: Берар Е. Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге. 1894–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

186 Э. Р. КАДИКОВ

Рецензия на монографию В. П. Сапона «Либертарный социалист Аполлон Карелин»

195 Н. В. ЛИПАТОВА

Документ – эпоха – исследователь. Рецензия на публикацию протоколов Петербургского комитета партии большевиков за 1917–1918 гг.

207 М. Н. ЛУКЪЯНОВ

«Великие потрясения» глазами правого интеллектуала: Заметки на полях дневника Бориса Никольского. Рец.: Никольский Б. В. Дневник, 1896–1918 / изд. подгот. Д. Н. Шиловым, Ю. А. Кузьминным. В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 1. 704 с.; Т. 2. 656 с.

215 Ф. И. МЕЛЕНТЬЕВ

«Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма»: краткая характеристика источника и обзор современных переизданий

231 Д. И. РУБЛЕВ, П. И. ТАЛЕРОВ

Написана ли уже история анархистской печати России? (немного о посмертном издании одной книги). Рец.: Менделеев А. Г. Печать русских анархистов. М.: Политическая энциклопедия. 2015. 247 с.

245 С. М. ВОЛОПИНА

Рец.: Макеев М. С. Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель (Очерки о взаимодействии литературы и экономики). М.: МАКС-Пресс, 2009. 234 с.

- 253 **М. В. МЕДОВАРОВ** *Возвращение забытого мыслителя. Рец.: Соловьев А. П. «Согласить философию с православной религией»: идейное наследие архиепископа Никанора (Бровковича) в истории русской мысли XIX–XX веков. Уфа: издатель Словохотов А.А., 2015. 440 с.*
- СССР**
- 260 **С. Б. МАНЫШЕВ** *История здравоохранения периода Великой Отечественной войны в современной дагестанской историографии. Рец.: Книга памяти. Дагестанский медицинский институт в годы Великой Отечественной войны / Авторы-составители Р. С. Гаджиев, Ф. М. Османова; глав. ред. Д. Р. Ахмедов. Махачкала: Издательство «Лотос», 2015. 304 с.*
- 272 **А. В. ГРИНЁВ** *Рец.: Владимирский М. В. Красный Крым 1919 года. М.: Издательство Олега Пахмутова, 2016. 304 с.*
- 277 **О. Л. ЛЕЙБОВИЧ** *«Этот мир умирает...». Рец.: Казанков А. И. Время местное: хроники провинциальной повседневности: монография. Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2016. 163 с.*

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

- 282 **К. А. ПАХАЛЮК** *Рец.: Елохин К. А. Война флагов на территории Новороссии в 2014 году. М.: ГАУГН-ПРЕСС, 2016. 267 с., ил.*

КОНФЕРЕНЦИИ

- 290 **Б. Н. МИРОНОВ** *Международная междисциплинарная конференция «Нации и этничность в гуманитарных науках» как организатор нового научного пространства*

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

- 298 *Интервью Ф. Б. Успенского*
- 311 *Интервью В. В. Кондрашина*

САМООРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

- 326 *Интервью М. В. Елиферовой*
- 330 *Интервью А. А. Глухова: «С точки зрения университетской автономии, только сам университет волен решать, какие структуры в нем имеют право на существование»*
- 340 *Требования к публикации статей и материалов*

IN THE ISSUE:

HISTORICAL MEMORY

Global Memory

- 7 A. P. NAZARETYAN *Ideology versus civilization?*
- 30 A. M. KHAZANOV *Whom to mourn and whom to forget? The (re)construction of collective memory in contemporary Russia*

National memory

- 67 O. B. LEONTIEVA *The remembering culture. Rev.: Koznova I. E. Stalin-skaya epoha v pamyati krest'yanstva Rossii / Irina Koznova. M. : Politicheskaya enciklopediya, 2016.*
- 72 P. I. TAKHNAEVA *To the question about the failed deportation of the Dagestanis in 1944*

AS IT ACTUALLY WAS

- 96 V. I. TSVIRKUN *The Legend and realities of the transfer of Dimitrie Cantemir's remains from Moscow to Iasi*
- 108 A. A. BOCHAROV *"Rescue me and claim the reward as you like it": was the hero of the Russian fleet A. I. Kazarsky poisoned? (the pages of V. V. Shigin books)*

GENERALIZING STUDIES

- 124 S. L. FIRSOV *The Russian Church in the era of the militant theomachy. Rev.: Polyakov A. G. Viktorianskoe techenie v Russkoi Pravoslavnoi Cerkvi v kontekste cerkovno-gosudarstvennyh otnoshenii. Kirov: «Vesi», 2009. 284 s.*
- 135 V. G. CHENTSOVA *Athos and Russia: after the jubilee. Rev.: Rus' i Afon. K 1000-letiyu prisutstviya russkogo monashestva na Svyatoi gore. Vystavochnyi kompleks Hrama Hrista Spasitelya, 21 sentyabrya – 23 oktyabrya 2016 goda. Katalog. M.: Kuchkovo pole, 2016. 216 s.*
- 146 A. A. NEPOMNYASHCHIY,
A. Q. SEVASTIANOV *Can history justify a political concept? Rev.: Vozgrin V. E. Nemeckie kolonisty i korennoi narod Kryma v nacional'noi politike Rossiiskoi imperii. SPb. : Izd-vo RKhGA, 2015. 416 s.*
- 151 P. V. CHECHENKOV *History of the Nizhny Novgorod region: new editions, old problems*

REVIEWS

The world

- 163 **A.S. STYKALIN** *Rev. : Pervaya mirovaya voina i sud'by narodov Central'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy. Ocherki istorii / Otu. redaktor E. P. Serapionova. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2015. 680 s.*
- 168 **A.A. TESLYA** *Rev.: Klopova M. E. Rusiny, russkie, ukraincy. Nacional'nye dvizheniya vostochnoslavyanskogo nasele-niya Galicii v XIX-nachale XX veka. M.: Indrik, 2016. 280 s.*

The Russian Empire

- 175 **N.S. GUSEV** *Rev. : Nakanune Velikoi voiny: Rossiya i mir / pod red. M. B. Smolina, K. A. Zalesskogo. M.: RISI, 2014. 336 s.*
- 181 **M.V. ZAITCEV** *Rev.: Berar E. Imperiia i gorod: Nikolai II, "Mir iskusstva" i gorodskaiia дума v Sankt-Peterburge. 1894–1914. M. Nekliudovoi. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016.*
- 186 **R.E. KADIKOV** *Review of the monograph by V. P. Sapon "Libertarian socialist Apollon Karelin". Rev.: Sapon V. P. Libertarian Socialist Apollon Karelin. Raleigh, North Carolina, USA: Lulu Press, 2015. 214 p.*
- 195 **N.V. LIPATOVA** *Document – epoch – researcher. A review of the publication of the St. Petersburg Committee of the Bolshevik party reports 1917–1918*
- 207 **M.N. LUK'YANOV** *"The great upheaval" as seen by a right intellectual: Notes in the margin of the Boris Nikolsky. Rev.: Nikol'skii B. V. Dnevnik, 1896 1918 / izd. podgot. D. N. Shilovym, Yu. A. Kuz'minym. V 2 t. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2015. T. 1. 704 s.; T. 2. 656 s.*
- 215 **F.I. MELENT'EV** *"The letters about the journey of the Tsesarevich across Russia from St. Petersburg to Crimea": a brief description of the source and the overview of modern editions*
- 231 **D.I. RUBLEV, P.I. THALEROV** *Has the history of the Russian anarchist press already been written? (a little about the posthumous publication of one book). Rev.: Mendeleev A. G. Pechat' russkikh anarhistov. M.: Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya, 2015. 247 s.*
- 245 **S.M. VOLOSHINA** *Rec.: Makeev M. S. «Nikolai Nekrasov: Poet i Predprinimatel'» (ocherki o vzaimodeistvii literatury i ekonomiki). M.: MAKSPress, 2008. 236 s.*

- 253 **M. V. MEDOVAROV** *The Return of a forgotten thinker. Rev.: Solov'ev A. P. «Soglasit' filosofiyu s pravoslavnoi religiei»: ideinoe nasledie archiepiskopa Nikanora (Brovkovicha) v istorii russkoi mysli XIX – XX vekov. Ufa: Izdatel' Slovohotov A. A., 2015. 440 s.*

USSR

- 260 **S. B. MANYSHEV** *The history of the health system in the times of the Great Patriotic war in the Dagestan modern historiography. Rev.: Kniga pamyati. Dagestanskii medicinskii institut v gody Velikoi Otechestvennoi voiny / Avtory-sostaviteli R. S. Gadzhiev, F. M. Osmanova; glav. red. D. R. Ahmedov. Mahachkala: Izdatel'stvo «Lotos», 2015. 304 s.*
- 272 **A. V. GRINĚV** *Rev.: Vladimirkii M. V. Krasnyi Krym 1919 goda. M.: Izdatel'stvo Olega Pahmutova, 2016. 304 s.*
- 277 **O. L. LEIBOVICH** *“This world was dying...” Rev.: Kazankov A. I. Vremia mestnoe: khroniki provintsial'noi pousednevnosti: monografiia / A. I. Kazankov. Perm': Perm. gos. in-t kul'tury, 2016. 163 s.*

THE HISTORY OF MODERNITY

- 282 **K. A. PAHALYUK** *Rev.: Elohin K. A. Voina flagov na territorii Novorossii v 2014 godu. M.: GAUGN-PRESS, 2016. 267 s., il.*

CONFERENCE

- 290 **B. N. MIRONOV** *The International interdisciplinary conference “Nation and ethnicity in Humanities” as an organizer of a new scientific space*

HISTORIAN'S TIME

- 298 *F. B. Uspensky Interview*
- 311 *V. V. Kondrashin Interview*

SELF-ORGANIZATION OF SCIENCE

- 326 *M. V. Eliferova Interview*
- 330 *A. A. Glukhov Interview: “From the point of view of the university autonomy, the university itself has to decide what structures it want to have”*
- 340 *Requirements for publication of articles and documents*

А. П. Назаретян

ИДЕОЛОГИЯ *VERSUS* ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

Ключевые слова: мегаистория, синергетика, культурная антропология, психология, глобальное прогнозирование

Журнальный вариант главы из книги: *Назаретян А. П.* Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аргмак-Медиа, 2017. Изд-е 4-е, переработанное и дополненное.

В книге приведены независимые расчеты, демонстрирующие, что в XXI в. должен произойти беспрецедентный по значению фазовый переход. Далее, вероятнее всего, либо начнется «нисходящая ветвь» планетарной истории (с перспективой превращения Земли в «нормальную» зону термодинамического равновесия без признаков разумной или биотической активности), либо планетарная фаза эволюции сменится космической. Систематизация универсальных и специфических механизмов эволюции, включая механизм техно-гуманитарного баланса, помогает обсудить условия, от которых зависит выход эволюции на тот или иной аттрактор.

Мы создали цивилизацию «Звездных войн» с инстинктами древнего каменного века, общественными институтами средневековья и технологиями, достойными богов.

Эдвард Уилсон

ПОНЯТИЕ ИДЕОЛОГИИ. ИДЕОЛОГИЯ,
РЕЛИГИЯ И КВАЗИРЕЛИГИИ НОВОГО
ВРЕМЕНИ

Из отношений «мы» и «они» соткана всемирная история.

Б. Ф. Поршнев

Во все времена и во всех весях самыми частыми объектами насилия

оставались родственники и соседи. Это подтверждают и ставшие уже классическими расчеты социологов и криминологов («закон Веркко»), да и библейское: «...Враги человеку домашние его» (Матф. 10: 36), возможно, предупреждает о том же.

Мы видели, что с появлением искусственного оружия инстинктивно не ограниченное насилие по отношению к ближним составило смертельную угрозу для популяции, и сохранение рода *Ното* настоятельно потребовало искусственной регуляции (канализации) агрессии. От палеолита до наших дней антиэнтропийная задача духовной культуры состояла преимущественно в том, чтобы *упорядочивать* социальное насилие, по мере возможности предотвращать его хаотические формы, а самое древнее, примитивное и распространенное средство решения задачи — перенацеливание агрессии на внешний (по отношению к данному социуму) мир. Для минимизации убийств внутри рода регулярно продуцировались символы принадлежности, переросшие через сотни тысяч лет в конкурирующие и сменяющие друг друга *идеологии*, которые обеспечивали деление людей на «своих» и «чужих».

Термин «идеология» вошел в язык Нового времени с легкой руки французских философов-материалистов и биологов конца XVIII в.: А. де Тресси и группа его единомышленников (Э. де Кондильяк, П. Кабанис) назвали так особую науку о биологических основах мышления. Их попытка разработать такую науку оказалась крайне неудачной, а пришедший вскоре к власти Наполеон Бонапарт использовал это понятие как штамп для развенчания бесплодных политических спекуляций.

В последующем идеологиями стали называть заведомо ложные со-

циальные теории, выражающие интересы какой-либо большой группы (прежде всего нации), противопоставленные интересам других групп; в этом значении термин применяли, в частности, К. Маркс и Ф. Энгельс. С обострением классовых конфликтов в Европе заговорили о «классовых идеологиях». В России Г. В. Плеханов, а за ним В. И. Ленин использовали парадоксальное словосочетание «научная идеология», имея в виду, что исторические интересы пролетариата состоят в ликвидации классовых различий, а потому совпадают с общечеловеческими и опираются на «объективную истину».

Поскольку выражение «научная (или истинная) идеология» вышло из моды, данный термин далее используется в традиционном значении — как рационализация групповых политических интересов.

Идеология — это негэнтропийный механизм объединения людей в большие группы путем противопоставления другим людям по признаку приверженности определенному набору сакральных символов. Символы конструируются посредством мифологизации реальных или вымышленных событий, персонажей, речевых фигур, зрительных образов, наделяемых мистическими свойствами и смыслами. Практика последних столетий демонстрирует, что при наличии соответствующей психологической установки процедуре мифологизации могут быть подвергнуты любые конструкты: сакральными маркерами способны служить не только «нация»,

«класс», «партия», но и такие категории, как «материализм», «атеизм», «демократия», «рынок» и т. д.

В данном отношении понятие идеологии является родовым по отношению к понятию *религии*. Более или менее акцентированное ядро всякой идеологии составляет объединение единоверцев совместным отвержением неверных, а неизменным спутником идеологического мировосприятия остается реальная или потенциальная война. Чем темпераментнее проповеваются солидарность и любовь между «своими», тем более отчетливо выражено неприятие «чужих». Классовая ненависть, которую большевики считали критерием «пролетарского сознания», имела прозрачную предысторию. Те, кто ее требовал, и те, от кого она требовалась, были воспитаны на текстах Евангелия: «...Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер... тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14: 16).

При этом религиозные идеологии недвусмысленно возводят источник сакральности к потустороннему началу, в конечном счете — к сверхъестественным антропоморфным Авторитетам, чья непререкаемая воля представлена в дольном мире чудесами и откровениями. Прочие же — квазирелигиозные — идеологии используют представления о сверхъестественном скрытно: путем конструирования коллективного тотема, священных образов Вождей, воспроизводства мистических фигур (типа Троицы), подстраивания новых массовых ритуа-

лов и сакральных празднеств под даты, узаконенные вытесняемой религией, подмены культовых сооружений и святынь.

Полнее всего набор приемов массового квазирелигиозного мировоззрения был задействован коммунистической идеологией (*Силвади* 1994). В России еще при жизни Ленина были распечатаны десятки миллионов его портретов с целью заменить ими иконы в крестьянских избах. Под значимые православные даты подверстывались советские праздники: Новый год (Рождество), Первомай (Пасха). Продемонстрировать окончательное торжество пролетарской Истины над лживым христианским учением был призван неудавшийся проект строительства грандиозного Дворца Советов на месте разрушенного Храма Христа Спасителя.

В 1950–1960-х гг. Н. С. Хрущев посмел покуситься на образ И. В. Сталина только благодаря тому, что четвертый символ в коммунистическом иконостасе (Маркс — Энгельс — Ленин — Сталин) диссонировал с триединством Вождей, мастерски имитирующим сакральную Троицу. Отец народов был гениальным мастером пропаганды (или, как теперь сказали бы, *PR*), но даже ему отказало чутье. Додумайся Сталин в последние годы жизни без шума отсечь имя и портрет Энгельса (тогда это уже можно было сделать без опаски) — и сакральная фигура «Маркс — Ленин — Сталин» могла быть разрушена только вместе с коммунистическим мировоззрением.

Ментальная матрица «они — мы» исторически эволюционировала вместе со всей духовной культурой: на переломных этапах истории совершенствование культурных регуляторов, обеспечивавшее восстановление техно-гуманитарного баланса, расширяло групповую идентификацию. Типичная для палеолита племенная вражда сменилась межплеменными объединениями (вождествами) неолита, в бронзовом веке некоторые вождества дальнейшими захватами образовали города и полиэтничные, но враждебные друг другу государства, «мировые религии» распространили солидарность и конфронтации между людьми до конфессионального масштаба и т.д. Иерархический порядок социального насилия временно разрушался и восстанавливался, обеспечивая устойчивость региональных систем.

Большие группы как активные социальные субъекты, объединенные общими интересами, во все времена создавались и сохранялись приверженцами крайних настроений. Согласно этнографическим наблюдениям, устойчивость первобытных племен и племенных объединений обеспечивалась взаимной неприязнью: источником всех бед считались действия соседей или их шаманов, а старейшины регулярно сраивали между собой молодежь, поддерживая тем самым собственную власть (Токарев 2011; Поршнев 1966; Бочаров 2001а, б). Религии создавались фанатиками, утверждались и распространялись огнем и мечом и поддерживались межконфессиональными конфликтами. Формирование на-

ций в XVIII–XX вв. инициировали конфронтационно настроенные интеллектуалы («националисты»), самозабвенно внедрявшие в массы «национальное самосознание», а превращение пролетариата из «класса для других» в «класс для себя» (по выражению Маркса) — заслуга профсоюзных экстремистов, активно разжигавших в народе настроения классового антагонизма.

Добавим, что псы-рыцари, героически отстаивающие сплоченность группы перед лицом враждебного окружения, продолжают действовать и тогда, когда сама группа фактически перестала существовать. В 1980-х гг. некоторые советские и особенно зарубежные коммунистические лидеры с пеной у рта доказывали необходимость «диктатуры пролетариата», протестуя против «ревизионистских» доводов о том, что промышленный пролетариат — протагонист классовых теорий — остается в прошлом. Провозвестники несостоявшихся «наций» (в России это были, например, казаки, сибиряки и т.д.) продолжали рисковать карьерой и личной свободой и тогда, когда в массе угасали проблески регионального самосознания...

В XXI в. развитие технологий поставило перед человечеством качественно новую задачу — *устранить* физическое насилие из социального бытия, — которая не решается идеологическими средствами. По закону *отсроченной дисфункции*, негэнтропийный механизм религиозных и квазирелигиозных идеологий, тысячелетиями выполнявший стабилизирующую роль, становит-

ся контрпродуктивным и саморазрушительным. Новейшие информационные технологии способствуют ограничению физического насилия методом виртуализации, однако решающим фактором может стать только радикальное изменение в содержании и структуре интеллектуальной картины мира.

**ОТСРОЧЕННАЯ ДИСФУНКЦИЯ:
ГРУППОВОЕ СОЗНАНИЕ ОБОРАЧИВАЕТСЯ
ГЛОБАЛЬНОЙ УГРОЗОЙ**

Именно насилие составляет сердцевину и тайную душу священного.

Рене Жерар

Я человек по природе и француз по прихоти обстоятельств.

Шарль Луи Монтескье

От человечества через нации – к скотству.

Франц Грильпарцер

В 1950–1960-х гг. многие адепты и даже ненавистники пролетарской идеологии усматривали в глобальных политических тенденциях признаки ее неудержимого распространения. В 1964 г. раздалось грустное признание: «Тоталитарный коммунизм непобедим, история необратима» (цит. по (Кацура 2000: 260)). Еще раньше прозвучало отчаянное признание сенатора-ястреба Б. Голдуотера, что лучше погубить человечество, чем отдать его в руки коммунистов, а среди коммунистов была популярна предложенная кем-то дефиниция: «Фашизм есть осознание буржуазией неизбежности диктатуры пролетариата». Спецслужбы США, чьи агенты теперь фанатич-

но добиваются тождества демократических процедур во всем мире американской традиции, поддерживали жесточайшие диктаторские режимы в Центральной и Южной Америке, Азии, Африке и Европе при единственном условии – чтобы блокировалось проникновение коммунистических настроений.

К концу 1980-х гг. идея международной пролетарской солидарности, классовой ненависти и всемирной диктатуры, недавно столь «пассионарная», способная накачивать массы мотивационной энергетикой, сама напоминала сдутую камеру. Не исключено, что через пару десятилетий в таком же положении окажутся набравшие сегодня силу религиозный и национальный фундаментализм – об их нынешнем «ренессансе» будут помнить лишь эрудированные историки да разочарованные эпигоны, – а с ними уйдет в прошлое и фанатизм американской демократии. Во всяком случае, это одно из слагаемых оптимального (сохраняющего) сценария, альтернативу которому составляет дальнейшее обострение идеологических конфронтаций, грозящее планетарным обвалом...

В осевое время, когда обозначилось расхождение между мифологическим и критическим мышлением, начали формироваться идеи общечеловеческого единства, однако, как мы видели, философские учения, отвергавшие групповую конфронтацию, были вытеснены на периферию духовной культуры в качестве *избыточного разнообразия*. В различных исторических эпохах и в различных культурных регионах

их роль временно возростала, однако каждый раз они не выдерживали конкуренцию с новыми идеологиями группового размежевания. Уже во второй половине XX в. предельно обнажившаяся угроза глобальной катастрофы потребовала свободных от конфронтации межгосударственных и межклассовых коалиций, образование которых спасло цивилизацию. Но с окончанием холодной войны и концепция «общечеловеческих ценностей», и концепция «экологической безопасности» стали обрастать идеологическими акцентами, обернувшись в ряде случаев инструментом экономического, политического и военного давления. Со своей стороны, в качестве протеста против вестернизации, пыльным цветом расцвели «цивилизационные» теории, под сенью которых и реанимируются все формы фундаментализма (см. об этом (Зверева 2003; Шнирельман 2003; Алаев 2008)).

Поскольку до недавнего времени идеологии, равно как и войны, оставались необходимыми факторами исторического существования и развития, постольку востребованными становились те религиозные учения, которые обеспечивали идейную мотивировку межгрупповой вражды. Ранние христиане, хотя ненавидели «язычников», разрушали античные храмы, разбивали камнями статуи, убивали философов и громили рынки («изгнание менял из Храма»), но считали использование боевого оружия грехом. Начав же смыкаться с властными структурами, они первым делом разработали концепцию священных войн, и Августин нашел доста-

точно оснований для этого в библейских текстах (равно как в концепциях «справедливой войны» римских и греческих философов).

С тех пор «никогда Церковь не осуждала все виды войн» (Контамин 2001: 311), зато пацифистов не раз объявляла еретиками (ср. (Брок 2000)). Религиозные иерархи активно использовали перенос агрессии на общего врага — единственный эффективный прием в матрице «они — мы» — и так пресекали нежелательные войны, освящая все прочие. Здесь они не придумали ничего качественно нового по сравнению со старейшинами первобытных племен, которые укрепляют свою власть, поощряя межплеменные конфликты и так переадресуя молодежную агрессию. Когда же какая-либо идеология (религиозная или квазирелигиозная) охватывала своим влиянием обширные территории, она расчленялась на враждебные ереси и секты с еще более злобной взаимной ненавистью.

Парадокс, состоящий в том, что малые различия провоцируют более интенсивную неприязнь, чем различия фундаментальные, хорошо известен психологам (Лоренц 2008). Авторитарное сознание легко и органично уживается с противоположностями (типа «Бог — Дьявол»), которые для него логически необходимы и психологически комфортны. Гораздо тяжелее переживаются оттенки и полутона: вызывая когнитивный диссонанс, эмоциональный дискомфорт и отторжение, они немедленно возводятся в предмет бескомпромиссной конфронтации.

Социологи религии отмечали, что по-настоящему верующий человек (не ряженный и не ангажированный «политический модератор») не может оставаться терпимым к конкурирующей Истине: «чужой» бог, пророк или «чужое» откровение вызывают утробную агрессию (Berger 1967; Liebman 1983; Baumeister 1991). Это превращенное выражение атавистической, доставшейся нам в наследство от первобытных предков ненависти к двойнику – конкуренту за экологическую нишу – со всей отчетливостью прослеживается как в религиозных, так и в квазирелигиозных идеологиях.

Оттого разборки между приверженцами родственных учений характеризуются особенной свирепостью, гражданские войны более жестоки, чем войны международные, а триумф вооруженных бунтов и революций в той или иной стране с удивительной регулярностью превращал недавних соратников в смертельных врагов. «Революция, как Хронос, пожирает своих детей» – летучая фраза, якобы произнесенная Ж. Дантоном перед казнью. Писатель-эмигрант, современник Октябрьской революции М. Алданов заметил, что если бы русские большевики ненавидели буржуазию так же сильно, как они ненавидят друг друга, то капитализму во всем мире действительно пришел бы конец. В начале 1930-х гг. бескомпромиссный конфликт (вплоть до уличных баталий) между влиятельными левыми партиями Германии открыл А. Гитлеру дорогу к власти: вожди Коммунистического Интернационала декларировали, что социал-демократы представляют бóльшую

угрозу для мировой революции, чем нацисты. А в 1960–1980-е гг. множившиеся расколы между национальными компартиями и внутри каждой из них выглядели пародией на историю христианства...

В истории едва ли не всех религий были периоды и учения, сглаживавшие бого-дьявольскую контрверзу (Фромм 1992), и были великие проповедники, стремившиеся притупить межгрупповую вражду (Честертон 1990). Однако социально-политическая реальность подстраивала под себя самые благие намерения, которые вновь и вновь мостили дорогу к войне.

Ветхий Завет предрекает время, когда люди перекуют «мечи свои на орала, и копыя свои – на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Ис 2: 2, 4). Но это случится после прихода Мессии, когда все враги иудеев будут повержены. Пока же: «...Приготовьтесь к войне, возбуждите храбрых; пусть выступят, поднимутся все ратоборцы. Перекуйте орала ваши на мечи и серпы ваши на копыя» (Ио. 3: 9, 10). Войны с другими народами были угодны Всевышнему, ибо совершались для того, чтобы те «истреблены были так, как повелел Господь Моисею» (Нав. 11: 20).

О том, как Десять заповедей сочетаются со смакованием жесточайших массовых убийств, написаны горы литературы. Душераздирающие сцены (одобряемого) насилия переполняют Ветхий Завет настолько, что непредвзятому читателю

он видится настоящим «нравственным кошмаром» (Докинз 2008: 353). Самокритичное настроение иудейских пророков осевого времени положило начало решающему прорыву в развитии человеческой мысли. Но чтобы пронести свою идентичность сквозь тысячелетия, «богоизбранный народ» нуждался в бескомпромиссных религиозных консерваторах. Спросив у приятелей в Тель-Авиве, почему граждане Израиля терпят странных персонажей типа хасидов, которые ведут себя на улице вызывающе, откровенно презирают всех прочих («ненастоящих») евреев и т. д., мы получили ясный ответ: «Большинство израильтян их терпеть не могут, но все мы понимаем, что без этих людей наша нация не сохранилась бы». Действительно, без фанатиков и экстремистов большие группы не образуются и не сохраняются...

В отношении к войне христианства «исследователи традиционно выделяют два периода: до Константина (т. е. до завоевания христианами власти в Римской империи. — А.Н.) и после» (Шалимов 2000: 32). О. А. Шалимов считает такой взгляд крайне упрощенным, предпочитая говорить о «двух традициях». Легко заметить, что подчас обе традиции воплощались в одном лице и в одном учении. Сочетание призывов к любви с апелляциями к мечу, ненависти и мести в речах самого Христа мы иллюстрировали цитатами, число которых легко умножить. Характерно в этом плане учение Блаженного Августина: создатель христианской теории справедливых войн в споре со своими прежними единоверцами манихеями доказы-

вал, что зло не имеет субъектного источника — оно есть просто сфера исконного хаоса, куда божественная сила добра пока не проникла (Уколова 1992).

Обе традиции прослеживаются и в исламской мысли. В самом Коране различают Мекканские и Мединские аяты. Божественные откровения, полученные Мухаммедом в Мекке, значительно миролюбивее тех, что изложены в Медине и уже четко ориентированы на войну против неверных; при этом мусульманские богословы разработали «принцип упразднения», согласно которому позднейшие тексты имеют преимущество перед ранними (Большаков 2000; Докинз 2008). Именно в Медине объявлено требование бить «не уверовавших» мечом по шее. К началу II тысячелетия арабская философия содержала образцы гуманистического мировоззрения, и из нее затем выкристаллизовались идеи европейского Возрождения. Но по мере того как ислам терял лидирующие позиции и приверженные ему народы оставались на периферии европейского (христианского и прежде всего протестантского) мира, коллективные психологические комплексы усиливали агрессивный элемент. К концу XX в. множившиеся секты и организации с крайне воинственными установками превратили исламскую идеологию в опаснейший источник политического террора. Как отмечает исследователь исламской религии П. Сукхдео, Коран, подобно прочим священным книгам, содержит «выбор на все случаи жизни. Если ты хочешь мира, то найдешь стихи, призывающие к миру. Если

стремишься к войне — отыщешь агрессивные» (цит. по (Доккинз 2008: 430)).

Причудливое переплетение идей групповой враждебности и солидарности фиксируется и за рамками авраамических религий. В буддизме понятия добра и зла не поляризованы, являя собой ипостаси бытия (*сансары*), а ненасилие (*ахимса*) изначально считалось величайшей доблестью — как, впрочем, и во многих других религиозных учениях. И в отношении к иноверцам «идеология буддизма ничем не отличается от исламской идеологии, разделяющей весь мир на правоверных (область мира) и неверных (область войны)» (Корнев 1987: 186). Принято считать, что в III в. до н.э. знакомство с буддизмом побудило императора Ашоку прекратить кровавые завоевания. Однако в последующей истории «зафиксировано множество случаев, когда агрессия оправдывалась религиозными целями» (Корнев 1987: 186). Некоторые авторы указывают на симпатии к буддизму Чингисхана и его преемников. И в целом выясняется, что тотальный буддийский пацифизм — не более чем миф, созданный западными либералами (Агаджанян 2007; Stockwell 2007). Э. Уилсон, приведя яркие эпизоды из истории Южной и Юго-Восточной Азии, заключает: «Везде, где буддизм становился официальной идеологией... государственная политика не только допускала, но и поощряла войну» (Уилсон 2014: 85).

Иногда прибежищем относительной веротерпимости считают весь самый сложный мировоззренческий

клубок, объединяемый понятием «индуизм»: многообразные «пути» к божественному не отрицают и не исключают друг друга. Вместе с тем в этой религии находятся основания не только для человеческих жертвоприношений или традиции *саму (suti; suttee)* — самосожжения и убийства родственниками вдов, — но и вообще для «превращения смерти человека в весьма тривиальный инцидент» (Каневский 1998: 305). Исследователи также отмечают, что с обострением конфессиональной конкуренции индуизм консолидируется в противоборстве с иноверцами (Клюев 2002). Махатма Ганди смог со всей эффективностью использовать впечатление, произведенное на сентиментальных европейцев приемами ненасильственного сопротивления, но не меньше впечатлили мир в XX в. кровавые столкновения индуистов с мусульманами в Индии или с буддистами в Шри-Ланке...

Идеологии и войны отвечают не только потребностям общества, но также глубинным функциональным потребностям человека, чем в не меньшей степени определяется их воспроизводство. Психологи, изучающие возможность устранения насилия из жизни общества (Лоренц 2008; Рапопорт 1993; Мэй 2001; Одергон 2008 и др.), пишут о том, что многие духовные потребности легче всего удовлетворяются в религиозном или квазирелигиозном контексте, особенно при обострении межгрупповых конфликтов. Аффiliation (принадлежность группе) и чувство защищенности, сочувствие и самопожертвование, преодоление,

жажда служения и смысла жизни часто толкают массы людей в объятия самых агрессивных идеологов и политиков, и все это превращает войну в трудно заменимый генератор смыслов. Бессознательное стремление к острым амбивалентным переживаниям, возбуждаемым в атмосфере вооруженного конфликта, настолько глубоко вплетено в эмоциональную ткань, что все формы замещающей активности, созданные культурой (искусство, ритуалы, спорт), до сих пор могли лишь временно тормозить его актуализацию. Рано или поздно усиливается тяга к страстям «не понарошку», и люди ищут пути их «рационализации».

Такие моменты в колебательной динамике массовых настроений — золотое время для идеологов. Они по себе чувствуют, что инерция мифологического мировосприятия не искоренена тысячелетиями развития цивилизации. Бремя индивидуальной ответственности тяжело, и взрослому человеку комфортно ощущать себя под опекой всемогущего и всеведущего Хозяина (или Отца), готового сурово покарать, а в конце концов приласкать и вывести на истинный путь. Благостное чувство зависимости от Авторитета составляет эмоциональную подоплеку инфантильно-рабского ума, что демонстрируют как жизненные наблюдения, так и специальные психологические исследования.

Младенец с первых дней жизни усваивает зависимость между удовлетворением его потребностей и действиями взрослых (Lewis 1957) и привыкает к тому, что всякое со-

бытие обусловлено действиями взрослых, а собственная его жизнеспособность и благополучие зависят от опеки всемогущих родителей (воспитателей) и от умения соответствовать их требованиям. Растущий ребенок переносит эту логику отношений на мироздание и, начав задавать вопросы, «чаще стремится выяснить творца, нежели причину событий» (Валк 1985: 62). Так он воспроизводит анимистическое мышление первобытных предков (*социогенетический закон*), которое с возрастом закрепляется, воплощаясь в различных формах религиозного мировосприятия. Стихийная телеология, затрудняющая восприятие научного знания «бывшим ребенком», составляет когнитивный источник религиозной установки (Bloom, Weisberg 2007).

Другой ее источник — эмоциональный: страдания, искони сопровождавшие человеческое бытие, переносятся значительно легче, если удастся найти повод для фиксации на собственной «виновности». В этом отношении особенно комфортна христианская вера, усматривающая вину уже в самом факте греховного зачатия. Спасительное для душевного равновесия чувство вины перестраивало палитру эмоциональных переживаний и обеспечивало мощнейший механизм психологической защиты средневекового европейца, жизнь которого переполнена физической болью, смертью и повседневными угрозами.

Здесь мы возвращаемся к тому, что контекст *нормативного мазохизма* чрезвычайно важен для религиоз-

ного сознания. Неискоренная вина, покаяние и искупление, самозабвенная любовь к источнику боли (ведь не кто иной, как Господь очищает болью душу!) помогают страдающему человеку выдерживать жизненные невзгоды, придавая мучениям оттенок блаженства — «сладкая мка». Так проявляется уже знакомый нам защитный механизм *идентификации с агрессором* (А. Фрейд). Как узники концлагеря влюблялись в эсэсовцев, а заложники влюбляются в террористов и солидаризируются с ними, так верующий человек обожанием защищает свою эмоциональную жизнь от нынешних и будущих страданий. Совсем не случайно то, что многие шедевры мирового искусства и архитектуры созданы в блаженном экстазе самоуничтожения. Поскольку же изощренный механизм личностной защиты обеспечивал психическую и социальную устойчивость, постольку для своего времени это была *здоровая* логика и *здоровое* мироощущение.

По наблюдениям клиницистов, нынешние психические расстройства часто воспроизводят норму предыдущих культурно-исторических эпох. Так в очередной раз проявляется *закон отсроченной дисфункции*, который добавляет существенный штрих в дискуссию между специалистами по эволюционной этике о том, являются религии адаптивным механизмом или своего рода «вирусом», поразившим человеческое сознание (Boyer 2008; Norenzayan, Shariff 2008; Марков 2009). В полном согласии с синергетической моделью, прежнее средство психической и социальной адаптации на но-

вом этапе исторического развития оборачивается дисфункциональными эффектами.

В этом — одна из драматических коллизий нашей эпохи. Гуманитарное уравнивание быстро развивающихся технологий настоятельно требует освобождения разума от религиозно-идеологических пут — ибо в противном случае его носитель обречен, — но без таких пут человек чувствует себя неудобно. Приходится предположить, что в обозримом будущем либо человеческий (постчеловеческий? человеко-машинный?) разум перерастет инерцию идеологического мировосприятия, либо гремучая смесь мистического порыва со смертоносной рациональностью новейшего оружия взорвет здание цивилизации.

Не может стать космически значимым разум, идентифицирующий себя как христианский, мусульманский, иудейский, буддийский или индуистский, как пролетарский или буржуазный, как русский, французский, китайский, американский или зимбабвийский. Такой разум неизбежно увязнет во внутренних разборках, погребя своего носителя под обломками неукротенной технологической мощи. Универсальность доступна только разуму в высокой степени индивидуальному, а потому космополитическому.

Оптимистически оценивая перспективу становления такого разума, Ф. Бродель писал в 1963 г., что историческая стадия множественных цивилизаций завершается и человечество переходит в «стадию

единой цивилизации, способной распространиться на всю Вселенную» (Бродель 2008: 38). Не поторопился ли знаменитый историк?..

ТЕСТ НА ЗРЕЛОСТЬ И «МОЛЧАНИЕ КОСМОСА». ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР ПЛАНЕТАРНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ?

Идею о том, что... разум может распространиться по всей Вселенной, физики рассматривают серьезно.

Митио Каку

*Ах, Земля-Земля, родимый мой,
непознанный,
Неопознанный, живой еще
объект!*

Р. И. Рождественский

Здесь возникают новые вопросы, от ответов на которые во многом зависит оценка глобальных перспектив.

Прежде всего: *возможны ли в принципе стратегические смыслы жизни в последовательно светском контексте?* Приняв, что в «этой» Вселенной смыслообразование в конечном счете непременно замыкается на (квази)религиозную установку по логике априорных идей или врожденных гештальтов (а помимо такой установки жизненные смыслы разрушаются), мы вынуждены вернуться к худшему из прогнозов, представленных в предыдущем разделе. А именно: есть некоторый предел технологического развития, достигнув которого, всякая планетарная цивилизация самоуничтожается, и эволюция на Земле вплотную приблизилась к этому пределу.

Тогда следует признать, что диапазон саморегуляции действительно несоразмерен возможностям внешнего управления и превращение интеллекта в космический фактор, допустимое с точки зрения физики, синергетики и эвристики, запрещено законами культурной антропологии и социальной психологии.

Если правда, что вне группового тотема разум безнадежно теряет опорные смыслы и что семантические единицы на самом деле принципиально не поддаются «распаковке», то все наши эвристические экзерсисы ничего не добавили по существу к сценариям классического натурализма. Мы просто возвращаемся к тому, что жизнь, культура и сознание суть побочные эффекты определенной стадии развития физической Вселенной, которым в принципе не суждено играть в ней какую-либо активную роль, долгосрочные перспективы исчерпывающе описываются известными законами физики и вся человеческая история есть лишь местечковый «фарс». Тогда самое банальное объяснение получает и «молчание Космоса», или так называемый *парадокс Ферми*: «Где они?»

Парадокс, сформулированный еще в 1950-х гг., становится теоретически все более напряженным. При нынешнем техническом оснащении астрономы фиксируют по две новые экзопланеты в неделю. Обнаружено несколько планет, схожих с Землей по объективным параметрам, но следов разумной активности засечь не удастся. Это долго объясняли несовершенством техники, методов или направления

поиска, но в последнее время укрепляется иное соображение: сколь ни мизерна вероятность спонтанного образования живой клетки, вероятность того, что простейшая жизнь дорастет до космически релевантного разума, на много порядков ниже или вовсе равна нулю.

В терминах антропного космологического принципа это означает, что эволюция на Земле приблизилась к пределу сложности, допустимой фундаментальными константами «нашей» Вселенной. Их сочетание, обеспечившее образование жизни, культуры и рефлексирующего разума, обусловило и наличие «априорных идей» — внутренне замкнутых и далее неделимых единиц (атомов? фракталов? семов?), ограничивающих свободу конструирования смыслового поля. Таким образом, наш «второй ключевой вопрос» решается отрицательно: сознание — космологически *не* фундаментальный феномен, поскольку космическая перспектива разумной деятельности блокируется ограниченными возможностями самоконтроля.

К счастью, данные общей и социальной психологии не позволяют считать такое решение вопроса окончательным, хотя и оставляют пока многое неясным.

В науке XX в. самыми убежденными приверженцами кантовского учения об априорных идеях были генеративные лингвисты и гештальт-психологи. Приведены обильные доказательства того, что конструирование перцептивного поля и мыслительные процедуры

предопределены грамматическими универсалиями, прямолинейными геометрическими образами, силлогистическими фигурами и т. д.

Вместе с тем методология «глубокой реконструкции» в историческом языкознании подвергается обстоятельной критике (Campbell 2004). А исследования А. Р. Лурии (1974) и его учеников в Средней Азии еще в 1930-х гг. и затем его американских последователей в Африке (Коул, Скрибнер 1977) дали основания полагать, что вывод об универсальных гештальтах построен на недостаточно представительной выборке испытуемых. Выяснилось, что взрослые люди, не получившие европейского образования (в отличие от университетских студентов и преподавателей, с которыми экспериментировали гештальт-психологи), не обнаруживают ни врожденных образов геометрических фигур, ни инстинктивного чувства силлогизма и т. д. В таком случае и предположение об априорной замкнутости стратегического смыслообразования на (квази)религиозные конструкты может оказаться преждевременным: речь идет лишь о мощной исторической инерции, которая в принципе преодолима.

Если мы решимся положительно ответить на вопрос о принципиальной возможности стратегического смыслообразования вне (квази)религиозного контекста и вспомним о системном «принципе имплементации», то налицо очевидный парадокс: *все* «постсингулярные» сценарии должны осуществиться. Так опять вырисовывается множественность очагов прогрессивного

развития в Метагалактике, в которых реализуется многообразие сценариев на каждой переломной фазе.

Планеты, на которых эволюционный процесс не прервался, не «завис» и приблизился к фазе Вертикали, вынуждены пройти очередной тест на удержание техно-гуманитарного баланса. Логично полагать, что на этой стадии *универсального естественного отбора* именно способность сознания, освободившегося от идеологических зависимостей, освоить стратегические смыслы служит условием образования *космически релевантного* интеллекта. Большинство планетарных цивилизаций остаются «расходным материалом» метагалактической эволюции, разрушившись под грузом дисфункциональных эффектов своей технологической активности и так обеспечив необходимый системе опыт тупиковых стратегий, и очень немногие (может быть, только одна) выходят на космические рубежи прогресса (Назаретян 1991). Тогда «молчание Космоса» может свидетельствовать о том, что либо ни в одной области Вселенной пока не достигнут сопоставимый с Землей уровень развития, либо ни одна из развившихся ранее цивилизаций не выдержала *тест на зрелость*, т. е. на светское (критическое) смыслообразование.

Отсюда наш следующий вопрос: *успеет ли земная цивилизация достигнуть интеллектуального совершенствования прежде, чем сползание к пропасти станет необратимым?*

Повод для надежды дает то обстоятельство, что элементы последо-

вательно светского и критического мировоззрения накапливались в мировой философской мысли на протяжении двух с половиной тысяч лет. Уже не раз обращалось внимание на такие элементы в учениях античных и китайских философов у истоков осевого времени, арабских зиндиков X в., гуманистов Возрождения, Прогрессистов и Просветителей Нового времени, материалистов пантеистического направления, агностиков и скептиков.

Великие мыслители, отвечая на запросы своих эпох, искали основания нравственности, свободной от потусторонних санкций, опорные линии жизнедеятельности, выводящие за рамки индивидуального существования без апелляции к служению небесным повелителям или коллективному тотему, духовности без мистики и солидарности без конфронтации. Идеи, не оцененные по достоинству большинством современников, теперь становятся по-настоящему востребованными историей, и их «избыточное разнообразие» могло бы составить каркас планетарного миропонимания.

Материальным фактором расшатывания идеологических установок становится широкое распространение компьютерных сетей с параллельным совершенствованием механизмов и языков представления информации. Под их влиянием линейное («книжное») мышление сменяется мышлением «мозаичным» и паллиативным. Разумеется, мозаичное мышление, формируемое современными средствами коммуникации, ни в коем случае не тожде-

ственно мышлению критическому. И все же их роднит отторжение догматических схем, характерных для мифа. Поэтому «мозаизация» дает дополнительный импульс развитию критического мышления, способности к скепсису, самоиронии и компромиссу. Что со средствами передачи информации совершенствуются и приемы манипуляции сознанием — не новость. Но это обстоятельство не должно обескураживать, поскольку в эволюционной динамике «хищник — жертва» вместе с контрсуггестивным иммунитетом растет качество индивидуального и общественного сознания.

В социально-организационном плане развитие компьютерных сетей размывает границы государств, конфессий и региональных «цивилизаций»: распределение индивидуальных контактов все менее определяется географическим фактором, подобно тому, как в мегаполисе с хорошо налаженной телефонной связью конфигурация контактов слабо зависит от района проживания. «Конец географии» может получить дополнительный стимул с развитием специальных языков автоматического перевода, позволяющих понимать текст на любом национальном языке. Вероятно, будет совершенствоваться сенсорное включение в контакты: кроме зрительного и слухового, удастся задействовать обонятельный, осязательный и прочие каналы.

Унификация культур, норм поведения и политических отношений сопровождается также рядом экономических, политических и технологических тенденций. В конце XX в.

было замечено, что децентрализация и регионализация власти, образование хозяйственных блоков, объединяющих области разных стран, ведут к образованию «многосторонних сетей с изменчивой геометрией обязательств, ответственности, союзов и субординации» (Кастельс 2000: 508). Смещение удельного веса товарной стоимости (равно, впрочем, как разрушительного действия оружия) с вещественной и энергетической к информационной составляющей превратит в анахронизм традиционные формы государственных границ, таможен и армий. Процессы федерализации с последующей конфедерализацией оставят в прошлом национальные государства, этнические и конфессиональные анклавов (Назаретян 1991). Наконец, продвинутые версии интерфейса мозг-компьютер сделают информационное пространство земного шара настолько плотным и прозрачным, а технологии производства настолько обесценят генетическую принадлежность, что самоидентификация с отдельным родом лишится последнего основания — личность сможет окончательно почувствовать себя носителем общечеловеческой и даже космической истории...

Обсуждая перспективу размывания макрогрупповой идентичности, можно наблюдать забавный казус. Фундаменталисты любого толка, по самому характеру своего мировоззрения, ненавидят разнообразие, но наиболее грамотные из них, следуя духу времени, стали прибегать к тезисам о сохраняющей силе разнообразия и самооценности каждой культуры. Конечно, эта тема

не оставляет равнодушными и глобалистов: «Будут ли когда-нибудь отмирать национальные культуры? И если им предназначено отмереть, увидим ли мы, наконец, образ хорошего общества? Или это будет новый ад роботизированного однообразия?» (Валлерстайн 2001: 147).

Принципиальный ответ на вопросы такого рода дает синергетическая модель и конкретно — закон иерархических компенсаций, раскрывающий эволюционную динамику разнообразных параметров в сложной системе. Согласно этому закону, рост разнообразия на верхнем уровне иерархической структуры обеспечивается ограничением разнообразия на несущих уровнях.

В настоящем случае нижним, несущим уровнем становятся *макрогрупповые* культуры — «великие разлучницы» и факторы *псевдовидообразования* (Melotti 1985; Dennen 1999), постоянно подпитывающие идеологическую конфронтацию. Унификация базовых ценностей и норм поведения создает предпосылку для растущего разнообразия *микрогрупповых* культур, построенных на общности профессиональных интересов, увлечений, личных воспоминаний и т. д. и к тому же свободных от пространственной локализации. Последние составляют эволюционно высший ранг в структурной иерархии, поскольку формируются в неконфронтационной логике, остаются открытыми, легко переплетаются и не нуждаются в идеологической склейке.

Соответственно, социально-психологическим коррелятом социокуль-

турного разнообразия становится *терпимость к малым различиям*, дополняющая *нетерпимость к принципиальным различиям*. В последнем случае протест вызывает не привычная внешность или странные идеи, а чуждое данной культуре поведение — например, убийство людей или животных, пренебрежение к гигиене, грубое насилие в семье и т. д. — то, что ранее мы обозначили как *конфликт исторических эпох*.

На каждом этапе одни параметры терпимости/нетерпимости сменялись другими, равно как, по закону иерархических компенсаций, сменяли друг друга параметры социального разнообразия. Вектор ограничения физического насилия предполагает растущую способность к компромиссу и вместе с тем — готовность пресекать неприемлемые отклонения от принятой нормы отклонений.

Поясним сказанное характерными примерами из культурной антропологии. Английская колониальная администрация в Индии обнаружила, что в группе племен существуют жертвенные рабы (так называемые *мерия*). Их выращивали, как скот, на закление, и при определенных празднествах, накрепко привязав к жертвенному столбу, предавали жесточайшим физическим пыткам; считалось, что чем сильнее предсмертные муки и стенания жертвы, тем больше удачи это принесет племени. Племена, в которых такого обычая не существовало, безразлично (терпимо) относились к жертвоприношениям соседей. Англичане же, узнав о кровавых оргиях, сочли

своим долгом их пресечь, чем вызвали очередную вспышку активной ненависти к себе, а расчет на то, что благодарные *мерия*, спасенные от страшной участи, станут союзниками и помощниками колонизаторов, не оправдался (*Шапошникова* 1968; *Каневский* 1998). С еще большими трудностями были сопряжены попытки уничтожить страшную традицию самоубийства и убийства вдов и т. д.

В Австралии ученые и правозащитники дискутировали о том, правомочны ли европейские переселенцы пресекать традиционное людоедство, распространенное среди аборигенов. Решающим импульсом стала эпидемия специфической «болезни *куру*» в конце 1950-х гг.: смертоносный вирус, передающийся через человеческое мясо (особенно мозговое вещество), грозил полностью уничтожить крупную популяцию туземцев в Новой Гвинее, бывшей тогда австралийским протекторатом. Правительство не могло равнодушно допустить гибель аборигенов (шла уже вторая половина XX в.!) и сменило терпимость к коренной традиции на активное вмешательство (*Diamond* 1999).

Поскольку в эпицентре конфессиональных, этнических, классовых и прочих макрогрупповых культур более или менее зримо присутствует образ врага, сценарий выживания планетарной цивилизации допускает сохранение только их карнавальной стороны с выхолощенным содержанием. Это полезно понимать энтузиастам утопических программ возрождения этнических

традиций. Лишив племена *апачей* возможности регулярно «выходить на тропу войны», бледнолицые братья вырвали из их культуры вместе с жалом и душу. После этого культуру можно поддерживать посредством внешних ритуалов, сувенирных поделок и театрализованных представлений, но ее мировоззренческие основания, вместе с концентрированным в них историческим опытом, остаются достоянием коллективной памяти человечества.

Такова в радикально неконфронтационном мире судьба любой макроккультуры, каким бы изысканным фасадом ни маскировалось ее острие. Образование планетарного сознания предполагает, что легендарные образы воителей, грозные крепости, ощетилившиеся пушечными жерлами, и прочий романтический антураж вместе с всецветными боевыми знаменами перестанут служить потенциалом мобилизации «коллективного духа» и сохранятся в функции нейтральных исторических достопримечательностей.

Нивелирование культур и потеря макрогрупповой идентичности не могут проходить безболезненно. Однако, на наш взгляд, представление о религии и «складе национальной психологии» как константах, которые «без открытого насилия или давления власти... изменить нельзя» (*Акимов, Яковлев* 2012: 208), недооценивает механизм исторической перестройки коллективного мироощущения через включение в новые информационные сети. Мы видим, что от того, насколько эффективен этот механизм, может зависеть судьба планетарной цивилизации.

Степень же его эффективности не в последнюю очередь определяется своевременным пониманием задачи и готовностью подняться над ностальгическими эмоциями. Касаясь эмоциональной стороны дела, уместно использовать парафраз известного высказывания У. Черчилля: кто не сожалеет об уходящих национальных культурах, у того нет сердца, а кто пытается их реанимировать, у того нет головы...

Сказанное о национальных культурах тем более справедливо в отношении культур конфессиональных, особенно — богооткровенных. В последние десятилетия публичная риторика клерикалов подстраивается под новейшие гражданские ценности: иерархи традиционных конфессий дружно вещают о неприятии войн, смертной казни, педофилии, абортотворения и прочих неодобряемых современной западной культурой явлений. В этом присутствует изрядная доля лукавства, так как смена ценностей построена не на критике основ (каковая обрушилась бы все здание), а на наивности адептов. Последним часто невдомек, что совсем недавно войны одна за другой освящались, казни и пытки поощрялись, вступление в брак благословлялось с двенадцати лет (Пушкарева 2009), избавление от больных или ненужных детей («постнатальные аборты») считалось частным делом родителей и т. д. В любом случае, приветствуя такое веяние в религиозной риторике, надо понимать, что оно заведомо неустойчиво. Заявления в том духе, что все религии имеют равное право на Истину, логически и психологически несовместимы с верой

в Богооткровение, а потому могут носить лишь временный и конъюнктурный характер.

Рассматривая перспективную альтернативу, Э. Тоффлер еще в 1980 г. указал на то, что с развитием сетевых структур размывается классическое различие между большинством и меньшинством. Согласно его прогнозу, большинство станет складываться из многочисленных меньшинств, и это изменит характер профессиональной политической деятельности: автор предвидел формирование временных «модульных» партий, отражающих гибкие групповые образования, и выдвижение «мини-мажоритарных» политиков (Toffler 1980).

Такие прогнозы выглядят несколько поспешными, но становящийся «мировой средний класс» формирует светские альтернативы традиционным религиозным верованиям (Coats 1994). Согласно социологическим данным, несмотря на реанимацию религиозных настроений и всплески фанатизма в ряде регионов, заставившие говорить о «религиозном ренессансе», в целом приверженность людей религии в современном мире уменьшается (World Values 2012; Коротяев и др. 2012), хотя сведения и в этой области противоречивы (MirkoVIC 2015). Не следует игнорировать и другое обстоятельство: специально организованные психологические эксперименты (Subbotky 2011) показывают, что от бессознательной веры в магию несвободны даже самые решительные рационалисты — инфантильные влияния в человеческой психике, возможно, неустранимы.

Противоречие двух тенденций — всплеск фундаментализма, «религиозный ренессанс», с одной стороны, и глобализация с размыванием макрогрупповых размежеваний, с другой стороны, — составляет лейтмотив нынешнего этапа мировой истории. Если он разрешится в пользу планетарно-космического сознания, то в середине XXI в. «глобальные» проблемы будут выглядеть совсем иначе (одной из стержневых может стать отношение «естественного» и «искусственного» интеллекта). Если же возобладает идеологическая тенденция, то те натуралисты, которые прогнозируют «естественный» ход событий на Земле и во Вселенной, едва ли сами возрадуются своей горькой правоте...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агаджанян 2007 — *Агаджанян А. С.* Буддизм и политические конфликты в Юго-Восточной Азии // *Религия и конфликт.* М., 2007. С. 266–283.

Акимов, Яковлев 2012 — *Акимов А. В., Яковлев А. И.* Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития. М., 2012.

Алаев 2008 — *Алаев Л. Б.* Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и к России // *Историческая психология и социология истории.* 2008. Т. 1. № 2. С. 87–112.

Большаков 2000 — *Большаков О. Г.* История халифата. Т. 1: Ислам в Аравии (570–633 гг.). М., 2000.

Бочаров 2001a — *Бочаров В. В.* Антропология насилия // *Антропология насилия.* СПб., 2001. С. 497–532.

Бочаров 2001b — *Бочаров В. В.* Интеллигенция и насилие: социально-антропо-

логический аспект // *Антропология насилия.* СПб., 2001. С. 39–87.

Бродель 2008 — *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций. М., 2008.

Брок 2000 — *Брок П.* Отношение к ненасилию в пацифистских сектах в Средние века и раннее Новое время // *Ненасилие как мировоззрение и образ жизни (исторический ракурс).* М., 2000. С. 39–59.

Валк 1985 — *Валк Н. А.* Когнитивная сущность парадоксальных вопросов ребенка // *Уч. записки Тартуского гос. ун-та.* Вып. 714: Теория и модели знаний. Труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1985. С. 52–67.

Валлерстайн 2001 — *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.

Доккинз 2008 — *Доккинз Р.* Бог как иллюзия. М., 2008.

Зверева 2003 — *Зверева Г. И.* Цивилизационная специфика России: дискурсивный анализ современной «историософии» // *Общественные науки и современность.* 2003. № 4. С. 98–112.

Каневский 1998 — *Каневский Л.* Каннибализм. М., 1998.

Кастельс 2000 — *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000.

Кацура 2000 — *Кацура А. В.* В погоне за белым листом. М., 2000.

Клюев 2002 — *Клюев Б. И.* Религия и конфликт в Индии. М., 2002.

Контамин 2001 — *Контамин Ф.* Война в Средние века. СПб., 2001.

Корнев 1987 — *Корнев В. И.* Буддизм и общество в странах Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1987.

Коротаев и др. 2012 — *Коротаев А. В., Столярова Т. И., Халтурина Д. А.* Религиозность в странах современного мира: сравнительный анализ // *Историческая психология и социология истории.* 2012. Т. 5. № 2. С. 18–27.

- Коул, Скрибнер 1977 — Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977.
- Лоренц 2008 — Лоренц К. Так называемое зло. К естественной истории агрессии // Так называемое зло. М., 2008. С. 87–310.
- Лурия 1974 — Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально-психологическое исследование. М., 1974.
- Марков 2009 — Марков А. В. Религия: полезная адаптация, побочный продукт эволюции или «вирус мозга»? // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 1. С. 45–56.
- Мэй 2001 — Мэй Р. Сила и невинность: в поисках истоков насилия. М., 2001.
- Назаретян 1991 — Назаретян А. П. Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. Очерки междисциплинарной теории прогресса. М., 1991.
- Одергон 2008 — Одергон А. Отель «Война». Психологическая динамика вооруженных конфликтов. М., 2008.
- Поршнев 1966 — Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966.
- Пушкарева 2009 — Пушкарева Н. Л. Опыт микроанализа эмоциональных отношений семьи «новых русских» XVI столетия // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 2. С. 100–119.
- Рапопорт 1993 — Рапопорт А. Мир — созревшая идея. Дармштадт, 1993.
- Силади 1994 — Силади А. Тоталитарные культуры XX века: религия и рынок // Общественные науки и современность. 1994. № 3. С. 151–165.
- Токарев 2011 — Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 2011.
- Уилсон 2014 — Уилсон Э. Хозяева Земли. Социальное завоевание планеты человечеством. СПб., 2014.
- Уколова 1992 — Уколова В. И. Поздний Рим: пять портретов. М., 1992.
- Фромм 1992 — Фромм Э. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики. Минск, 1992.
- Честертон 1990 — Честертон Г.-К. Цветочки Святого Франциска Ассизского. М., 1990.
- Шалимов 2000 — Шалимов О. А. Отношение отцов церкви к проблеме насилия // Ненасилие как мировоззрение и образ жизни. М., 2000. С. 15–36.
- Шапошникова 1968 — Шапошникова Л. В. Дороги джунглей. М., 1968.
- Шнирельман 2003 — Шнирельман В. А. Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 3–14.
- Baumeister 1991 — Baumeister R. F. Meanings of life. N. Y.: The Guilford Press, 1991.
- Berger 1967 — Berger P. L. The sacred canopy: Elements of a sociological theory of religion. Garden City, N.Y., 1967.
- Bloom, Weisberg 2007 — Bloom P., Weisberg D. S. Childhood origins of adult resistance to science // Science. 2007. Vol. 316. P. 996–997.
- Boyer 2008 — Boyer P. Religion: Bound to believe? // Nature. 2008. Vol. 455. P. 1038–1039.
- Campbell 2004 — Campbell L. Historical linguistics: An Introduction. Edinburgh; Cambridge, MA: Edinburgh Univ. Press, 2004.
- Coats 1994 — Coats J. The highly probable future // The Futurist. 1994. July–Aug. P. 1–8.
- Dennen 1999 — Dennen J. M. G. van der. Human evolution and the origin of war: A Darwinian heritage // The Darwinian heritage and sociobiology. Westport (CT), 1999. P. 163–185.
- Diamond 1999 — Diamond J. Guns, germs, and steel. The fates of human societies. N.Y.; London, 1999.
- Lewis 1957 — Lewis M. M. How children learn to speak. London, 1957.

Liebman 1983 – Liebman C. S. Extremism as a religious norm // Journal for the Scientific Study of Religion. 1983. N 2. P. 75–86.

Melotti 1985 – Melotti U. Competition and cooperation in human evolution // Mankind Quarterly. 1985. N 25. P. 323–351.

Mirkovic 2015 – Mirkovic A. The real end of history // From Big Bang to global civilization: A Big History Anthology. Vol. 1. Delhi, 2015. P. 188–208.

Norenzayan, Shariff 2008 – Norenzayan A., Shariff A. F. The origin and evolution of religious prosociality // Science. 2008. Vol. 322. P. 58–62.

Stockwell 2007 – Stockwell F. Religion in China today. N. Y., 2007.

Subbotsky 2011 – Subbotsky E. The ghost in the machine: Why and how the belief in magic survives in the natural mind // Human Development. 2011. Vol. 54. P. 126–143.

Toffler 1980 – Toffler Al. The third wave. N.Y., 1980.

World Values 2012 – World Values Survey Association. World values survey five wave aggregated file. Ann Arbor, MI: World Values Survey Association, 2012. URL: <http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSDData.jsp>. (date of access 26.12.2016).

IDEOLOGY VERSUS CIVILIZATION?

Nazaretyan Akop P. – doctor of philosophical sciences, candidate of psychological sciences, professor, expert of the Russian Academy of Sciences, chief researcher of the Institute of Oriental studies, RAS (Moscow)

Key words: megahistory, synergy, cultural anthropology, psychology, global forecasting

Journal version of chapter of the book: Nazaretyan A.P. Nelineinoe budushee. Megaistoriya, sinergetika, kul'turnaya antropologiya i psihologiya v global'nom prognozirovanii. M.: Argamak-Media, 2017. Izd-e 4-e, pererabotannoe i dopolnennoe.

The book contains independent calculations which demonstrate that in the 21th century the unprecedented phase transition must happen. Then, most likely, “a descending branch” of planetary history (with the perspective of the transformation of the Land into “normal” zone of thermodynamic equilibrium with no signs of reasonable or biotic activity) will start, or planetary phase of evolution will be replaced by space. Systematizing of the universal and the specific mechanisms of evolution, including the mechanism of techno-humanitarian balance, is helping to discuss what conditions the output of evolution depend on to one or another attractor.

REFERENCES

Agadzhanian A. S. *Buddizm i politicheskie konflikty v Iugo-Vostochnoi Azii. Religia i konflikt.* Moscow, 2007. P. 266–283.

Akimov A. V., Iakovlev A. I. *Tsivilizatsii v XXI veke: problemy i perspektivy razvitiia.* Moscow, 2012.

Alaev L.B. *Smutnaia teoriia i spornaia praktika: o noveishikh tsivilizatsionnykh podkhodakh k Vostoku i k Rossii. Istoriche-*

- skaia psikhologiiia i sotsiologiiia istorii*. 2008. Vol. 1. N 2. P. 87–112.
- Audergon A. *Otel' "Voina"*. *Psikhologicheskaia dinamika vooruzhennykh konfliktov*. Moscow, 2008.
- Baumeister R. F. *Meanings of life*. New York: The Guilford Press, 1991.
- Berger P. L. *The sacred canopy: Elements of a sociological theory of religion*. Garden City, N.Y., 1967.
- Bloom P., Weisberg D.S. Childhood origins of adult resistance to science. *Science*. 2007. Vol. 316. P. 996–997.
- Bocharov V.V. *Antropologiiia nasiliia. Antropologiiia nasiliia*. Saint Petersburg, 2001. P. 497–532.
- Bocharov V.V. *Intelligentsiia i nasilie: sotsial'no-antropologicheskii aspekt. Antropologiiia nasiliia*. Saint Petersburg, 2001. P. 39–87.
- Bol'shakov O.G. *Istoriia khalifata*. Vol. 1: *Islam v Aravii (570–633 gg.)*. Moscow, 2000.
- Boyer P. Religion: Bound to believe? *Nature*. 2008. Vol. 455. P. 1038–1039.
- Braudel F. *Grammatika tsivilizatsii*. M., 2008.
- Brok P. *Otnoshenie k nenasiliuu v patsifistskikh sektakh v Srednie veka i rannee Novoe vremia. Nenasilie kak mirovozzrenie i obraz zhizni (istoricheskii rakurs)*. Moscow, 2000. P. 39–59.
- Campbell L. *Historical linguistics: An Introduction*. Edinburgh; Cambridge, MA: Edinburgh Univ. Press, 2004.
- Castells M. *Informatsionnaia epokha. Ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. Moscow, 2000.
- Chesterton G.-K. *Tsvetochki Sviatogo Frantsiska Assizskogo*. Moscow, 1990.
- Coats J. The highly probable future. *The Futurist*. 1994. July–Aug. P. 1–8.
- Cole M., Scribner S. *Kul'tura i myshlenie*. Moscow, 1977.
- Contamine Ph. *Voina v Srednie veka*. Saint Petersburg, 2001.
- Dawkins R. *Bog kak illiuziia*. Moscow, 2008.
- Dennen J. M. G. van der. Human evolution and the origin of war: A Darwinian heritage. *The Darwinian heritage and sociobiology*. Westport (CT), 1999. P. 163–185.
- Diamond J. *Guns, germs, and steel. The fates of human societies*. New York; London, 1999.
- Fromm E. *Chelovek dlia sebja. Issledovanie psikhologicheskikh problem etiki*. Minsk, 1992.
- Kanevskii L. *Kannibalizm*. Moscow, 1998.
- Katsura A. V. *V pogone za belym listom*. Moscow, 2000.
- Kliuev B. I. *Religiia i konflikt v Indii*. Moscow, 2002.
- Kornev V. I. *Buddizm i obshchestvo v stranakh Iuzhnoi i Iugo-Vostochnoi Azii*. Moscow, 1987.
- Korotaev A. V., Stoliarova T. I., Khalturina D. A. *Religioznost' v stranakh sovremenno-go mira: sravnitel'nyi analiz. Istoricheskaiia psikhologiiia i sotsiologiiia istorii*. 2012. Vol. 5. N 2. P. 18–27.
- Lewis M. M. *How children learn to speak*. London, 1957.
- Liebman C.S. Extremism as a religious norm. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1983. N 2. P. 75–86.
- Lorenz K. *Tak nazyvaemoe zlo. K estestvennoi istorii agressii. Tak nazyvaemoe zlo*. Moscow, 2008. P. 87–310.
- Luriiia A. R. *Ob istoricheskom razvitii poznavatel'nykh protsessov. Eksperimental'no-psikhologicheskoe issledovanie*. Moscow, 1974.
- Markov A.V. *Religiia: poleznaia adaptatsiia, pobochnyi produkt evoliutsii ili "virus mozga"? Istoricheskaiia psikhologiiia i sotsiologiiia istorii*. 2009. Vol. 2. N 1. P. 45–56.
- May R. *Sila i nevinnost': v poiskakh istokov nasiliia*. Moscow, 2001.
- Melotti U. Competition and cooperation in human evolution. *Mankind Quarterly*. 1985. N 25. P. 323–351.
- Mirkovic A. The real end of history. *From Big Bang to global civilization: A Big History Anthology*. Vol. 1. Delhi, 2015. P. 188–208.

- Nazaretian A.P. *Intellekt vo Vselennoi: istoki, stanovlenie, perspektivy. Ocherki mezhdistsiplinarnoi teorii progressa.* Moscow, 1991.
- Norenzayan A., Shariff A.F. The origin and evolution of religious prosociality. *Science.* 2008. Vol. 322. P. 58–62.
- Porshnev B.F. *Sotsial'naiia psikhologiiia i istoriia.* Moscow, 1966.
- Pushkareva N.L. Opyt mikroanaliza emotional'nykh otnoshenii sem'i "novykh russkikh" XVI stoletii. *Istoricheskaia psikhologiiia i sotsiologiiia istorii.* 2009. Vol. 2. N 2. P. 100–119.
- Rapoport A. *Mir – sozreushaia ideia.* Darmstadt, 1993.
- Shalimov O.A. Otnoshenie ottsov tserkvi k probleme nasiliia. *Nenasilie kak mirovozzrenie i obraz zhizni.* Moscow, 2000. P. 15–36.
- Shaposhnikova L. V. *Dorogi dzhunglei.* Moscow, 1968.
- Shnirel'man V.A. Etnogenez i identichnost': natsionalisticheskie mifologii v sovremennoi Rossii. *Etnograficheskoe obozrenie.* 2003. N 4. P. 3–14.
- Siladi A. Totalitarnye kul'tury KhKh veka: religiia i rynok. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'.* 1994. N 3. P. 151–165.
- Stockwell F. *Religion in China today.* New York, 2007.
- Subbotsky E. The ghost in the machine: Why and how the belief in magic survives in the natural mind. *Human Development.* 2011. Vol. 54. P. 126–143.
- Toffler Al. *The third wave.* New York, 1980.
- Tokarev S. A. *Rannie formy religii i ikh razvitiie.* Moscow, 2011.
- Ukolova V. I. *Pozdniu Rim: piat' portretov.* Moscow, 1992.
- Valk N.A. Kognitivnaia sushchnost' paradoksal'nykh voprosov rebenka. *Uch. zapiski Tartuskogo gos. un-ta. Vol. 714: Teoriiia i modeli znanii. Trudy po iskusstvennomu intellektu.* Tartu, 1985. P. 52–67.
- Wallerstein I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiia v sovremennom mire.* Saint Petersburg: Universitetskaia kniga, 2001.
- Wilson E. *Khoziaeva Zemli. Sotsial'noe zavoevanie planety chelovechestvom.* Saint Petersburg, 2014.
- World Values Survey Association. *World values survey five wave aggregated file.* Ann Arbor, MI: World Values Survey Association, 2012. URL: <http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSDData.jsp>. (date of access 26.12.2016).
- Zvereva G.I. Tsvivilizatsionnaia spetsifika Rossii: diskursivnyi analiz sovremennoi "istoriosofii". *Obshchestvennye nauki i sovremennost'.* 2003. N 4. P. 98–112.

А. М. Хазанов

О КОМ СКОРБЕТЬ И КОГО ЗАБЫТЬ? (РЕ)КОНСТРУКЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Ключевые слова: современная Россия, жертвы и преступления советского режима, официальный нарратив, коллективная память.

Автор утверждает, что характерное для современной России отношение к тревожащему советскому прошлому демонстрирует авторитарный характер ее современного политического режима. Ни государство, ни общество в целом не заинтересованы в том, чтобы ужасы и преступления коммунистического режима оказались в центре коллективной памяти. Сама идея персональной и тем более коллективной ответственности за темные страницы недавней истории чужда российскому обществу. Лишь незначительное меньшинство граждан делает все возможное для поддержания контрпамяти. До сих пор правящая элита терпела их потому, что они недостаточно влиятельны и не способны воздействовать на общественное мнение и устранить моральный релятивизм, сложившийся в стране. Между тем власть уже продвигает новый официальный нарратив русской/советской/постсоветской истории, который заведомо ложен и умышленно «продезинфицирован» и представляет собой ретроспективную проекцию современных политических взглядов и реалий. В целом Россия упустила свой шанс стать либерально-демократической страной. Вместо этого она может служить примером известного изречения Джорджа Сантаяны, согласно которому те, кто не помнят прошлое, обречены его повторить.

Отношение посттоталитарных и поставторитарных стран к сво-

ему тяжелому прошлому говорит многое и об их нынешнем политическом строе, и об их поисках национальной идентичности. Вопрос состоит не в том, являются ли ужасы и преступления прошлого предметом памяти и памятных церемоний, а в том, ставит ли перед собой общество в целом, а не только узкий круг выживших и помнящих, задачу сделать память о жертвах террора общественной обязанностью (*Charles, Maier* 2003: 296)? Отношение к прошлому остается болезненной проблемой практиче-

© Хазанов А. М., 2017

Хазанов Анатолий Михайлович — доктор исторических наук, заслуженный профессор Университета Висконсин в Мэдисоне, иностранный член Британской Академии (США, Мэдисон); khazanov@wisc.edu

¹ Первая публикация: Anatoly M. Khazanov. Whom to Mourn and Whom to Forget? (Re)constructing Collective Memory in Contemporary Russia // *Perpetrators, Accomplices and Victims in Twentieth-Century Politics. Reckoning with the Past*. Edited by Anatoly M. Khazanov and Stanley Payne. London and New York: Routledge. Taylor & Francis Group. 2009. P. 132–149. Авторизованный перевод С. Е. Эрлиха.

ски во всех бывших коммунистических странах. Но в России она приобретает много специфических особенностей.

Историки до сих пор обсуждают количество жертв советского режима, прежде всего тех, кто был казнен или приговорен отбывать наказание в ГУЛАГе (См.: (*Rosefielde* 1981: 51–87; *Rosefielde* 1987: 292–313; *Conquest* 1990; *Bacon* 1994; *Дугин* 1999; *Кокурин, Петров* 2000; *Ellman* 2002: 1151–1172; *Yakovlev* 2002: 233–234; *Applebaum* 2003: 578ff.; *McLoughlin, McDermott* 2003)). В любом случае счет идет на миллионы. Необходимо учитывать, что многие были осуждены по политическим мотивам, но приговорены к заключению по уголовным статьям, причем часто за такие деяния, которые в демократических странах вообще не считаются преступлениями. Другие стали жертвами принудительных переселений во время коллективизации или этнических чисток и депортаций², были отправлены на принудительные работы в трудовые армии или в специальные поселения; были заключены в послевоенные фильтрационные лагеря³. Еще несколько миллионов умерли во время голода, несколько раз искусственно созданного властями. Возможно, точное количество жертв никогда не станет известным. Как остроумно заметил Джон Кип, официальные советские источники «столь же надежны, как и налоговая декларация мафиози» (*Keep* 1999: 1091).

² Последняя группа насчитывала свыше 6 миллионов (см.: (*Побаль, Полян* 2005: 12–13)).

³ Около 6 миллионов человек (см.: (*Иванова* 2000: 43)).

Но к числу жертв надо причислять не только тех, кто был казнен или заключен в ГУЛАГе. Родственники репрессированных, даже если они не были арестованы, также являлись жертвами. Их душевные и экономические страдания усугублялись дискриминацией в сферах образования, карьеры, местожительства и т. д. Кроме того, миллионы людей были подвергнуты различным формам дискриминации только потому, что принадлежали к «неправильным», социальным или этническим, группам.

Несмотря на это, преступления коммунистического режима мало влияют на отношение к нему большинства россиян. Проблема заключается не в незнании, а, скорее, в равнодушии или даже в намеренном желании игнорировать темные стороны советского прошлого. В настоящее время любой, кто хочет знать истинную историю Советского Союза, легко может это сделать. С конца 1980-х опубликованы многочисленные воспоминания очевидцев о ГУЛАГе, сборники документов, справочники, научные исследования, литературные произведения и статьи в газетах, были созданы документальные фильмы и телевизионные передачи, в которых рассказывалось о преступлениях коммунистического режима. Проведена эксгумация в ряде мест массовых расстрелов, само существование которых в Советском Союзе являлось государственной тайной. Такие неправительственные организации, как «Мемориал» и Сахаровский центр, посвятили свою деятельность памяти жертв репрессий и изучению истинной

истории советского режима (*Adler* 1993: 100ff.; *Remnik* 1993; *Smith* 1996: 78ff.). В конце 1980-х гг. информация о репрессиях была включена в школьные учебники истории (*Tzfasman* 2006: 561ff.).

Однако кратковременный интерес к репрессиям в конце 1980-х гг. в основном был вызван стремлением делегитимизировать коммунистический режим в ходе борьбы за власть. Проблема власти была решена в 1991 г. Это было необходимое, но не достаточное условие. Тема репрессий как национальной трагедии и национального преступления не проникла глубоко в массовое сознание. Она не стала неотъемлемой частью коллективной памяти, потому что отношение к советскому прошлому в большей мере является проблемой ценностей, чем знания. Страшная правда о прошлом отвергается, или игнорируется, или вносит свой вклад в свойственное в настоящее время многим, если не большинству, россиянам представление о себе как невинных жертвах чьих-то происков (*Гудков* 2004: 83 и след.).

Коллективная память никогда не бывает спонтанной. Поэтому важно — каким образом она конструируется. Еще более важно, в какой мере она является самокритичной. В национальной памяти современной России тема советских преступлений занимает незначительное место. Она существует прежде всего в разобщенных «локальных» фрагментах. Коммунистические преступления занимают гораздо более заметное место в коллективной памяти многих этниче-

ских меньшинств Российской Федерации, чем в памяти этнических русских. Среди последних жители таких бывших центров ГУЛАГа, как Магадан, Норильск или Воркута, помнят о репрессиях больше, нежели москвичи и петербуржцы. Имеется несколько причин такого печального положения дел.

Во-первых, следует учитывать социально-политические изменения и растущую временную и историческую дистанцию от советского прошлого, в особенности от его сталинского периода. После зверств Большого террора прошло около 80 лет. Это делает восприятие репрессий гораздо менее эмоционально окрашенным. Из двух уровней памяти, фактологического и эмпирического, последний уже почти выветрился.

Во время хрущевской оттепели, Анна Ахматова сделала известное, но неточное предсказание о встрече «двух России», той, которая сидела, и той, которая сажала. Ничего подобного на практике не произошло. Сажавшие встречали сидевших безо всякого смущения и стыда. В период с 1953 по 1956 г., когда оставшиеся в живых вернулись из заключения, они должны были снова выживать, на этот раз в среде, которая не случайно называлась «большой зоной» (по сравнению с «малой зоной» лагеря). Они были вынуждены «влияться» в состав подневольного общества. В глазах многих советских функционеров и чиновников, не говоря уже о сотрудиниках КГБ, оставшиеся в живых несли на себе клеймо преступников. Им советовали держать язык

за зубами, не рассказывать слишком много о своих страданиях и особенно о тех, кто причинил эти страдания. Секретное письмо ЦК Коммунистической партии от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов», разосланное местным партийным организациям, характеризовало часть из тех, кто был помилован или реабилитирован, как людей «злбно настроенных против Советской власти». В Ленинграде некоторые из них были выселены из города (Лихоя 1998: 167–168).

Очень мало, а во многих случаях вообще ничего, было сделано в отношении материальной компенсации жертвам репрессий и помощи им в возвращении в профессиональную жизнь. Реабилитированным, которые выжили в ГУЛАГе, и семьям реабилитированных посмертно выплачивали зарплату за два месяца в размере должностного оклада на прежнем месте работы. Кроме того, им иногда помогали с жильем. Это все. Оставшиеся в живых получили также право при начислении пенсии включать в рабочий стаж годы, проведенные в лагерях. Но реализация этого права была затруднена бюрократическими препятствиями при получении необходимых документов.

В таких обстоятельствах многие из выживших были слишком травмированы или запуганы, чтобы рассказывать о своих страданиях. Другие были готовы продемонстрировать свою благонадежность и непоколебимую верность партии

и советскому режиму в целях включения в общественную и профессиональную жизнь и особенно ради восстановления членства в рядах КПСС. Если эти люди публиковали свои воспоминания, они были лживыми до отвращения (см.: Дьяков 1966).

Тем не менее было бы неправильно считать, что все оставшиеся в живых хранили молчание. Насколько нам известно, никто из тех, кому посчастливилось вернуться из ГУЛАГа, не испытывал «чувства вины», которое было присуще некоторым из тех, кто выжил в нацистских лагерях уничтожения. С 1950-х гг. некоторые из них были готовы рассказывать о своем опыте, по крайней мере в частном порядке, за закрытыми дверями, членам семьи и друзьям, иногда даже всем, кто был готов их слушать. Но таких было не очень много.

Некоторые семьи с порога отвергали своих родственников, вернувшихся из лагерей. Многие вскоре обнаружили, что не в состоянии найти общий язык с некогда близкими людьми. Семья Варлама Шаламова, великого писателя трагической судьбы, чьи «Колымские рассказы» в качестве свидетельства о поведении человека в ГУЛАГе значительно превосходят труд Солженицына, распалась, потому что после возвращения из лагеря он отверг требование своей жены «забыть» о травматическом опыте. Дочь Шаламова, всегда стремившаяся демонстрировать лояльность режиму, отказалась поддерживать какие-либо связи с отцом. В анкетах она писала, что ее отец давно умер

(Сиротинская 1994: 134–135). Писатель Юрий Домбровский, который вернулся в Москву в 1955 г., после почти четверти века, проведенного в лагерях и ссылках, писал о том времени:

*Нас даже дети не жалели,
Нас даже жены не хотели*⁴.

Информационная блокада была неотъемлемой частью советской идеологической индоктринации. Для построения коллективной памяти воспоминания индивидов должны взаимодействовать друг с другом посредством публичного дискурса в пространстве, предоставляемом средствами массовой информации, публичными церемониями и историческими нарративами (Лоскутова 2004: 76–77). Рассказы выживших, за редкими исключениями (их анализ см.: (Toker 2000)), не попадали в публичное пространство. Большинство жертв репрессий, а также членов их семей, не могли или не желали оставлять письменные либо устные свидетельства. Оставшиеся в живых оказывались изолированными друг от друга и от остального общества. Советская система не допускала даже эмбриональных форм самоорганизации. Солидарность и взаимная поддержка были возможны в лучшем случае на уровне очень малых групп. Осмысление прошлого было преимущественно индивидуальным действием. В этих условиях рассказы выживших повлияли на коллективную память значительно меньше, чем это было необходимо. Государство не позволило им стать частью общего опыта.

⁴ (Applebaum 2002: 40).

С конца 1950-х до середины 1980-х режим оставался репрессивным, но гораздо более изощренным и избирательным, чем прежде. Несмотря на ползучую реабилитацию Сталина, которая стала особенно заметной при Брежневле, произвол репрессий уменьшился, и они далеко не всегда приводили к лишению свободы (Козлов, Мироненко 2005: 28 и след.). КГБ предпочитал так называемые «превентивные меры», такие как слежка, запугивание, шантаж, насильственное психиатрическое лечение, принудительная эмиграция и т.д. В обществе преобладало мнение, что оказаться в тюрьме можно только совершив что-то действительно «антисоветское». Считалось, что законопослушные граждане теперь могут спать спокойно и больше не дрожать от стука в дверь. Для простых советских граждан само понятие жертв и их гонителей претерпело значительные изменения. По их мнению, невинные жертвы отосились в основном к сталинскому прошлому.

К тому же в конце советского периода семейное прошлое гораздо меньше препятствовало карьере, чем это было 20 или 30 лет назад. Людей больше не наказывали за «неправильных» родственников, если они были реабилитированы. Но даже наличие не реабилитированных родственников не всегда затрудняло продвижение по службе. Личная преданность партии и хорошие связи имели большее значение, чем наличие репрессированных дедов и даже отцов. Дед Горбачева по отцовской линии провел девять лет в лагере. Отец

Ельцина находился там три года. Но это не повлияло на их карьеры. Поэтому многие потомки репрессированных были готовы предать забвению память о репрессиях. По их мнению, прошлое должно остаться в прошлом. Таким образом, формирование общей памяти о страданиях и репрессиях стало еще более сложной задачей.

Во-вторых, дебаты об исторической памяти часто игнорируют политическую власть, которая может оказывать сильное, иногда даже решающее, влияние на ее формирование. Память и забвение всегда избирательны. Они связаны не только с индивидуальным и коллективным жизненным опытом; они также являются результатом политического выбора. Иначе говоря, скажи мне, что ты хочешь помнить, публично отмечать и что забыть, и я скажу тебе, кто ты. Это можно сказать не только о людях, но и о нациях, и о государствах, особенно если воспоминания неприятны и должны сопровождаться покаянием и возмещением ущерба. Члены разных групп могут прилагать усилия для обнародования своих взглядов на прошлое, но современное государство обладает несопоставимо большими ресурсами и возможностями в этом вопросе. Оно может как содействовать созданию «полезного» ей образа прошлого, так и ограничивать действия своих конкурентов в сфере памяти (*Wertsch* 2002: 68).

В Советском Союзе вплоть до смерти Сталина те известные коммунисты, которые исчезли во время Большого террора и позднее, упо-

минались лишь изредка, исключительно в качестве предателей, шпионов и злодеев. Некоторые из них, те, кто были реабилитированы во время хрущевской оттепели, были включены в качестве героев и жертв в официальный пантеон. В обоих случаях это было очень далеко от истины. Эти люди были казнены за преступления, которые они никогда не совершали, но большинство из них совершили много других преступлений, которые никогда не были упомянуты и даже не считались преступлениями.

Кроме того, хрущевская реабилитация была очень избирательна. Внятного законодательства в этом отношении не существовало. Даже коммунисты, осужденные на показательных процессах 1930-х гг., не были реабилитированы. Официальный нарратив того времени акцентировал внимание на преследовании ветеранов партии и других коммунистов, но сам принцип политического преследования не был объявлен незаконным. По мнению Хрущева, к жертвам, достойным памяти, в первую очередь относились верные члены партии (т. е. сталинисты) и во вторую очередь — лояльные режиму беспартийные. Отделяя партию от Сталина, Хрущев представлял ее как основную жертву сталинских чисток. Страдания людей из других слоев общества практически игнорировались.

Сталин и некоторые из его сообщников были признаны виновными в репрессиях, но партия в целом оставалась священной коровой. В период между 1954 и 1961 гг. око-

ло 50 человек были расстреляны или заключены в тюрьму и около 350 человек были исключены из партии за «нарушения социалистической законности» (Smith 1996: 166–167). Однако основной причиной их наказания были не их преступления, а связь с Берией. Многие сотрудники КГБ, которые были ничуть не лучше наказанных, сохранили свободу и даже свои посты (Пихоя 1998: 129–130). Введение срока давности в конце 1950-х гг. предотвратило саму возможность уголовного преследования за преступления, совершенные во время Большого террора. Таким образом, политика безнаказанности оставалась доминирующей. Тем не менее в течение короткого промежутка времени сталинская диктатура и сталинские репрессии стали не только темой осторожной официальной критики, но и публичных дебатов, хотя и ограниченных узким кругом либерально настроенной (в терминах того времени) интеллигенции. Но власти скоро остановили эти дискуссии (Goudeover 1986).

В период перестройки многие из ведущих коммунистов были реабилитированы, а некоторые из них, такие как Бухарин, на короткое время даже стали мучениками, иногда при помощи и с благословения западных симпатизантов (Cohen 1980). Новые мифы в очередной раз проигнорировали тот факт, что поспешно канонизированные «мученики» сами были преступниками до тех пор, пока не стали жертвами той системы, которую они создавали и поддерживали. В сущности, в 1986–1987 гг. Горбачев следовал

примеру Хрущева. Главными жертвами выступали партийные функционеры, военные и, в меньшей степени, творческая интеллигенция (Smith 1996: 42ff.).

Даже такой подход встретил сильное сопротивление со стороны КГБ и некоторых членов Политбюро, например Андрея Громько (Пихоя 1998: 493–494). Тем не менее растущее давление общественности привело к тому, что в 1988 и 1989 гг. были изданы законодательные акты, позволившие реабилитировать рядовых граждан, которые были репрессированы в период с начала 1930-х до середины 1950-х гг. На основании принятого 18 октября 1991 г. закона «О реабилитации жертв политических репрессий» была создана президентская Комиссия по реабилитации⁵. К 2000 г. она реабилитировала более 4 миллионов человек; из них около 800 тысяч жертв были еще живы на момент реабилитации. Но иногда решения о реабилитации были политически мотивированы. Например, Верховный суд отклонил просьбу об оправдании Берии, хотя он был казнен не за свои многочисленные реальные преступления, но за то, что якобы был британским шпионом. В то же время некоторые из его кровавых подручных, в том числе Павел Судоплатов, были реабилитированы.

Тем не менее будущее советского прошлого оставалось неопределенным даже во время расцвета российского либерализма. В конце

⁵ Комиссии при Президенте. URL: <http://www.kremlin.ru/structure/commissions>.

1980-х и в 1990-х российские граждане столкнулись с целым рядом конкурирующих подходов к прошлому. Попытки предложить новые нарративы на основе радикального разрыва с предыдущей официальной версией советской истории в значительной степени не увенчались успехом. Индивидуальные, порой весьма противоречивые, в основном неопубликованные и часто даже незаписанные воспоминания не могли играть существенную роль в построении коллективной памяти, которая была бы независима от господствующего нарратива официальной исторической памяти советского периода. Во время перестройки и позже было невозможно просто возродить «правдивую» память, ее надо было построить заново. К сожалению, этого не произошло.

На самом деле отношение правительства Ельцина к советскому прошлому было весьма неоднозначным. Политическая элита, которая пришла к власти после провала путча в августе 1991 г., в основном являлась прямым преемником коммунистической номенклатуры. Решительных перемен в кадровом составе высшей администрации, не говоря уже о низовом бюрократическом аппарате, не произошло. Ротация управленческих кадров свелась к тому, что многие чиновники среднего ранга продвинулись «наверх» (Khazanov 2004: 31–32). То же самое можно сказать о судебном аппарате и о силовых структурах. Неудивительно, что эти люди не были склонны давать правовую оценку советскому периоду и в особенности преступлениям индивиду-

альных деятелей советского режима. Их отношение к трагическим и постыдным аспектам советского прошлого не отличалось последовательностью. Государство покаялось в совершенных преступлениях, или скорее притворилось, что раскаялось, да и то только на короткое время.

В современной России, гораздо больше известно о жертвах, чем об их преследователях и палачах. Общество «Мемориал» продолжает делать все возможное, чтобы составить список всех тех, кто был подвергнут преследованиям советской властью, хотя и в этом отношении все еще существуют многочисленные лакуны. Тем не менее имена даже главных преступников, за исключением Сталина, Берии, и некоторые из их ближайших приспешников, не говоря уже о рядовых палачах, остаются неизвестными широкой публике. Зло остается недостаточно персонифицированным.

Раскаяние было неискренним, т.к. никогда поднимались важные вопросы индивидуальной ответственности и ретроактивного правосудия. Имена мучителей и палачей так и не были преданы гласности. Даже предложения сделать гласными имена преступников без привлечения их к судебной ответственности были отклонены. Статья 18 «Закона о реабилитации жертв политических репрессий», принятого российским парламентом в 1991 г., предусматривает уголовную ответственность сотрудников органов власти, «признанных в установленном порядке виновными

в преступлениях против [советского] правосудия» (его анализ см.: Флиге 2004: 55–61). Тем не менее эта статья осталась только на бумаге. Не было ни одного случая уголовного преследования преступников. В 1992 г. Верховный Совет РСФСР постановил опубликовать имена тех, кто нес прямую ответственность за преступления советского времени, но это решение было саботировано работниками секретных служб и других государственных органов и никогда не было реализовано. На самом деле вопрос о судебном преследовании и публичном разоблачении преступников никогда не был популярным в российском обществе; общественное давление практически отсутствовало. В отличие от многих других стран, в России не было комиссий по восстановлению правды.

Существует ряд убедительных доказательств того, что в Центральной и Восточной Европе люстрация, несмотря на некоторые связанные с ней проблемы, способствовала укреплению демократии (Letki 2002: 529–552). В России в начале 1990-х гг. люстрация была отвергнута не только правительством и парламентом, но даже многими из тех, кто называл себя «демократами». Публикация имен секретных осведомителей никогда не стояла на повестке дня. Неудивительно, что наиболее непреклонными противниками люстрации были функционеры партии, сотрудники КГБ и осведомители (на народном жаргоне – стукачи). В этой связи писатель Владимир Войнович едко заметил, что самые ярые противники смертной казни – это убийцы, ожидающие

приведения ее в исполнение (Войнович 2002: 407).

Секретные службы никогда не были поставлены под общественный контроль. Напротив, в некоторых отношениях они расширили свое влияние на общество. Многие отставные офицеры КГБ проникли в бизнес, в политические партии, на телевидение, в другие средства массовой информации, даже в неправительственные организации. При этом они сохранили связи с прежними работодателями (Miller 2006: 519). Уже в 1996 г. заместитель главы администрации президента, а ранее высокопоставленный офицер ФСБ Евгений Савостьянов публично хвастался, что многие секретные агенты и информаторы КГБ стали видными членами политической и экономической элиты⁶.

Те, кто утверждали, что России нужен свой Нюрнберг, были слишком малочисленны (Meier 2003: 43–44). Это были преимущественно одинокие диссиденты советской эпохи, которых не поддерживали даже «новые демократы» – в недавнем прошлом бывшие успешными конформистами. Они воспринимали диссидентов в качестве живого укора и поэтому предпочитали игнорировать их, относя к числу неисправимых идеалистов. Неудивительно, что при отсутствии сильного общественного давления судебный процесс по делу коммунистической партии стал фарсом еще до своего начала. Взамен в 1996 г. Ельцин переименовал День революции 7 ноября в День согласия и при-

⁶ Известия. 1996. 17 октября.

мирения, который в действительности не принес ни согласия, ни примирения. В 2005 г. российский парламент восстановил празднование Дня Октябрьской Революции в качестве памятной даты.

Пожалуй, самая причудливая попытка ложного покаяния состояла в перезахоронении останков Николая II и других членов его семьи в 1998 г. В то время Ельцин утверждал, что таким образом «мы хотим искупить грехи своих предков»⁷. Это утверждение было фальшивым, потому что виноватыми оказались только преступники далекого прошлого, в то время как многие недавние преступники присутствовали на церемонии без какого-либо чувства вины за свои преступления.

Были и непреднамеренные неловкие действия. Центральный банк выпустил банкноту достоинством 500 тысяч рублей, на которой древний Соловецкий монастырь, расположенный на островах Белого моря, изображался без крестов и куполов, т. е. в том самом виде, когда он был одной из первых и самых жестоких советских тюрем. Таким образом, главный финансовый институт России вместо того, чтобы почтить религию, подвергавшуюся преследованию в советское время, неосторожно воскресил память о ГУЛАГе.

В-третьих, распад Советского Союза и тяготы перехода России

от коммунизма привели к широко распространенной ностальгии по «славному прошлому», которая не может способствовать объективному отношению к советскому периоду. Чувство унижения, порожденного поражением России в холодной войне, потерей ею статуса сверхдержавы и распадом советской империи, широко распространилось в стране. Многие россияне ностальгируют о советском времени, потому что тогда жизнь для них была в некотором смысле легче и проще, т. к. государство не только предписывало им что делать и что думать, но вместе с тем решало вопросы занятости и социального обеспечения и внушало чувство гордости за принадлежность к великой стране.

В таких обстоятельствах большинство россиян не в силах признать, что на протяжении более 70 лет они жили в преступном государстве, в котором трудовые лагеря, тюрьмы, железный занавес, внутренние паспорта, ограничивавшие право выбрать место жительства, нехватка основных продуктов питания и товаров широкого потребления были повседневной реальностью. В то же время правящая коммунистическая элита следовала принципу, который был впервые сформулирован графом Бенкендорфом, начальником вызывавшего страх «Третьего отделения» (своего рода КГБ того времени) в царствование Николая I: «Законы пишутся для подчиненных, а не для властей» (*Pipes* 1974: 290).

В-четвертых, нет покаяния без чувства вины и ответственности.

⁷ Президент России Борис Ельцин на церемонии захоронения останков членов семьи императора Николая II в Санкт-Петербурге (1998) // Ельцин Центр. Б.д. URL: yeltsin.ru/archive/video/51553.

Но подавляющее большинство россиян категорически отказываются признать, что они были вольными или невольными пособниками советского режима. Понятие коллективной вины и коллективной ответственности совершенно чуждо им. Отсюда их вечное нытье о судьбе несчастной родины и полное нежелание помочь ей на деле. Когда либеральный политик Альфред Кох заявил, что русские люди сами виноваты в своих несчастьях, его слова были почти единодушно восприняты как проявление русофобии и немислимое оскорбление (Минкин 1998). Это не удивительно в стране, где люди всегда были подданными государства, но никогда не были его гражданами. Даже в конце 1980-х гг., когда негативное отношение к советскому режиму было на пике, лишь очень небольшая группа радикалов, объединенных в маловлиятельный Демократический союз (в его митингах никогда не принимали участие более двух-трех десятков человек), осмелилась выдвинуть лозунг: «Позор нам всем».

Одной из иллюзий русской литературы XIX в. было убеждение, что страдание делает людей лучше. Эту идею в наше время поддерживал Александр Солженицын, но она была полностью дискредитирована Варламом Шаламовым и другими узниками ГУЛАГа, которые настаивали на том, что опыт лагеря не улучшает, но ухудшает людей: «Лагерь — отрицательная школа жизни целиком и полностью. <...> Каждая минута лагерной жизни — отравленная минута» (Шаламов 2000: 134). Автор статьи был лично знаком или дружен с двумя десятка-

ми человек, которые в то или иное время были заключены в ГУЛАГе. Все они подтверждали мнение Шаламова.

Но то же самое можно сказать и о советском опыте в целом. Моральная деградация и дегуманизация чрезвычайно разобщенного советского общества, в котором любая форма социальной сплоченности намеренно ослаблялась, была огромной и имела далекие последствия. Несколько десятилетий террора и страха, сакрализации насилия, промывания мозгов, шпионии, подозрительности, доносительства, политической незащищенности и лишений, атмосферы нетерпимости, правового нигилизма, социальной инфантилизации, обесценивания индивидуальности и человеческой жизни, разрушения гуманистических и религиозных ценностей привели к искривлению этических принципов и разрушению моральных основ общества. Недоверие и пренебрежение к закону и справедливости, неуважение к истине и правам человека, антилиберальное мышление и поведение все еще свойственны большинству россиян.

ГУЛАГ оставил глубокие следы на психике не только заключенных и их ближайших родственников. Он оказал существенное и негативное влияние на психологию, поведение, образ жизни, ценности и антигуманистические настроения всего населения. Прямо или косвенно в деятельность ГУЛАГа и других репрессивных учреждений были вовлечены миллионы людей: следователи, прокуроры, судьи, охранни-

ки, надзиратели, служащие, инженеры, техники, врачи, политработники и т. д. Их дети были воспитаны в атмосфере лжи, насилия и доносительства (*Ivanova* 2000: 125, 184, 190). Те, кто расстреливали и сажали людей в тюрьмы, остались живы в гораздо большем количестве, чем те, кого сажали в тюрьмы.

В 1930-х и 1940-х гг. жены нередко отрекались от мужей, а мужья — от жен, дети публично отрекались от своих родителей, родственники открещивались от арестованных членов семьи. Миллионы людей были склонны к массовому психозу и истерии. В ходе публичных собраний они голосовали за смертную казнь «врагов народа», а впоследствии одобряли подавление венгерской революции, вторжения в Чехословакию и в Афганистан и другие преступления советских правителей.

Не только во время Большого террора, но гораздо позже, до самого конца Советского Союза, и, видимо, даже сейчас, большое количество людей были секретными сотрудниками и осведомителями КГБ, не брезговали доносить на своих друзей и коллег. При Сталине добровольные стукачи и оплачиваемые сексоты были вездесущи: на заводах и в колхозах, в университетах и научно-исследовательских учреждениях, даже в очередях за хлебом (*Зубкова* 2000: 10). Но и после смерти диктатора ситуация принципиально не изменилась. Можно только догадываться о численности доносчиков. Советский Союз вряд ли превзошел в этом отношении Восточную Гер-

манию. Тем не менее их было очень много (*Минутко* 2004: 153; *Козлов, Мироненко* 2005: 53).

Добровольные доносы, сделанные с целью сведения личных счетов, из карьерных соображений, ради возможности поехать за границу или просто из-за извращенного чувства бдительности, были обычной практикой. В сталинский период они часто приводили к арестам и даже казням. Позже их последствия, как правило, были менее трагичны, но недостатка в доносчиках никогда не было. За редкими исключениями их имена никогда не были преданы гласности в постсоветский период. Секретные службы по-прежнему твердо уверены в том, что осведомители были лояльными советскими гражданами, которые не совершали ничего предосудительного. Сотрудничество с КГБ не считается зазорным и в современной России. Есть свидетельства, что российский патриарх Алексей II в советское время был осведомителем КГБ под кличкой Дроздов (*Соболев, Соколов* 1998). Но почти никто не считал постыдным, что этот человек смеет проповедовать о превосходстве русской морали и духовности. Во время церемонии инаугурации он благословлял российского президента, который в не столь далеком прошлом был подполковником их общей организации. Такая ситуация вряд ли способствует искреннему покаянию и искуплению.

Немцы долго молчали, потому что они были обременены чувством вины; японцы до сих пор молчат, потому что, по мнению Яна Бурумы (*Buruma* 1994), они испытывают

чувство стыда; французы и австрийцы с запозданием постепенно признают вину за свое постыдное прошлое. Россияне не испытывают ни вины, ни стыда. В русском языке отсутствует слово, хотя бы отдаленно напоминающее немецкое *Vergangenheitsbewältigung* (нечто вроде проработки прошлого). Сама идея индивидуальной и коллективной ответственности остается слишком расплывчатой в русской культуре и обществе (*Merridale 2000: 337*).

В таком отношении к прошлому нет ничего нового. Уже в конце советского периода все большее число людей прибегали к стратегии самоотстранения и молчаливого неприятия советского общества и его официальных ценностей. В частном порядке они признавали, обсуждали и критиковали негативные стороны советского режима. Но, как правило, это происходило без какого-либо ущерба для личной самооценки. Они обвиняли социально-политическую систему и коммунистических правителей, но отнюдь не самих себя (*Kon 1993: 399*). Те, кто достиг совершеннолетия к моменту крушения Советского Союза, являются достаточно взрослыми, чтобы иметь конкретные воспоминания о «периоде застоя», но не созрели для того, чтобы принять на себя гражданскую ответственность за советское прошлое (*Nadkarni, Shevchenko: 2004: 510*). Сама мысль, что они могут нести бремя коллективной ответственности за дела своих отцов и дедов, абсолютно чужда им.

В истории ни одной другой страны границы между преступниками, пособниками и жертвами не были так

размыты, как в Советской России. Вина немцев была более очевидной, потому что они в основном убивали «других». В России же, в дополнение к «другим», одни «свои» убивали других «своих», а затем эти убийцы были, в свою очередь, убиты опять же «своими» убийцами. Но даже эта формулировка является большим упрощением. Не только многие сталинские палачи и пособники становились жертвами, но и некоторые жертвы, если им удавалось выжить, позже могли стать пособниками или даже преступниками. Проблема коллективной ответственности, даже в случае ее признания обществом, ставит много сложных вопросов.

Вряд ли можно ответить однозначным образом на мучительный вопрос: как отличить пособников от жертв? Дьявольское устройство тоталитарных режимов приводило к тому, что подавляющее большинство людей превращались не просто в конформистов. Они становились активными или пассивными соучастниками преступлений, иногда невольными, но тем не менее соучастниками. Как сказал Вацлав Гавел, в коммунистических странах все в какой-то мере несло ответственность за преступления.

Неудивительно, что в настоящее время большинство россиян считают себя не соучастниками, а невинными жертвами. Они всегда были только жертвами, а преступниками были «другие», хотя нет единого мнения о том, кого надо отнести к числу этих «других»: Сталина и его приспешников, коммунистов, фашистов, империалистов, евреев

и других «инородцев»? Ощущение собственной невинности достигается через построение оппозиции «мы — они». «Мы» становится недифференцированной категорией, «они» превращаются в абстрактное зло. Представление о народе-жертве создает иллюзию единства нации, но за эту иллюзию приходится платить дорогой ценой. Нежелание общества признать собственную ответственность почти неизбежно приводит к его солидарности с недемократической властью.

В посттоталитарных странах обобщающие символы и другие публичные проявления общественных представлений имеют важное значение, потому что они могут в какой-то степени препятствовать забыванию и способствовать включению субъективного опыта в коллективную память. Снос памятников преступникам и строительство мемориалов, посвященных их жертвам, демонстрируют, что государство и общество отвергают преемственность с преступным прошлым. Одним из самых ярких символов падения Советского государства стал момент, когда гигантский подъемный кран с грохотом сдернул с помоста перед входом в штаб-квартиру КГБ статую «железного Феликса» — основателя советской тайной полиции и жестокого фанатика Феликса Дзержинского. Однако это событие не было подкреплено другими подобными символическими действиями.

Трагические события советской истории не получили адекватного символического воплощения в России. В Москве и Санкт-Петербурге суще-

ствуют, соответственно, проспект Сахарова и площадь Сахарова, на последней даже стоит памятник Сахарову, установленный вопреки протестам его вдовы. При этом его наследие игнорируется. Очень немногие мемориалы способствуют восприятию прошлого в его реальном виде. Гораздо большее число памятников, в том числе созданные в постсоветский период, отмечены страстью к преувеличенной монументальности (Khazanov 1998: 300ff.) и предлагают «лакированную» версию этого прошлого. Памятники жертвам репрессий ставят перед создателями более сложные художественные, концептуальные и политические проблемы, чем памятники героям. Даже их основная цель остается спорной: должны ли они вызывать скорбь, хранить память, обвинять, воспитывать или объединить все эти функции? Тем не менее основной причиной пренебрежения памятью жертв репрессий в России являются не отсутствие традиции и не концептуальные проблемы, а отсутствие желания.

В стране очень мало мест, способных породить в людях мысли и чувства о болезненном прошлом. Памятники жертвам советских репрессий очень редки. В основном это неприметные памятные камни, таблички, знаки и лишь в нескольких случаях — статуи. К 2002 г. их насчитывалось около 420. Многие из них воздвигнуты за пределами России, в других бывших советских республиках⁸. Без инициативы

⁸ Московская мэрия запретила митинг в День политзаключенного // Lenta.ru. 2002. 30 октября. URL: lenta.ru/russia/2002/10/30/meeting.

неправительственных общественных организаций в России вообще не было бы ни одного памятника жертвам репрессий. Но эти памятники весьма двусмысленны и даже не могут быть восприняты как утверждение «никогда больше».

Из-за своего преимущественно абстрактного характера они избегают конфронтации. Они намеренно деполитизированы. Им не хватает обычных символов страдания, репрессий и протеста, таких как цепи, решетки, связанные руки, сжатые кулаки. В лучшем случае они передают горе и печаль, но они не объясняют их причины, они не протестуют и не обвиняют (*Эткинд*: 2004, 68–70). Большинство из них содержат надпись: «Жертвам политических репрессий». Но кто несет ответственность за эти репрессии — остается неясным. Аналогичные памятники в Чехии или Венгрии содержат однозначный ответ: «коммунисты». В России преступники остаются неназванными, а зло — анонимным. Тем самым игнорируется сама идея политической ответственности.

Редким исключением является камень на Троицкой площади в Санкт-Петербурге, посвященный жертвам коммунистического террора. Он был построен в основном благодаря пожертвованиям бывших узников ГУЛАГа и неправительственных организаций, участвующих в сохранении памяти о советских репрессиях.

Пожалуй, наиболее показательной в этом отношении является долгая история до сих пор не воздвигнутого национального памятника

жертвам репрессий. В первый раз идея такого памятника была предложена Хрущевым на XXII съезде КПСС в 1961 г. Примечательно, что под жертвами он подразумевал только «товарищей, которые стали жертвами произвола» (XXII Съезд 1962: 587). Горбачев возродил это предложение на XIX партийной конференции в 1988 г., подразумеваемая памятник жертвам «беззакония и репрессий» — в действительности очень расплывчатое понятие. Ельцин обещал то же самое, но опять безрезультатно.

Сегодня только гранитный камень отмечает в Москве место, где планировалось возвести национальный памятник жертвам репрессий. В 1990 г. общество «Мемориал» доставило камень на Лубянскую площадь (в советские времена — площадь Дзержинского) с Соловецких островов, места первого тюремного лагеря, созданного уже при Ленине. Лубянская площадь примечательна тем, что на ней расположена штаб-квартира советской тайной полиции, которая обрекала миллионы людей на страдания, пытки и смерть. Памятник жертвам должен был быть построен на площади, где до сих пор обретаются непокаявшиеся преступники. Пресловутое здание на Лубянской площади и в настоящее время занято ФСБ, наследниками советских чекистов. Предложение перенести камень на место снесенного памятника Дзержинскому и таким образом придать ему дополнительный символический смысл, было отклонено российским парламентом. Тем более было отвергнуто предложение членов общества «Мемориал», сде-

ланное в конце 1980-х, превратить штаб-квартиру КГБ в национальный музей репрессий.

Кроме того, уже предпринято несколько попыток, чтобы восстановить на Лубянке памятник Дзержинскому. Примечательно, что в 2002 г. одним из инициаторов этого проекта стал тогдашний мэр Москвы Юрий Лужков, который лично руководил снятием памятника в 1991 г. Пока Кремль считает это неприемлемым по политическим причинам, но нельзя быть уверенным, что ситуация не изменится в будущем⁹. На самом деле несколько памятников Дзержинскому стоят в других местах. Те, кто продвигают его положительный имидж, утверждают, что он заботился о бездомных детях, умалчивая, что Дзержинский стал заботиться о них после того, как при его активном участии большевики убили их родителей. Если эти попытки увенчаются успехом, то нахождение памятника погибшим на одной площади с памятником палачу будет новым и еще большим оскорблением их памяти.

Может быть, это к лучшему, что мемориал жертвам репрессий еще не стоит в российской столице. Может быть, скромный гранитный камень является более подходящим символом, чем памятник помпезный, холодный и фальшивый – ничего лучшего в текущем политическом и художественном климате России ожидать не приходится. Исключения, вроде скромного, но волнующего памятника работы

Михаила Шемякина в Санкт-Петербурге, чрезвычайно редки. Чудовищное, в стиле скульптур острова Пасхи, сооружение под названием «Маска Скорби», которая пристально смотрит вниз на гавань Магаданского порта на Дальнем Востоке, куда на баржах доставляли заключенных на их последнем пути, является явным провалом скульптора Эрнста Неизвестного. «Маска» показывает, каким может быть национальный памятник, если он все-таки будет построен в настоящее время. Учитывая неоднократно выраженное желание Путина прекратить все дебаты о жертвах и покаянии, подобный памятник, по всей вероятности, передавал бы заведомо ложное сообщение: «Они мертвы. Но мы вложили много денег в память о них. И теперь мы им ничего не должны».

В конце 1980-х и в начале 1990-х гг. каждый год 30 октября у Соловецкого камня в память жертв репрессий собирались тысячи людей, старых и молодых, репрессированные, их родственники, либеральные политики и просто те, кто осудил советские преступления. Начиная с 1974 г. политические заключенные и диссиденты в Советском Союзе отмечали этот день как День политических заключенных. 18 октября 1991 г. Верховный Совет Российской Федерации постановил, что 30 октября будет официально отмечаться как День памяти жертв политических репрессий. Но в настоящее время число тех, кто приходит к Соловецкому камню в день поминовения, сократилось в лучшем случае до нескольких сотен, в основном пожилых людей. Некоторым

газетам хватает бесстыдства, чтобы упоминать об этом с плохо замаскированным злорадством.

Рядовые граждане демонстрируют полное безразличие к Соловецкому камню и к тем, для кого он остается главным символом репрессий. 1999 г., когда автор статьи возлагал цветы к камню, — он имел обыкновение делать это во время всех визитов в Москву — приятельница, которая сопровождала автора, посоветовала сломать стебли цветов, объяснив, что иначе они будут немедленно украдены. В 2003 г. автор был свидетелем того, как несколько человек использовали камень в качестве подставки, на которой они разместили несколько бутылок пива и закуску для того, чтобы насладиться выпивкой на свежем воздухе. Они ничуть не стыдились своего поведения, потому что, когда автор стал их снимать на камеру, они приветливо замахали руками. Многочисленные прохожие, которые оказались поблизости, не обращали на них никакого внимания и не считали их поведение отвратительным.

Но может быть и хуже. Во Владивостоке памятник великому поэту Осипу Мандельштаму, который погиб в ГУЛАГе, за последние несколько лет был неоднократно осквернен. В конце концов его пришлось перенести в другое место. В Санкт-Петербурге памятник жертвам репрессий также много раз осквернялся надписями: «Иуды», «Слишком мало казнили», «Да здравствует великий Сталин».

Точно так же захоронения жертв, даже в тех немногих случаях, когда

они обнаружены и сохранились, не включаются в число мест национальной памяти. Очень мало сделано для сохранения лагерей ГУЛАГа в качестве объектов национальной трагедии и скорби. Единственным исключением является лагерь для политических заключенных, созданный в 1972 г., на месте которого в 1994 г. был открыт музей «Пермь-36». Ни одно из этих мест памяти не стало центром каких-либо значительных церемоний, инициированных государством.

В последнее время на местах преступлений советского времени появляется все большее число крестов и часовен. Таким образом православная церковь с согласия и поощрения правительства «приватизирует» места страданий. Возведение крестов на местах лагерей, массовых захоронений и других объектов, связанных с репрессиями, стало обычной, но сомнительной практикой. Православные коннотации исключают из памяти очень значительное число других жертв: протестантов, католиков, евреев, мусульман, буддистов, атеистов и др. Не менее важно, что церковь отмечает память о страданиях без какого-либо упоминания об их причинах. Она не делает различия между жертвами и теми палачами, которые впоследствии также были казнены. Церковь утверждает, что благодаря своей насильственной смерти все они стали мучениками, имеющими право на искупление. Далеко не все в России согласны с таким подходом. Таким образом, не только память, но и церемонии поминовения становятся спорными и разъединяющими.

В целом память, содержащаяся в памятниках жертвам, неадекватно отражает реальное прошлое. Они становятся почти невидимыми в ландшафте, в сознании и в воображении россиян, потому что в большинстве своем не вызывают сильную эмоциональную реакцию. Мемориальная история в России оказалась неспособной передать боль и осуждение. Она выглядит беззубо. Но все эти рассуждения в настоящее время становятся чисто академическими. С приходом Путина к власти и частичной реабилитацией советского прошлого строительство новых памятников было практически заблокировано.

Как это ни прискорбно с моральной точки зрения, европейский опыт показывает, что можно перейти к либеральной демократии, отодвинув на второй план или даже забыв на время позорное прошлое (*Garton Ash* 2002: 266ff.; *Rosenberg* 1995). Но едва ли возможно совершить успешный переход, прославляя его. Если прошлое продолжает тянуть Россию и ее народ назад, может быть, стоит на некоторое время оставить определенные факты прошлого в покое. Однако Путин любит повторять, что нет будущего без прошлого, и россияне не должны просто сбрасывать прошлое со счетов. Проблема заключается в том, какое именно прошлое следует вспоминать?

В период авторитарного правления Путина происходит очередной пересмотр советской истории. Он вызывает очень мало протестов, потому что отражает и одновременно использует в своих интересах

преобладающие настроения в России. Большой имперский стиль снова в моде. Ностальгия по идеализированной версии советского прошлого активно эксплуатируется контролируемым государством телеканалами и другими средствами массовой информации. Многообразные перепевы «старых песен о главном» представляются как явление неполитическое. На самом деле преследуются ясные политические цели. Вместо того чтобы формировать критический подход к восприятию советского периода, российские власти скрывают его негативные аспекты.

Путин и нынешняя правящая элита, более 25 % которой состоит из военных и представителей спецслужб (*Крыштановская* 2004: 264), не принадлежат к поколению покаяния. Они являются детьми поражения. Путин откровенно заявляет, что величайшей катастрофой XX в. были не две мировых войны, не Холокост и ГУЛАГ, а распад Советского Союза. В то же время Путин и его советники хорошо осознают повсеместное разочарование демократическими идеалами в современной России. Его авторитарная политика, великодержавная и просоветская риторика встречают широкое общественное одобрение. Российский президент утверждает, что в советские времена люди жили и трудились не напрасно. Этот подход можно резюмировать следующим образом: не следует унижать русский народ, подчеркивая позорные факты его прошлого. Более целесообразно представить это прошлое как не особенно постыдное или, что

еще лучше, как такое, которого вообще не следует стыдиться. Репрессии уравниваются освоением космоса и достижениями советского балета, смещаясь на периферию официального нарратива (Афанасьев 2001: 155–157). Эта позиция отражает общее настроение и, следовательно, рост просталинских симпатий в России (Ferretti 2002: 65–81).

Преступники и их политические преемники всегда стремятся скрыть истинную историю, по крайней мере принизить ее значение. Недавнее засекречивание многих фондов государственных архивов, которые были частично рассекречены после 1991 г., только один пример этого процесса. Путин не раз высказывался в том смысле, что «невозможно ставить на одну доску нацизм и сталинизм». Смысл этих заявлений понятен: в России не будет Нюрнберга, забудьте об этом. Нераскаявшийся бывший офицер КГБ Путин лично способствует попыткам восстановления ложного мифа о чекистах как нравственно чистых, самоотверженных и благородных рыцарях с «холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками», единственная цель которых состояла в честном служении советскому государству. Уже в 2001 г. он заверил своих бывших коллег, что они должны не стыдиться, но гордиться своим прошлым (LaFraniere 2002). Одним из первых действий Путина на посту президента было восстановление бюста Андропова в штабквартире ФСБ и установка мемориальной доски в память о главе КГБ на здании этой организации (Пачена 2004).

Бремя истории оказалось невыносимым для современной России. Между памятью и знанием пролегла пропасть. Мы наблюдаем, как справедливость и историческая память заменяются амнезией, а преступное прошлое остается безнаказанным. Государство вновь ужесточает свой контроль над образованием и навязывает единообразие в преподавании истории. Советская история репрессий вновь подвергается репрессиям.

России не хватает аналога польского Государственного института национальной памяти (Instytut Pamięci Narodowej). Самоотверженные добровольцы и немногие профессиональные историки продолжают публиковать новые материалы о репрессиях и их жертвах, особенно в российских регионах. Но эти материалы издаются малыми тиражами (обычно несколько сот экземпляров) и в основном ориентированы на ученых и заинтересованных лиц. Несколько неправительственных организаций, прежде всего общество «Мемориал» и Сахаровский центр, являющиеся хранителями контр-памяти, выживают только благодаря международной финансовой поддержке. За свою благородную деятельность обе организации объявлены иностранными агентами. Их деятельность очень важна, потому что в нынешней ситуации она становится своего рода протестом не только против преступлений прошлого, но и против несвободного настоящего. Но усилий, предпринимаемых «Мемориалом» и Сахаровским центром, явно недостаточно для изменения коллективной памяти.

К сожалению, протест против «возвратного» пересмотра советской истории очень слаб, поскольку этот пересмотр отражает преобладающие настроения в современной России. Не только политическая элита, но и общество в целом не желает, чтобы преступления советского времени стали ядром коллективной памяти. Популярность Путина доказывает, что принадлежность к КГБ не является в настоящее время клеймом. Наоборот, спецслужбы довольно популярны в стране, стремящейся к порядку и стабильности.

Чрезмерный страх быть обвиненными в никогда не существовавшей «охоте на ведьм» и желание достичь соглашения с коммунистической номенклатурой, так явно продемонстрированные российскими либералами после провала путча августа 1991, произвели обратный эффект. В странах, которые пытаются построить демократический порядок на руинах тоталитаризма или авторитаризма, не всегда необходимо и целесообразно сажать «ведьм» в тюрьму. Тем не менее им следует четко указать на их место в новом обществе. Иначе «ведьмы» снова выходят на охоту, как это происходит сегодня в России.

Тоталитарные режимы всегда являются революционными в идеологическом отношении. Они предполагают массовую мобилизацию и массовое участие. Они основаны на демонстративном отказе от традиционных моральных ценностей, которые могли бы побудить людей колебаться или испытывать чувство вины. Они намеренно стремятся вовлечь большинство общества в про-

цесс репрессий (*Linz* 2000: 105, 107). В Советском Союзе миллионы людей не только выполняли приказы, но и верно служили коммунистическому режиму. В этих условиях трудно провести различие между преступным руководством и невинной нацией. Это одна из причин того, что после крушения тоталитарных режимов многие из живших при них людей придерживаются неоднозначного отношения к тоталитарному прошлому и не желают критически оценивать свое собственное поведение в то время. Степень, в которой большинство признает свое соучастие в преступлениях, устанавливает пределы публичного покаяния. Большинство людей, которые жили в условиях тоталитарных режимов, неспособны к искреннему и полному раскаянию. В этом нет ничего необычного. Во второй половине 1940-х и в 1950-х гг. большинство немцев воспринимали нацистский режим как кучку фанатиков, которые обманули добрый и невинный немецкий народ (*Moeller* 2002: 191–228).

Необходима смена одного или даже двух поколений, чтобы стали возможны искреннее покаяние и готовность отвечать на неудобные моральные вопросы трагического прошлого. Но сознание и поведение этих новых невинных поколений должны быть сформированы в условиях политической демократии, гражданского общества и экономического процветания. Только эти поколения с радикально иными мировоззрением и жизненными ценностями могут, да и то далеко не всегда, набраться смелости и честности, чтобы призвать

поколение своих отцов и дедов к ответу.

Все это очень далеко от нынешних российских реалий. В России вновь «распалась связь времен». Лично прожитая история, история, которую рассказывают дома, и та, которую преподают в школе и проповедают в средствах массовой информации, вновь разошлись между собой, как это было в конце советского периода. Национальный консенсус в отношении советского прошлого сегодня отсутствует, и россияне до сих пор не могут отделить свое настоящее от прошлого. Российское общество упустило возможность критической оценки прошлого. Вместо этого оно быстро устало от памяти о страданиях и репрессиях.

Не случайно главный нарратив путинского режима воспроизводит мифологизированную и сакрализованную версию Второй мировой войны, созданную в брежневский период. Победа во Второй мировой войне (Великая Отечественная война, согласно официальной терминологии) служила легитимации коммунистического правления гораздо лучше, чем большевистский переворот 1917 г.

В начале 1990-х гг. были предприняты некоторые попытки пересмотреть многие из давних мифов о войне, но их возрождение в средствах массовой информации началось вскоре после того, как Путин пришел к власти. В «нулевые» годы XXI в. военная тема занимала от 6 до 8% всего эфирного времени на основных, контролируемых го-

сударством, российских телеканалах (Гудков 2005). Сегодня эта доля не уменьшилась. Сконструированное подобным образом прошлое успешно влияет на настоящее. Миф о войне удерживает свои позиции на поле битвы за национальное прошлое. Как заметил писатель Виктор Астафьев: «Выдумки о войне вычеркнули из памяти тех, кто действительно воевал».

По мнению подавляющего большинства россиян, война была самым важным событием в истории XX в. Это немного, чем можно гордиться. Но в то же время для значительного числа российских граждан сама война и победа в ней служат оправданием репрессивного советского режима. Победа, по их мнению, списала все катастрофические просчеты и некомпетентность советского руководства, ею оправдываются огромные боевые потери и страдания мирного населения, которых можно было избежать. Таким образом, создается чувство национального единства, которое экстраполируется и на другие периоды советской истории (Weiner 2001; Гудков 2005).

Чем сильнее пропагандируется лакированная версия войны, тем больше память о сталинских репрессиях уходит вглубь русской коллективной памяти. В то же время «Великий Сталин» идеализируется возрастающим числом граждан. Согласно опросам Левада-Центра, в период с 1998 по 2003 г. значение репрессий для истории России упало в общественном сознании с 29 до 1%, в то время как позитивные оценки роли Сталина возросли с 19

до 53 % (Дубин 2003а: 13–25; 2003б: 26–40; Левинсон 2004).

Эти изменения в отношении к прошлому активно поощряются и пропагандируются путинским руководством. Достаточно отметить, что в 2002 г. Путин призвал не забывать о военных заслугах Сталина и одобрил чеканку серебряных монет с его портретом (*LaFraniere* 2002). 21 декабря 2004 г., в день рождения генералиссимуса, один из лидеров правящей партии Единая Россия и спикер Государственной Думы Борис Грызлов призвал к переоценке исторической роли диктатора. Он заявил, что некоторые «перегибы» во внутренней политике не должны заслонять выдающуюся личность «лидера страны» Сталина, который «сделал очень много для победы в Великой Отечественной войне» (*Кашин, Новиков* 2004).

В настоящее время молодые россияне отвергают знание о травматическом прошлом. Они предпочитают покончить с этим знанием. Общественный интерес к советским преступлениям и сочувствие их жертвам стремительно уменьшаются. Оттесненные на задний план в официальном нарративе, они не только теряют свое значение в коллективной памяти, но также исчезают из частных воспоминаний. В конце концов, зачем прилагать особые усилия, чтобы идентифицировать себя с предками, которых никогда не видел, о которых мало что известно и чья судьба стала далекой историей?

Похоже, что Россия может служить примером для известного изре-

чения американского философа Джорджа Сантаяны о том, что те, кто не помнят прошлого, обречены повторять его. История намеренно подчищается и лакируется, чтобы она выглядела более приемлемой. Она снова стала ретроспективной проекцией текущей политики. Массовое сознание склоняется к ложной идее, что история может быть поправлена и улучшена задним числом, что нет необходимости покаяться в преступлениях прошлого и что все можно разрушить, а потом восстановить заново.

Неудивительно, что Россия стала страной псевдореалий: псевдодемократии, псевдокапитализма, псевдоистории, псевдопамяти, псевдопокаяния. Только политическая власть в России сегодня, как и во все времена, является реальностью. Такая ситуация вряд ли изменится до тех пор, пока не будет решена более общая проблема: как преодолеть прошлое, не отрицая его? Только будущее покажет, когда и как это будет сделано в России и будет ли это сделано вообще.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РОССИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Слова Уильяма Фолкнера: «Прошлое еще не умерло. Оно даже не стало прошлым» («The past is not dead. It is not even past») — с успехом можно применить к характеристике современной России.

Эта статья была опубликована в 2009 г., но, увы, за истекшие годы принципиальных изменений в затронутых в ней проблемах

не произошло. Напротив, отмеченные негативные явления стали сейчас еще более заметными. Россия снова идет своим особым путем, который уже не раз заводил ее в тупик. Во всех тоталитарных и авторитарных странах прошлого и настоящего политическая полиция всегда была и остается инструментом власти. И только в России она сама стала ВЛАСТЬЮ. По словам Джорджа Оруэлла: «Если свобода вообще означает что-либо, так это право говорить людям то, что они не хотят слышать» («If liberty means anything at all, it means the right to tell people what they do not want to hear») Но не только люди, российские власти тоже многое не желают слышать и посягают на права и саму свободу своих критиков. И вот уже старейшина правозащитного движения в Советском Союзе, Людмила Алексеева, призывает вспомнить старую самиздатскую литературу о том, как вести себя на обысках и допросах (Хачатуров 2016). (Можем рекомендовать в качестве таковых работы Владимира Альбрехта – по собственному опыту знаем, что они очень помогали).

Но это о настоящем. В отношении советского прошлого власть может позволить себе известную терпимость, потому сам вопрос о преступниках и жертвах советского режима в значительной мере потерял свою актуальность если не для отдельных людей, то для общества в целом и даже для самих властей. Почему бы не продемонстрировать свою либеральность и терпимость и не установить еще несколько монументов и повесить еще некоторое количество мемориальных досок?

По личному указанию президента Путина в 2017 г. в Москве даже предполагается установить Стену Скорби – памятник жертвам политических репрессий.

Все эти меры для властей сейчас безвредны. В сущности, они ничего не меняют в настроениях большинства людей, для которых сейчас гораздо важнее, что Крым снова наш, американцы, гомосексуалисты и украинские фашисты – снова враги, а пятая колонна, как всегда, ведет свою подрывную деятельность внутри страны. Почему бы в таких условиях не перевести хороший, по отзывам, Государственный Музей Истории ГУЛАГа в более просторное здание и одновременно объявить Общество «Мемориал» и Сахаровский Центр – иностранными агентами?

Если встать на позицию властей, то такая политика вполне разумна. Память невозможно запретить. Там, где государство определяет, что именно должно быть включено в коллективную память, неизбежно возникает альтернативная память. Те, для кого все еще важны преступления советской эпохи, все равно будут о них помнить. Почему бы не дать им несколько публичных символов и даже музеев? Главное, чтобы их память оставалась маргинальной и не была включена в официальный нарратив.

Советские власти этого не понимали, но нынешние, похоже, усвоили урок. Беда в том, что в авторитарных странах альтернативная память во многом функционирует на личном или, в лучшем случае, на группо-

вом уровне. Она не может конкурировать с официальным нарративом, который государство с помощью прирученных и прикормленных ученых и деятелей культуры пропагандирует и навязывает обществу в школах, вузах, многочисленных публикациях, средствах массовой информации, кино, монументах, церковных проповедях и т. п. Лишь пожилые люди лично помнят советское прошлое, а сталинское — почти никто уже лично не помнит. И далеко не все из этих людей относятся к нему негативно. Более молодые поколения уже не помнят, а знают о нем посредством исторической, или по иному — коллективной памяти. Но такая память, в отличие от индивидуальной, никогда не является естественной. В авторитарных странах она всегда конструируется политическими, а иногда и иными элитами, выступающими в согласии с властями. И если коллективная память искажена и далека от истины, то и результаты будут соответствующими.

В этой связи стоит обратиться к примеру современной Германии. Там государство и гражданское общество не дают своим соотечественникам забыть о преступлениях нацистского режима. Напротив, современному поколению немцев внушается мысль, что, будучи лично невиновными, они как нация все еще несут ответственность за преступления прошлого. Не все немцы довольны такой позицией, но именно таков главный нарратив (*master narrative*). О преступлениях нацизма дети знают если не от родителей, то со школьной скамьи, их специально возят в бывшие конц-

лагеря, превращенные в памятные мемориалы, и в многочисленные музеи. Об ужасах нацизма опубликовано множество документальных и художественных книг, сняты многие фильмы и телевизионные передачи, напоминают многочисленные памятники и мемориальные доски. Однажды в Иерусалиме, в Яд ва-Шем, музее и мемориале, посвященном жертвам Холокаста, автор встретил группу немецких детей, правда, слишком шумливых для такого места. На наш вопрос, как они здесь оказались, они ответили, что их специально привезли в Израиль для посещения Мемориала. Половину денег на такую поездку собрали их родители, а другую половину оплатило правительство. Трудно представить, чтобы российское правительство финансировало посещение мемориалов, посвященных ГУЛАГу.

В Москве или Петербурге можно прожить всю жизнь, не столкнувшись, если нет желания, с напоминаниями о преступлениях советского режима. В Берлине в отношении преступлений нацизма это невозможно. О них буквально на каждом шагу вызывают мемориал жертвам Холокоста, памятники убитым рома (цыганам) и гомосексуалистам, Еврейский музей — архитектурный шедевр Даниэля Либерскинда, в который с утра выстраиваются очереди, полуразрушенная синагога, превращенная в мемориальный музей, многочисленные мемориальные доски и многое, многое другое. И у всех у них одно послание — стыдитесь и не забывайте, помните, помните, помните. Все это вместе взятое создает если не полную, то

хорошую прививку от соблазна нацизма.

В 2005 г., будучи по научным делам, далеким от темы этой статьи, в Институте социальной антропологии в Халле (Заале), автор узнал из газет, что в Лейпциге открылась передвижная выставка, посвященная преступлениям вермахта во время Второй мировой войны. Об этой выставке автор уже читал и слышал. Она вызвала в Германии неоднозначное отношение, потому что развеивала последний, но все еще живущий в некоторой части немецкого общества миф о том, что вермахт, в отличие от СС, воевал «честно» и в зверствах не повинен.

Автор решил съездить в Лейпциг и посетить выставку. Чтобы попасть на нее, нам пришлось отстоять в длинной очереди, потому что интерес к ней был велик и многие люди приезжали ради нее из других городов. Сама экспозиция не показалась особенно интересной. О преступлениях вермахта автор знал гораздо больше современных немцев. Но было любопытно наблюдать за их поведением. Несмотря на множество народа, среди которого преобладала молодежь, в залах царило гробовое молчание, как на кладбище. Лица многих людей выражали страдание, боль и стыд, на глазах некоторых молодых женщин стояли слезы. Оказалось, что их отцы и деды, которые уверяли их, что были обычными солдатами и поэтому ничем себя не замарали, тоже были в лучшем случае если не прямыми преступниками, то их сообщниками. И была заметна готовность принять эту горькую правду, пусть

не всеми посетителями выставки, но многими. После падения коммунистического режима Россия могла бы и должна была последовать немецкому примеру. Но она не последовала.

На обратном пути автор решил заодно посетить Музей Штази (ГДРовского аналога КГБ), расположенный в том же Лейпциге. Он оказался пуст. Автор был его единственным посетителем. Директор его, вышедший автору навстречу, оказался очень любезным и знающим человеком. Он обратил наше внимание на особенно интересные экспонаты, которые сам автор мог бы упустить, кое-что объяснил, подарил автору все публикации музея, которые автор потом переслал в «Мемориал». Под конец автор решился задать явно неприятный для него вопрос: почему в музее нет посетителей? Он с горечью ответил, что сначала было очень много веси (западных немцев). Им все было интересно и даже приятно. Наконец-то в немецкой истории нашлась такая мрачная страница, в которой они не были повинны. Но теперь они уже насмотрелись. А осси (восточные немцы), среди которых каждый третий был стукачем (думаем, что это все же преувеличение) о Штази и так хорошо знают или предпочитают поскорее забыть. Не правда ли, знакомая ситуация?

Кстати, в отличие от России, тщательно оберегающей своих осведомителей как достойных членов общества, архивы Штази открыты, и каждый желающий может ознакомиться со своим делом и узнать имена тех, кто на него доносил. Один

наш коллега рассказал, как горько ему было порвать отношения с лучшим другом, когда выяснилось, что тот исправно доносил на него в течение многих лет.

Жаль, что в России эта практика была отвергнута даже в самые либеральные посткоммунистические годы. Уж не потому ли, что советское прошлое некоторых «новых демократов» трудно назвать незапятнанным? Об этом, приводя конкретные имена и детали, нам много рассказывала наш друг, Галина Старовойтова, примерно за полгода до ее убийства.

Недавно «Мемориал» опубликовал отличную базу данных «Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939»¹⁰. Хотелось бы надеяться, что ему удастся продолжить эту работу и что будет установлена личная ответственность каждого сотрудника репрессивных органов. А уж если совсем размяться, то было бы очень желательно предать гласности имена сексотов и доносчиков. Говорят, что надо щадить их детей и внуков. А как же быть с детьми и внуками тех, кого доносчики обрекали на смерть или заключение? Они имеют право узнать полную правду. Дети ответственны за свои поступки, но отнюдь не за поступки своих родителей и предков. Стукачей не надо наказывать в юридическом порядке, немцы этого не дела-

ют. Но страна должна знать их имена, хотя бы для того, чтобы другим неповадно было.

А в России тем временем создается новый официальный нарратив, новая официальная версия российской истории. Начало ему было положено созданием нового государственного символизма, призванного объединить всю русскую историю и представить ее в положительном виде: герб Московского царства, флаг Российской Империи и Советский гимн. Не забыто и Красное знамя — оно стало теперь символом победы над нацистской Германией. Недавно открытый гигантский памятник другому Владимиру тоже явно имеет символическое значение.

Официальные нарративы существуют и в других странах. Но для того чтобы стать успешными, они должны быть приняты и интериоризированы большинством общества — полное единомыслие в этом отношении и невозможно, и вредно. Люди, создающие контрнарративы, должны иметь полную возможность их отстаивать и пропагандировать. С теми или иными индивидуальными особенностями, именно так обстоят дела в демократических странах. Поэтому официальные нарративы в них являются полем борьбы различных политических и общественных сил за коллективную память и национальную историю. Поэтому они никогда не остаются неизменными. Даже в России до сих пор публикуется много книг и статей, критически и по-новому оценивающих различные события и аспекты ее истории. И не только

¹⁰ URL: nkvd.memo.ru/index.php?title=%D0%9D%D0%9A%D0%92%D0%94:%D0%93%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0.

книги. Само существование журнала, в котором публикуется эта статья, было бы невозможно в советские времена, а ее редактор уже отбывал бы свой срок в ГУЛАГе. Хочется надеяться, что возможность для свободного высказывания сохранится в России и в будущем.

Хорошо американцам. Прежде всего, их исторический нарратив создается и изменяется не столько государством, сколько гражданским обществом. Он формируется в результате новых исторических исследований, открытых дискуссий, полемики и изменений в общественном мнении. Включение в официальный нарратив происходит только тогда, когда изменения и новая оценка исторических событий принимаются большинством общества. Государство даже не имеет права решать, по каким учебникам школьники должны изучать историю своей страны. Поэтому такой нарратив может быть лучше характеризовать не как официальный, а как коллективный или исторический. Государство лишь принимает происходящие в общественном мнении перемены, хотя и оказывает на них определенное влияние — на то оно и государство. Но в США придерживаются строгого разделения властей, которые к тому же постоянно меняются в результате выборов. Уже поэтому влияние государства на главный нарратив весьма ограничено.

Поэтому американский исторический нарратив содержит мало противоречий и легко интериоризируется большинством граждан, как теми, кто гордятся своим происхождением от первых поселенцев,

как и теми, кто стали американцами во втором или даже в первом поколении. Его основные моменты, в отношении которых существует консенсус большинства американцев, сводятся к следующему: постепенное заселение континента иммигрантами из Старого Света, Американская революция и национальные герои, отцы-основатели — Вашингтон, Джефферсон, Гамильтон, Адамс, Мэдисон, Франклин, основание республики и принятие Конституции — предмет национальной гордости, которая существует уже 240 лет всего с 27 поправками, Гражданская война, Линкольн и освобождение рабов, участие США во Второй мировой войне и победе над Германией и Японией, а затем в холодной войне и защите западных демократических стран, движение за гражданские права в 1960-х гг., Мартин Лютер Кинг и десегрегация.

К отрицательным аспектам американской истории главный нарратив относит многочисленные несправедливости, совершенные по отношению к американским индейцам, несмыаемый позор рабства, расизм, запрещение эмиграции в страну большинству евреев, стремившихся спастись от нацизма, интернирование американцев японского происхождения во время Второй мировой войны, за которое Конгресс впоследствии принес им официальное извинение и выплатил материальную компенсацию, маккартизм, войну во Вьетнаме и некоторые другие.

Есть и такие моменты в американской истории, по отношению

к которым консенсус отсутствует и ведутся открытые дебаты, например о законности и целесообразности применения ядерного оружия в войне с Японией. И не только дебаты, но и борьба за исторический нарратив. Так, черные американцы успешно добиваются сейчас того, что флаги побежденной в Гражданской войне Конфедерации один за другим снимаются с Капитолия южных штатов. Далеко не все белые южане с этим согласны, но большинство американцев не на их стороне. Есть и другие открыто пропагандируемые контрнарративы. Например, чернокожие студенты недавно начали кампанию за устранение публичных памятников Джефферсону, потому что он был рабовладельцем. Думаем, что эта кампания успехом не увенчается, потому что большинство американцев считают такой подход антиисторическим: нельзя судить людей XVIII в. по меркам XXI.

Но пора возвратиться к современной России и ее новому официальному нарративу. Создается он явно с трудом. Джин был выпущен из бутылки, и загнать его в нее обратно оказывается не так уж легко. Еще в 2009 г. Медведев в бытность свою президентом приказал создать комиссию под корявым названием «Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Интересно, помнил ли он другой пресловутый документ о фальсификаторах истории, опубликованный в послевоенное сталинское время? Как бы то ни было, особых успехов комиссия не достигла. В 2012 г. она прекратила свое существование,

а «фальсификаторы» никак не могут угомониться.

Тогда вступил в дело Путин. 13 февраля 2013 г. президент приказал создать учебники отечественной истории с единой концепцией и без внутренних противоречий и двойных толкований. Под эгидой Российского исторического общества закипела работа. В 2014–2015 гг. был разработан т.н. «культурно-исторический стандарт»¹¹, были созданы новые учебники.

Хорошо было в советский период. Тогда все было ясно и понятно. История имела только две краски: белую и черную. Были герои и были антигерои. Правда, герои иногда становились антигероями, а антигерои — героями, но это уже были мелочи. Общего нарратива они не меняли. Теперь все стало значительно сложнее.

Тем не менее работа по созданию нового нарратива идет полным ходом. Не все его детали еще определены, но контуры уже проступают достаточно ясно. Гражданское общество, если таковое вообще имеется в современной России, отстранено от его создания. Официальный нарратив создается властью и обслуживающими ее научными и культурными кругами, которые зачастую стремятся «быть большими католиками, чем сам папа». В ноябре 2016 г. в московском Манеже Российское военно-историческое общество, руководителем

¹¹ URL: rushistory.org/proekty/kontseptsiyano-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otechestvennoj-istorii/istoriko-kulturnyj-standart.html

которого является министр культуры В. Мединский, а членом попечительского совета — заместитель председателя правительства РФ Д. Рогозин, открыло выставку «Война и мифы». На полу выставки нарисованы стрелки с именами Гитлера, Геббельса... и современного либерального российского политика Л. Гозмана. Самому Гозману сотрудники выставки любезно объяснили, что эти стрелки предлагают посетителям попинать ногами «врагов отечества»¹². Не напоминает ли это выражение сталинских «врагов народа»? Пока господа министры только развлекаются. А что будет дальше?

Уже ясно также, что этому нарративу не будет хватать моральной ясности. В том, что такое хорошо и что такое плохо, пока наблюдаются определенные противоречия. Новый официальный нарратив должен акцентировать, что почти все в прошлом России было положительным, и прежде всего власть, включая Рюриковичей и Романовых, против которой нельзя было бунтовать. И вот уже установлен памятник Ивану Грозному, который убил митрополита Филиппа (Колычева) и своей опричниной разорил страну. (Любопытно, предвидел ли такую возможность Владимир Сорокин, когда в 2006 г. опубликовал свою антиутопию «День опричника».) И вот уже декабристы, пока полуофициально, получают отрицательную оценку. В таком случае восстания Разина и Пугачева можно объявить бунтом бессмысленным

¹² Гозман направил открытое письмо Мединскому и Рогозину // Свобода. 2016. 30 ноября. URL: www.svoboda.org/a/28148740.html.

и беспощадным, а всех без исключения народовольцев — террористами. Не удивимся, если и до этого скоро дойдет.

В любом случае авторам новых учебников придется ответить на непростые вопросы. Почему крепостное право просуществовало в России дольше, чем в любой другой европейской стране? Как быть с большевиками и Гражданской войной? Если Николай II, при жизни получивший прозвище Кровавого, теперь объявлен мучеником, то как относиться к Ленину, мумия которого все еще лежит в Мавзолее и привлекает не столько почитателей, сколько туристов, как музеи восковых фигур мадам Тюссо? Можно утверждать, что не только красные, но и белые были по своему патриотами России и у них была своя правда, о чем, кажется, должны свидетельствовать торжественные перезахоронения Колчака и Деникина. Но вот беда, вожди красных — большевики — считали себя не патриотами, а интернационалистами и всячески раздували мировой пожар. Это уже потом, после провала надежд на мировую революцию, Сталин повернулся к патриотизму.

Очевидно, будет признано, что красные были более правы, чем белые. Только как относиться к Кронштадтскому восстанию с его лозунгом «За советы без партий»? Будет ли упомянуто о том, что среди повстанцев было много разочарованных членов большевистской партии, немедленно расстрелянных после подавления восстания? Как относиться к многочисленным крестьянским восстаниям, напри-

мер к тамбовскому, подавленному Тухачевским с применением ядовитых газов? (К нашему удивлению, в 1990-х гг. об этом упоминала одна из экспозиций в Музее Советской Армии. Не думаем, что она еще существует.) Как относиться ко всему советскому периоду в целом? Были ли политические репрессии лишь временным отклонением от правильного курса, как считал Хрущев и его последователи, или его закономерным проявлением? Но если курс был правильным, то как относиться к коллективизации, раскулачиванию и вызванным ими голодом? И самый главный вопрос: если все в основном было хорошо и правильно, то почему потерпела крах советская система?

Остается «священная корова», снова раздуваемый миф о Второй мировой войне. Но и с нею не все так просто. Как относиться к пакту Молотова – Риббентропа и тосту Сталина за Гитлера, «которого так любит немецкий народ»? Не следует ли в этом отношении взять пример с британского нарратива, однозначно оценивающего мюнхенский договор как позорное предательство? Как относиться к Финской войне, оккупации прибалтийских стран, расстрелам в Катыни?

Тысячи памятников Ленину еще стоят в России, а теперь воздвигаются памятники Сталину. Едва ли это делается без ведома и молчаливого одобрения властей. Но если диктатор, несмотря на его отдельные недостатки, был Великим вождем и полководцем, то почему страна, ценой многих лишений создавшая в 1930-х гг. мощную оборон-

ную промышленность и по количеству танков и самолетов превосходившая гитлеровскую Германию, в начальный период войны потерпела тяжелые поражения и понесла огромные человеческие потери? Почему никому не верящий мудрый Вождь вдруг поверил Гитлеру, когда во всем мире уже было известно, что нельзя верить ни единому его слову? А может быть, Вождь был не таким уж мудрым и не таким уж гениальным полководцем? Настоящими героями в войне были не Сталин и его подручные, и даже далеко не все прославляемые сейчас генералы и маршалы, воевавшие не умением, а числом. Настоящими героями были рядовые солдаты и офицеры. Так зачем же унижать память о них возрождением героев вымышленных, вроде 28 панфиловцев?

И по-видимому, будет много умолчаний. Флаг над Рейхстагом – это, конечно, хорошо, это так и просится в нарратив. Но как быть с массовыми грабежами и изнасилованиями, совершенными советской армией в побежденной Германии в 1945 г.? Отрицать их трудно, они сейчас очень хорошо документированы. Признать и покаяться? Не верим, что власти на это пойдут. Значит, опять будут фальшивые умолчания. А что скажет новый нарратив, если скажет вообще, о горькой судьбе советских военнопленных, после войны прямо попавших из немецких лагерей в советские?

Послевоенный период ставит еще больше трудностей. Как относиться к тому, что советское руководство силой навязало коммунисти-

ческий режим странам Восточной Европы? Как оценивать подавление венгерской революции, вторжение в Чехословакию, авантюру в Афганистане? Нетрудно представить себе реакцию этих стран, если в их отношении будет возрожден советский нарратив. Да они уже реагируют. В ответ Государственная Дума в конце ноября 2016 г. объявила, что «не допустит ревизии послевоенного мироустройства»¹³. Любопытно только, как именно она намерена это сделать? И означает ли такое заявление, что Россия по-прежнему рассматривает Восточную Европу как свою сферу влияния?

Можно сделать вывод, что новый официальный нарратив, когда его наконец санкционируют, будет весьма фальшивым и не сможет избежать многих умолчаний и противоречий. И повсюду из него будут торчать волчьи уши. Но мы живем в век информационной революции. Это в советские времена можно было глушить вражьи голоса. С Интернетом и социальными сетями такое не получится. И это в свою очередь гарантирует, что контрнарратив, пусть пока и не очень влиятельный, тоже будет существовать. Хорошо хоть это.

А на очереди еще одно нововведение – предстоящий закон о российской нации. Вообще-то любой специалист знает, что нации указами и законами не создаются. Они результат специфического истори-

¹³ Госдума призвала США и Великобританию не допустить ревизии истории // РИА Новости. 2016. 30 ноября. URL: ria.ru/politics/20161130/1482481082.html.

ческого и политического процесса. Но это в других странах, а Россия, как известно, идет своим путем. Изучать и критиковать этот путь необходимо, хотя бы для того, чтобы снова и снова объяснять его тупиковость. Это печальный долг ученых, и не только российских. Поэтому после того, как закон о российской нации будет принят и если на то будет желание редакции данного журнала, мы готовы отвлечься от других научных дел и написать статью с его анализом.

В заключение мы снова хотим вернуться к одному из наших самых любимых писателей XX в., Джорджу Оруэллу. Его антигерой из романа «1984 год» верили, что тот, кто контролирует настоящее, контролирует прошлое, а тот, кто контролирует прошлое, контролирует будущее («Those who control the present, control the past and those who control the past control the future»). В отношении будущего они явно ошибались, потому что будущее непредсказуемо, и это вселяет определенную надежду. Но настоящее грустно. Был шанс, однако он был упущен. Непреодоленное прошлое всегда мстит за себя тем, что становится частью настоящего. Как уже в 1965 г. предсказал Иосиф Бродский в своем пророческом стихотворении «Песенка о свободе»:

Ах свобода, ах свобода.

У тебя своя погода.

У тебя – капризный климат.

Ты наступишь, но тебя не примут.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Афанасьев 2001 — *Афанасьев Ю.Н.* Опасная Россия. Традиции самовластия сегодня. М.: РГГУ, 2001.

Войнович 2002 — *Войнович В.* Антисоветский Советский союз. М.: Материк, 2002.

Гудков 2004 — *Гудков Л.* Негативная идентичность. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Гудков 2005 — *Гудков Л.* «Память» о войне и массовая идентичность россиян // *Неприкосновенный Запас*. 2005. № 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5.html>.

Дубин 2003а,б — *Дубин Б.* Сталин и другие. Фигуры высшей власти в общественном мнении современной России // *Мониторинг общественного мнения*. 2003а. № 1/63. С. 13–25; 2003б. № 2/64. С. 26–40.

Дугин 1999 — *Дугин А.А.* Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. М.: Наука, 1999.

Дьяков 1966 — *Дьяков Б.А.* Повесть о прежитом. М.: Советская Россия, 1966.

Зубкова 2000 — *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1993. М.: РОСС-ПЭН, 2000.

Кашин, Новиков 2004 — *Кашин О., Новиков В.* Сталина могила исправила // *Коммерсантъ*. 2004. 22 декабря. URL: <http://www.kommersant.ru/Doc/535369>.

Козлов, Мироненко 2005 — *Козлов В.А., Мироненко С.В.* Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. М.: Материк, 2005.

Кокурин, Петров 2000 — *Кокурин А.И., Петров Н.В.* (ред.) ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М.: Материк, 2000.

Крыштановская 2004 — *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2004.

Левинсон 2004 — *Левинсон А.* Люди молодые за историю без травм // *Неприкосновенный запас*. 2004. № 4/36. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/lev9.html>.

Лоскутова 2004 — *Лоскутова М.* О памяти, зрительных образах, устной истории // *Ab Imperio*. 2004. № 1. Р. 76–77.

Минкин 1998 — *Минкин А.* Прощай, умытая Россия. Интервью с Альфредом Кохом // *Новая газета*. 1998. 2 ноября.

Минутко 2004 — *Минутко И.А.* Юрий Андропов. Реальность и миф. М.: АСТ-Пресс Книга, 2004.

Пачена 2004 — *Пачена И.М.* Путин — не Петр Великий: он слеплен из андроповского теста // *Иносми*. 2004. 22 сентября. URL: <http://inosmi.ru/inrussia/20040922/213148.html>.

Пихоя 1998 — *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: История власти. 1945–1991. М.: РАГС, 1998.

Поболь, Полян 2005 — *Поболь Н.Л., Полян П.М.* Сталинские депортации 1928–1953 годов. Документы. М.: Материк, 2005.

Сиротинская 1994 — *Сиротинская И.* «Долгие-долгие годы бесед» // *Шаламовский сборник*. Есипов В.В. (ред.) Вологда: Издательство института повышения квалификации и переподготовки учителей, 1994.

Соболев, Соколов 1988 — *Соболев Б. Соколов С.* Алексей П — агент КГБ по кличке «Дроздов» // *Новая газета*. 1998. № 40. 13 октября.

Флиге 2004 — *Флиге И.* После закона о реабилитации: трансформация общественного сознания // *Мир после ГУЛАГа: реабилитация и культура памяти*. СПб.: Норд-Вест, 2004. С. 55–61.

Хачатуров 2016 — *Хачатуров А.* Трудное будущее социального государства // *Новая газета*. 2016. 20 ноября. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/11/20/70604-trudnoe-budushee-sotsialnogo-gosudarstva>.

Шаламов 2000 — *Шаламов В.* Колымские рассказы. Стихотворения. М.: Слово, 2000.

Эткинд 2004 — *Эткинд А.* Время сравнивать камни. Постперестроечная культура политической скорби в современной России // *Ab Imperio*. 2004. № 2. P. 68–70.

XXII Съезд 1962 — XXII Съезд Коммунистической партии Советского союза, 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1962.

Adler 1993 — *Adler N.* Victims of the Soviet Terror. The Story of the Memorial Movement. Westport, CT: Praeger, 1993.

Applebaum 2002 — *Applebaum A.* After the Gulag // *The New York Review of Books*. 2002. October 24.

Applebaum 2003 — *Applebaum A.* Gulag. A History. New York: Doubleday, 2003.

Bacon 1994 — *Bacon E.* The Gulag at War: Stalin's Forced Labor System in the Light of the Archives. New York: New York University Press, 1994.

Buruma 1994 — *Buruma I.* The Wages of Guilt. Memories of War in Germany and Japan. New York: Farrar Straus Giroux, 1994.

Charles, Maier 2003 — *Charles S. Maier Ch. S.* Overcoming the Past? Narrative and Negotiation, Remembering, and Reparation: Issues at the Interface of History and the Law // *Politics and the Past. On Repairing Historical Injustices*, John Torpey (ed.). New York: Rowman & Littlefield, 2003.

Cohen 1980 — *Cohen S.F.* Bukharin and the Bolshevik Revolution. Oxford: Oxford University Press, 1980.

Conquest 1990 — *Conquest R.* The Great Terror: A Reassessment. Oxford: Oxford University Press, 1990.

Ellman 2002 — *Ellman M.* Soviet Repression Statistics: Some Comments // *Europe-Asia Studies*. 54/7. 2002. P. 1151–1172.

Ferretti 2002 — *Ferretti M.* Le stalinisme entre histoire et memoire: Ia malaise de Ia

memoire russe. *Materiaux pour l'histoire de notre temps*. 68. 2002. P. 65–81.

Garton 2002 — *Garton Ash T.* Trials, Purges and History Lessons: Treating a Difficult Past in Postcommunist Europe // *Memory and Power in Post-War Europe. Studies in the Presence of the Past*. Muller J. W. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Goudoever 1986 — *Goudoever A. van,* The Limits of Destalinization in the Soviet Union: Political Rehabilitations in the Soviet Union since Stalin. New York: StMartin's Press, 1986.

Ivanova 2000 — *Ivanova G. M.* Labor Camp Socialism. The Gulag in the Soviet Totalitarian System. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2000.

Keep 1999 — *Keep J.* Wheatcroft and Stalin's Victims: Comments // *Europe-Asia Studies*. 51/6. 1999.

Khazanov 1998 — *Khazanov A. M.* Post-Communist Moscow: Re-Building the 'Third Rome' in the Country of Missed Opportunities? // *City and Society. Annual Review*. 1998.

Khazanov 2004 — *Khazanov A. M.* What Went Wrong? Post-communist Transformations in Comparative Perspective // *Restructuring PostCommunist Russia*. Brudny Y., Frankel J., Hoffman S. (eds), Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Kon 1993 — *Kon I.S.* Identity Crisis and Postcommunist Psychology // *Symbolic Interaction*. 16/4 1993.

LaFraniere 2002 — *LaFraniere Sh.* Russia Keeps Stalin Locked in Its Past // *The Washington Post*. 2002. September 24. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2002/09/24/russia-keeps-stalin-locked-in-its-past/13b3e2f5-58ea-4b69-8e2d-ee50d4be0040/>.

Letki 2002 — *Letki N.* Lustration and Democratisation in East-Central Europe // *Europe-Asia Studies*. 54/4. 2002. P. 529–552.

Linz 2000 — *Linz J.J.* Totalitarian and Authoritarian Regimes. London: Lynn Rienner, 2000.

McLoughlin, McDermott 2003 — *McLoughlin B., McDermott K.* (eds) Stalin's Terror. High Politics and Mass Repression in the Soviet Union. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003.

Meier 2003 — *Meier A.* Black Earth. A Journey through Russia after the Fall. New York: W.W. Norton & Company, 2003. P. 43–44.

Merridale 2000 — *Merridale C.* Night of Stone. Death and Memory in Twentieth Century Russia. New York: Viking, 2000.

Miller 2006 — *Miller A.* The Communist Past in Post-communist Russia // Totalitarian and Authoritarian Regimes in Europe. Legacies and Lessons from the Twentieth Century. Borejsza J.W., Ziemer K. (eds). New York: Berghahn Books, 2006.

Moeller 2002 — *Moeller R. G.* War Stories: The Search for a Usable Past in the Federal Republic of Germany // Collective Violence and Popular Memory: The Politics of Remembrance in the Twentieth Century. Lorey D.E., Beezley W.H. (eds.), New York: W.W. Norton, 2002. P. 191–228.

Nadkarni, Shevchenko 2004 — *Nadkarni M., Shevchenko O.* The Politics of Nostalgia: A Case for Comparative Analysis of Post-Socialist Practices // *Ab Imperio*. 2004. № 2.

Pipes 1974 — *Pipes R.* Russia Under the Old Regime. New York: Charles Scriber's Sons, 1974.

Remnik 1993 — *Remnik D.* Lenin's Tomb. The Last Days of the Soviet Empire. New York: Random House, 1993.

Rosefielde 1981 — *Rosefielde S.* An Assessment of the Sources and Uses of Gulag Forced Labor 1929-56 // *Soviet Studies*. 33. 1981. P. 51–87.

Rosefielde 1987 — *Rosefielde S.* Incriminating Evidence: Excess Deaths and Forced Labor under Stalin. A Final Reply to Critics // *Soviet Studies*. 39/2. 1987. P. 292–313.

Rosenberg 1995 — *Rosenberg T.* The Haunted Land. Facing Europe's Ghosts After Communism. New York: Vintage Books, 1995.

Smith 1996 — *Smith K. E.* Remembering Stalin's Past. Popular Memory and End of the USSR. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1996.

Tsfasman 2006 — *Tsfasman A. B.* Stalin in Soviet and Russian History Textbooks from the 1930s to the 1990s // Totalitarian and Authoritarian Regimes in Europe. Legacies and Lessons from the Twentieth Century. Borejsza J.W., Ziemer K. (eds). New York: Berghahn Books, 2006.

Toker 2000 — *Toker L.* Return from the Archipelago. Narratives of Gulag Survivors. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2000.

Weiner 2001 — *Weiner A.* Making Sense of War. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.

Wertsch 2002 — *Wertsch J. V.* Voices of Collective Remembering. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Yakovlev 2002 — *Yakovlev A. N.* A Century of Violence in Soviet Russia. New Haven, CT: Yale University Press, 2002. P. 233–234.

WHOM TO MOURN AND WHOM TO FORGET? THE (RE)CONSTRUCTION OF COLLECTIVE MEMORY IN CONTEMPORARY RUSSIA

Khazanov Anatoly M. — doctor of historical sciences, Emeritus professor of the University of Wisconsin (Madison), a foreign member of the British Academy (USA, University of Madison)

Key words: contemporary Russia, victims and perpetrators of the Soviet regime, official master narrative, collective memory.

The author argues that the ways contemporary Russia deals with its disturbing Soviet past reveals its authoritarian political order. Neither the state, or society at large are interested in making horrors and crimes of the communist regime a focal point in collective memory. The very idea of individual, and even less so of collective responsibility for dark pages of recent history remains alien to the Russian society. Only a small minority of its citizens is doing its best to maintain a counter-memory. So far, they are tolerated by the ruling elite only because they are not sufficiently influential and are incapable of changing the public opinion and moral relativism prevailing in the country. Meanwhile the Russian government is already promoting a new official master-narrative of the Russian/Soviet/post-Soviet history which is patently false and intentionally sanitized but should become a backward-looking projection of contemporary political attitudes and realities. In all, Russia has missed its chance to become a liberal democratic country. Instead, it may serve as an example for George Santayana's famous dictum that those who cannot remember the past are condemned to repeat it.

REFERENCES

- Adler N. *Victims of the Soviet Terror. The Story of the Memorial Movement*. Westport, CT: Praeger, 1993.
- Afanas'ev Iu.N. *Opasnaia Rossiia. Traditsii samovlastiia segodnia*. Moscow: RGGU, 2001.
- Applebaum A. After the Gulag // *The New York Review of Books*. 2002. October 24.
- Applebaum A. *Gulag. A History*. New York: Doubleday, 2003.
- Bacon E. *The Gulag at War: Stalin's Forced Labor System in the Light of the Archives*. New York: New York University Press, 1994.
- Buruma I. *The Wages of Guilt. Memories of War in Germany and Japan*. New York: Farrar Straus Giroux, 1994.
- Charles S. Maier Ch. S. Overcoming the Past? Narrative and Negotiation, Remembering, and Reparation: Issues at the Interface of History and the Law // *Politics and the Past. On Repairing Historical Injustices*, John Torpey (ed.). New York: Rowman & Littlefield, 2003.
- Cohen S.F. *Bukharin and the Bolshevik Revolution*. Oxford: Oxford University Press, 1980.
- Conquest R. *The Great Terror: A Reassessment*. Oxford: Oxford University Press, 1990.
- D'iakov B.A. *Povest' o prezhitom*. Moscow: Sovetskaiia Rossiia, 1966.
- Dubin B. Stalin i drugie. Figury vysshei vlasti v obshchestvennom mnenii sovremennoi Rossii // *Monitoring obshchestvennogo mneniia*. 2003a. No 1/63. P. 13–25; 2003b. No 2/64. P. 26–40.
- Dugin A.A. *Neizvestnyi GULAG: Dokumenty i fakty*. Moscow: Nauka, 1999.
- Ellman M. Soviet Repression Statistics: Some Comments // *Europe-Asia Studies*. 54/7. 2002. P. 1151–1172.
- Etkind A. Vremia sravnivat' kamni. Post-perestroechnaia kul'tura politicheskoi skorbii v sovremennoi Rossii // *Ab Imperio*. 2004. No 2. P. 68–70.
- Ferretti M. *Le stalinisme entre histoire et memoire: Ia malaise de Ia memoire russe*. Matériaux pour l'histoire de notre temps. 68. 2002. P. 65–81.
- Flige I. Posle zakona o reabilitatsii: transformatsiia obshchestvennogo soznaniia // *Mir posle GULAGa: reabilitatsiia i kul'tura pamiati*. St. Petersburg.: Nord-Vest, 2004. P. 55–61.

Garton Ash T. Trials, Purges and History Lessons: Treating a Difficult Past in Post-communist Europe // *Memory and Power in Post-War Europe. Studies in the Presence of the Past*. Muller J. W. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Goudoever A. van, *The Limits of Destalinization in the Soviet Union: Political Rehabilitations in the Soviet Union since Stalin*. New York: StMartin's Press, 1986.

Gudkov L. *Negativnaia identichnost'*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004.

Gudkov L. "Pamiat'" o voine i massovaia identichnost' rossiian // *Neprikosnovennyi Zapas*. 2005. No 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5.html>.

Ivanova G.M. *Labor Camp Socialism. The Gulag in the Soviet Totalitarian System*. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2000.

Kashin O., Novikov V. Stalina mogila ispravila // *Kommersant*. 2004. 22 dekabria. URL: <http://www.kommersant.ru/Doc/535369>.

Keep J. Wheatcroft and Stalin's Victims: Comments // *Europe-Asia Studies*. 51/6. 1999.

Khachaturov A. Trudnoe budushchee sotsial'nogo gosudarstva // *Novaya gazeta*. 2016. 20 noiabria. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/11/20/70604-trudnoe-budushee-sotsialnogo-gosudarstva>.

Khazanov A. M. Post-Communist Moscow: Re-Building the 'Third Rome' in the Country of Missed Opportunities? // *City and Society*. Annual Review. 1998.

Khazanov A. M. What Went Wrong? Post-communist Transformations in Comparative Perspective // *Restructuring Post-Communist Russia*. Brudny Y., Frankel J., Hoffman S. (eds), Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Kokurin A.I., Petrov N.V. (red.) *GULAG: Glavnoe upravlenie lagerei. 1918–1960*. Moscow: Materik, 2000.

Kon I.S. Identity Crisis and Postcommunist Psychology // *Symbolic Interaction*. 16/4 1993.

Kozlov V.A., Mironenko S.V. *Inakomyslie v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve*. Moscow: Materik, 2005.

Kryshtanovskaia O. *Anatomiia rossiiskoi elity*. Moscow: Zakharov, 2004.

LaFraniere Sh. Russia Keeps Stalin Locked in Its Past // *The Washington Post*. 2002. September 24. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2002/09/24/russia-keeps-stalin-locked-in-its-past/13b3e2f5-58ea-4b69-8e2d-ee50d4be0040/>.

Letki N. Lustration and Democratisation in East-Central Europe // *Europe-Asia Studies*. 54/4. 2002. P. 529–552.

Levinson A. Liudi molodye za istoriiu bez travm // *Neprikosnovennyi zapas*. 2004. No 4/36. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/lev9.html>.

Linz J.J. *Totalitarian and Authoritarian Regimes*. London: Lynn Rienner, 2000.

Loskutova M. O pamiati, zritel'nykh obrazakh, ustnoi istorii // *Ab Imperio*. 2004. No 1. P. 76–77.

McLoughlin, McDermott 2003 – McLoughlin B., McDermott K. (eds) *Stalin's Terror. High Politics and Mass Repression in the Soviet Union*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003.

Meier A. Black Earth. *A Journey through Russia after the Fall*. New York: W.W. Norton & Company, 2003. P. 43–44.

Merridale C. Night of Stone. *Death and Memory in Twentieth Century Russia*. New York: Viking, 2000.

Miller A. The Communist Past in Post-communist Russia // *Totalitarian and Authoritarian Regimes in Europe. Legacies and Lessons from the Twentieth Century*. Borejsza J.W., Ziemer K. (eds). New York: Berghahn Books, 2006.

- Minkin A. Proshchai, umytaia Rossiia. Interv'iu s Al'fredom Kokhom // *Novaia gazeta*. 1998. 2 noiabria.
- Minutko I.A. *Iurii Andropou. Real'nost' i mif*. Moscow: AST-Press Kniga, 2004.
- Moeller R. G. War Stories: *The Search for a Usable Past in the Federal Republic of Germany // Collective Violence and Popular Memory: The Politics of Remembrance in the Twentieth Century*. Lorey D.E., Beezley W.H. (eds.), New York: W. W. Norton, 2002. P. 191–228.
- Nadkarni M., Shevchenko O. The Politics of Nostalgia: A Case for Comparative Analysis of Post-Socialist Practices // *Ab Imperio*. 2004. № 2.
- Pachepa I.M. Putin – ne Petr Velikii: on spleen iz andropovskogo testa // *Inosmi*. 2004. 22 sentiabria. URL: <http://inosmi.ru/inrussia/20040922/213148.html>.
- Pikhoia R.G. *Sovetskii Soiuz: Istoriiia vlasti. 1945–1991*. Moscow: RAGS, 1998.
- Pipes R. *Russia Under the Old Regime*. New York: Charles Scriber's Sons, 1974.
- Pobol' N.L., Polian P.M. *Stalinskie deportatsii 1928–1953 godou. Dokumenty*. Moscow: Materik, 2005.
- Remnik D. *Lenin's Tomb. The Last Days of the Soviet Empire*. New York: Random House, 1993.
- Rosefielde S. An Assessment of the Sources and Uses of Gulag Forced Labor 1929–56 // *Soviet Studies*. 33. 1981. P. 51–87.
- Rosefielde S. Incriminating Evidence: Excess Deaths and Forced Labor under Stalin. A Final Reply to Critics // *Soviet Studies*. 39/2. 1987. P. 292–313.
- Rosenberg T. *The Haunted Land. Facing Europe's Ghosts After Communism*. New York: Vintage Books, 1995.
- Shalamov V. *Kolymskie rasskazy. Stikhotvoreniia*. Moscow: Slovo, 2000.
- Sirovinskaia I. "Dolgie-dolgie gody besed" // *Shalamovskii sbornik*. Esipov V.V. (red.) Vologda: Izdatel'stvo instituta povysheeniia kvalifikatsii i perepodgotovki uchitelei, 1994.
- Smith K.E. *Remembering Stalin's Past. Popular Memory and End of the USSR*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1996.
- Sobolev B. Sokolov S. Aleksii II – agent KGB po klichke "Drozdov" // *Novaia gazeta*. 1998. No 40. 13 oktiabria.
- Tsfasman A. B. Stalin in Soviet and Russian History Textbooks from the 1930s to the 1990s // *Totalitarian and Authoritarian Regimes in Europe. Legacies and Lessons from the Twentieth Century*. Borejsza J.W., Ziemer K. (eds). New York: Berghahn Books, 2006.
- Toker L. *Return from the Archipelago. Narratives of Gulag Survivors*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2000.
- Voinovich V. *Antisovetskii Sovetskii soiuz*. Moscow: Materik, 2002.
- Weiner A. *Making Sense of War. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.
- Wertsch J. V. *Voices of Collective Remembering*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Yakovlev A.N. *A Century of Violence in Soviet Russia*. New Haven, CT: Yale University Press, 2002. P. 233–234.
- Zubkova E.Iu. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i pousednevnost'. 1945–1993*. Moscow: ROSSPEN, 2000.
- XXII S 'ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo soiuz, 17–31 oktiabria 1961 goda. Stenograficheskii otchet. Vol. 2*. Moscow: Gospolitizdat, 1962.

О. Б. Леонтьева

ПОМНЯЩАЯ КУЛЬТУРА

Рец.: *Кознова И. Е.* Сталинская эпоха в памяти крестьянства России / Ирина Кознова. М.: Политическая энциклопедия, 2016.

Проблематика монографии Ирины Евгеньевны Козновой, вышедшей в свет в рамках серии «История сталинизма», находится на пересечении нескольких актуальных научных тем. Прежде всего, исследование выполнено в русле крестьяноведения, международного научного направления, для которого характерно восприятие крестьянина как особого антропологического типа, а «крестьянского мира» — как саморегулирующейся социокультурной системы (Великий незнакомец 1992). В то же время работа посвящена изучению социальной памяти — одной из самых острых тем современного научного и политического дискурса, неразрывно связанной с проблемой формирования коллективной идентичности и сплочения социума вокруг «общего прошлого». Наконец, для изучения выбрана крестьянская память о том

периоде отечественной истории, отношение к которому до сих пор является наиболее болезненной точкой, «проблемным полем» нашего общественного сознания.

Рецензируемая работа для И. Е. Козновой — далеко не первый опыт обращения к теме крестьянской памяти; этой проблематике посвящена ее монография, вышедшая в 2000 г., докторская диссертация, целый ряд научных статей и разделов в коллективных монографиях (*Кознова* 2000; 2005; 2011а; 2011б; 2011в).

В центре работ, посвященных изучению исторической памяти, обычно находятся две группы взаимосвязанных проблем: во-первых, то, *что* помнят люди о своем прошлом (содержание памяти, образ «общего прошлого»), и во-вторых, то, *как* они это помнят (формы сохранения и трансляции памяти, характерные для данного общества). Изучение того и другого в совокупности позволяет реконструировать неповторимый облик данной социокультурной общности. В работе

© Леонтьева О. Б., 2017

Леонтьева Ольга Борисовна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Российской истории Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева (Самара); oleontieva@yandex.ru

И. Е. Козновой ставятся и решаются обе эти проблемы. С одной стороны, исследователь предпринимает своего рода «вертикальный срез» состояния социальной памяти российского крестьянства XX в., прослеживает, как запечатлелись в этой памяти узловые события века: революция 1917 г., нэп, коллективизация и «раскулачивание», Великая Отечественная война. В то же время она выявляет, как со сменой поколений изменялись формы сохранения памяти и смысловые акценты в крестьянских рассказах о прошлом — а значит, как изменялся сам «вспоминающий» социум.

Для реконструкции крестьянской памяти в работе используется широкий спектр источников, разнообразных по времени происхождения (от 1920-х гг. до современности), по месту происхождения (география исследования охватывает территорию бывшего СССР от Ленинградской области до Сибири и Алтая), по видам и жанрам. Это документы коллективного происхождения («письма во власть» — многочисленные обращения и жалобы крестьян в разнообразные инстанции), а также эго-документы: крестьянские письма в редакции «Крестьянской газеты», «Сельской жизни» и других изданий, материалы частной переписки (например, письма с фронта и на фронт), крестьянские дневники и воспоминания (писавшиеся, как правило, без надежды на публикацию — для детей и внуков), фольклорные произведения (в изобилии представленные, в частности, частушками и анекдотами на «политические» темы), наконец, материалы устной истории,

собранные в ходе этнографических и социологических экспедиций 1950–1990-х гг. Многие из таких источников становились достоянием историков в силу трагичного стечения обстоятельств: например, в работе анализируются тексты писем, которые в ходе советско-финской войны были собраны у погибших советских солдат. И. Е. Кознова, лично участвовавшая в интервьюировании сельских жителей, имеет, кроме того, возможность ссылаться на личные наблюдения.

В работе подробно рассматриваются жанровые особенности каждого вида источников, анализ текстов сопровождается авторскими размышлениями о специфическом этикете «наивного письма»; об особенностях повествования от первого лица множественного числа («мы», а не «я») в крестьянских «устных историях»; о трудностях разграничения «стихийной» и «организованной» памяти, фольклора и «псевдофольклора»; о чувствах боли, стыда или страха, которые испытывают респонденты, рассказывая о прошлом. Выразительным лейтмотивом становятся реплики пожилых крестьян и крестьянок, звучавшие в ходе интервью: «Наговорила я тут тебе на свою шею. Вот придут и уведут. Скажут, наболтала бабка лишнего» (с. 341).

Важнейшее наблюдение культурно-антропологического характера, на котором строится концепция работы, заключается в том, что крестьянская культура по своему существу была «помнящей культурой», а ведущей формой коллективной памяти был сам крестьянский образ жизни,

удержание важных для деревенской общности образцов поведения. Исследуя основные характеристики социальной памяти российского крестьянства XX в., автор доказывает, что не только содержание, но и сами структуры памяти «рядовых людей» зачастую были диаметрально противоположны тому видению «общего прошлого», которое транслировалось «сверху», через системы образования и пропаганды. Как показывает И. Е. Кознова, крестьянская память на протяжении всего XX в. структурируется вокруг оппозиций «раньше – теперь», «мы – они». Каждая из этих категорий несет этическую, эстетическую и даже онтологическую нагрузку: «раньше» воспринимается как синоним «порядка», т. е. прочности, устойчивости, чистоты и красоты; «теперь» – как время распада моральных ориентиров и социальных связей. Временная граница между «раньше» и «теперь» постепенно отодвигается в прошлое, и, по законам психологии выживания, «раньше» всегда характеризуется как «сытное» время: так, только в годы войны могли родиться воспоминания о «сытных» довоенных – 1930-х! – годах. Общность «мы» выступает в крестьянской памяти в ипостаси труженика-кормильца и одновременно страдальца и жертвы; «они» – власть, город, интеллигенция, люди «с портфелем» – фигурируют в воспоминаниях как внешняя, подавляющая и разрушительная сила. Такие категории выступают в исследовании как константы крестьянской памяти, позволяющие говорить о ее системности и «вневременности», несмотря на все крутые исторические повороты.

XX в. в истории России – век «раскрестьянивания», той трагедии, когда, говоря словами Иосифа Бродского, «гибнет не герой – гибнет хор» (Бродский 1992: 458), и кульминация этого процесса приходится именно на сталинскую эпоху. Это становится смысловой доминантой книги: вместе с автором вслушавшись в полифонию голосов героев исследования, мы можем не только проследить ход и последствия раскрестьянивания, но и оценить глубину его воздействия на саму крестьянскую память. И. Е. Кознова фиксирует внимание на том, какие изменения претерпевала память на протяжении века: выявляет ситуации столкновения и сосуществования разных типов крестьянской памяти на разных этапах истории; воссоздает логику мифологизации прошлого и формирования определенных культурных канонов воспоминания в сталинскую эпоху; обращается к анализу механизмов «вытеснения», «забывания» и замещения одних травмирующих воспоминаний другими.

Наиболее драматичным итогом XX в. автор считает то, что в течение столетия происходила эрозия прежнего типа памяти, основанного на «активном трудовом начале». Как прослеживает И. Е. Кознова, изменения в структурах крестьянской памяти становятся заметны начиная с середины века, особенно со «спокойных и размеренных» 1960–1970-х гг. Именно тогда на смену императиву «поддержания крестьянственности» приходило «активное желание родителей-крестьян буквально вытолкнуть своих детей из деревни», и на этом фоне трудовая память замещалась «памятью

потребления», а память-традиция, предполагающая постоянное возобновление культурных образцов, сменялась памятью-ностальгией, предполагающей осознание невозвратности прошлого (с. 454).

Исследование завершается «открытым финалом»: как констатирует автор, советское городское общество в значительной степени имеет крестьянские корни, а значит, проблема крестьянского наследия в культурной памяти российского общества еще ждет обстоятельного и глубокого изучения. Работа самой И. Е. Козновой, безусловно, является значимым творческим вкладом в решение этой комплексной социокультурной проблемы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бродский 1992 — *Бродский И.* Нобелевская лекция // *Бродский И. А.* Форма времени: Стихотворения, эссе, пьесы. В 2 т. Т. 2. Минск, 1992. С. 450–462.

Великий незнакомец 1992 — Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: пер. с англ. / сост. Т. Шанина; под ред. А. В. Гордона. М., 1992.

Кознова 2000 — *Кознова И. Е.* XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000.

Кознова 2005 — *Кознова И. Е.* Историческая память российского крестьянства в XX веке: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2005.

Кознова 2011а — *Кознова И. Е.* Крестьянская память о власти в современной России // Крестьянство и власть в истории России XX в. Сборник научных статей участников Международного круглого стола журнала «Власть» и Института социологии РАН (12 ноября 2010 г.). М., 2011. С. 213–223.

Кознова 2011б — *Кознова И. Е.* После десятилетий молчания: память российской деревни о коллективизации (по устным свидетельствам конца 1980-х — 2000-х гг.) // История в подробностях. 2011. № 10(16). С. 86–93.

Кознова 2011в — *Кознова И. Е.* Сталинизм в памяти российских крестьян // История сталинизма: Крестьянство и власть. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 29 сентября — 2 октября 2010 г. М., 2011. С. 395–402.

Кознова 2016 — *Кознова И. Е.* Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 464 с.; ил. (История сталинизма).

THE REMEMBERING CULTURE

Rev.: Koznova I.E. Stalinskaya epoha v pamyati krest'yanstva Rossii / Irina Koznova. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2016.

Leontyeva Olga B. — doctor of historical sciences, associate professor, professor, Department of Russian history of the Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (Samara)

REFERENCES

Brodskii I. Nobelevskaia leksiia // Brodskii I.A. *Forma vremeni: Stikhotvoreniia, esse,*

p'esy. V 2 vol. Vol. 2. Minsk, 1992. P. 450–462.

Koznova I.E. *XX vek v sotsial'noi pamiat' Rossiiskogo krest'ianstva*. Moscow, 2000.

Koznova I.E. *Istoricheskaia pamiat' rossiiskogo krest'ianstva v KhKh veke*. dis. ... d-ra ist. nauk. Samara, 2005.

Koznova I.E. Krest'ianskaia pamiat' o vlasti v sovremennoi Rossii // *Krest'ianstvo i vlast' v istorii Rossii XX v*. Sbornik nauchnykh statei uchastnikov Mezhdunarodnogo kruglogo stola zhurnala "Vlast'" i Instituta sotsiologii RAN (12 noiabria 2010 g.). Moscow, 2011. P. 213–223.

Koznova I.E. Posle desiatiletii molchaniia: pamiat' rossiiskoi derevni o kollektivizatsii (po ustnym svidetel'stvam kontsa 1980-

kh – 2000-kh gg.) // *Istoriia v podrobnostiakh*. 2011. No 10(16). P. 86–93.

Koznova I.E. Stalinizm v pamiat' rossiskikh krest'ian // *Istoriia stalinizma: Krest'ianstvo i vlast'*. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ekaterinburg, 29 sentiabria – 2 oktiabria 2010 g. Moscow, 2011. P. 395–402.

Koznova I.E. *Stalinskaia epokha v pamiat' krest'ianstva Rossii*. Moscow: Politicheskaia entsiklopediia, 2016. 464 p.; il. (Istoriia stalinizma).

Velikii neznakomets: krest'iane i fermery v sovremennom mire. per. s angl. / sost. T. Shanina; pod red. A. V. Gordona. Moscow, 1992.

П. И. Тахнаева

К ВОПРОСУ О НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ДЕПОРТАЦИИ ДАГЕСТАНЦЕВ В 1944 г.

Ключевые слова: депортация народов Северного Кавказа, депортация дагестанцев, репрессии, А. Даниялов, М. Багиров, И. Сталин, операция «Чечевица», мифы о депортации.

Статья посвящена исследованию вопроса о предполагаемой и несостоявшейся депортации населения Дагестана в 1944 г. Ссылка различных авторов этого тезиса на заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором якобы решался вопрос о судьбе дагестанцев (и лично присутствовал А. Даниялов), не нашла подтверждения в центральных партийных архивах. Вопрос о предполагаемой депортации дагестанцев в 1944 г. не имел под собой реальной исторической основы, был искусственно вызван публицистами и происходил из литературного сюжета «Даниялов – Сталин», получившего широкое распространение с 1990-х гг.

Тема депортации народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны стала объектом пристального внимания ряда исследователей в постсоветский период (*Шнайдер* 2015; *Бугай* 1989: 135–143; 1995; *Репрессированные народы* 1994; *Бугай, Гонов* 1998; *История сталинского ГУЛАГа* 2004; *Вайнахи и имперская власть* 2010). Однако вопрос о предполагаемой или несостоявшейся депортации дагестанцев в 1944 г. в них не затрагивался. Авторы исследования «Народы Дагестана: история депортации и репрессий» (2009) М. Р. Курбанов и Ж. М. Курбанов писали: «Имеются предположения, что якобы Сталин,

по рекомендации первого секретаря ЦК партии Азербайджана, Багирова, в 1944 г. хотел выслать в среднеазиатские степи не только чеченцев-аккинцев Дагестана, но и всех дагестанцев. Но тогдашний председатель СНК Дагестана А. Даниялов своевременно принял меры и предотвратил эту акцию. Об этом же говорил и его брат, тогдашний первый секретарь Гунибского райкома партии Г.-А. Даниялов» (*Курбанов, Курбанов* 2009: 191). Еще в 2001 г. диссертант А. В. Фадюхин в своей работе «А. Д. Даниялов – общественно-политический и государственный деятель Дагестана», ссылаясь на проф. Г.-А. Даниялова, писал: «Сталин действительно предполагал выселить дагестанские народы в восточные области страны, но его отговорил от этого шага А. Даниялов, который, узнав о предполагаемом

© Тахнаева П. И., 2017

Тахнаева Патимат Ибрагимовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва); ptakhnaeva@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

выселении дагестанцев, срочно выехал в Москву и на личном приеме у И. В. Сталина убедил его отменить решение о депортации» (Фадюхин 2001: 12). Вместе с тем диссертант отмечал, что «в ходе работы с доступными документами, каких-либо признаков того, что готовилась депортация дагестанских народов, выявлено не было» (Там же).

По замечанию современных исследователей, «вопросы о том, что тот или иной народ должен был подвергнуться депортации (обычно — по «злой воле» Берии) и его спасло личное вмешательство Сталина, который учел его “заслуги” перед Родиной, достаточно давно и широко распространены на Северном Кавказе, представляя своеобразные мифологемы массового сознания» (Безугольный и др. 2012: 70). Один из ярких образцов подобных мифологем представлен авторами книги «Земля адыгов» (1996), которые утверждали: «В начале 1940-х гг. были репрессированы почти все ближайшие соседи адыгов... следующей жертвой могли стать адыги. Есть факты, свидетельствующие, что в те годы органами НКВД даже был подготовлен проект их выселения (дано без ссылки. — П. Т.). Но И. В. Сталин даже запретил думать об этом. “Без адыгов — Кавказ не Кавказ”, — этими словами был остановлен маховик репрессий против адыгов». Авторы также считали, что «решение вождя не было случайным. Огромную роль сыграл в этом героизм, проявленный адыгами во время Великой Отечественной войны — на фронте, в партизанских отрядах, а также самоотверженный труд в тылу» (Шеуджен и др.

1996: 311). Подобная мифологема была распространена и в Дагестане.

Впервые версия о спасении дагестанцев от депортации как исторический сюжет «Даниялов — Сталин» появилась в печати в 1990 г. у писателя Ю. Борева в «Сталиниаде» (Борев 1990: 211), спустя год, в 1991 г., у Г.-А. Даниялова в воспоминаниях о своем брате (Даниялов 1991а: 9–11), в 1997 г. у литературоведа Б. Сарнова (Сарнов 1997), позже, в 2003 г., у того же Г.-А. Даниялова, в более детализированном виде (Даниялов 2003: 196). В 2008 г. этот сюжет пересказали по Г.-А. Даниялову в своей работе авторы А. Гаджиев и У. Магомедова (Гаджиев, Магомедова 2008). Об этом сюжете напишет в своих воспоминаниях (2014) и сын А. Д. Даниялова Юсуп (Даниялов, Абдулхабиروف 2014: 30). В 2015 г. вышло очередное издание (Гаджиев 2015), посвященное памяти А. Даниялова, в котором его автор А. Ю. Гаджиев изложил собственную интерпретацию исторического сюжета «Даниялов — Сталин».

Любопытно, что сам Абдурахман Даниялов в своих воспоминаниях, опубликованных в 1991 г. (они обрываются на событиях 1948 г.), не упоминает об этой истории (Даниялов 1991б). Заметим, воспоминания А. Даниялова издавались два раза, в 1991 и 2014 г., но ни в одном из них не было указано, в каком году автор их писал. Возможно, он написал их незадолго до смерти, последовавшей в 1981 г. Его сын Ю. А. Даниялов вспоминал: «Мы всей семьей просили отца написать мемуары. ... Отец отнекивался. ... Он работал последние годы неизлечимо больным, по 10–12 часов ежедневно, заканчи-

вал книгу о Махаче Дахадаеве. Все это давало право думать, что время мемуаров еще впереди... Когда отца не стало, мы в его рабочих бумагах нашли две тетрадки... Никто не знал, что он пишет воспоминания» (Даниялов, Абдулхабилов 2014: 95).

В воспоминаниях Г.-А. Даниялова (1991) историческое событие с «отстаиванием дагестанского народа от депортации» происходило в марте 1944 г. Согласно этой версии, Абдурахман Даниялов прибыл в Москву, с невероятным трудом ему удалось добиться разрешения выступить на заседании Политбюро, предварительно он заручился поддержкой таких ключевых фигур, как Маленков, Ворошилов и Калинин (Даниялов 1991б: 9). Г.-А. Даниялов подробно описал, как за отведенные семь минут Абдурахман «рассказывал о подвигах дагестанцев на фронте и в тылу», о том, что «они (дагестанцы. — П. Т.) собрали и внесли в фонд обороны 350 млн рублей. Эти деньги пошли на создание авиаэскадрильи, танковых колонн; на фронтах воюют 130 тыс. отважных сынов гор. Десятки (дагестанцев. — Т. П.) уже стали Героями Советского Союза, более трех тысяч добровольцев ушли на передовую, доблестно сражаются в Красной Армии Дагестанский кавалерийский батальон. Отличились дагестанцы и в тылу...» (Даниялов 1991а: 10).

Однако, по рассказу Г.-А. Даниялова, Сталин обратил свое внимание не на эти данные. При окончательном решении вопроса о депортации дагестанцев его стал беспокоить международный общественный резонанс: «Сталин внимательно выслу-

шал Даниялова и обратился к членам Политбюро: “А на самом деле, что скажут народы Востока, если мы переселим дагестанцев?”» (Там же). Из членов Политбюро, согласно Г.-А. Даниялову, высказались трое, Молотов, Ворошилов, Калинин:

«Первым высказался Молотов. Он подчеркнул, что это может вызвать нездоровую реакцию, нанести определенный моральный ущерб Советской власти, поскольку народы Дагестана, боровшиеся против колониальной политики царизма, не были подвергнуты выселению. Ворошилов поддержал его и отметил вклад дагестанцев в дело победы и укрепления Советской власти, подчеркнул, что в истории Страны гор есть беспрецедентный случай, когда Владимир Ильич Ленин подарил горцам свой портрет с надписью “Для Красного Дагестана”. Михаил Иванович Калинин тоже сказал свое слово: “Народы Дагестана проявили себя не только в боях, но и в труде. Первой из всех республик Дагестан награжден орденом Трудового Красного Знамени за строительство канала им. Октябрьской революции”. Выслушав все это, Сталин спросил: “Товарищ Даниялов, а смогут ли дагестанцы проявить себя при освоении новых районов, если мы их оставим на месте?” Ответ был положительным. Тогда Сталин встал, медленно подошел к своему столу и вычеркнул Дагестан из списка республик, народы которых намечалось выселить. Итак, народы Дагестана были спасены» (Там же: 11).

Некие нежелательные нравственные моменты, которые вызвала бы

депортация дагестанцев («моральный ущерб Советской власти», «нездоровая реакция»), и озвученные «исключительные» политические и трудовые заслуги дагестанского народа («боролись против колониальной политики царизма», внесли «вклад в дело победы и укрепления Советской власти», «беспрецедентный случай» с подаренным портретом вождя мирового пролетариата «для Красного Дагестана», первые получили орден Трудового Красного Знамени, совершали «подвиги на фронте и в тылу») якобы повлияли в конечном итоге на решение Сталина вычеркнуть «Дагестан из списка республик, народы которых *намечалось* (выделено нами. — П. Т.) выселить». Однако не совсем понятно, о каком «списке народов» в рассказе шла речь?

Напомним, что, согласно Г.-А. Даниялову, речь идет о мартовском заседании Политбюро ЦК (в марте 1944 г. заседания Политбюро проходили ежедневно, кроме 3, 16, 18 и 26 марта) (Политбюро 2001), а к началу марта 1944 г. чеченцы, ингуши, карачаевцы, калмыки уже были выселены (не возникал ли в этих случаях вопрос о «моральном ущербе» и «нездоровой реакции»? — П. Т.). На повестке были балкарцы, а народы Дагестана с февраля 1944 г. ожидала не депортация, а в соответствии с постановлениями правительства переселение в опустошенные районы бывшей соседней Чечено-Ингушской АССР — с целью скорейшего восстановления их прежних сельскохозяйственных мощностей.

Заметим, в годы войны все заседания Политбюро ЦК ВКП(б) про-

ходили в Кремле, в кабинете Сталина (Исторический архив 1988: 11). Между тем в опубликованных «Журналах записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.)» в указателе посетителей кремлевского кабинета фамилия А. Даниялова не встречается (Исторический архив 1988), она также не упоминается в именном указателе каталога «Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 3. 1940–1952 гг.» (Политбюро 2001) (с указанием участников заседаний Политбюро, фамилий инициаторов постановки вопроса или докладчиков). Таким образом, официальные документы убедительно свидетельствуют о факте неучастия (или не присутствия) А. Даниялова на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б), прошедших в 1944 г.

Рассмотрим другой рассказ этого исторического сюжета, в передаче советского литератора проф. Ю.Б. Борева (1990). Этот рассказ отличается «кинематографичностью» и наличием в ней персоны Л. Берии:

«...И тут Даниялов не выдержал и, спасая свой народ, пошел на смертельный риск. Он поехал в Москву. Через Микояна вышел на Берию и попытался сделать его своим союзником по спасению Дагестана. Берия разговаривал с ним презрительно-иронично: “Не понимаю, тебе что, жизнь надоела? Ты ведь знаешь, что уже есть приказ Сталина. Ты что, против? Тогда стань к стенке и в порядке одолжения я лично тебя расстреляю”. Разговор с Берией не дал положительных результатов, и было ясно, что через

день-другой он получит санкцию от Сталина на арест Даниялова. Однако Даниялов уже шел ва-банк. Через того же Микояна он попадает на прием к Сталину. Даниялову удалось отчасти убедить, отчасти даже запугать Сталина: мол, дагестанцы преданный советской власти народ, это большой народ, имеющий опыт борьбы за свободу в годы царизма, имеющий традиции газавата, традиции Шамиля. Война Шамиля с Россией имела международный резонанс. Сейчас акция выселения не пройдет бесследно и бескровно. Тихо и мирно провести ее не удастся, народ уйдет в горы и будет сопротивляться. Это отвлечет силы от фронта. Нет смысла проводить эту акцию. Неожиданно Сталин стал весел и гостеприимен и сказал: «Хорошо! Не будем выселять, только дай в армию 30 тысяч солдат. Сумеешь?» — «Сумею». Даниялов благополучно вернулся в Махачкалу и срочно поставил в армию 30 тысяч дагестанцев сверх всех мобилизационных норм» (*Борев* 1990: 211).

Рассказ изобилует странными аргументами, скорее напоминающими угрозы («запугать Сталина», «традиции газавата», «народ уйдет в горы», «отвлечет силы от фронта»), тем не менее его объединяет с первым рассказом общее — неизбежная «искупительная жертва» во спасение. В первом случае это «освоение дагестанцами новых территорий», во втором — экстраординарная мобилизация 30 тыс. военнообязанных. Но по данным Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМР РФ), в Дагестане к концу 1943 г. насчитывалось всего 25 799 военнообязанных (*Безугольный и др.*

2012: 171). К тому же, как пишут авторы фундаментального исследования А. Ю. Безугольный, Е. Ф. Кринко: «Руководство страны непоколебимо следовало избранному курсу на тотальный запрет призыва северокавказских горцев» (там же: 161), и все попытки политического руководства Дагестана снять существующий запрет были безуспешны. Последний призыв военной поры (граждан 1927 г.р.), проводившийся с 15 ноября 1944 г., также обошелся без призывников с Северного Кавказа (там же: 161). С 1942 г. альтернативой отмененному обязательному призыву стало добровольчество; всего из Дагестана в 1943 г. было отправлено в войска 4315 добровольцев из местных национальностей, что «вполне соответствовало среднегодовой норме призывников из Дагестана» (там же: 170).

При личной беседе с проф. Ю. Б. Боревым (июль 2016 г.) выяснилось, это этот сюжет он услышал в конце 1980-х в «Центральном Доме литератора» (г. Москва) от дагестанского филолога Казбека Султанова. По всей видимости, эта история имела в среде литераторов широкое хождение. В частности, известный литературовед Бенедикт Сарнов (1997) привел сюжет «Даниялов — Сталин» в своей работе со слов поэта и переводчика С. И. Липкина (заметим, одного из лучших переводчиков Р. Г. Гамзатова).

С. И. Липкин затронул тему депортации горских народов в 1944 г. в своем романе «Декада» (*Липкин* 1989) (впервые роман был опубликован в США в 1981 г.), в котором рассказал историю вымышленной

северокавказской республики «Гушано-Тавларской АССР». «Гушаны» были спасены благодаря сложной интриге, проведенной в Москве «гушанским секретарем рескома ВКП(б) Даниялом Зауровичем Парвизовым». Между тем Бенедикт Сарнов, со ссылкой на С.И. Липкина, в своем пересказе исторического сюжета называет подлинные имена участников событий:

«...Семен Израилевич Липкин рассказал мне однажды о том, как секретарь Дагестанского обкома Даниялов спас свой народ от судьбы, постигшей чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар... Во время войны Берия был представителем Ставки Верховного главнокомандующего на Северо-Кавказском фронте и жил у Даниялова, который и тогда уже был секретарем Дагестанского обкома. Вряд ли можно сказать, что они подружились, но, во всяком случае, отношения были не только официальные. Поэтому, почуяв, что дело пахнет керосином, Даниялов сразу кинулся в Москву, к своему другу Лаврентию. Тот не скрыл от него, как обстоит дело. “Он все уже решил, — сказал Берия. — Вся территория до Дербента отойдет к РСФСР, а от Дербента — к Азербайджану. Народ будет выслан. Готовься”. “Неужели ничего нельзя сделать?!” — спросил Даниялов, прекрасно понимая, что если Он уже решил, любые разговоры на эту тему бесполезны. Далее Л. Берия якобы “устроил” встречу Даниялова и Маленкова: Маленков слушал его вполуха. Вопрос был решен, и все, о чем говорил секретарь обкома обреченной республики, не имело никакого значения. Даниялов

сказал: “Собираемся отметить круглую дату выступления товарища Сталина, лично провозгласившего в 1922 году независимость Дагестана”. Маленков восторженно: “Как это — лично?” — “Лично. Выступал в Темир-Хан-Шуре, в местном театре”. “Речь опубликована!” — Даниялов достал и положил на стол соответствующий том из собрания сочинений Отца Народов, где специальной закладкой уже была отмечена названная речь. Быстро проглядев заложённую страницу, Маленков встал, протянул Даниялову руку для пожатия и сказал: “Езжайте, тов. Даниялов, домой и спокойно работайте” (Сарнов 1997: 14).

Примечательно, что Б. Сарнов ввел в свой рассказ сюжет о передаче Южного Дагестана с Дербентом в состав АССР (в повести у С. Липкина его не было) и представил его как следствие «неизбежной» депортации, а не предпосылкой. Вместе с тем бросается в глаза, что в рассказе Б. Сарнова присутствует ряд несуразиц. В частности, завышенные представления о полномочиях члена ГКО, секретаря и кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова, который якобы мог «перерешить» без согласования с И.В. Сталиным «уже решенный вопрос» о депортации народов Дагестана. К тому же Абдурахман Даниялов в этот период являлся председателем Совнаркома республики, а не секретарем обкома партии «обреченной республики». «Круглая дата выступления товарища Сталина», состоявшегося 13 ноября 1920 г. на Съезде народов Дагестана, приходилась

на 1940 г., или 1945 г., но никак не на 1944 г. Именно по этой причине в 1945 г. на заседании Политбюро ЦК от 6 ноября Дагестанское бюро обкома ВКП(б) выйдет с просьбой «разрешить в связи с празднованием 13 ноября 25-летнего юбилея ДАССР перенести выходной день по ДАССР с воскресенья 11 ноября на вторник 13 ноября 1945 г.» (Политбюро 2001: 316). Возможно, подобные несоответствия простительны для литераторов. Как было отмечено литературным критиком Ст. Рассадиным, «учить историю депортации Кабардино-Балкарии или Чечено-Ингушетии по повести Липкина нельзя. Можно — понимать» (Липкин 1990: 211).

В двух последних приведенных сюжетах одно из «главных действующих лиц» — Лаврентий Берия. Если в первом случае, у Ю. Борева, он «враг», который не прочь «лично» застрелить А. Даниялова, то во втором, у Б. Сарнова, он его «друг», который ему сочувствует и помогает. Любопытно, что Серго Берия, сын Л. П. Берии, в своих воспоминаниях об отце и его роли в депортации народов Северного Кавказа писал: «Мой отец и устно, и письменно выступал против этого варварства. Он общался с этими народами, и они внушали ему доверие», «на заседании Политбюро, на котором было принято это решение ...отец переусердствовал, предупреждая, что эта акция нанесет тяжелый удар по престижу советского режима во всем регионе», «...Сталин повернулся к отцу и сухо приказал выполнять решение правительства: “Являясь комиссаром, выполняйте то, что от вас требуют”. Отец был ужас-

но расстроен...», «Отец был крайне удручен этими событиями...» (Берия 2002: 127–128).

Сочувствуя отцу, который таким образом был вынужден в 1943–1944 гг. приступить к депортации балкарцев, ингушей и чеченцев, Серго Берия с удовлетворением сообщает, что ему из этого ряда обреченных народов «удалось спасти дагестанцев». При этом он ссылается не на личный рассказ или воспоминания отца, а на опубликованный в 1997 г. рассказ Бенедикта Сарнова: «Заручившись поддержкой Маленкова, Берии удалось разубедить Сталина относительно депортации народов Дагестана. На самом деле Сталин хотел поделить Дагестан между Россией и Азербайджаном. Узнав новость, секретарь обкома Дагестана Даниялов (так в тексте. — П. Т.) срочно отправился к Берии, который жил в это время в Москве и оттуда руководил Северо-Кавказским фронтом. Он умолял его уговорить Сталина отказаться от своих планов. Берия и Маленков напомнили Сталину, что он лично провозгласил создание Дагестанской АССР в 1921 г.» ((Берия 2002: 414). Напомним, Б. Сарнов в свою очередь ссылался на рассказ С. Липкина.

В более поздних воспоминаниях Г.-А. Даниялова (2003 г.) сюжет «Даниялов — Сталин» произошел уже не в марте, а «где-то в феврале 1944 г.». Рассказ изобилует новыми деталями, именами, сюжет порой противоречит первому варианту воспоминаний, некоторые данные — расходятся с историческими фактами (в частности, к 1944 г. Дагестан не обладал «более сорока

Героями Советского Союза»). В повествование вводится интрига нависшей угрозы территориальных претензий на Дагестан первого секретаря ЦК КП Азербайджанской ССР М. Багирова, коммуниста, одержимого в 1944 г. идеей создания «мусульманского государства». Приведем текст целиком. По Гаджи-Али Даниялову, в февральские дни 1944 г., около трех часов ночи, Абдурахману позвонил Лаврентий Берия и коротко сказал:

«Абдурахман, над Дагестаном нависли черные тучи, поставлен вопрос: быть или не быть народам Дагестана. Тебе необходимо дойти до Сталина, но это будет очень трудно, а для твоей жизни даже опасно. Подумай, что можно сделать», — и положил трубку. Тут же ночью Абдурахман разбудил 1-го секретаря обкома партии Алиева и рассказал ему все. Алиев ему ответил: «Все-таки Багирову удалось своей запиской убедить Сталина о необходимости выселения народов Дагестана. Видишь ли, Абдурахман, — сказал брату Азиз Алиев, — этот человек добивается создания Азербайджанского мусульманского государства — от Иранских границ до устья Волги. Поэтому он хочет освободить территорию Дагестана от горцев». Имея эту информацию, Абдурахман уехал в Москву по Среднеазиатской железной дороге. Четыре дня и четыре ночи он сидел в номере гостиницы «Москва». По просьбе Берии он был принят Маленковым, 2-м секретарем ЦК партии, и Микояном, министром торговли СССР. В этой проблеме большую помощь оказал Дагестану первый помощник Маленкова Пензин... он создал все не-

обходимые условия через Маленкова, чтобы А. Даниялов был приглашен на политбюро при обсуждении данной проблемы. Маленков обещал помочь, а Микоян промолчал.

На пятый день в два часа ночи к Абдурахману явились два человека, которые сопровождали его на заседание политбюро. Поскребышев, помощник Сталина, предупредил Абдурахмана, что ему отведено семь минут, и просил уложиться во времени. Через полчаса его пустили в зал заседания политбюро, где с правой стороны сидели члены политбюро, а с левой — маршалы и члены Государственного Комитета обороны. Сталин стоял в стороне от стола и, повернувшись к столу, сказал: «А теперь перед нами стоит очень важный и тяжелый вопрос о народах автономных республик и областей Северного Кавказа». В это время Маленков сказал: «Иосиф Виссарионович, представитель народов Дагестана председатель Совнаркома и член Военного совета воюющей армии Абдурахман Даниялов присутствует здесь». Сталин приподнял голову и, взглянув на Абдурахмана, спросил: «А что скажет товарищ Даниялов о дагестанских народах?» Абдурахман вначале чуть-чуть растерялся, но вскоре, придя в себя, начал: «Народы Дагестана показали себя с самой лучшей стороны в этой войне. Сто тридцать тысяч человек сражались и сражаются на фронтах. Уже известны более сорока Героев Советского Союза. В фонд помощи фронту собрали триста пятьдесят миллионов рублей, на эти деньги построены авиаэскадрильи, танковые колонны, бронепоезда. Как никогда, на этот момент дагестанцы

заготовили сельскохозяйственную продукцию, перевыполняя планы, а промышленность в полной мере обеспечила заказы военного времени. Никаких повстанческих групп и антисоветских выступлений не было. Сто тысяч человек, выйдя к устью реки Терек, воздвигнули величайший вал, чтобы преградить дорогу танковой армии противника. От семидесяти пяти до ста пятидесяти людей беженцев ежедневно дагестанцы принимали первые два года войны и создали им самые лучшие условия. Дагестан полностью сохранил общественное поголовье Юга России и вернул обратно восстанавливающимся колхозам...».

В это время Сталин прервал его, сказав: «Довольно, товарищ Даниялов». Калинин и Ворошилов хотели выступить в поддержку Даниялова, но Сталин сказал: «Михаил Иванович, Климентий Ефремович, я не хуже вас знаю дагестанцев». И, обращаясь к присутствующим, просто сказал: «Сохраним дагестанцев, не станем их переселять». И все были едины в этом. Абдурахман рассказывал, что у Сталина, когда он подошел к столу, чтобы вычеркнуть из списка переселяемых дагестанцев, сломался карандаш, и он бросил, что на дагестанцах даже его карандаш сломался.

А Абдурахману он сказал: «Товарищ Даниялов, Вам отводится месяц, чтобы освоить пять новых районов. Постарайтесь оправдать и это». Вначале Абдурахман был в недоумении, не понимая, как же так, решили сохранить дагестанский народ от переселения и вдруг — осваивать новые районы и какие. Поскре-

бывев на это тихо сказал: «Чеченские»» (Даниялов 2003: 122–124).

Надо заметить, что если допустить, что эта встреча действительно имела место и происходила в марте 1944 г., то информация о предстоящем заселении чеченских районов дагестанцами не должна была вызывать у А. Даниялова каких-либо вопросов, а уж тем более недоумения. По источнику, который цитирует Н. Ф. Бугай, руководство республики в конце 1943 г. уже было информировано о том, какая проводится подготовительная работа к предстоящей операции по переселению чеченцев и ингушей. В частности, нарком внутренних дел ДАССР Р. А. Маркарян в докладе на имя Л. П. Берии от 5 января 1944 г. сообщал, что еще в декабре 1943 г. начальник Орджоникидзевской железной дороги К. В. Ильченко на встрече в Беслане с председателем Верховного Совета ДАССР А. Тахтаровым и сотрудниками Дагобкома ВКП(б) уведомил их «о предстоящем выселении чеченцев и ингушей», сообщив при этом, что «для этой цели прибывают 40 эшелонов и 6000 автомашин» (Бугай 1995: 101). Согласно другому источнику, докладной записке наркома внутренних дел Л. П. Берии И. В. Сталину, в середине февраля 1944 г. руководство республики было активно вовлечено в план подготовки депортации — 17 февраля 1944 г. Л. П. Берия извещал И. В. Сталина о ходе приготовлений к проведению операции «Чечевица» и, в частности, писал: «Приняты все необходимые меры к тому, чтобы выселение провести организованно, в указанные выше сроки и без серьезных инциден-

тов... К выселению будут привлечены 6–7 тыс. дагестанцев... из колхозного и сельского актива районов Дагестана» (ГАРФ 1: Л. 167–168).

В сюжете «Даниялов – Сталин» Г.А. Даниялов, со ссылкой на Багирова, которому «удалось своей запиской убедить Сталина в необходимости выселения народов Дагестана», указывал на причину предполагаемой депортации дагестанских народов: «В феврале-марте 1944 г. при выселении народов из национальных республик, согласно записке Багирова Сталину, в различные районы Сибири и Казахстана, Дагестану был намечен Павлодарский край вплоть до Урала. Однако замысел Багирова практически не было суждено осуществиться из-за титанической работы моего брата Абдурахмана Даниялова» (Даниялов 2006: 125).

О том, что первый секретарь ЦК ВКП(б) Азербайджана М.Д. Багиров помышлял о включении Дагестана в состав Азербайджана и с этой целью предпринимал различные шаги, известно по воспоминаниям Абдурахмана Даниялова. Первая подобная попытка, писал А. Даниялов, случилась в 1943 г., «после Тегеранской конференции», когда опасность прорыва немецких войск на Кавказ была окончательно ликвидирована: «Багиров при встрече передал мне разговор с И.В. Сталиным. Описав трудности, которые испытывал Дагестан, Багиров высказал мысль о передаче (sic! – П.Т.) или присоединении республики к Азербайджану. И.В. Сталин спросил: “А как отнесутся дагестанцы к такому предложению?” Баги-

ров ответил: “По-моему, неплохо”. На этом разговор окончился» (Даниялов 1991б: 251). По воспоминаниям А. Даниялова, «слух об этих намерениях азербайджанского руководства быстро распространился среди актива, особенно после переброски большой группы активистов дагестанского и недагестанского происхождения на руководящую работу из Баку в Дагестан» (Там же: 252). А. Даниялов писал, что «в дальнейшем прямых контактов с Багировым на эту тему не было. Азиз Алиев инициативы не проявлял. Я же не придавал политического значения этому вопросу» (Там же). Но вскоре этот вопрос заставил А. Даниялова определиться и «всерьез осмыслить значение и политические последствия передачи Дагестана Азербайджану и утвердиться в отрицательном отношении к такому предложению». Первый секретарь Дагестанского обкома ВКП(б) Азиз Алиев также «высказал резко отрицательное отношение к присоединению Дагестана к Азербайджану» (Там же).

Когда мог состояться этот разговор? Заметим, Тегеранская конференция завершилась 1 декабря 1943 г. К тому времени еще не были депортированы калмыки (28–29 декабря 1943 г.), а на Северном Кавказе чеченцы и ингуши (23 февраля – 1 март 1944 г.), балкарцы (8–11 марта 1944 г.), но уже прошла депортация карачаевцев (2–5 ноября 1943 г.) – Карачаевская АО была ликвидирована и территориально разделена между соседними республиками. Возможно, пример последней и слухи о предстоящей депортации народов ЧИ АССР наводили

М. Д. Багирова на различные мысли о конкретных способах «передачи или присоединения» республики к Азербайджану. Однако помимо высказанных им вслух в 1943 г. в самом общем плане мыслей о «присоединении Дагестана к Азербайджану» вопрос не получил дальнейшего развития.

Следующую попытку поднять этот вопрос М. Д. Багиров предпринял, по А. Даниялову, «спустя почти год... в период сессии Верховного Совета» (Даниялов 1991б: 253). М. Д. Багиров пригласил тогда А. Алиева и А. Даниялова к себе на московскую квартиру и заявил им, как писал А. Даниялов, «примерно следующее»: «Я только что обедал у Сталина на даче. Вопрос о передаче Дагестана Азербайджану в принципе решен. Напишите на имя Сталина записку с просьбой об этом» (Там же: 253). Руководители Дагестана попросили время на обдумывание этого предложения. На следующий день 1-й секретарь Дагобкома партии А. Алиев, по договоренности с А. Данияловым, встретился с 1-м секретарем ЦК ВКП(б) АзССР М. Д. Багировым и сообщил ему, что они не могут написать такой просьбы. Больше вопрос о «присоединении Дагестана к Азербайджану» не поднимался ни на личном, ни на официальном уровне.

Когда могла состояться эта встреча? Заметим, в годы Великой Отечественной войны состоялись всего три сессии Верховного Совета СССР: 9-я сессия (18 июня 1942 г.), 10-я сессия (28 января – 1 февраля 1944 г.), 11-я сессия (24–27 апреля

1945 г.). Поскольку вторая попытка будирования вопроса о присоединении Дагестана к Азербайджану произошла «спустя почти год» после первой, хронологически связанной А. Данияловым к концу 1943 г. (сразу «после Тегеранской конференции»), то переговоры М. Д. Багирова с А. Алиевым и А. Данияловым по этому вопросу могли состояться только в период прохождения 11-й сессии, т. е. в апреле 1945 г. Предыдущая, 10-я сессия, прошла в конце января – начале февраля 1944 г., т. е. спустя около двух месяцев после Тегеранской конференции (28 ноября – 1 декабря 1943 г.), но не год, как писал А. Даниялов. Очевидно, что в апреле 1945 г. какие-либо вопросы, связанные с предполагаемой депортацией народов Дагестана, с марта 1944 г. переселенных из 20 районов республики на опустошенные чеченские территории и уже более года занятых их хозяйственным освоением, были более чем неуместны. Возможно, поэтому М. Д. Багиров пытался решить этот вопрос «снизу», через обращение руководства республики Дагестан, как добровольный акт, а не «сверху», через Л. П. Берия. Напомним, в своем последнем варианте сюжета «Даниялов – Сталин» Г.-А. Даниялов упоминал о причине, вызвавшей угрозу депортации дагестанских народов, речь идет о «записке Багирова», которой «удалось убедить Сталина в необходимости выселения народов Дагестана» с целью «освободить территорию Дагестана от горцев», его заселения азербайджанцами и создания обширного «азербайджанского мусульманского государства» (Даниялов 2003: 122–124).

Надо заметить, что Л.П. Берию и М.Д. Багирова издавна связывали тесные дружеские отношения, с 1921 г., когда Багиров был назначен председателем ЧК АзССР, а Берия являлся его заместителем и начальником секретно-оперативной части АзЧК (Протокол допроса 2015: 298). Позже, поднявшись по партийной лестнице, Л.П. Берия открыто покровительствовал М.Д. Багирову, в частности, в 1933 г. последний был назначен на пост секретаря ЦК Коммунистической партии Азербайджана по представлению Л.Берии (Протокол допроса 2015: 299). Как позднее, в 1953 г., вспоминал коллега Л.П. Берии С.Р. Мильштейн, «все вопросы, которые требовали разрешения в Совете министров СССР и ЦК КПСС поддержки, Багиров предварительно согласовывал с Берией... Берия целиком поддерживал Багирова» (Там же). Таким образом, М.Д. Багиров имел все основания рассчитывать на поддержку Л.П. Берии. Тем не менее в 1945 г. он пытается это сделать через личное давление на руководство республики, ссылаясь на частный разговор с И.В. Сталиным. Не случайно А. Даниялов в своих воспоминаниях не увязывал попытки М.Д. Багирова по присоединению Дагестана к Азербайджану с угрозами депортации, их не было.

Тем не менее авторы А. Гаджиев, У. Магомедова в своей работе об А. Даниялове (Гаджиев, Магомедова 2008) повторяют известный сюжет по рассказу Г.-А. Даниялова и напрямую связывают угрозу депортации дагестанцев с деятельностью М.Д. Багирова, который «активно

включился в работу по созданию негативного мнения о Дагестане, о его народе и пытался склонить высшее руководство страны к акции присоединения Дагестана к Азербайджану» (Гаджиев, Магомедова 2008: 106–108). С этой целью «комиссары Багирова занялись подготовкой акта предательства – представления о выселении вслед за чеченцами и ингушами народов Дагестана» (Гаджиев, Магомедова 2008: 85). Сюжет «Даниялов – Сталин» в пересказе А. Гаджиева и У. Магомедовой примечателен тем, что в него впервые, со ссылкой на «кандидата исторических наук А.В. Федюхина» (не указана работа, страница), вводится тема «пятой колонны», которая прежде у других авторов не встречалась: «Руководитель Азербайджана М.Д. Багиров, который был знаком с Л.П. Берией еще со студенческой скамьи, говорил ему, что в случае вступления в войну Турции и нападения на Кавказ с юга, он не уверен, что дагестанцы не выступят на стороне Турции» (Гаджиев, Магомедова 2008: 106).

Заметим, тема угрозы «пятой колонны» на Северном Кавказе 1941–1944 гг. не являлась «изобретением» М.Д. Багирова. Попытки связать или объяснить депортации северокавказских народов внешнеполитическими факторами (взаимоотношения СССР – Турция) и предполагаемыми военными действиями на юге СССР имели хождение в тот период не только в высших партийных кругах, но и, как свидетельствуют источники, среди населения Северного Кавказа, подвергнутого депортации (Бугай 2012б: 239). В частности, согласно докладной

записке наркома внутренних дел Казахской ССР Н.К. Богданова от 30 марта 1944 г., они были зафиксированы среди чеченцев: «Спецпереселенец Евгаев (бывший прокурор Чечено-Ингушской АССР) в разговоре заявил агенту: “Все равно советская власть не выдержит, как только начнут действовать турки, которые уже открывают так называемый второй фронт”», «двое неустановленных агентурой спецпереселенцев-чеченцев... говорили, что “советское правительство, боясь нападения Турции, выселило чеченцев в Казахстан”» (ГАРФ 2: Л. 1–4). Заметим, угроза агрессии со стороны Турции на Закавказском фронте формально сохранялась до конца войны (вплоть до 1945 г. Турция продолжала сохранять к Германии доброжелательный нейтралитет), но после Сталинградской битвы (февраль 1943 г.) она отказывалась вступать в какие-либо военные действия (Еремеев 2005: 144).

Авторы Гаджиев и Магомедова задаются вопросом: «Почему же не были депортированы народы Дагестана в годы войны, и какова роль Даниялова в этом?» И отвечают на него, вновь ссылаясь на уже известный рассказ Г.-А. Даниялова как неоспоримый факт: «Решающую роль в этом сыграло личное участие Абдурахмана Даниялова, который, узнав о предполагаемом выселении дагестанцев, срочно выехал в Москву и на личном приеме у И.В. Сталина убедил его отменить депортацию» (Там же: 108). После эпизода со сломанным карандашом на списке обреченных народов авторы вслед за Г.-А. Данияловым повторяют эпизод с ультиматумом

Сталина, в котором была заключена спасительная альтернатива «неизбежной» депортации: «И.В. Сталин поставил перед А.Д. Данияловым условие — либо дагестанцы в месячный срок освоят 7 чеченских районов, либо они будут отправлены вслед за чеченцами на восток страны» (Гаджиев, Магомедова 2008: 106–108). Как резюмировал сам Г.-А. Даниялов: «Из двух зол пришлось выбирать значительно меньшее» (Даниялов 1991а: 259).

А. Гаджиев и У. Магомедова, как и все предыдущие авторы, хронологически привязывают сроки предполагаемой депортации дагестанских народов ко времени сразу «вслед за чеченцами и ингушами», т. е. после марта 1944 г. Однако судьба народов Дагестана к тому времени была уже предreshена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 г. «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории», согласно которому в состав Дагестанской АССР включались 4 тяготеющих к республике района в их существующих границах и 5-й район в новых границах с уменьшенной наполовину территории бывшей Чечено-Ингушской АССР (ГАРФ 3: Л. 51). Распоряжением СНК СССР от 11 марта 1944 г. Совнарком ДАССР был обязан до 15 апреля переселить «на земли, освобожденные после выселения чеченцев», колхозные хозяйства из горных районов. Спустя четыре дня, 15 марта 1944 г., СНК Дагестанской АССР и бюро Дагобкома ВКП(б) утвердили план по переселению из двадцати горных и предгорных районов респуб-

лики (Курбанов, Курбанов 2009: 200). В общей сложности на присоединенные к республике чеченские территории в 1944 г. было переселено 16 740 хозяйств дагестанцев (61 тыс. человек) (Курбанов, Курбанов 2009: 207). Заметим, переселение носило насильственный характер. Как позднее писал один из участников проведения переселения, известный советский партийный деятель Шахрудин Шамхалов, на тот момент председатель Буйнакского горисполкома: «Я не помню, чтобы хоть один колхоз добровольно согласился переселиться» (Шамхалов 1995: 186). Таким образом, «вслед за чеченцами и ингушами» дагестанцев с марта 1944 г. ожидала не депортация, а закрепленные специальными решениями постановления правительства — насильственное переселение в новые районы бывшей соседней республики.

Юсуп Абдурахманович Даниялов в своих воспоминаниях об отце (Даниялов, Абдулхабилов 2014) внес свой вклад в развитие сюжета «Даниялов — Сталин». Касаясь темы угрозы депортации, он ввел в свой рассказ некий доклад «с обоснованием высылки дагестанцев», составленный безымянным полковником и представленный Азизом Алиевым для ознакомления Абдурахману Даниялову:

«Когда Абдурахман Даниялович читал переданные ему А. М. Алиевым материалы, в которых речь шла, по существу, о высылке дагестанцев, в комнату... вошел все тот же полковник... На кителе у полковника был прикреплен орден Ленина, тогда орден был не на заколке.

Сквозь китель просверливали дырочку, и с внутренней стороны специальной накладкой привинчивали орден. Отец жестко спросил: “Вам не терпится просверлить на кителе вторую дырочку?” А первый орден полковник получил за выселение чеченцев и ингушей. Полковник с гордостью посмотрел и ответил: “Да, не терпится!” Абдурахман Даниялович положил доклад на стол перед полковником со словами: “Смотрите, чтобы эта дырочка Вам насквозь не прошла”, — и вышел из кабинета. А. Даниялов понял, что спасти ситуацию можно только в Москве» ((Даниялов, Абдулхабилов 2014: 43).

Разговор А. Даниялова с орденосным полковником, отличившимся в операции «Чечевица», если и имел место, мог состояться не ранее первой половины марта 1944 г. — Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 марта 1944 г. участники депортации чеченцев и ингушей, работники наркомата внутренних дел и наркомата государственной безопасности были награждены орденами и медалями «за образцовое выполнение специальных заданий Правительства» (Бугай 1991: 148). Заметим, ни один из них не был награжден орденом Ленина — поименный список награжденных за эту акцию опубликован в мартовском номере 1944 г. в газете «Красная звезда» (Красная Звезда 1944).

Однако в первой половине марта перед руководством республики стояли совсем другие задачи. 9 марта 1944 г. СНК СССР принял постановление «О заселении

и освоении районов бывшей Чечено-Ингушской АССР». Два дня спустя Верховный Совет СССР распоряжением № 5473рс обязывал СНК Дагестанской АССР до середины апреля 1944 г. переселить колхозников из горных районов Дагестана на земли, освобожденные после выселения чеченцев из Ауховского района ДАССР (Бугай 2012в: 369).

Между тем Ю. Даниялов продолжает излагать свою версию этой истории: «Отец понимал, что делает, и остро осознавал, что ему обязательно надо добраться до Москвы и донести информацию до Сталина о том, что высылка неправильная, предвзятая, ошибочная и делается вопреки справедливости и вопреки интересам Советского Союза» (Даниялов, Абдулхабилов 2014: 44). Состоялась встреча с Л. Берией, которого А. Даниялов уверял: «В целом дагестанцы за Советскую власть. Они никак себя не скомпрометировали. Есть отдельные проблемные представители, но с ними нужно разбираться, а не выселять целую нацию». В конце разговора Лаврентий Павлович даже сделал такое предложение: «Ну, у вас же много национальностей, отдай любую, хоть одну маленькую национальность: пусть выселят, чтобы люди, которые подготовились, провели работу». Отец сказал: «Не могу, мне одинаково больно будет, если оторвете любой палец. Мы одна единая семья, один кулак, нельзя нас, дагестанцев, рассматривать по отдельности, или как нацию, или как аул». На что Берия сказал: «Ты что, головой ручаешься за каждую нацию?» Отец сказал: «Да, головой ручаюсь!» Берия усмехнулся: «Ну

и голова у тебя, Абдурахман!» (Даниялов, Абдулхабилов 2014: 46).

Далее Юсуп Даниялов пытается объяснить, каким образом отцу удалось предотвратить эту операцию: «Сработал фактор провозглашения Сталиным автономии Дагестана. Сработало и то, что ни Берия, ни Сталин не хотели усиления Азербайджана. Поэтому Берия воспользовался возможностью, ссылаясь на аргументы, приводимые А. Данияловым, остановить процедуру и выселение дагестанцев» ((Даниялов, Абдулхабилов 2014: 47). По рассказу Ю. Даниялова, отец стремился «донести информацию до Сталина о том, что высылка неправильная», но спасительное решение вопроса неожиданно ограничилось встречей с Л. Берией, который почти в дружеской беседе напоследок попросил председателя Совнаркома республики отдать ему «хоть одну маленькую национальность» на рассмотрение.

Ссылка автора на личное нежелание Л. Берии «усиления Азербайджана», за которым стоял М. Д. Багиров, как на один из решающих факторов предотвращения депортации народов Дагестана — по меньшей мере несостоятельна. Как уже отмечалось, Л. Берия и М. Д. Багиров издавна, с 1920-х гг., связывали тесные дружеские отношения. По показаниям С. Р. Мильштейна, в 1943–1944 гг. начальника Третьего управления НКГБ СССР, все вопросы, которые требовали поддержки в Центре, «Багиров предварительно согласовывал с Берией... Берия целиком поддерживал Багирова» (Дело Лаврентия Берия 2015: 299).

В рассказе Ю. Даниялова «искупительной жертвой» дагестанского народа выступает просьба Л. Берии предоставить ему для депортации «любую, хоть одну маленькую национальность», чтобы не пропал напрасно труд его сотрудников, которые «подготовились, провели работу». Если речь шла только о пресловутой папке «с обоснованием высылки дагестанцев», то наличия ее одной, как свидетельствовал недавний опыт депортаций соседних народов, было крайне недостаточно. В частности, для предстоящего в феврале 1944 г. выселения чеченцев и ингушей наркомат внутренних дел СССР еще в ноябре 1943 г. был сделан предварительный расчет, сколько людей и куда распределять; окончательный план принудительного переселения определился к середине декабря 1943 г.; был продуман вопрос о транспортных средствах, количество эшелонов, сроки подачи вагонов, места погрузки и разгрузки (всего было сформировано 152 маршрута по 100 вагонов, выделено 14 200 вагонов и 1000 платформ (Бугай 1995: 100)); ГКО специальным постановлением от 31 января 1944 г. № 5074-сс обязывал Главное управление государственных материальных резервов при Совнаркомом СССР «разбронировать из госрезерва на проведение специальной работы 4000 тонн автобензина для НКВД СССР, 500 тонн автобензина для СНК Казахской ССР, 150 тонн для Киргизской ССР» (РГАСПИ 1: Л. 13–15) и т. д.

Напомним, по рассказу Ю. Даниялова действие происходит в начале марта. 18 марта 1944 г. председатель СНК ДАССР А. Даниялов и секре-

тарь обкома ВКП(б) А. Алиев обратились к заместителю председателя СНК СССР В. Молотову с просьбой «выделить на 1 месяц 100 грузовых автомашин и 150 тонн автомобильного бензина для перевозки 5 тыс. семей колхозников ДАССР в районы бывшей Чечено-Ингушской АССР и 1300 семей колхозников на земли, освобожденные после выселения чеченцев из Ауховского района ДАССР» (ГАРФ 4: Л. 98). Просьба была отклонена с обоснованием: «Народный Комиссариат Обороны не имеет возможности (выделено нами. — П. Т.) выделить Совнаркому Дагестанской АССР на указанные мероприятия 100 машин» (Там же). Между тем распоряжение СНК СССР от 11 марта 1944 г. о переселении колхозников из горных районов Дагестана на чеченские земли обязывало Совнарком ДАССР переселить горцев в кратчайшие сроки, до 15 апреля, с целью своевременного «обеспечения проведения весенних сельскохозяйственных работ» (Бугай 2012г: 369) и без какой-либо предварительной материально-технической поддержки из Центра.

В январе 1945 г., в отчете о выполнении распоряжения СНК СССР от 11 марта 1944 г., А. Даниялов писал, что «переселение проходило в довольно трудных условиях: трудности вызвались большой удаленностью районов вывоза переселенцев от железной дороги и от новых мест поселения; весенней распутицей в горах, экономической маломощностью переселяемых колхозников (недостаточная обеспеченность питанием и необходимой одеждой) и почти полным

отсутствием автотранспорта для ускорения перевозок...» (Там же: 312). О какой угрозе депортации дагестанцев, предстоящей якобы буквально вслед за чеченцами и ингушами, могла идти речь, если у Народного комиссариата обороны не было возможности в марте предоставить транспорт для их организованного переселения в соседнюю республику? Напомним, 8–11 марта 1944 г. силы НКВД на Северном Кавказе были заняты депортацией балкарцев (Бугай 2011: 237).

Новое неожиданное развитие сюжета «Даниялов – Сталин» получает в недавней книге А. Ю. Гаджиева (2015), где автор ссылается на рассказ «доцента Дагестанского медицинского института Хасрата Магомедова, который, по его словам, сам спрашивал Абдурахмана Данияловича» о предстоящем выселении дагестанцев (Гаджиев 2015: 61). В этом случае союзником А. Даниялова в спасении дагестанского народа неожиданно выступает сам И. В. Сталин:

«В Москве состоялось заседание политбюро, во время проведения которого Даниялов находился в гостинице “Москва”. Он сидел в кресле своего номера трое суток, не ложился, в день два раза брился, готовил сорокаминутный доклад для политбюро ЦК КПСС. На третьи сутки, в 3 часа ночи, ему позвонили и сказали: “Приезжай”. На заседании Сталин спросил: “Кто за выселение дагестанцев?” Было семь членов Политбюро, четверо из которых проголосовали “за”, трое “против”. У Сталина было два голоса, и тогда он ударил по столу кулаком левой

руки, хотя левая рука у него была не совсем здоровая: “В течение трех суток пусть дагестанцы занимают приграничные чеченские аулы. Если не займут, мы по-другому накажем их”. Даниялов возвращается, едет туда, в Аксай и другие села, уговаривает местных жителей пойти в чеченские села и сделать вид, что они там живут и работают, чтобы днем были там, а вечером возвращались в свои дома. Это продолжалось от трех до пяти месяцев. Люди очень уставали, это было тяжело, но все-таки они согласились. “Весь дагестанский народ обязан кумыкам”, – это слова Абдурахмана Даниялова» (Гаджиев 2015: 62).

Вызывают удивление представления автора о процедуре голосования на Политбюро ЦК ВКП(б). Заметим, состав Политбюро в 1944 г. не ограничивался семью членами: с 1939 по 1946 г. его членами состояли А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, Л. М. Каганович, М. И. Калинин, А. И. Микоян, В. М. Молотов, И. В. Сталин, Н. С. Хрущев (Политбюро 2001: 930). Рассказ же о жителях Аксая и других соседних приграничных селений, имитировавших переселение в соседние аулы, выглядит по меньшей мере надуманным и абсурдным. В приведенном сюжете «искупительной жертвой», спасшей дагестанцев от депортации, выступает переселение в опустошенные чеченские аулы исключительно кумыкских сел.

В действительности, 15 марта 1944 г. СНК Дагестанской АССР и бюро обкома ВКП(б) утвердили план по переселению из двадцати горных

и предгорных районов республики 9160 хозяйств колхозников, согласно которому намечалось переселить из аварских районов: Цумадинского, Цунтинского, Ахвахского, Ботлихского, Гумбетовского, Кахибского, Гляратинского, Хунзахского, Чародинского, Унцукльского, Гунибского, Казбековского — 5760 хозяйств; из даргинских: Акушинского, Левашинского, Дахадаевского, Сергокалинского, Кайтагского — 1750 хозяйств; лакских — Лакского и Кулинского — 1200 хозяйств, из Буйнакского района — 250 хозяйств (*Курбанов, Курбанов* 2009: 200). Чуть позже, постановлением СНК ДАССР № 246/243/64 от 12 апреля 1944 г. «О переселении колхозников колхозов имени МОПРа, имени 9 января и 1 Мая Махачкалинского района в Хасавюртовский район», переселению подверглись кумыкские селения Альбуригент, Тарки, Кяхулай и Карасув-Отар (Там же). В общей сложности количество насильственно переселенных дагестанских сел и колхозов в районы бывшей ЧИ АССР на 15 мая 1944 г. составляло 224 селения (14 603 хозяйств, 54 833 человек) (Там же: 206).

Все рассмотренные выше версии о спасении дагестанцев от депортации, увидевшие свет в различных публикациях в 1990–2015 гг., объединяет общее — Даниялов добился пересмотра «уже решенного вопроса о депортации дагестанцев» на одном из заседаний Политбюро ЦК в феврале-марте 1944 г. В действительности, в феврале 1944 г. руководство республики было занято не «спасением дагестанского народа от депортации». К тому времени оно отчетливо было информировано

о предстоящей депортации коренного населения Чечено-Ингушской АССР, а 17 и 20 февраля 1944 г. непосредственно вовлечено в процесс проведения этой операции и, самое главное, предстоящего хозяйственного освоения присоединяемых к ДАССР территорий упраздненной ЧИ АССР: 17 февраля 1944 г. было принято решение о привлечении к проведению операции «Чечевица» 6–7 тысяч дагестанцев из колхозного и сельского актива районов Дагестана (ГАРФ 5: Л. 167–168), а 20 февраля 1944 г., за три дня до начала операции 1-й секретарь Дагобкома А. Алиев и председатель Совнаркома республики А. Даниялов принимали активное участие в территориальном разделе еще официально не упраздненной ЧИ АССР.

Согласно докладной записке Председателя комиссии Совнаркома СССР А. В. Гриценко от 20 февраля 1944 г. наркому НКВД т. Л. П. Берии, совместно с представителями Грузинской ССР (Бакрадзе), Северо-Осетинской АССР (Кулов, Мазин), Дагестанской АССР (Алиев, Даниялов) и секретарем Грозненского обкома ВКП(б) (Иванов) был составлен проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о передаче ряда районов бывшей Чечено-Ингушской АССР и организации Грозненского округа, также разработан проект постановления СНК СССР о порядке заселения освобожденных от местного населения районов (ГАРФ 6: Л. 66–68).

24 февраля 1944 г., когда был готов план разделения бывшей Чечено-Ингушской АССР между соседними республиками и краями,

заместитель председателя СНК РСФСР А. Гриценко докладывал Л. Берии о готовности проекта постановления СНК «О районировании территории бывшей Чечено-Ингушской АССР»: «...Предлагаемое районирование рассмотрено с участием товарищей Даниялова, Алиева (Дагестан), Мазина и Кулова (Северная Осетия), Бахрадзе (Грузия) и Иванова (Грозный). Тов. Иванов и тов. Бахрадзе с предлагаемым проектом согласны. Тов. Даниялов и тов. Алиев просят дополнительно присоединить к Дагестану восточную часть Гудермесского и Курчалоевского районов. Тов. Мазин и тов. Кулов просят дополнительно присоединить к Северной Осетии Пседахский, Малгобекский, полностью Ачалукский и часть Сунженского районов ...» (ГАРФ 7: Л. 66–68).

Спустя пять дней, 29 февраля 1944 г., согласно донесению наркома внутренних дел Л. П. Берии И. В. Сталину о завершении операции по выселению чеченцев и ингушей, перед руководством Дагестанской АССР стояли проблемы, далекие от «предстоящей» депортации: «Руководители советских и партийных органов Северной Осетии и Дагестана и Грузии уже приступили к работе по освоению отошедших к этим республикам районов» (ГАРФ 8: Л. 161). 7 марта 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» в состав Дагестанской АССР включались «следующие районы бывшей Чечено-Ингушской АССР: Веденский, Ножай-Юртовский, Саясановский, Чеберлоевский – в существующих границах,

а так же Курчалоевский и Шароевский районы (за исключением северо-западной части этих районов) и восточную часть Гудермесского района» (ГАРФ 9: Л. 51).

Проведенная нами исследовательская работа в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) продемонстрировала полное отсутствие каких-либо документальных подтверждений об участии А. Даниялова в заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) или ГКО СССР в 1943–1944 гг., в частности в феврале-марте 1944 г. В 1943–1944 гг. заседания Политбюро ЦК ВКП(б) проходили практически ежедневно. Согласно каталогу «Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1940–1952», в котором содержатся все без исключения вопросы повесток дня заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б), хранящихся в РГАСПИ (с указанием даты заседаний, номером протокола, перечнем рассматриваемых на заседании вопросов по пунктам повестки дня; с указанием фамилии инициаторов постановки вопроса или докладчиков) – ни на одном из них не поднимался вопрос о депортации дагестанцев (Политбюро 2001). Ни на одном из заседаний Политбюро ЦК 1943–1944 гг., в частности в феврале-марте 1944 г., не присутствовали ни первый секретарь Дагестанского обкома партии А. Алиев, ни председатель Совнаркома А. Даниялов (Политбюро 2001). Непосредственная наша работа с документами, хранящимися в РГАСПИ и ГАРФ, подтвердила это. Также совершен-

но очевидно, что вопрос о предполагаемой депортации народов Дагестана в феврале-марте 1944 г. (указанные даты в воспоминаниях брата А. Даниялова — Г.А. Даниялова, сына А. Даниялова — Ю.А. Даниялова) либо позже, согласно материалам центральных архивов (ГАРФ, РГАСПИ), советским и партийным руководством (СНК, ГКО, Политбюро ЦК) официально не рассматривался и не поднимался (Государственный комитет обороны 2015; Политбюро 2001).

Голословная ссылка всех упомянутых выше авторов на заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором якобы решался вопрос о судьбе дагестанцев и лично присутствовал А. Даниялов, не нашла подтверждения в центральных партийных архивах и, таким образом, является надуманной. Вопрос о предполагаемой депортации населения Дагестана в 1944 г. не имел под собой реальной исторической основы, он был искусственно сконструирован и происходил из литературного сюжета «Даниялов — Сталин», получившего необоснованное распространение с 1990-х гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Безугольный и др. 2012 — *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012.

Берия 2002 — *Берия С.* Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти. (пер.с франц.). М.: Олма-Пресс, 2002.

Борев 1990 — *Борев Ю.Б.* Сталиниада, М. 1990.

Бугай 2011 — *Бугай Н.Ф.* Л.Берия — И. Сталину: «После ваших указаний проведено следующее...». М.: Гриф и К., 2011.

Бугай 2012а — *Бугай Н.Ф.Л.* Берия — И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». М.: Дружба народов. 2012. 286 с.

Бугай 2012б — *Бугай Н.Ф.* Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография (XX–XXI вв.). М.: Гриф и К, 2012.

Бугай 2012в — *Бугай Н.Ф.* Судьба национально-государственных образований репрессированных народов Северного Кавказа // *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М, 2012.

Бугай 2012г — *Бугай Н.Ф.* Депортация северокавказских народов в годы войны // *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М, 2012.

Бугай 1995 — *Бугай Н.Ф.* Л.Берия — И.Сталину. «Согласно Вашему указанию...». М., 1995.

Бугай 1989 — *Бугай Н.Ф.* К вопросу о депортациях народов СССР в 30–40-х годах // *ВИ.* 1989. № 6. С. 135–143.

Бугай, Гонов 2004 — *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы), М., 1998.

Бугай 1991 — *Бугай Н.Ф.* Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений. Л.Берия — И.Сталину // *История СССР*, 1991. № 1.

Вайнахи и имперская власть 2010 — *Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX вв.).* М.: РОССПЭН, 2010.

Гаджиев 2015 — Гаджиев А. Ю. Абдурахман Даниялов. Махачкала, 2015.

Гаджиев, Магомедова 2008 — Гаджиев А., Магомедова У. Абдурахман Даниялов — выдающийся деятель Дагестана, Махачкала, 2008.

ГАРФ 1 — ГАРФ, Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 167–168 Докладная записка наркома внутренних дел Л. П. Берии И. В. Сталину о подготовке к проведению операции по переселению чеченцев и ингушей, 17 февраля 1944 г.

ГАРФ 2 — ГАРФ, Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 183. Л. 1–4 Докладная записка наркома внутренних дел Казахской ССР Н. К. Богданова заместителю наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышеву об отношении населения Казахской ССР к спецпереселенцам Северного Кавказа, 30 марта 1944 г.

ГАРФ 3 — ГАРФ, Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 208. Л. 51 Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» от 7 марта 1944 г.

ГАРФ 4 — ГАРФ, Ф. Р-5446., Оп. 47, Д. 4355. Л. 98. Начальник сектора административно-судебных учреждений СССР П. Иванов — тов. Молотову В. М., 18 марта 1944 г.

ГАРФ 5 — ГАРФ, Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 167–168. Докладная записка наркома внутренних дел Л. П. Берии И. В. Сталину о подготовке к проведению операции по переселению чеченцев и ингушей, 17 февраля 1944 г.;

ГАРФ 6 — ГАРФ Ф. А-327. Оп. 2. Д. 708. Л. 66–68. Докладная записка Председателя комиссии Совнаркома СССР А. В. Гриценко.

ГАРФ 7 — ГАРФ, Ф. А-327. Оп. 2. Д. 708. Л. 66–68. Переселенческое управление при Совете Министров РСФСР.

ГАРФ 8 — ГАРФ, Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 161. Донесение наркома внутренних дел Л. П. Берии И. В. Сталину о заверше-

нии операции по выселению чеченцев и ингушей, 29 февраля 1944 г.

ГАРФ 9 — ГАРФ, Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 208. Л. 51. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» от 7 марта 1944 г.

Государственный комитет обороны 2015 — Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность 1941–1945 гг. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2015.

Даниялов 1991а — Даниялов А. Д. Воспоминания. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1991.

Даниялов 1991б — Даниялов А. Дагестан: время, судьбы. Махачкала, 1991.

Даниялов 2003 — Даниялов Г. А. Век моей судьбы. Махачкала, 2003.

Даниялов 2006 — Даниялов Г. А. Век моей судьбы. Махачкала, 2006.

Даниялов, Абдулхабилов 2014 — Даниялов Ю., Абдулхабилов М. Абдурахман Даниялов. Без права на ошибку. Махачкала, 2014.

Дело Лаврентия Берия 2015 — Дело Лаврентия Берия. Сборник документов. М., 2015.

Еремеев 2005 — Еремеев Д. Е. Турция в годы Второй мировой и «холодной» войн (1939–1990). М., 2005.

Исторический архив 1988 — Исторический архив, 1988, № 4. Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина (журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком 1924–1953 гг). Алфавитный указатель.

История сталинского ГУЛАГа 2004 — История сталинского ГУЛАГа. Т. 1, Массовые репрессии в СССР. М., 2004.

Красная Звезда 1944 — Красная Звезда, 1944, № 58 (5738). 9 марта Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями работников наркомата внутренних дел и нар-

комата государственной безопасности. Поименный список.

Курбанов, Курбанов 2009 — Курбанов М.Р., Курбанов Ж. М. Народы Дагестана: история депортации и репрессий. Махачкала, 2009.

Липкин 1989 — Липкин С. И. Декада // Дружба народов. 1989, № 5–6.

Липкин 1990 — Липкин С. Декада. М.: Книжная палата, 1990.

Политбюро 2001 — Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 3. 1940–1952. Каталог, М.: РОССПЕН, 2001.

Протокол допроса 2015 — Протокол допроса Л. П. Берия от 28 сентября 1953 г. // Дело Лаврентия Берия. Сборник документов. М.: Кучково поле, 2015.

РГАСПИ 1 — РГАСПИ. Ф. 644., Оп. 1, Д. 200, Л.13–15. Постановление ГОКО № 5074 сс «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР».

Репрессированные народы 1994 — Репрессированные народы России: чеченцы, ингуши. Документы, факты, комментарии. М., 1994.

Сарнов 1997 — Сарнов Б. Мы сидели у Лили Брик и пили чай // Литературная газета, 1997, 26 февраля.

Фадюхин 2001 — Фадюхин А. В. А. Д. Даниялов — общественно-политический и государственный деятель Дагестана. Автореф. канд. дисс. Махачкала, 2001.

Шамхалов 1995 — Шамхалов Ш. М. Дагестан: моя любовь и судьба. Махачкала, 1995.

Шеуджен и др. 1996 — Шеуджен А., Галкин Г., Алешин Н. и др. Земля адыгов. Майкоп, 1996.

Шнайдер 2015 — Шнайдер В. Г. Советская национальная политика и народы Северного Кавказа в 1940–1950-е гг., Москва-Берлин, 2015.

TO THE QUESTION ABOUT THE FAILED DEPORTATION OF THE DAGESTANIS IN 1944

Takhnaeva Patimat I. — candidate of historical sciences, senior researcher of the Institute of Oriental studies, RAS (Moscow)

Key words: deportation of peoples of the North Caucasus, the deportation of Dagestanis, repression, A. Daniyalov, M. Bagirov, i. Stalin, operation “Chechevica”, the myths of deportation.

The article is devoted to the intended and cancelled deportation of the population of Dagestan in 1944. The reference of the various authors to the meeting of the Politburo of the CK ACP(b), during which allegedly a question was discussed about the fate of the Dagestanis (A. Daniyalov personally attended), was not confirmed in the central party archives. The question about the proposed deportation of Dagestanis in 1944 had not a real historical basis, was artificially caused by the publicists and came from the literary plot “Daniyalov–Stalin”, which became widespread since the 1990s.

REFERENCES

- Beriia S. *Moi otets Beriia. V koridorakh stalin-skoi vlasti.* (per.s frants.). Moscow: Olma-Press, 2002.
- Bezugol'nyi A.Iu., Bugai N.F., Krinko E.F. *Gortsy Severnogo Kavkaza v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.: problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniia.* Moscow, 2012.
- Borev Iu.B. *Staliniada.* Moscow 1990.
- Bugai N.F., Gonov A.M. *Kavkaz: narody v eshelonakh (20–60-e gody).* Moscow, 1998.
- Bugai N.F. *L. Beriia – I. Stalinu: “Posle vashikh ukazanii provedeno sleduiushchee...”.* Moscow: Grif i K., 2011.
- Bugai N.F. *L. Beriia – I. Stalinu: “Posle Vashikh ukazanii provedeno sleduiushchee...”.* Moscow: Druzhba narodov. 2012. 286 p.
- Bugai N.F. *Deportatsiia severokavkazskikh narodov v gody voiny // Bezugol'nyi A.Iu., Bugai N.F., Krinko E.F. Gortsy Severnogo Kavkaza v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.: problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniia.* Moscow, 2012.
- Bugai N.F. *K voprosu o deportatsiikh narodov SSSR v 30–40-kh godakh // VI. 1989. No 6. P. 135–143.*
- Bugai N.F. *Problemy repressii i reabilitatsii grazhdan: istoriia i istoriografiia (XX–XXI vu).* Moscow: Grif i K, 2012.
- Bugai N.F. *Pogruzheny v eshelony i otpravlenny k mestam poselenii. L. Beriia – I. Stalinu // Istoriia SSSR, 1991. No 1.*
- Bugai N.F. *L. Beriia – I. Stalinu. “Soglasno Vashemu ukazaniiu...”.* Moscow, 1995.
- Bugai N.F. *Sud'ba natsional'no-gosudarstvennykh obrazovani repressirovannykh narodov Severnogo Kavkaza // Bezugol'nyi A.Iu., Bugai N.F., Krinko E.F. Gortsy Severnogo Kavkaza v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.: problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniia.* Moscow, 2012.
- Daniialov Iu., Abdulkhabirov M. *Abdurakhman Daniialov. Bez prava na oshibku.* Makhachkala, 2014.
- Daniialov A. *Dagestan: vremia, sud'by.* Makhachkala, 1991.
- Daniialov A.D. *Vospominaniia.* Makhachkala.: Dag. kn. izd-vo, 1991.
- Daniialov G.-A. *Vek moei sud'by.* Makhachkala, 2003.
- Daniialov G.-A. *Vek moei sud'by.* Makhachkala, 2006.
- Delo Lavrentiia Beriia. *Sbornik dokumentov.* Moscow, 2015.
- Eremeev D. E. *Turtsiia v gody Vtoroi mirovoi i “kholodnoi” voin (1939–1990).* Moscow, 2005.
- Fadiukhin A.V. *A. D. Daniialov – obshchestvenno-politicheski i gosudarstvennyi deiatel' Dagestana.* Avtoref. kand. diss. Makhachkala, 2001.
- Gadzhiev A.Iu. *Abdurakhman Daniialov.* Makhachkala, 2015.
- Gadzhiev A., *Magomedova U. Abdurakhman Daniialov – vydaiushchiisia deiatel' Dagestana.* Makhachkala, 2008.
- GARF. F. R-9401. Op. 2. D. 64. L. 167–168. *Dokladnaia zapiska narkoma vnutrennikh del L. P. Berii I. V. Stalinu o podgotovke k provedeniiu operatsii po pereseleniiu chechentsev i ingushei, 17 fevralia 1944 g.*
- GARF. F. R-9479. Op. 1. D. 183. L. 1–4. *Dokladnaia zapiska narkoma vnutrennikh del Kazakhskoi SSR N. K. Bogdanova zamestiteliu narkoma vnutrennikh del SSSR V. V. Chernyshevu ob otnoshenii naseleeniia Kazakhskoi SSR k spetspereselentsam Severnogo Kavkaza, 30 marta 1944 g.*
- GARF. F. R-7523. Op. 4. D. 208. L. 51. *Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR “O likvidatsii Checheno-Ingushskoi ASSR i ob administrativnom ustroistve ee territorii” ot 7 marta 1944 g.*
- GARF. F. R.-5446., Op. 47, D. 4355. L. 98. *Nachal'nik sektora administrativno-sudebnykh uchrezhdenii SSSR P. Ivanov – tov. Molotovu V.M., 18 marta 1944 g.*
- GARF. F. R-9401. Op. 2. D. 64. L. 167–168. *Dokladnaia zapiska narkoma vnutrennikh del L. P. Berii I. V. Stalinu o podgotovke k*

- provedeniiu operatsii po pereseleniiu chechentsev i ingushei, 17 fevralia 1944 g.;
- GARF. F. A-327. Op. 2. D. 708. L. 66–68. Dokladnaia zapiska Predsedatelia komissii Sovnarkoma SSSR A. V. Gritsenko.
- GARF. F. A-327. Op. 2. D. 708. L.66-68. Pereselencheskoe upravlenie pri Sovete Ministrov RSFSR.
- GARF. F. R-9401. Op.2. D. 64. L. 161. Done-senie narkoma vnutrennikh del L. P. Berii I. V. Stalinu o zavershenii operatsii po vyse-leniiu chechentsev i ingushei, 29 fevralia 1944 g.
- GARF. F. R-7523. Op. 4. D. 208. L. 51. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR “O likvidatsii Checheno-Ingushskoi ASSR i ob administrativnom ustroistve ee territorii” ot 7 marta 1944 g.
- Gosudarstvennyi komitet oborony SSSR. *Postanovleniia i deiatel’nost’ 1941–1945 gg.* Vol. 2. Moscow: ROSSPEN, 2015.
- Istoriia stalinskogo GULAGa.* Vol. 1, Massovyie repressii v SSSR. Moscow, 2004.
- Istoricheskii arkhiv, 1988, No 4. *Posetiteli kremlevskogo kabineta I. V. Stalina (zhurnaly (tetradi) zapisi lits, priniatykh pervym gensekom 1924-1953 gg).* Alfavitnyi ukazatel’.
- Krasnaia Zvezda*, 1944, No 58 (5738). 9 marta Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR o nagrazhdenii ordenami i medaliami rabotnikov narkomata vnutrennikh del i narkomata gosudarstvennoi bezopasnosti. Poimennyi spisok.
- Kurbanov M.R., Kurbanov Zh.M. *Narody Dagestana: istoriia deportatsii i repressii.* Makhachkala, 2009.
- Lipkin S.I. Dekada // *Druzhiba narodov.* 1989.
- Lipkin S. *Dekada.* Moscow: Knizhnaia palata, 1990. No 5–6.
- Politbiuro TsK RKP(b) – VKP(b). Povestki dnia zasedanii. Vol. 3. 1940–1952.* Katalog, Moscow: ROSSPEN, 2001.
- Protokol doprosa L. P. Beriia ot 28 sentiabria 1953 g. // *Delo Lavrentiia Beriia.* Sbornik dokumentov. Moscow: Kuchkovo pole, 2015.
- Repressirovannye narody Rossii: chechentsy, ingushi. Dokumenty, fakty, kommentarii.* Moscow, 1994.
- RGASPI. F. 644., Op. 1, D. 200, L.13–15. Postanovlenie GOKO № 5074 ss “O mero-priiatiiakh po razmeshcheniiu spetspereg-selentsev v predelakh Kazakhskoi i Kirgizskoi SSR’.
- Sarnov B. My sideli u Lili Brik i pili chai // *Literaturnaia gazeta*, 1997, 26 fevralia.
- Shamkhalov Sh.M. *Dagestan: moia liubov’ i sud’ba.* Makhachkala, 1995.
- Sheudzhen A., Galkin G., Aleshin N. i dr. *Zemlia adygov.* Maikop, 1996.
- Shnaider V.G. *Sovetskaia natsional’naiia politika i narody Severnogo Kavkaza v 1940–1950-e gg.*, Moscow-Berlin, 2015.
- Vainakhi i imperskaia vlast’: problema Chechni i Ingushetii vo vnutrennei politike Rossii i SSSR (nachalo XIX – seredina XX vv.).* Moscow: ROSSPEN, 2010.

В. И. Цвиркун

ЛЕГЕНДА И РЕАЛИИ ПЕРЕНОСА ОСТАНКОВ ДМИТРИЯ КАНТЕМИРА ИЗ МОСКВЫ В ЯССЫ

Ключевые слова: Д. Кантемир, Молдавия, советско-румынские отношения, реконструкция Москвы, разрушение церквей.

Летом 1935 г. в условиях временного улучшения советско-румынских отношений было осуществлено торжественное перезахоронение в г. Яссы останков похороненного в Москве в 1723 г. выдающегося соратника Петра I молдавского господаря Димитрия Кантемира. Основываясь на анализе и сопоставлении источников, в первую очередь архивных документов, автор приходит к выводу о том, что переданные останки не могли быть аутентичными, поскольку сооружения Свято-Никольского монастыря, где был погребен Кантемир, были разрушены к началу 1935 г.

Зачастую не только прижизненная, но и посмертная биография исторической личности, политического деятеля, писателя или ученого обрастает многочисленными мифами, легендами, преданиями и загадками. В этом ряду не стала исключением фигура выдающегося мыслителя, просветителя и политика первой четверти XVIII в., молдавского

господаря Димитрия Кантемира. В своих предыдущих публикациях автор настоящей статьи уже обращался к рассмотрению и анализу ряда мифов и легенд, которыми богато украшены жизнь и творчество этого человека (Цвиркун 1994; 2010; 2013; Цвиркун 2006²⁰⁰⁹). Предлагаемая работа посвящена одной из наименее разработанных в кантемироведении тем – изучению условий, предопределивших решение советского правительства о передаче останков молдавского господаря и светлейшего князя Российской империи королевской Румынии, перезахороненных после проверки

© Цвиркун В. И., 2017

Цвиркун Виктор Иванович – доктор исторических наук, профессор Кишиневского государственного педагогического университета имени Иона Крянгэ, координатор Отделения гуманитарных наук и искусств АН Молдовы (Кишинев); tvircun_victor@yahoo.com

их аутентичности в кафедральном соборе «Трех Святителей» г. Яссы в июне 1935 г.

Было бы далеким от истины утверждение, что эта страница биографии Д. Кантемира не нашла определенного отображения в исторической литературе. В ряде статей, опубликованных в последние десятилетия в Румынии, Республике Молдова и Российской Федерации, ей было уделено немалое внимание (Дик 1977; Фомин 1990; Цвиркун 2010; Gorovei 1973; Iftimi 2003; 2008). Однако следует признать как их общий недостаток отсутствие солидной документальной базы. Основным источником этих публикаций являлась периодическая печать Румынии того времени и редкие издания мемуарного характера. Между тем использование документов, извлеченных из архивных фондов Министерств иностранных дел Российской Федерации и Румынии предоставляет нам уникальную возможность, сопоставляя и дополняя ими друг друга, исследовать объективные условия и причины передачи останков Дмитрия Кантемира из СССР в Румынию, а также определить их достоверность.

Как известно, среди последних волеизъявлений молдавского господара, отображенных в его «Завещании», была просьба, «чтоб тело... грешное отнесено было в Москву и схоронено в Греческом монастыре близ первой <...> жены. А в погребении никакой утраты в церемониях (как ныне обыкновение есть) да не будет...» (Байер 1783: 306–310; Цвиркун 2010: 326–329; Ciobanu 1924:

138–141). Последняя воля Д. Кантемира была исполнена полтора месяца спустя после его кончины. 1 октября 1723 г. вдова князя Анастасия Кантемир, урожденная Трубецкая, и его дети «к вечеру, без большого стечения народа, в присутствии одного архиерея и священника» согласно завещанию «погребли князя в Москве, в церкви Святых Константина и Елены новогреческого Святоникольского монастыря, близ могилы первой жены Кассандры и дочери Смарагды» (Цвиркун 2013: 208). Здесь же, через два десятилетия, стараниями Марии Кантемир были погребены останки младшего из сыновей Д. Кантемира – Антиоха, умершего 31 марта 1744 г. в Париже в ранге полномочного министра Российской империи при дворе французского короля.

На протяжении нескольких столетий ни природные катаклизмы, ни социальные потрясения, ни наполеоновские мародеры не нарушали размеренную жизнь монастыря и не тревожили прах семейства Кантемиров. Однако политические события первой четверти XX в., коренным образом изменившие жизнь всего государства, явились отправной точкой, полной драматизма, в истории Православной Церкви. Уже в начале 20-х гг. в СССР в результате воплощения государственной политики борьбы с религией были закрыты десятки тысяч церквей и сотни монастырей. На тысячи церковнослужителей был наложен запрет на отправку богослужений, а монашествующие изгнаны из монастырей. Такая же судьба постигла и Московский Новогреческий монастырь

Св. Николая, закрытый и опечатанный властями в 1923 г. (см.: Сорок сороков 1992: 156–157; Денисов 1908: 429–431; Проценко 1863; Романюк 1992: 57). В таком законсервированном состоянии он простоял до 1934 г., времени начала претворения в жизнь Генерального плана реконструкции Москвы. Утвержденный ЦК ВКП(б) и советским правительством в начале 30-х гг., он предусматривал коренные градостроительные преобразования исторической части столицы СССР. На месте дворянских особняков, памятников русского зодчества, древних церквей и монастырей XV–XVIII вв. предполагалось возведение мегалитических зданий индустриального стиля. В числе такихстроек, на территории Новогреческого монастыря, вблизи Красной площади, намечалось строительство Дома Народного комиссариата тяжелой промышленности.

В целях оперативного исполнения утвержденного генплана было создано Особое управление по строительству. В первых числах июня 1934 г. было принято решение об образовании в его составе специального Бюро по освобождению территории для строительства, действовавшее на принципах хозяйственной организации (Годовой отчет 1935). Основная задача Бюро сводилась к «организации освобождения зданий и отселения жильцов, находящихся в зоне строительства Дома Наркомата тяжелой промышленности, а также к администрированию сооружений, определенных к сносу» (Годовой отчет 1935). Как свидетельствует годовой отчет Бюро, «наибольший объем

выполненной им работы относился ко второй половине 1934 – первому кварталу 1935 года» (Годовой отчет 1935). Именно в это время был полностью разрушен и снесен монастырский комплекс Новогреческого монастыря вместе с могилами видных государственных деятелей российского государства, иерархов Православной Церкви, военачальников и писателей. В их числе значатся и усыпальницы семейства Кантемиров и Кантакузино.

С уничтожения церквей, построек и кладбища Новогреческого монастыря берет начало история перенесения останков Д. Кантемира из СССР в королевскую Румынию.

По свидетельству Иосифа Ивановича Дика, советского поэта и прозаика, сына известного румынского революционера Иона Дика (Дическу), его отец, «проходя по Никольской улице, увидел, что рабочие ломают цоколь какой-то церквушки. Тут он вспомнил, что Дмитрий и Антиох Кантемиры были захоронены где-то в центре Москвы... Отец поднялся на паперть. Греческий священник был с ним сух, разговаривать не желал. Но когда отец стал выходить из церкви, тот вдруг окликнул его по-румынски: – А вас очень интересуют Кантемиры? – Очень!

И они разговорились... потом [священник], взяв топор, стал поднимать какие-то доски, устилающие в церкви пол, и вскоре под ними, на двух чугунных плитах [отец] прочитал “Дмитрий Кантемир” и “Антиох Кантемир”» (Дик 1977: 145). Возвратясь домой, И. Дик в тот же вечер написал обращение

в Наркомат иностранных дел СССР с предложением «передать прах Кантемиров в Румынию для погребения», считая этот шаг «великим дружеским актом в тот момент, когда между нашими странами (СССР и королевской Румынией. — В.Ц.) установились нормальные дипломатические отношения» (Дик 1977: 145).

Если верить словам Иосифа Дика, буквально на следующий день после того, как письмо отца было послано адресату, «греческую церковь ломать перестали», а археологи «в присутствии румынского посольства подняли чугунные плиты» (Дик 1977: 145).

Приведенные выше высказывания во многом диссонируют с реалиями того времени. В первую очередь, как отмечалось ранее, Новогреческий монастырь Св. Николая был закрыт, а монахи и послушники изгнаны еще в 1923 г. Таким образом, никого из греческих священников, тем более говорящих на румынском языке, Ион Дик там встретить не мог. Во-вторых, как свидетельствуют отчеты о деятельности Бюро, основные работы по сносу монастырского комплекса были завершены зимой 1935 г. (Годовой отчет 1935). Из чего следует, что ни о каких хождениях по церкви и беседах на паперти не могло быть и речи. Столь же скептически следует оценить вероятность участия представителей румынского посольства в археологическом обследовании места захоронения Кантемиров. Подтверждением нашей точки зрения являются документы министерств иностранных дел СССР

и Румынии, в которых сообщается, что представители румынской дипломатической миссии в Москве и командированные сотрудники МИДа королевской Румынии присутствовали лишь на церемонии передачи останков Д. Кантемира, состоявшейся в одном из залов Исторического музея 1 июня 1935 г.¹ Характеризуя свидетельства Иосифа Дика, необходимо принять во внимание тот факт, что о многих из описанных им событий он услышал в раннем детстве со слов отца. С годами многое стерлось из памяти, чему немало способствовали контузия и тяжелое ранение, полученные им во время войны. Нам представляется, что И. Дик, будучи незаурядной личностью, наделенный литературным даром, с лихвой компенсировал отсутствие достоверных фактов творческой фантазией.

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы позволяют воссоздать несколько иную картину. В последней декаде марта 1935 г. руководство НКВД СССР получило информацию из Бюро по расчистке территории строящегося здания Наркомата тяжелой промышленности о необычной находке в подвалах разрушенного новогреческого монастыря — могильных плит отца и сына Кантемиров. Возможно, что тут и послужило толчком письмо И. Дика, тем более что в своей автобиографии, составленной 10 июля 1936 г., в пост-

¹ Arhiva MAE a României. Fondul. 71. URSS. Vol. 84. F. 247; Архив внешней политики Российской Федерации (АВВРФ). Ф. 125 (Резидентура по Румынии). Оп. 17. П. 111. Д. 3. 1935 г. Л. 49; (Relațiile româno-sovietice 2003).

скриптуме он отмечал: «В 1925 году, при проведении некоторых исторических исследований мною открыты (sic!) в Москве останки молдавского господаря Димитрия Кантемира, которые по моему предложению² в 1935 г., в июне месяце были переданы Румынии как исторические ценности»³. В результате этого обращения 3 апреля 1935 г. состоялась беседа Давида Штерна, начальника 2-го Западного отдела НКВД, с главой румынской дипломатической миссии в СССР Эдмондом Чунту, во время которой послу было сообщено об обнаружении надгробных плит семейства Кантемиров. В своем рапорте руководству Министерства иностранных дел Румынии о содержании состоявшейся беседы Э. Чунту сообщал следующее: «Советы предлагают нам надгробную плиту с могилы господаря Димитрия Кантемира, оставленную после сноса церкви, основанной им в 1735 г. в Москве. Она может быть транспортирована (в Румынию. — В.Ц.) одновременно с ящиками (национального архива. — В.Ц.). Попросил о передаче (надгробий. — В.Ц.) с могил жены и дочери (Д. Кантемира. — В.Ц.), в том случае, если будут найдены. Такую же просьбу относительно передачи надгробной плиты Антиоха Кантемира не смог озвучить, поскольку он был российским послом в Париже и принадлежит их историческому наследию. Насколько

² К сожалению, поиски письма-обращения И. Дика в Наркоминдел СССР не дали положительных результатов.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 255. Д. 662 (Личное дело Дика Ивана Осиповича — Dicescu Ion Iosif). Л. 10.

мне кажется, под надгробной плитой не были найдены останки господаря... Попросил, чтобы еще раз обследовали место, после чего оно будет освобождено от обломков кирпича и молузы...»⁴.

Следствием беседы с послом Э. Чунту стало обращение Д.Г. Штерна в Комитет по охране исторических памятников следующего содержания:

В комитет по Охране памятников
Тов. Иванову

Бюро по расчистке площадки строительства дома тяжелой промышленности сообщило нам, что при сносе здания греческой церкви по ул. 25 Октября в г. Москве в одном из подвальных помещений этой церкви обнаружен ряд надгробных плит, среди которых имеются плиты на могиле Дмитрия Константиновича Кантемира, его жены Александры и дочери Марии, погребенных в этой же церкви. Плита Дмитрия Кантемира в настоящее время с места уже снята и перенесена, якобы, в здание бывшего Донского монастыря в г. Москве.

Румынская миссия в предварительном порядке уже поставлена нами в известность о существовании этих плит, причем миссия высказала свою чрезвычайную заинтересованность в получении от Советского Союза этих памят-

⁴ Arhiva MAE a României. Fondul 71. URSS. Anul 1935/36. Vol. 83. Relații cu România. F. 72. Telegrama descifrată dela Legațiunea din Moscova Nr. 1263. Data 3 aprilie 1935, ora 20.25. Excellence Savel Rădulescu.

ников, в связи с тем, что названный Дмитрий Кантемир почитается в Румынии за большого национального героя.

НКИД, со своей стороны, подчеркивает политическую целесообразность для СССР в передаче румынской миссии надгробных плит и останков (если таковые будут найдены) по возможности всех троих вышеупомянутых лиц. Передачу эту желательно было бы произвести в ближайшее время.

На основании изложенного, мы обращаемся к Вам с просьбой установить принадлежность надгробных плит указанным трем лицам, точно определить место нахождения их останков и подготовить все то (оформив соответствующими актами) для передачи румынской миссии в Москве. [Далее зачеркнуто: Передачу плит и останков желательно провести на территории бывшей греческой церкви.]

Заведующий II Западным отделом
/Штерн/⁵

Насколько эффективно работала бюрократическая машина того времени, свидетельствует тот факт, что буквально через месяц с небольшим, не дождавшись ответа на свое обращение в Комитет по охране памятников, Д.Г. Штерн вынужден был повторить его письмом от 14 мая:

⁵ АВПРФ. Ф. 0125 (Культурные связи с Румынией). Оп. 17. П. 112. Д. 16. Л. 2. «2-й Западный отдел. Срочно. Секретно. От 4 апреля 1935 г.».

В комитет по Охране памятников
Тов. Иванову

В нашем письме от 4 апреля с. г. за №14841 мы писали Вам, что НКИД решил передать румынскому правительству надгробные плиты Дмитрия Кантемира, его жены Александры и дочери Марии, найденные в одном из подвалов бывшей Никольской греческой церкви в Москве. С момента отправки Вам нашего письма прошло уже свыше месяца. В настоящий момент НКИД сообщает Вам, что плиты должны быть предоставлены в наше распоряжение не позже чем 25 мая сего года.

Просим немедленно сообщить нам точный день, когда мы могли бы передать указанные выше надгробные плиты представителям румынского правительства. Обращаем вновь Ваше внимание на срочность и политическую серьезность данного вопроса.

Заведующий II Западным отделом
/Штерн/
Референт /Власов/⁶

Вопреки запросам и требованиям Штерна только 21 мая 1935 г. группа археологов Государственного исторического музея под руководством старшего научного сотрудника Г.И. Червякова с бригадой рабочих приступила к раскопкам церкви, в которой было погребено семейство Кантемиров. В результате проведенных работ был состав-

⁶ Там же. Л. 3.

лен официальный акт, на котором настаивало руководство Наркоминдела СССР. Этот документ вместе с извлеченными останками был передан представителям румынской дипломатической миссии 1 июня 1935 г. в одном из залов Государственного исторического музея. К сожалению, оригинал официального документа на русском языке не сохранился, однако в Архиве Министерства иностранных дел Румынии нами был найден его румынский перевод, который считаем нужным привести ниже.

Москва, 4 июня 1935
Э. Чунту – Н. Титулеску
Господин Министр

Следствием моих предыдущих телеграмм относительно передачи Советами останков господаря Дмитрия Кантемира, имею честь сопроводить адресованную мне ноту Комиссариата иностранных дел вместе с двумя приложениями, переведенными на румынский язык, и фотографией⁷.

Приложения представляют собой две записки исторического и документального характера, составленные господином Ивановым, сотрудником Московского исторического музея, секретарем Комиссии по охране исторических памятников, которые позволяют нам не сомневаться в аутентичности найденных останков.

⁷ К сожалению, указанную фотографию найти не удалось.

Отсылаю оригинал (акта. – В.Ц.) с приложением легализованного перевода на румынский язык.

Помимо фотографии – большого размера, которая была прислана из Комиссариата иностранных дел вместе с актами, найдете дополнительный конверт, в котором находятся еще две фотографии и соответствующие им негативы, сделанные посольством в день передачи останков, т. е. 1 июня.

Эдмонд Чунту

Его Превосходительству
Господину Николае Титулеску,
Министру иностранных дел⁸

Копия
Перевод с русского языка

Историческое описание памятников бывшего греческого Никольского

На основании имеющихся литературных данных Дмитрий Кантемир был захоронен в греческом Никольском монастыре. Сын его, известный писатель Антиох Кантемир, умер в Париже 31 марта 1744 г., оставив завещание, согласно которому просил похоронить его рядом с отцом, в связи с чем тело его было перевезено в Москву и погребено в Никольском монастыре.

Согласно монастырским записям известно⁹, что Антиох и Дмитрий

⁸ Arhiva Ministerului Afacerilor Externe a României. Fondul. 71. URSS. Vol. 84. F. 246.

⁹ Вызывает большое сомнение наличие в руках госп. Иванова монастырских записей,

Кантемир были похоронены в трапезной нижнего храма с правой стороны от входа. Из имеющихся надгробных плит Кантемирам могут принадлежать только те, что расположены на западной стене нижней церкви, между центральным входом в нее и юго-западным углом, т. е. с правой стороны нижней части здания.

На одной из трех имеющихся плит находится надпись, свидетельствующая о захоронении грузинского князя с гербом Св. Георгия Победоносца. Данные о погребенных под другими плитами, на которых можно расшифровать следующие слова: «Москва... в Москве», совпадают с датами смерти писателя Антиоха Кантемира, похороненного в бывшей греческой церкви.

Завещание Антиоха, согласно которому он был похоронен рядом с могилой отца, дает нам основание сделать вывод, что соседняя могила со стертой надписью принадлежит Дмитрию Кантемиру.

Изучение останков одежды и обуви в обеих могилах, произведенное в отделе тканей Государственного исторического музея, подтверждает места происхождения материалов, из которых были изготовлены вышеозначенные предметы. В могиле Антиоха — ткани и обувь французские, типичные для XVIII столетия, в то время как в могиле Дмитрия Кантемира — мужская одежда

нерусского типа, сандалии из кожи и пояс — персидские.

Подлинность подтверждаю,

Старший научный сотрудник
Комитета охраны памятников при
Центральном исполнительном
комитете.
Профессор Иванов¹⁰

Приведенная выше историческая записка профессора Иванова вместо внесения ясности еще более усложняет поиск истины. Во-первых, найденные надгробные плиты отнюдь не говорят об их принадлежности к захоронениям Дмитрия и Антиоха Кантемиров. Прочитанные слова «Москва... в Москве» никоим образом не связаны с биографией Антиоха. Родился он в Константинополе, а скончался в Париже, значит, именно эти два отпавшие слова и должны были быть запечатлены на плите. Кроме того, основные вехи его жизни в России связаны не столько с Москвой, сколько с Санкт-Петербургом, отчего упоминание первопрестольной на надгробной плите А. Кантемира не вполне понятно.

Относительно определения останков одежды и обуви. Следует принять во внимание тот факт, что значительная часть светских захоронений в новогреческом монастыре Св. Николая относится к 20–60-м гг. XVIII в.. Начиная с 70-х гг. погребения в центральной части Москвы, в том числе в новогреческом мона-

поскольку вместе с закрытием монастыря в 1923 г. церковная утварь, иконы, библиотека и т. д. были частью уничтожены, частью разворованы.

¹⁰ Arhiva Ministerului Afacerilor Externe a României. Fondul. 71. URSS. Vol. 84. F. 241–242.

стыре, были категорически запрещены. Поскольку французская мода в одежде доминировала в среде российского дворянства, неудивительно найти среди останков детали французской одежды и обуви. Кроме того, сохранившиеся элементы одежды из предполагаемого захоронения Д. Кантемира с большой долей сомнения можно приписать молдавскому господарю, поскольку он еще в конце 1719 г. сменил молдавские одежды на европейское платье (*Ciobanu* 1924: 23), не имевшее элементов восточного покроя.

Помимо вышеперечисленных, существует еще один аргумент, убеждающий нас в необъективности идентификации извлеченных останков. Разыскания в Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва) позволили нам обнаружить любопытный документ, относящийся к теме настоящего исследования. В первых числах февраля 1935 г., узнав о сносе Свято-Никольского новогреческого монастыря, руководство Комитета охраны памятников при Президиуме Всероссийского Центрального исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов обратилось с письмом в Государственный исторический музей (копия – в Литературный музей), в котором излагалась просьба «ввиду происходящего сноса собора бывшего Греческого монастыря на Никольской улице... произвести вскрытие находящихся там гробниц для изъятия музейных вещей и вывезти в литературный уголок нового кладбища бывшего Новодевичьего монастыря останки первого российского сатирика

Антиоха Кантемира»¹¹. Резолюция, наложенная на текст обращения, отобразила печальную действительность: «К сожалению, ваше обращение опоздало на месяц»¹². Это означало, что все захоронения, в том числе и семейства Кантемиров, были снесены уже к январю 1935 г. и вывезены вместе со строительным мусором на свалку.

Но поскольку пропагандистская машина была запущена, а перенос останков Дмитрия Кантемира в Яссы оказался в ряду важнейших исторических событий румынского общества лета 1935 г. и вопросом политического престижа главы румынского МИДа, процесс извлечения «останков» и их торжественное перезахоронение были осуществлены с национальным размахом. Любые голоса сомневающихся в их аутентичности тонули в хоре всеобщего ликования.

Между тем уже после прибытия в Румынию раки с «останками» молдавского господаря в высказываниях некоторых политических деятелей прозвучали ноты сомнения в их достоверности. Об этом сообщал М. С. Островский¹³, первый советский посол в Бухаресте, в ноте, адресованной руководству Наркоминдела: «...сейчас даже останки Кантемира начали вызывать сомнение,

¹¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 612. Оп. 1. Д. 2817. Л. 2; Acest document a fost semnat de către vicepreședintele Comitetului Бык-Бек și secretarul științific prof. A. Ivanov și expediat la 7 februarie 1935 cu Nr. 95 de înregistrare.

¹² Ibidem.

¹³ О его дипломатической деятельности см.: (*Кен* 2005: 336–360).

и Аржитояну (бывший министр финансов в кабинете Н. Йорги и член правления почти всех румынских обществ с немецким капиталом... вождь незначительной группки фашиствующих) потребовал научной экспертизы для определения их аутентичности. Останки, во избежание повторения истории с ящиками¹⁴, не дожидаясь постройки склепа, быстро похоронили в притворе Ясского кафедрального собора (Трех Святителей. — *В.Ц.*)¹⁵. Однако политические события тех дней и публичные декларации министра Н. Титулеску о предстоящем

¹⁴ Осенью 1916 г. румынское правительство, опасаясь оккупации столицы немецкими и австро-венгерским войсками, приняло решение отправить на хранение в Российскую империю документы национального архива и сокровищницу страны. Вопрос о возврате золотого запаса и архивов Румынии неоднократно поднимался властями Румынии. Особой остроты он достиг в 1934 г., после установления дипломатических отношений между Москвой и Бухарестом и открытия в этих столицах дипломатических миссий. К началу 1935 г. между главами дипломатических ведомств обеих стран было достигнуто соглашение о возврате документов национального архива Румынии. К июню того же года представители румынского МИДа приняли от советской стороны 1370 ящиков с архивными документами, которые поездом были доставлены из Москвы в Одессу, а от туда пароходом в Констанцу. См.: Ministerul Afacerilor Externe a României. Unitatea Arhive Diplomatice. Fondul. 71. URSS. (Dosare speciale). 1914. E 2. Vol. 84. Corespondența relativă la evacuarea în Moldova și Rusia a deferitelor autorității române din cauza invaziei inamice. Restituirea arhivelor evacuate în Rusia. Inventarul arhivelor Ministerului Afacerilor Străine expediate în Rusia. Foia 193. Из новейшей литературы о судьбе румынского золота см.: (Покивайлова 2015: 602–619).

¹⁵ Письмо М.С. Островского заместителю наркома иностранных дел СССР Н.Н. Крестинскому. Получено в НКВД 25.08.1935 и зарегистрировано за № 3887 // АВПРФ. Ф. 05 (Литвинова). Оп. 15. П. 109. Д. 75. Л. 12.

его визите в Советский Союз для переговоров¹⁶ свели на нет заявления К. Аржетояну. Не в последнюю очередь дискуссии и слухи касательно аутентичности «останков» Д. Кантемира были остановлены вследствие неофициальных инструкций прессе, последовавших из румынского МИДа. В определенной степени этому способствовала и информация из Берлина о том, что «в связи с передачей останков Дмитрия Кантемира немецкое правительство вышло с предложением о передаче Румынии останков молдавского господаря Михаила Стурзы, погребенного в свое время в г. Баден-Бадене»¹⁷.

Все вышеизложенное дает нам основание утверждать, что «останки», переданные советским правительством Румынии в июне 1935 г. и погребенные в кафедральном соборе «Трех Святителей» города Ясс, нельзя считать принадлежащими молдавскому господарю Димитрию Кантемиру. Вместе с тем комплексный анализ и идентификация останков молдавского господаря в любом случае станут объектом деятельности ученых в недалеком или отдаленном будущем, с тем чтобы установить историческую истину. Однако вне зависимости от ее результатов гробница в нише правого крыла церкви «Трех Святителей» в Яссах будет достоверным или символическим местом захоронения Д. Кантемира и паломничества его почитателей.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Из докладной записки Д.Г. Штерна наркому иностранных дел СССР М.М. Литвинову от 1 июля 1935 г. // Там же. Д. 74. Л. 22.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Байер* 1783 — *Байер Т.З.* История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира. М., 1783.
- Годовой отчет 1935 — Годовой отчет Бюро по освобождению площадки строительства Дома тяжелой промышленности за 1935 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 5736. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.
- Денисов* 1908 — *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи. М., 1908.
- Дик* 1977 — *Дик И.* Встреча с отцом // Москва. 1977. № 11. С. 144–146.
- Кен* 2005 — *Кен О.Н.* М.С. Островский и советско-румынские отношения (1934–1938 гг.) // Россия в XX веке. Сборник статей к 70-летию со дня рождения чл.-корр. РАН проф. В.А. Шишкина. СПб., Нестор-История, 2005. С. 336–360.
- Покивайлова* 2015 — *Покивайлова Т.А.* Первая мировая война и проблемы советско-румынских взаиморасчетов // Первая мировая война и проблемы советско-румынских взаиморасчетов / отв. ред. Е.П. Серапионова. М., 2015. С. 602–619.
- Проценко* 1863 — *Проценко Н.Ф.* Монастыри в России и соборы в Москве. М., 1863.
- Романюк* 1992 — *Романюк С.* Москва. Утраты. М.: Центр, 1992.
- Сорок сороков 1992 — Сорок сороков: Краткая иллюстрированная история всех московских храмов: В 4 т. Т. 1: Кремль и монастыри. М.: Книга и бизнес, 1992.
- Фомин* 1990 — *Фомин С.* Пером и мечом сотруждаяся... Кишинев, 1990.
- Цвиркун* 1994 — *Цвиркун В.И.* Легенды и вымыслы о жизни и деятельности Димитрия Кантемира в России // Revista de istorie a Moldovei. № 2(18). Chişinău, 1994. P. 14–20.
- Цвиркун* 2010 — *Цвиркун В.И.* Димитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах. СПб., 2010.
- Цвиркун* 2013 — *Цвиркун В.И.* Под сенью двух держав. История жизни и деятельности Димитрия Кантемира в Турции и России. Изд. 2-е. Кишинев, 2013.
- Ciobanu* 1924 — *Ciobanu Ş. Dimitrie Cantemir în Rusia.* Bucureşti, 1924.
- Gorovei* 1973 — *Gorovei S.* Acasă, printre ai săi // Magazin Istoric. № 10. Bucureşti, 1973. P. 20–22.
- Iftimi* 2003 — *Iftimi S.* La fausse pierre tombale du prince Dimitrie Cantemir // Strabon. Bulletin d'information historique. Iasi, 2003. T. I, №. 1. P. 64–65.
- Iftimi* 2008 — *Iftimi S.* Aducerea osemintelor lui Dimitrie Cantemir de la Moscova la Iaşi (1935) // Dinastia Cantemireştilor. Chişinău, 2008. P. 243–252.
- Relațiile româno-sovietice 2003 — Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. II: 1935–1941. Bucureşti, 2003.
- Țvircun* 2006 — *Țvircun V.* Vitralii. Chişinău, 2006. P. 116–154.
- Țvircun* 2009 — *Țvircun V.* File din istoria vieții și activității politice a lui Dimitrie Cantemir. Chişinău, 2009.

THE LEGEND AND REALITIES OF THE TRANSFER OF DIMITRIE CANTEMIR'S REMAINS FROM MOSCOW TO IASI

Țvircun Victor I. — doctor of historical sciences, professor of the Kishinev state pedagogical Ion Creanga University, coordinator of the Department of humanitarian Sciences and arts of the Academy of Sciences of Moldova (Chisinau)

Key words: Dimitrie Cantemir, Moldova, the Soviet-Romanian relations, the reconstruction of Moscow, the destruction of churches.

In June 1935 in the period of temporary improvement of the Soviet-Romanian relations the ceremonial reburial of the remains of the Duke of Moldova Dimitrie Cantemir (close associate of the Russian Emperor Peter the Great) took place in Iasi. The author analyzing the archival documents and other sources came to conclusion that the remains were not authentic because the Svvyato-Nikolskii monastery where Cantemir was buried in 1723 was destroyed in the beginning of 1935.

REFERENCES

- Bayer T.Z. *Istoriia o zhizni i delakh moldavskogo gospodaria kniazia Konstantina Kantemira*. Moscow, 1783.
- Ciobanu S. *Dimitrie Cantemir în Rusia*. București, 1924.
- Denisov L.I. *Pravoslavnye monastyri Rossiiskoi imperii*. Moscow, 1908.
- Dik I. *Vstrecha s ottsom*. Moskva. 1977. No 11. P. 144–146.
- Fomin S. *Perom i mechom sotruzhdaiasia...* Kishinev, 1990.
- Godovoi otchet Biuro po osvobozhdeniiu ploshchadki stroitel'stva Doma tiazheloi promyshlennosti za 1935 g. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki (RGAE)*. F. 5736. Op. 1. D. 16. L. 2.
- Gorovei S. Acasa, printre ai sai. *Magazin Istoric*. No 10. București, 1973. P. 20–22.
- Iftimi S. Aducerea osemintelor lui Dimitrie Cantemir de la Moscova la Iași (1935). *Dinastia Cantemireștilor*. Chișinău, 2008. P. 243–252.
- Iftimi S. La fausse pierre tombale du prince Dimitrie Cantemir. *Strabon. Bulletin d'information historique*. Iasi, 2003. Vol. I, No 1. P. 64–65.
- Ken O.N. M.S. Ostrovskii i sovetsko-rumynskie otnosheniia (1934–1938 gg.). *Rossiiia v XX veke*. Sbornik statei k 70-letiiu so dnia rozhdeniia chl.korr. RAN prof. V.A. Shishkina. St. Petersburg, Nestor-Istoriia, 2005. P. 336–360.
- Pokivailova T.A. Pervaia mirovaia voina i problemy sovetsko-rumynskikh vzaimoraschetov. *Pervaia mirovaia voina i problemy sovetsko-rumynskikh vzaimoraschetov / otv. red. E.P. Serapionova*. Moscow, 2015. P. 602–619.
- Protsenko N.F. *Monastyri v Rossii i sobory v Moskve*. Moscow, 1863.
- Relatiile romano-sovietice. Documente*. Vol. II: 1935–1941. București, 2003.
- Romaniuk C. *Moskva. Utraty*. Moscow: Tsentr, 1992.
- Sorok corokov: kratkaia illiustrirovannaia istoriia vsekhn moskovskikh khramov*. In 4 vols. Vol. 1: Kreml' i monastyri. Moscow: Kniga i biznes, 1992.
- Tsvirkun V.I. *Dimitrii Kantemir. Stranitsy zhizni v pis'makh i dokumentakh*. St. Petersburg, 2010.
- Tsvirkun V.I. Legendy i vymysly o zhizni i deiatel'nosti Dimitriia Kantemira v Rossii. *Revista de istorie a Moldovei*. No 2(18). Chișinău, 1994. P. 14–20.
- Tsvirkun V.I. *Pod sen'iu dvukhn derzhav. Istoriia zhizni i deiatel'nosti Dimitriia Kantemira v Turtsii i Rossii*. Izd. 2-e. Kishinev, 2013.
- Tvircun V. *Vitalii*. Chișinău, 2006. P. 116–154.
- Tvircun V. *File din istoria vieții și activității politice a lui Dimitrie Cantemir*. Chișinău, 2009.

А. А. Бочаров

«СПАСАЙТЕ МЕНЯ И ТРЕБУЙТЕ В ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ, ЧТО ВАМ УГОДНО»: БЫЛ ЛИ ОТРАВЛЕН ГЕРОЙ РУССКОГО ФЛОТА А. И. КАЗАРСКИЙ (по страницам книг В. В. Шигина)

Ключевые слова: А. И. Казарский, А. С. Меншиков, император Николай I, Морское ведомство Российской империи, Черноморский флот, исторические фальсификации

В статье исследованы обстоятельства смерти героя русского флота А. И. Казарского (1797–1833). Проанализированы архивные документы о смерти Казарского. На основании материалов расследования, проведенного еще в XIX веке, сделан вывод о естественности смерти Казарского. Опровергнута легенда об отравлении Казарского членами так называемой «черноморской мафии».

Капитан 1 ранга Александр Иванович Казарский (1797–1833) — одна из самых известных личностей в истории русского флота. Славу ему принесло командование в чине капитан-лейтенанта бригам «Меркурий», выдержавшим 14 мая 1829 г. во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. неравный героический бой с двумя турецкими линейными кораблями.

С 1831 г. Казарский, ставший флигель-адъютантом, состоял при им-

ператоре Николае I, выполняя различные высочайшие поручения. Некоторые обстоятельства смерти Казарского 16 июня 1833 г. в Николаеве, куда он был командирован для ревизии Черноморского флота, дали повод к возникновению слуха о его отравлении злоумышленниками. Источником слуха послужил донос, составленный николаевским купцом В. Корневым при содействии аудитора (военно-морского судебного чиновника) Рубана и поданный полковнику Корпуса жандармов Гофману. Расследование, проведенное по повелению Николая I начальником Главного морского штаба светлейшим князем А. С. Меншиковым, не подтвердило

© Бочаров А. А., 2017

Бочаров Алексей Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Санкт-Петербургского политехнического университета (Санкт-Петербург); alek.bocharov2014@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

содержавшихся в доносе утверждений, однако легенда о «неестественном» характере смерти Казарского продолжала жить и возбуждать любопытство.

Новый толчок ее распространению дала публикация в июльском номере «Русской старины» за 1886 г. очерка Е. Фаренниковой, основанного на воспоминаниях матери автора. Фаренникова описала визит Казарского в поместье ее родителей за несколько дней до смерти, обстоятельства последнего дня жизни Казарского и передала слухи о его отравлении, ходившие в Николаеве после смерти Казарского. Вероятно, самое сильное впечатление на читателей произвела нарисованная Фаренниковой со слов ее матери сцена смерти Казарского. Приведем ее:

«Приезжаем и застаем такую печальную картину: бедный Казарский лежит на диване в предсмертной агонии. Я первая подошла к нему. Он открыл глаза и чуть слышно проговорил: “Крестите меня”. Я взяла его холодную руку и стала крестить его. Стоявшая здесь же знакомая мне дама объяснила, что он только чувствует облегчение, когда его крестят; пока мог, сам все крестился, а потом просил, чтобы она крестила. “Крестите меня, крестите! Мне легче”... Подошел муж. Казарский опять открыл глаза, узнал мужа и стал что-то говорить. Муж наклонился к нему и едва мог разобрать: — Мерзавцы, погубили меня!

Не прошло и получаса, как он, в страшных судорогах испустил дух» (Фаренникова 1886: 204).

Сочинение Фаренниковой до сих пор служит главным источником сведений для сторонников версии отравления, причем некоторые из них, возможно, по причине банальной невнимательности, именуя этот очерк «воспоминаниями», тогда как в действительности речь идет об изложении воспоминаний матери автора.

Уже в декабрьском номере «Русской старины» за тот же 1886 г. появилась статья И.Ф. Горбунова, излагавшая содержание следственного дела по поводу подозрений в неестественности смерти Казарского. «Считаю необходимым по подлинному следственному делу изложить печальную историю кончины доблестного моряка», — указывал автор (Горбунов 1886: 591). Горбунов тактично, но убедительно опроверг ряд утверждений, содержащихся в очерке Фаренниковой. К рассказу Фаренниковой и статье Горбунова мы еще вернемся.

Авторы дореволюционных биографий Казарского кратко упоминали о версии отравления, констатируя то, что она была отвергнута следствием. Например, Н.П. Боголюбов писал: «Скорая, почти внезапная смерть Казарского послужила поводом к разным толкам. Говорили, что он был будто бы отравлен в одном семейном доме, где поднесли ему чашку отравленного кофе. Слухи эти дошли до Петербурга и по этому поводу наряжено было строгое следствие; допрошены были многие лица, имевшие какую-либо возможность осветить вопрос о его болезни и кончине. Вскрыта была могила Казарского, вынуты

внутренности, но самое тщательное химическое исследование яда не открыло» (*Боголюбов* 1888: 11)

В. Мамышев упомянул донос Коренева и реакцию Николая I на него: «...вслед за кончиною Казарского, николаевский 1-й гильдии купец Василий Коренев подал донос о неестественной смерти героя. Донос сей, по произведенному исследованию, оказался не имеющим никакого основания», — указал этот автор (*Мамышев* 1904: 19–20).

В 1907 г. военно-морской историк С.Ф. Огородников опубликовал сборник собственноручных резолюций императора Николая I по морскому ведомству, составленный еще в 1869 г. начальником Архива Морского министерства В.Г. Чубинским. В числе этих резолюций была и резолюция Николая I на докладной записке шефа Корпуса жандармов А.Х. Бенкендорфа по поводу смерти Казарского, предписывавшая А.С. Меншикову произвести расследование (сама записка была воспроизведена не дословно, а в кратком изложении) (Собственноручные резолюции 1907: 17–18).

Возможно, именно эта публикация способствовала широкому распространению в военно-морских кругах легенды об отравлении Казарского.

В. Меркушов, автор заметки «Трагическая смерть Казарского», напечатанной в 1930 г. в эмигрантском журнале «Часовой», утверждал: «Герой, добывший своему бригу “Меркурий” Георгиевский флаг и увековечивший имя “Меркурия” в русском флоте, пал жертвой отрав-

вы. <...> Потрясенный трагической гибелью своего флигель-адъютанта и героя Турецкой войны 1828–29 гг., император Николай I приказал начальнику Главного морского штаба светлейшему князю Меншикову лично произвести расследование. Чем кончилось дело, и были ли найдены виновники, нам не известно» (*Меркушов* 1930: 12). Эмигрантский автор не мог иметь доступа к архивным материалам. Учитывая это, можем предположить, что источниками заметки послужили очерк Фаренниковой и публикация изложения записки Бенкендорфа и резолюции Николая I.

В советской литературе легенда об отравлении Казарского была предана забвению, хотя, казалось бы, она могла дать лишний повод порассуждать о «проклятом самодержавии», прямо или косвенно повинном в смерти лучших людей России. Так, журналист Ю.М. Стволинский, опубликовавший в 1950–60-е гг. две книги о Казарском и бриге «Меркурий», не коснулся обстоятельств смерти Казарского, лишь указав на ее «скоропостижный» характер (*Стволинский* 1957: 131; 1963: 78). Это утверждение, строго говоря, не совсем верно, т.к. болезнь Казарского продолжалась достаточно долго. Стволинский, как следует из одной из его работ, изучал архивные материалы о Казарском (*Стволинский* 1957: 15–16). Это позволяет предположить, что исследователь знал о версии отравления, но, видимо, она представлялась ему неправдоподобной.

В 1994 г. севастопольская писательница В. Фролова кратко изложи-

ла содержание упомянутого нами сборника резолюций Николая I по морскому ведомству, приведя и резолюцию императора по поводу расследования смерти Казарского. Впрочем, делать никаких выводов о причине смерти Казарского она не стала, ограничившись замечанием: «наш разговор сейчас о Николае, а не о Казарском» (*Фролова* 1994: 34–35).

Утверждение об отравлении Казарского вновь появилось в научно-популярной работе М.В. Чекурова, вышедшей в 1998 г. Этот автор приписал смерть Казарского проискам «околофлотской мафии», якобы устранившей его с целью не допустить разоблачения финансовых злоупотреблений в Черноморском флоте. Изложение обстоятельств смерти Казарского в книге Чекурова настолько колоритно, что имеет смысл привести его полностью:

«Известен герой был и тем, что “не брал на лапу”. Вот и получил он в 1833 г. задание проверить суть жалобы на администрацию города Николаева. Очевидно, его предупредили знающие люди, в какое “гнездо преступности” он должен прибыть, и Казарский принял меры предосторожности. Даже хозяйку пансиона, где он остановился, заставлял пробовать блюда, ему подаваемые. На приемах же у “гостеприимных” чиновников города ничего не ел и не пил. Но когда одна из местных светских львиц из собственных рук поднесла герою “Меркурия” чашку кофе, аристократ духа не отказал даме. Он выпил кофе, и последствия сказались очень быстро. Врача искали очень долго, а когда онный явил-

ся, услышал от пациента: “Я отравлен, спасайте меня быстрее”. Увы, “спаситель” забыл клятву Гиппократа. Вместо того чтобы рвотным очистить желудок пациента (азбучное средство), он усадил его в горячую ванну. Одним словом, не от оружия противника, а от яда соотечественников погиб герой русского флота. И все это осталось безнаказанным» (*Чекуров* 1998: 17).

Наконец, в наши дни в качестве сторонника версии отравления выступил журналист и популяризатор истории флота В.В. Шигин, остановившийся на уже известном нам предположении об устранении Казарского николаевской «мафией» (см.: *Шигин* 2010; 2013). Шигин называет и другие версии причин убийства Казарского, считая их, впрочем, неубедительными:

1. Любовная месть: будто бы некая отвергнутая Казарским дама убила его из мести за это. Сам Шигин признает, что факты, подтверждающие это предположение, отсутствуют.
2. Убийство завистниками стремительной карьеры Казарского. В пользу этой версии также, по признанию Шигина, нет доказательств.
3. Ритуальное убийство (sic! – А. Б.): «Будто бы некая мистико-таинственная организация принесла знаменитого православного моряка в жертву своему идолу. В качестве доказательства сторонники этой версии приводят масонские знаки на памятнике Казарского в Севастополе. Но это, конечно же, несерьезно». Согласимся с этим выводом Шигина.

4. Случайность: кто-то перепутал яд с сахаром. «Эта версия не лучше предыдущей», — признает Шигин (Шигин 2013: 298).

Отрицая указанные версии убийства Казарского, Шигин пытается обосновать версию, с его точки зрения убедительную. Какова же она?

В Николаеве длительное время существовала «черноморская мафия», наживавшаяся на казенных подрядах, связанных со строительством кораблей для Черноморского флота и снабжением флота. Участниками этой «мафии» Шигин называет купцов еврейского происхождения Серебряного, Рафаловича, Гильковича и Гальперсона (Шигин 2010: 157), которым покровительствовали некоторые высшие чины флота и жена главного командира Черноморского флота и портов А.С. Грейга — Юлия (Лия) Грейг, также еврейка. По мнению Шигина, «мафия» приобрела огромное влияние в результате борьбы двух «финансово-этнических группировок»: старой, греческой, и новой, еврейской, победу в которой одержала еврейская группировка. Шигин приписывает членам «мафии» даже некие политические амбиции, вплоть до планов отделения черноморского побережья от России, орудием каковых должен был стать А.С. Грейг, находившийся будто бы целиком под влиянием своей амбициозной супруги и ее еврейского окружения. Идея о существовании столь могущественной и грозной структуры так занимает Шигина, что он даже утверждает: «Наверное, “черноморская мафия” была второй после декабристов по зна-

чимости опасностью для России». (Шигин 2013: 245)

Утверждая подобное, автор не утруждает себя доказательствами, более того, иногда допускает нелогичные суждения, никак не вписывающиеся в теорию борьбы греческой и еврейской группировок. Так, главным покровителем «еврейской» мафии Шигин называет контр-адмирала Н.Д. Критского, грека по национальности (Шигин 2010: 197).

Именно возможность разоблачения Казарским преступных деяний «мафии» и привела к его убийству. Организаторами отравления Шигин, не приводя в пользу своего утверждения никаких фактов, называет николаевского коменданта генерал-майора П.И. Федорова и полицеймейстера Г. Автамонова, обладавших, как полагает вновь без каких-либо доказательств Шигин, опытом проведения подобных «операций».

Отметим, что мы не можем полностью отрицать реальность существования описанной Шигиным «мафии» в Николаеве 1820–30-х гг. Известны широкие масштабы финансовых и хозяйственных злоупотреблений в эпоху Николая I, в том числе в военно-морском флоте. В конце XIX в. это признал даже официальный историк морского ведомства Н. Коргуев в работе, посвященной флоту николаевской эпохи, указав на то, что «порядки портового хозяйства <...> представляли обширное поле деятельности для охотников поживиться за счет казны» (Коргуев 1896: 11). Коргуев привел факты злоупотреблений в Кронштадтском и Архан-

гельском портах, имевших место в 1820-е гг., добавив, что «не лучшие порядки были обнаружены и в черноморских портах» (*Коргуев* 1896: 12). Вполне возможно, что среди подрядчиков, отвечавших за строительство и снабжение Черноморского флота, действительно были люди, наживавшиеся за счет казенного имущества и пользовавшиеся попустительством кого-то из флотского командования. Допускаем, что круг этих лиц мог иметь определенную этническую окраску, хотя использование термина «мафия» в контексте русской истории XIX в. представляется не вполне правомерным. К сожалению, объем и цели данной статьи не позволяют нам сколько-нибудь подробно коснуться этой проблемы, несомненно, заслуживающей специального исследования. Нас интересует другое: существуют ли доказательства того, что Казарский был отравлен и отравлен именно опасавшимися разоблачения «мафиози».

Итак, какими же в действительности были обстоятельства смерти А. И. Казарского? Был ли Казарский отравлен? Представляется, что для ответа на эти вопросы следует обратиться к документам, хранящимся в Российском государственном архиве военно-морского флота (РГАВМФ).

Первые сведения о ходе расследования, оказавшиеся в распоряжении шефа Корпуса жандармов графа А. Х. Бенкендорфа, казалось бы, подтверждали версию об убийстве Казарского. Они были изложены в записке Бенкендорфа императору Николаю I «О скоропостижной

смерти флигель-адъютанта Казарского» от 8 октября 1833 г. В ней со ссылкой на сообщение полковника Корпуса жандармов Гофмана рассказывалось о слухах, связывавших причину смерти Казарского с отравлением.

Причиной, побудившей неизвестных злоумышленников к преступлению, Гофман, основываясь на дошедших до него слухах, счел желание Казарского разобраться в деле о наследстве его дяди, чиновника Моцкевича. Наследство это, включавшее шкатулку с деньгами (якобы до 70 тысяч рублей), после смерти Моцкевича будто бы было частично присвоено неизвестными при соучастии николаевского полицеймейстера Г. Автамонова. Согласно собранным Гофманом сведениям, в отравлении Казарского злоумышленниками был уверен и лечивший его штаб-лекарь С. Я. Петрушевский, которому Казарский якобы рассказал о подозрении такого рода на второй день болезни. Его слова в пересказе Гофмана звучали драматически: «Так, так, во мне яд! Спасайте меня и требуйте в вознаграждение, что Вам угодно; я все имею от все милостивейшего государя, мне нужно пожить». Утверждалось, что люди, видевшие Казарского в гробу, не сомневались в его отравлении: «тело его было черное как уголь, голова и грудь необыкновенным образом раздулись, лицо обвалилось, волосы с головы облезли, глаза лопнули и ноги по ступни отвалились в гробу».

В качестве «орудия для исполнения сего предприятия» Гофман, опять же ссылаясь на слухи, называл вдову

капитан-командора Михайлову, женщину, «известную своим распутным поведением и предприимчивым характером». В слухах фигурировал еще один персонаж, будто бы причастный к истории с возможным отравлением: у Михайловой «главная приятельница некая Роза Ивановна, а сия состоит в хороших сношениях с женою одного аптекаря».

Резолюция Николая I на этом документе, адресованная начальнику Главного морского штаба Его императорского величества А.С. Меншикову, гласила: «Поручаю вам лично и возлагаю на вашу совесть открыть лично истину по прибытии в Николаев. Слишком ужасно!»¹

8 ноября 1833 г. А.С. Меншиков сообщил исправляющему должность главного командира Черноморского флота и портов вице-адмиралу М.П. Лазареву о высочайшем повелении «исследовать дошедшие до Его Величества слухи о неестественной смерти флигель-адъютанта Казарского» и о своем решении создать для этой цели следственную комиссию. Ее возглавил исправляющий должность начальника штаба Черноморского флота и портов капитан 1 ранга И.П. Дмитриев, а в состав вошли флигель-адъютант П. А. фон Моллер и помощник флота генерал-штаб-доктора Ланг².

В предписании А.С. Меншикова этой комиссии от 9 ноября 1833 г. были пересказаны приведенные выше «дошедшие до правитель-

ства слухи» о причинах смерти Казарского и предположения о его отравлении. В предписании подчеркивалось, что если комиссия для исполнения возлагаемого на нее поручения найдет нужным отыскать тело Казарского, то император высочайше разрешает это действие³.

Работа комиссии была окончена к 18 ноября 1833 г., а результаты расследования представлены А.С. Меншикову⁴.

Рапорт комиссии А.С. Меншикову от 18 ноября 1833 г. подробно отражает ход и результаты расследования. В дальнейшем будем основываться на этом документе.

Следственная комиссия внимательно рассмотрела все имевшиеся свидетельства об обстоятельствах болезни и смерти Казарского, допросив широкий круг свидетелей. Согласно сведениям, полученным комиссией, имущество, оставшееся после смерти Моцкевича в 1832 г., по полицейской описи включало незначительные вещи и 1800 рублей наличных денег. В то же время, по утверждению родной сестры Моцкевича, матери Казарского, подавшей по этому поводу главному командиру Черноморского флота адмиралу А.С. Грейгу просьбу, николаевская полиция скрыла имущество и деньги, которых насчитывалось 5 тысяч рублей. Выяснилось, что Казарский незадолго до смерти ходатайствовал о выдаче выписки из дела об имуществе его дяди, в чем ему было отказано. На момент дея-

¹ РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 165. Л. 230–232об.

² РГАВМФ, ф. 243, оп. 1. Д. 3082, л. 1.

³ РГАВМФ, ф. 205, оп. 1. Д. 1463, л. 3–5об.

⁴ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3082, л. 4–4об.

тельности комиссии по расследованию обстоятельств смерти Казарского дело о наследстве Моцкевича не было закончено, но оснований подозревать кого-либо в преступлении в связи с этим делом комиссия не нашла.

При допросах некоторые лица ссылались на то, что о возможном отравлении Казарского им стало известно от лекаря С. Я. Петрушевского, подтвердив свои показания во время очной ставки с Петрушевским. Но Петрушевский объяснил, что Казарский, посетивший лекаря 9 июня из-за начавшейся болезни, рассказал ему об обеде в тот день у генерал-майора Тулубьева, не заявляя ни тогда, ни позднее об отравлении. Единственным свидетельством страха Казарского перед отравлением Петрушевский назвал то, что Казарский, живя в трактире, «имел сомнение и недоверчивость ко всем, говоря “я боюсь, чтоб меня здесь не отравили”». По словам Петрушевского, Казарский даже заставлял его, Петрушевского, пробовать чай и бульон, ему даваемые во время болезни.

Аудитор Рубан, услышав от Петрушевского рассказ о возможном отравлении Казарского, сообщил об этом подозрении николаевскому купцу В. Кореневу. Рассказ об отравлении был повторен при родственнике Казарского, чиновнике Охоцком. Записка, составленная Кореневым и исправленная Рубаном, была подана жандармскому полковнику Гофману. Именно так, по мнению комиссии, и был дан ход слуху о «неестественном характере» смерти Казарского.

Большинство свидетелей показали, что не заметили никаких «знаков изменения» на теле и лице Казарского после его смерти вплоть до момента выноса тела в церковь. В их числе были присутствовавшие при обмывании тела Казарского денщик Казарского Борисов, трое матросов и фельдшер Коршиков. Такие же показания дал полковник П. И. Скарабелли, видевший тело Казарского на другой день после смерти. Священники, исполнявшие при Казарском духовные требы, и дьячки, читавшие псалтырь, также сообщили, что не заметили особых изменений тела до выноса в церковь, последовавшего на другой день после смерти, то есть 17 июня. Лишь после этого тело Казарского изменилось и при погребении, следовавшем на третий день, 18 июня, было почерневшим и распухшим. Это подтвердили диакон Илличевский и чиновник Лазаревич. Николаевский комендант генерал-майор П. И. Федоров подтвердил постепенное изменение тела Казарского после выноса в церковь, объясняя это жаркой погодой.

Утверждение В. Коренева о сомнении в естественности смерти Казарского чиновник Охоцкий подтвердил только тем, что Казарский 13 июня сказал ему: «Меня здесь убили, даром убили». Именно на этом, а также на «молве народной» и на изменении тела Казарского после смерти Охоцкий основал свое предположение об отравлении Казарского, не подозревая в преступлении никого конкретно. Денщик Казарского показал, что ничего не знает о неестественности смерти Казарского, кроме следующих его

слов, произнесенных во время болезни: «Бог меня спасал в больших опасностях, а теперь убили вот где неизвестно за что». Согласно показанию полицейского чиновника Лазаревича, знавшего о подозрении Охоцкого и Коренева, слух о неестественности смерти Казарского был неправдоподобным. Сам Коренев не смог представить фактов, доказывающих подозрение. Аудиторский писарь Лукашевич заявил, что Коренев при нем говорил частному приставу Лазаревичу об отравлении Казарского ядом в доме генерал-майора Тулубьева, но Коренев и Лазаревич как при допросе, так и при очной ставке отрицали этот факт.

Комиссия, «отыскивая начало, откуда могло взяться убеждение подозревать неестественность смерти Казарского», допросила родственницу Казарского Савиничеву и свидетелей, состоявших с ним в дружеских отношениях и посещавших его во время болезни: полковника П. И. Скарабелли, капитан-лейтенанта А. Д. Кузнецова и лейтенанта Н. С. Дегалета. Все они утверждали, что Казарский о подозрениях в отравлении не говорил, и они не имеют никаких подозрений. Капитан-лейтенант А. Д. Кузнецов представил подлинное письмо Казарского к нему, написанное 13 июня, т. е. на четвертый день болезни, в котором Казарский, рассказывая о болезни и мерах лечения, ничего не говорил о подозрениях в отравлении. Подполковник Н. М. Кумани, бывший с Казарским у штаб-лекаря С. Я. Петрушевского 9 июня, также показал, что о подозрении относительно отравления

Казарский не говорил, а лишь жаловался на «нестерпимое колотье, чувствуемое им в левой стороне груди».

Причинами болезни Казарского («воспаление в груди и ревматическая горячка», т. е., скорее всего, по современной терминологии, пневмония), по мнению штаб-лекарей Петрушевского и Певницкого, стали простуда, полученная им еще в Одессе, до приезда в Николаев, а также прогулка после дождя в Николаеве. Казарский, приехав в Николаев из Одессы 30 мая, едва выздоровев от перенесенной в Одессе болезни, начал жаловаться вновь на боль в груди с 2 июня, а с 9-го заболел совершенно и болел восемь дней, скончавшись 16 июня. Сведения о состоянии Казарского во время болезни, предоставленные упомянутыми врачами, главным доктором Черноморского флота М. И. Врачко и старшим доктором Николаевского морского госпиталя Летниковским, подтвердились показаниями других людей, в том числе николаевского коменданта генерал-майора П. И. Федорова, полковника П. И. Скарабелли, подполковника Н. М. Кумани, лейтенанта Н. С. Дегалета и денщика Казарского — Борисова.

Помощник флота генерал-штаб-доктора Ланг, изучивший в аптеках рецепты лекарств, которыми лечили Казарского, пришел к выводу, что все лекарства были выписаны по правилам рецептуры и представляли собой противовоспалительные средства. Химический анализ пятен на крыльце дома Петрушевского, оставшихся после плевков Казарского, также не установил

признаков яда. Тело Казарского было эксгумировано 15 ноября в присутствии А. С. Меншикова и членов комиссии при главном докторе Врачко, городском враче и частном приставе. Оно лежало обыкновенным образом; руки были вытянуты вдоль туловища; ноги также вытянуты прямо; мягкие части истлели, кости головы все в своем положении; все зубы в челюстях целы и из своих мест не тронуты; кости ног все на своих связках и ни одна от обычного своего положения не отделена. Затем не истлевшие еще части брюшных внутренностей вынуты и подвергнуты химическому исследованию, останки же тела преданы земле. Исследование внутренностей, произведенное в казенной аптеке провизором Макаровым и вольным аптекарем К. Гейне при членах комиссии, городском враче и частном приставе, не установило наличия яда. Помощник флота генерал-штаб-доктора Ланг пришел к выводам о том, что Казарский умер от воспаления легких, а изменения его тела после выноса в церковь и во время похорон, отмеченные свидетелями, указывали на начавшееся гниение и стали естественным следствием влияния теплой погоды на тело умершего.

Таким образом, комиссия пришла к выводу, что донос о неестественности смерти Казарского не имеет оснований. Причинами доноса стали слухи о странных изменениях тела Казарского после смерти, а также необдуманные и неосторожные рассказы штаб-лекаря С. Я. Петрушевского и неосмотрительные действия В. Коренева. Последний составил и подал донос о неесте-

ственности смерти Казарского, основываясь на словах Петрушевского и слухах, «не имея никакого в истине удостоверения»⁵.

Последовали наказания за ложный донос и распространение слухов. В. Кореневу, согласно повелению Николая I, предписывалось: быть «опубликован от правительствующего Сената со строгим подтверждением удерживаться впредь от подобных действий»⁶. Императорская воля была исполнена указом Сената от 22 марта 1834 г. (Мамышев 1904: 20). С. Я. Петрушевскому за «неосторожное разглашение о смерти флигель-адъютанта Казарского, в естественности коей он сам не сомневался», был сделан строгий выговор, а Рубан за помощь в составлении ложного доноса уволен от службы⁷.

Придирчивый критик, прочитав написанное выше, может обвинить нас в «излишнем доверии к официальным документам» и сослаться на источник личного происхождения — упоминавшийся очерк Е. Фаренниковой в «Русской старине». В самом деле, неужели описанные Фаренниковой дурные предчувствия Казарского, его намеки на некие таинственные обстоятельства и, наконец, слова, якобы сказанные им перед смертью — «мерзавцы, погубили меня» — не дают повода подозревать «неестественный» характер смерти? Вот в связи с этим нам и предстоит вернуться к статье Горбунова, опубликованной в 1886 г.

⁵ РГАВМФ, ф. 205, оп. 1, д. 1463, л. 6–13об.

⁶ РГАВМФ, ф. 205, оп. 1, д. 1463, л. 26.

⁷ РГАВМФ, ф. 205, оп. 1, д. 1463, л. 29.

Горбунов обратил внимание на три момента в рассказе Фаренниковой, подвергнув их серьезной критике: 1) дату посещения Казарским поместья Фаренниковых; 2) достоверность рассказа Фаренниковой о посещении ее матерью Казарского перед смертью; 3) способность Казарского произнести перед смертью хоть что-нибудь.

Обратимся к аргументам Горбунова, касающимся трех этих эпизодов:

1. «Матушка ее (Е. Фаренниковой. — А. Б.) рассказывала, что Казарский, уезжая из их деревни, расстался с ними только на три дня, через три дня (в четверг) они обещались приехать к нему в Николаев. В этот четверг, 16 июня, их разбудили и сказали, что Казарский умирает. Стало быть, он был у них, если они расстались с ним только на три дня, — в понедельник 13 июня. Это не точно. Казарский стал чувствовать себя нехорошо со 2 июня; 5 июня болезнь обострилась и назначено было лечение, 9 числа он слег в постель, а 13 числа, т. е. в тот день, когда, по рассказу матушки Фаренниковой, он был у них в деревне, в скорбном листе, веденном во время болезни доктором Петрушевским, записано: “Жар во всем теле величайший. Кожа сухая. Чрезвычайный гнев. После полдня жар во всем теле весьма великий. Летучая боль” и т. д. Явствует, что Казарский не мог быть 13 июня в деревне у Фаренниковой».

2. Если Фаренниковы выехала из деревни, отстоящей от Николаева 25 верст, с рассветом и «мчались в карьер», то они должны были

быть в Николаеве в 9 или 10 часов утра. По рассказу Фаренниковой, через полчаса после их приезда Казарский скончался, успев сказать: «Мерзавцы, погубили меня!» Таким образом, если верить Фаренниковой, Казарский умер в половине одиннадцатого утра, в то время как в действительности он скончался в тот день около 8 часов вечера.

3. История болезни, веденная Петрушевским, не подтверждает слов, сказанных Казарским Фаренникову. В ней под 16 числом июня значится: «В 11 часу дня адмирал Грейг посещал больного, но больной бредил и едва уже мог его узнать. В пятом часу пополудни наступил бред, больной находился в забытии, глаза у него впали, дыхание трудное. Нет надежды на выздоровление. Наконец, наступил тихий бред. Изнеможение сил. Тоска. Покорчивание жил. Изнурительный пот и в восьмом часу по-полудни умре». Горбунов делает вывод: «Вряд ли человек, умиравший без памяти и в судорогах, мог сказать: “Мерзавцы, погубили меня”» (Горбунов 1886: 603).

Горбунов прямо не утверждает, что сведения, содержащиеся в очерке Фаренниковой, недостоверны, но такой вывод очевиден. Добавим естественный вопрос: если Фаренниковы действительно были близкими знакомыми Казарского и виделись с ним в день его смерти, то почему они не упомянуты в числе лиц, допрошенных следственной комиссией, которой они должны были бы высказать имевшиеся у них подозрения?

Все сказанное заставляет отнести к очерку Е. Фаренниковой с боль-

шим недоверием, хотя для Шигина и других сторонников версии отравления именно он является главным источником, не вызывающим сомнений. В связи с этим подробнее коснемся методов, с помощью которых Шигин строит свои умозаключения. Методы эти весьма сомнительны. Приведем несколько примеров:

1. Шигин отрицает связь смерти Казарского с делом о наследстве Моцкевича, хотя именно это дело фигурирует в записке Бенкендорфа, которую Шигин цитирует с целью подтверждения своих предположений. Без доказательств Шигин называет версию об убийстве Казарского расхитителями выморочного имущества специально придуманной для отвлечения внимания от происков «мафии». По нашему мнению, версия отравления выглядела бы более убедительной, если бы ее сторонники видели причину убийства именно в деле о наследстве, т. к. в связи с ним, по крайней мере, циркулировали слухи о возможной заинтересованности конкретных лиц в смерти Казарского. Забавно то, что Шигин, отрицая связь предполагаемого убийства с делом о наследстве, считает одним из организаторов преступления полицеймейстера Г. Автамонова, фигурирующего в слухах о расхищении имущества Моцкевича. Таким образом, согласно Шигину, Автамонов действовал, исходя не из личных корыстных побуждений, а выполняя указания «мафии».

2. Согласно Шигину, яд содержался в чашке кофе, преподнесенной Казарскому во время обеда. Когда

произошел этот обед? Известно, что 9 июня Казарский посетил обед у генерал-майора Тулубьева. Но Шигину, видимо, понимающему, что яд действует быстро, а болезнь развивалась медленно, нужна другая дата. Кроме того, уж очень колоритно выглядит характеристика, данная в записке Бенкендорфа вдове капитан-командора Михайлова: «известная своим распутным поведением и предприимчивым характером». Появляется утверждение об обеде у капитан-командорши Михайловой, состоявшемся будто бы спустя пять дней после обеда у Тулубьева. Именно во время этого обеда Казарскому и поднесли чашку отравленного кофе. Но ведь Казарский вел себя очень мнительно и даже, по словам лекаря Петрушевского, требовал последнего пробовать чай и бульон, подававшиеся во время болезни. Как же он рискнул выпить кофе? Шигин, дав волю фантазии, изобретает версию о двух девушках, одна из которых (дочь Тулубьева) угощает Казарского в доме Тулубьева кофе («девушка, разумеется, не имеет никакого отношения к заговору, а кофе действительно вкусен»), а вторая, спустя пять дней, подносит герою чашку отравленного. «К этому моменту флигель-адъютант, как мы понимаем, уже имеет психологическую установку: девушка с кофе — это безопасно. Дальнейшее нам известно...», — пишет Шигин (*Шигин* 2013: 304). Но мы знаем, что 14 июня Казарский уже был тяжело болен и не мог принимать участие ни в каком обеде. В другом месте Шигин утверждает, что Казарский умер в тот же день, когда почувствовал себя отравленным, т. е. 16 июня. Но 16 июня Казарский

был уже практически без сознания, а показания людей, слышавших слова Казарского о возможном отравлении, относятся к более ранним дням, в том числе к 13 июня.

3. Цитируя записку Бенкендорфа (вероятно, по ее изложению в сборнике резолюций Николая I), Шигин дважды допускает, на наш взгляд, откровенную подтасовку. Так, после слов о том, что приятельницей вдовы капитан-командора Михайлова была «некая Роза Ивановна», вставлены в скобках слова «в других бумагах проходит как Роза Исаковна», отсутствующие в подлинной записке Бенкендорфа и в тексте ее публикации, а далее, после слов «состоящая в коротких отношениях с женой одного аптекаря» (относящихся к Розе Ивановне. — А.Б.) вставлены слова «еврея по национальности» (Шигин 2010: 219). Мы не встретили ни в каких «бумагах» упоминания об отчестве «Исаковна» и о национальности аптекаря.

4. Цитируя очерк Фаренниковой, Шигин заменяет слова «Мерзавцы, погубили меня», будто бы сказанные Казарским перед смертью, словами «Мерзавцы меня отравили» (Шигин 2010: 219). Можем сделать вывод, что здесь имеет место либо грубая небрежность, либо сознательная подтасовка.

5. Рассказывая о следствии по поводу смерти Казарского, Шигин пишет: «15 ноября, спустя пять месяцев после смерти, могила Казарского была все же вскрыта. Мы не знаем, кто производил расследование <...> обследование было самым примитивным. Во время

проведения эксгумации были изъяты внутренние органы и куда-то отправлены. О результатах эксгумации нам ничего не известно, по крайней мере никакого документа на сей счет не существует» (Шигин 2013: 296). Эти слова свидетельствуют либо о незнании Шигиным архивных материалов, упомянутых нами выше, либо о сознательном игнорировании их содержания. Кстати, В. Фролова, работы которой Шигин упоминает, еще в 1994 г. признала, что «акт расследования существует» (Фролова 1994: 34–35). Утверждение о «примитивности обследования» (Шигин, вероятно, имеет в виду экспертизу, проведенную, как мы знаем, медиками) ни на чем не основано. Версия об отправке «куда-то» внутренностей Казарского восходит к очерку Фаренниковой, достоверность которого, как мы уже писали, вызывает сомнения. Архивные материалы говорят о том, что исследование внутренностей было произведено в Николаеве сразу же после эксгумации.

Список несообразностей в работах Шигина можно было бы продолжить. Но и приведенные примеры ясно свидетельствуют о предвзятом желании Шигина объяснить смерть Казарского отравлением, а не болезнью, и о попытке любым способом, в том числе путем подтасовок, связать недоказанное отравление с происками «еврейской мафии».

Итак, архивные материалы, содержание которых представлено выше, достаточно убедительно, на наш взгляд, опровергают версию об отравлении Казарского. Высказывавшиеся Казарским при

свидетелях опасения за свою жизнь можно объяснить чертами характера, возможно, присущими Казарскому: тревожностью, мнительностью и т.п. Важно следующее: даже если полностью доверять свидетельствам людей, слышавших слова Казарского об отравлении, то фразы «Меня здесь убили, даром убили, неизвестно за что» и «Убили вот где непонятно за что» говорят об отсутствии у Казарского подозрений в отношении конкретных лиц и незнании им причин возможного покушения на его жизнь. Это обстоятельство, как нам представляется, не только не доказывает факта убийства Казарского, но, напротив, способствует разрушению версии отравления. Если бы императорский ревизор действительно узнал о преступлениях николаевского начальства или других лиц, то ему было бы понятно, кто и почему покушается на его жизнь. В любом случае, в отсутствие фактов, свидетельствующих об отравлении, слова Казарского не могут рассматриваться в качестве доказательства совершенного против него преступления.

Поставим себя на место сторонников версии отравления и зададим вопрос: если неверны догадки Шигина об отравлении Казарского во время болезни, то, может быть, его отравили значительно раньше каким-либо медленно действующим ядом? Но существует ли яд, действующий не на пищеварительную и нервную системы, как большинство известных ядов, а избирательно лишь на органы дыхания, вызывающий симптомы, сходные с симптомами воспаления легких,

и убивающий человека в течение длительного времени? Конечно, ответить на вопрос могут лишь специалисты — химики, медики и криминалисты. Но все симптомы болезни Казарского, продолжавшейся около двух недель, свидетельствуют именно о пневмонии или другом легочном заболевании, к каковому выводу и пришли лечившие Казарского медики.

По нашему мнению, для того чтобы допустить хотя бы малую долю вероятности отравления, следует вообразить целый заговор против Казарского, участниками которого были высшие офицеры Черноморского флота заодно с николаевской полицией. Заговорщики должны были решиться убить флигель-адъютанта Николая I, человека, выполнявшего личное поручение императора, а затем всеми средствами, в том числе путем давления на многочисленных свидетелей, скрыть подлинные обстоятельства его смерти от следственной комиссии, созданной по высочайшему повелению. Учитывая широкий круг допрошенных комиссией лиц, в абсолютном большинстве не сомневавшихся в естественности смерти Казарского, представить такое едва ли возможно. Идея о фальсификации материалов следственного дела, которую могут выдвинуть любители конспирологии, требует предположения о том, что в заговоре участвовали и сами члены комиссии, что представляется фантастическим. Герой русского флота не стал жертвой заговора коварных отравителей. Его жизнь унесла пневмония, лечить которую в XIX в. не умели.

Не будем гадать о том, каким образом В.В. Шигина, неплохого популяризатора военно-морской истории, занесло в конспирологические дебри. В конце концов, Шигин далеко не первый и наверняка не последний в череде людей, увлеченных разгадыванием «тайн и загадок истории», зачастую мнимых. Нас даже несколько удивляет то, что Шигин, при его склонности к смелым идеям, отверг версию ритуального убийства, не попытавшись связать ее воедино с теорией о существовании «еврейской мафии». Ведь было бы еще увлекательнее! Попытаемся и себе позволить маленькую вольность: порассуждаем вместе с Шигиным на модную тему: «А что если?» Как развивалась бы карьера Казарского, не умри он 16 июня 1833 г. в Николаеве? Предоставим слово В. В. Шигину:

«Как могла бы сложиться жизнь Казарского, останься он жив? Скорее всего, Казарский пополнил бы ряды ближайших соратников Николая I, таких как генералы П. Киселев, А. Чернышев, А. Орлов и другие. По крайней мере, Николай, давая своему флигель-адъютанту ответственные поручения, его явно к этому готовил. Да и все данные к такому поприщу у Казарского имелись: блестящее боевое прошлое, хозяйственный опыт (ревизии), популярность, личное бескорыстие, честность и прекрасные организаторские способности <...>. Возможно, что со временем из него получился бы крупный государственный деятель. Вполне вероятно, что Николай I готовил Казарского для ответственных должностей на морском поприще» (Шигин 2010: 238).

Пожалуй, это единственное предположение критикуемого нами автора, которое выглядит вполне реалистичным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

Боголюбов 1888 — *Боголюбов Н. П.* Лейтенант Казарский. По подлинным документам. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1888. 12 с.

Горбунов 1886 — *Горбунов И. Ф.* Александр Иванович Казарский. Последние дни его жизни, июнь 1833 г. // *Русская старина*. 1886. Т. 52. Декабрь. С. 591–603.

Коргуев 1896 — *Коргуев Н.* Русский флот в царствование императора Николая I. СПб.: Типография Морского министерства, 1896.

Мамышев 1904 — *Мамышев Вс.* Флигель-адъютант Его императорского Величества капитан 1 ранга Александр Иванович Казарский. СПб.: В. Березовский, 1904.

Меркушов 1930 — *Меркушов В.* Трагическая смерть Казарского // *Часовой: иллюстрированный военный и морской журнал-памятка*. 1930. № 42.

Собственноручные резолюции 1907 — Собственноручные резолюции императора Николая I по морскому ведомству. Сообщил С. Огородников // *Морской сборник*. 1907. № 12. Неофициальный отдел. С. 1–30.

Стволинский 1957 — *Стволинский Ю. М.* Потомству в пример. Подвиг брига «Меркурий». Симферополь: Крымиздат, 1957.

Стволинский 1963 — *Стволинский Ю. М.* Герои брига «Меркурий». М.: Воениздат, 1963.

Фаренникова 1886 — *Фаренникова Е.* Александр Иванович Казарский // *Русская старина*. 1886. Т. 51. Июль. С. 203–208.

Фролова 1994 — *Фролова В.* Николай I и флот (Из «спецхрана» века минувшего). Севастополь: Ахтиар, 1994.

Чекуров 1998 — Чекуров М. В. Так гласил морской закон. Очерки истории морской службы в эпоху парусного флота. М.: Транспорт, 1998.

Шигин 2010 — Шигин В. В. Герои забытых побед. М.: Вече, 2010.

Шигин 2013 — Шигин В. В. Неизвестная война императора Николая I. М.: Вече, 2013.

«RESCUE ME AND CLAIM THE REWARD AS YOU LIKE IT»: WAS THE HERO OF THE RUSSIAN FLEET A. I. KAZARSKY POISONED? (the pages of V.V. Shigin books)

Bocharov Alexey A. — candidate of historical sciences, associate professor of history department, St.Petersburg State Polytechnic Peter The Great University (St. Petersburg)

Key words: A.I. Kazarsky, A.S. Menshikov, Emperor Nicholas I, Maritime Department of the Russian Empire, the Black Sea Fleet, historical falsifications

The article examines the circumstances of the death of the hero of Russian fleet A.I. Kazarsky (1797-1833). Archival documents on the death of Kazarsky are analyzed. Based on the materials of the investigation, conducted in the XIX century, a conclusion was drawn about the naturalness of Kazarsky's death. The legend of the murder of Kazarsky by the participants of the so-called "Black Sea mafia" has been refuted.

REFERENCES

Bogoliubov N.P. *Leitenant Kazarskii. Po podlinnym dokumentam*. St. Petersburg: Tipografiia tovarishchestva "Obshchestvennaia pol'za", 1888. 12 p.

Chekurov M.V. *Tak glasil morskoi zakon. Ocherki istorii morskoi sluzhby v epokhu parusnogo flota*. Moscow: Transport, 1998.

Farennikova E. Aleksandr Ivanovich Kazarskii // *Russkaia starina*. 1886. Vol. 51. Iiul'. P. 203–208.

Frolova V. *Nikolai I i flot (Iz "spetskhrana" veka minushego)*. Sevastopol': Akhtiar, 1994.

Gorbunov I. F. Aleksandr Ivanovich Kazarskii. Poslednie dni ego zhizni, iun' 1833 g. // *Russkaia starina*. 1886. Vol. 52. Dekabr'. P. 591–603.

Korguev N. *Russkii flot v tsarstvovanie imperatora Nikolaia I*. St. Petersburg: Tipografiia Morskogo ministerstva, 1896.

Mamyshev Vs. *Fligel'-ad'iutant Ego imperatorskogo Velichestva kapitan I ranga Aleksandr Ivanovich Kazarskii*. St. Petersburg: V. Bere-zovskii, 1904.

Merkushov V. *Tragicheskaiia smert' Kazarskogo* // *Chasovoi: illiustrirovannii voennyi i morskoi zhurnal-pamiatka*. 1930. No 42.

Shigin V.V. *Geroi zabytykh pobed*. Moscow: Veche, 2010.

Shigin V.V. *Neizvestnaia voina imperatora Nikolaia I*. Moscow: Veche, 2013.

Sobstvennoruchnye rezoliutsii imperatora Nikolaia I po morskomu vedomstvu. Soobshchil S. Ogorodnikov // *Morskoi sbornik*. 1907. No 12. Neofitsial'nyi otdel. P. 1–30.

Stvolinskii Iu.M. *Geroi briga "Mercurii"*. Moscow: Voenizdat, 1963.

Stvolinskii Iu.M. *Potomstvu v primer. Podvig briga "Mercurii"*. Simferopol': Krymizdat, 1957.

С. Л. Фирсов

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В ЭПОХУ ВОИНСТВУЮЩЕГО БОГОБОРЧЕСТВА

Рец.: *Поляков А. Г.* Викторианское течение в Русской Православной Церкви в контексте церковно-государственных отношений. Киров: «Веси». 2009. 284 с.

История церковных разделений в советской России 1920-х гг. давно является предметом изучения как отечественных, так и зарубежных авторов. Считать это случайным, разумеется, невозможно, поскольку названные разделения во многом повлияли не только на судьбу Православной Церкви в XX в. (как «социального института»), но также оказали существенное воздействие на восприятие верующими советской власти в первые годы ее существования. Революционные пертурбации 1917 г. и трагедия Гражданской войны создали качественно новые отношения Церкви и государства в России, поставив некогда главную конфессию страны в условия, когда антиклерикализм и воинствующее богоборчество стали нормами политической жизни. О сохранении (или же изменении)

прежней «симфонической» модели не могло быть и речи. Новая, «советская» модель создавалась вскоре после победы большевиков в Гражданской войне, когда строительство социализма рассматривалось в контексте неизбежного «отмирания» религиозных пережитков.

Все это учитывает кировский историк А. Г. Поляков – автор монографии, посвященной викторианскому течению в Русской Православной Церкви. Это течение, связанное с именем епископа Виктора (Островидова; 1875–1934), А. Г. Поляков оценивает как традиционалистскую, протестную реакцию значительной части православного сообщества на модернизационные процессы в СССР. Насколько корректно именно так формулировать вопрос, рассматривая церковные настроения в контексте именно модернизации?

Для того чтобы найти адекватный ответ, следует обратиться к работе

© Фирсов С. Л., 2017

Сергей Львович Фирсов – доктор исторических наук, профессор кафедры религиоведения философского факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); sfirsofff@mail.ru

кировского исследователя и посмотреть на его теоретические подходы. Работа А.Г. Полякова состоит из введения, четырех глав и заключения, а также обширных приложений — схем, диаграмм, таблиц, многочисленных текстов, являющихся своеобразными иллюстрациями к положениям, рассматриваемым и доказываемым автором. На «частном» примере, примере движения, возникшего в Вятской губернии, он позволяет читателю понять, насколько *психологически сложно* было верующим найти взаимопонимание с государственной властью, не скрывавшей своего негативного отношения к «церковникам», которых в те годы поэт В. В. Маяковский называл «вымирающими сторожами аннулированного учреждения».

В новых условиях, когда Православная Церковь и светская власть постсоветской России пытаются найти оптимальные отношения друг с другом, негативный опыт 1920-х гг. оказывается востребованным, ибо позволяет увидеть, насколько велика для Церкви бывает цена слишком тесных («симфонических») контактов с государством.

«Правые» церковные разделения, к которым относится и викторианство, в книге рассматриваются как реакция на преобразовательные процессы, имевшие место в СССР. Пытаясь теоретически обосновать свое исследование, автор рассматривает Церковь как часть социальной системы, в которой процесс исторического развития был представлен различными тенденциями — как традиционалистскими, так и модернистскими. Первые он

характеризует как консервативные и фундаменталистские, вторые — как адаптационные. Модернистами были обновленцы, консерваторами — Церковь Патриарха Тихона (Беллавина). Полагаем, что подобное теоретизирование не вполне оправданно: в среде обновленцев было много политических приспособленцев, точно так же, как и в среде «тихоновцев» были сторонники компромисса с властью. С другой стороны, скачок в социальном состоянии общества — изменение его «аграрной» природы на «индустриальную» — только тогда может повлиять на религиозные представления верующих граждан, когда сознательно игнорируются, более того, активно разрушаются базовые приоритеты верующих.

В России приход к власти большевиков означал не столько изменение экономического уклада жизни народа, секуляризацию, урбанизацию, рационализацию и т.п., сколько полное уничтожение прежних основополагающих принципов мироустройства. Вспомним, что в те годы кардинальную модернизацию проводил в Турции Мустафа Кемаль Ататюрк, который, европеизируя страну, переводя ее жизнь на светские рельсы, тем не менее не покушался на религию как таковую. Идеологическая ангажированность большевиков имела явную богоборческую направленность — в этом, на наш взгляд, и заключалась суть проблемы, это и не позволяло установить устраивавшие обе стороны (Церковь и государство) взаимоотношения, хотя, как справедливо отмечает автор, «исторически [Русская] Церковь стремится находиться

в солидарных отношениях с государственной властью» (с. 25).

А.Г. Поляков полагает, что с 1922 г. советское государство стремилось к воссозданию аналогичной дореволюционной модели отношений Церкви к государству, но в условиях ограничения, а в перспективе и ликвидации ее «конкурентоспособности» на мировоззренческом уровне, чем, по его мнению, и была обусловлена поддержка светскими властями обновленческого раскола (с. 30). Идея А.Г. Полякова понятна, но высказана, на наш взгляд, несколько резко и слишком схематично. Советское государство, стремясь влиять на кадровую политику Церкви, не желало практического осуществления провозглашенного в ленинском декрете отделения Церкви (как не было такого отделения до революции). Однако если в царской России Церковь являлась неразрывной составной частью православного государства, то после 1917 г. она постепенно превращалась в маргинальную структуру, которой желали управлять, постепенно разрушая (к тому же имея опыт «кавалерийской атаки» на Церковь, предпринятой в годы Гражданской войны). Не случайно, кстати сказать, Л.Д. Троцкий называл обновленческое духовенство «сменовеховскими попами», т.е. рассматривал их в качестве временных попутчиков, участь которых предрешена заранее.

А.Г. Поляков пишет, что государственная власть использовала «эффективный институт своей легитимации — РПЦ, в условиях ускоренной болезненной ломки,

трансформации традиционного (религиозного) общества», а конформизм Московской Патриархии в отношении «принудительной секуляризации» стал формой адаптации, осовременивания религии, т.е. носил модернистский характер (с. 33).

Данное заключение, полагаем, следовало бы более четко обосновать, поскольку со второй половины 1920-х гг. советская власть не нуждалась в Церкви как в институте собственной легитимации, рассматривая ее только в качестве политического инструмента. Митрополит Сергей (Страгородский), надеясь спасти церковные структуры (прежде всего — структуры центрального церковного управления), пошел на издание пресловутой «Декларации» 1927 г., меньше всего думая «осовременить» религию. Корректнее, полагаем, сказать, что после 1927 г. официальное руководство Московской Патриархии не столько стало играть «в интересах светской власти», сколько по правилам, ею установленным. При этом Церковь не имела никакой возможности существенно влиять на эти правила, лишь надеясь (как показало ближайшее будущее — напрасно) на то, что они не будут корректироваться большевиками в одностороннем порядке.

Таким образом, полагаем правильным, вспоминая о модернизации советской России, не связывать с ней напрямую политический конформизм митрополита Сергея, о котором (в контексте отношения к его политике епископа Виктора (Островидова)) убедительно и ар-

гументированно говорится в книге А. Г. Полякова. Оправданным представляется и стремление автора рассмотреть вопрос о том, насколько верна доминировавшая на протяжении многих десятилетий в официальной церковной историографии характеристика викторианского течения как «раскола», неизменно отвергавшегося историками РПЦЗ. По мнению А. Г. Полякова, изучая викторианское течение, вполне возможно провести аналогию со старообрядческим расколом как протестной реакцией народа на модернизационные преобразования в стране и секуляризацию. Соответственно, и «правую» церковную оппозицию он предлагает рассматривать как протестную — на конформистский просоветский политический курс митрополита Сергия.

К оценке «правой» церковной оппозиции как протестной следует отнестись с пониманием, приняв то, что многие верующие, не желавшие соглашаться с утверждениями «Декларации», были носителями «параллельной по отношению к официальной РПЦ идентичности», воспринимались и преследовались светскими властями как политически неблагонадежные (с. 40). Однако можно ли в связи с этим представить внутрицерковные процессы, вызванные опубликованием Декларации, как очередной циклический виток обострения традиционалистских и модернистских разделений в Церкви (с. 43)?

Думается, что это слишком смелое заявление: раскол XVII в. и последующая петровская «секуляризация» (когда старообрядцы были

записаны в двойной оклад, а для последователей Патриарха Никона был учрежден Святейший Синод, за которым присматривал светский чиновник — обер-прокурор) проходила в стране, не отказывавшейся от своей православной идентичности. В 1920-е гг. все обстояло совсем по иному: граждане советской страны оказались разделенными не только по отношению к священноначалию РПЦ, вынужденно согласившемуся на компромисс с большевистским руководством, но и по отношению к численно значительной группе порвавших с религией и Церковью «бывших православных», также граждан СССР. Для последних не существовало особой разницы между обновленцами и «тихоновцами», сторонниками церковных реформ и традиционалистами, представителями различных «правых» течений и «катакомбниками» — ведь и те, и другие оставались верующими, а государство, в котором они жили, стратегической целью ставило полное уничтожение любой религиозности.

О «циклическости» в данном случае говорить оказывается затруднительно, как затруднительно говорить и о том, что термин «гонение» можно употреблять в значении негативной рецепции частью верующих принудительной секуляризации общественной жизни и репрессий как таковых. Конечно, официально репрессировали не за веру, а за противодействие властям, иначе говоря — за «политическую деструкцию». Но ведь иначе и быть не могло: советская власть в своих Конституциях, начиная с 1918 г., провозглашала свободу совести,

почему и не могла наказывать за религиозные убеждения. Вторая половина 1930-х гг. стала доказательством этого обстоятельства, ведь тогда репрессиям подверглись и многочисленные «конформисты» — сторонники «Декларации», и ее непримиримые противники, и обновленцы, и выявленные органами НКВД «катакомбники». То было очевидное гонение на религию, проявлявшееся в уничтожении или заключении под стражу всех, кого власть решала объявить «врагами народа». Некоторые из них (митрополит Серафим (Александров), например) были скрытыми агентами власти, ценой полного следования указаниям которой так и не сумевшими сохранить себе жизнь.

Впрочем, говоря о книге А.Г. Полякова, следует указать, что автор сумел показать, как формировался и функционировал механизм политического контроля над Церковью в Вятском крае конца 1920-х — начала 1930-х гг., как Церковь искала ответы на вызовы времени. Рассказывая об этом, автор, к сожалению, вспомнил о знаменитом интервью митрополита Сергия, указав, что его ответы «по своей направленности являлись апологией модернизационной политики советского правительства» (с. 54). На сегодняшний день доказано, что митрополит не имел никакого отношения к этому интервью — его составили и отредактировали Ем. Ярославский, В.М. Молотов и И.В. Сталин. Соответствующие материалы нашел, проанализировал и опубликовал в монографии «Сталин, власть, религия» московский историк И.А. Курляндский.

Конечно, можно, вслед за А.Г. Поляковым, утверждать, что интервью митрополита Сергия «является проявлением патриотизма и рассчитано на демонстрацию “заграничным друзьям” самой модели церковно-государственных отношений, одним из структурообразующих элементов которой на протяжении столетий являлась легитимация Церковью государственной власти» (с. 55), однако следовало бы добавить: модель церковно-государственных отношений «заграничным друзьям» демонстрировали советские партийные деятели высшего ранга, а вовсе не Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, выставленный на суд международной общественности в качестве бессловесного «легитиматора». Это — принципиальный момент, заставляющий со значительными оговорками характеризовать концепцию церковно-государственных отношений того времени, оценивая политический неконформизм в отношении легитимации РПЦ советского режима в контексте модернизационного развития общества, т.е. в общем виде, представляя ее как традиционалистскую реакцию на модернизационные процессы в СССР.

Тем не менее представленный в книге А.Г. Полякова материал, посвященный собственно истории викторианского течения в РПЦ, — безусловно интересный и важный для всех исследователей, занимающихся церковной проблематикой 1920–1940-х гг. На основании глубокого и всестороннего изучения архивных материалов, хранящихся как в центральных (АВПРИ, ГАРФ,

РГАПСИ, ЦА ФСБ РФ), так и в местных (Архив УФСБ по Республике Коми, ВЕА, ГАКО, ГАРМЛ, ГАСО, ГАСПИ КО, Государственный общественно-политический архив Нижегородской области, НАРТ, НОА УИИЯЛ УрО РАН, ЦДНИ УР) архивах, автор сумел воссоздать и блестяще описать картину возникновения викторианского течения в Русской Православной Церкви, оценить его сущность и проанализировать причины и результаты противодействия ему.

Автор дает краткую характеристику жизни епископа Виктора (Островидова), обращая внимание на его отношение к монашескому деланию и оценивая его религиозно-философские убеждения. Чрезвычайно интересным представляется и рассмотрение статьи Виктора, называвшейся «Новые богословы» (1912), в которой он критиковал взгляды влиятельных архиереев — архиепископов Сергия (Страгородского) и Антония (Храповицкого), пытавшихся, по его мнению, рационализировать христианское учение, вытеснив из него мистическую сторону спасения человека. Рассуждения приводили епископа Виктора к тому, чтобы заявить (Сергию² и Антонию очевидно): для спасения необходима внешняя организация (с. 63–64). Результатом публикации стало нерасположение названных архиереев к автору. Для объяснения случившегося после обнародования «Декларации» отхода епископа Виктора от митрополита

Сергия указанное обстоятельство, по нашему мнению, чрезвычайно важно.

Не менее важно и то, какую позицию в отношении советской власти занимал епископ Виктор в предшествовавшие «Декларации» годы — от времени революции и вплоть до 1926 г. Анализируя следственные материалы, А.Г. Поляков показал, что владыка вовсе не был воинствующим противником советского режима, называл рабоче-крестьянскую власть богоустановленной (с. 69). Более того, на допросе в мае 1926 г. он, если верить документу, не только указал, что политической агитацией не занимался, но даже подчеркнул свое принципиальное неприятие вмешательства Церкви в политику и личное сочувствие советской власти, а также готовность ей содействовать (с. 76). В тот период епископ Виктор не порывал с митрополитом Сергием, оставаясь в лоне официальной Церкви. У него возникали конфликты с собратьями по архиерейскому служению, но они были вызваны вовсе не политическими разногласиями. Судя по представленным материалам, вплоть до конца лета 1927 г. епископ Виктор не выступал против политики митрополита Сергия, позитивно оценивая и его «Декларацию» (с. 85, 86).

Ситуация изменилась осенью 1927 г., когда владыка первым из русских архиереев высказался против «Декларации». Почему она изменилась, автор однозначного ответа не дает. Однако он представляет факты, которые позволяют высказать на этот счет

² К сожалению, А.Г. Поляков называет архиепископа Сергия доктором богословия, которым он в то время не являлся, имея ученую степень магистра (с. 64).

некоторые предположения. Быть может, поводом послужил перевод епископа Виктора с Ижевской кафедры на Шадринскую – викарием Свердловской епархии. Это было понижением, и ехать он отказался. А.Г. Поляков, сообщая указанную информацию, отмечает, что «в любом случае свою роль сыграло и содержание Декларации» (с. 88). Отмечая это, автор, к сожалению, никак не комментирует указанный им же (двумя страницами выше) факт позитивной оценки епископом Виктором этой «Декларации». Остается только констатировать: с конца сентября 1927 г. епископ – открытый противник Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и его курса. «Декларацию» он называет «глумлением» над Церковью, ее признание – грехом, большим, чем ересь и раскол. Митрополиту Сергию предлагается пересмотреть свои взгляды. Понятно, чем могли закончиться подобные призывы. Конфронтация стала свершившимся событием уже к началу 1928 г., когда епископ Виктор заявил в частном письме о безблагодатной, еретической сущности сергианской Церкви, подчеркнув, что верующие, не поддержавшие Сергия, – не раскольники, ибо не отвергают Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского), митрополита Кирилла (Смирнова), Святейших Патриархов и сохраняют все верование и церковное учение (с. 93).

Отметим это обстоятельство: отказ поинать митрополита Сергия при подчинении (в тех условиях – номинальном) митрополиту Петру воспринимался бескомпромиссными критиками «Декларации» как

доказательство своего пребывания в Церкви. Эта не только психологическая, но и церковно-юридическая установка сыграла важнейшую роль в будущем, когда вопрос о «сергианстве» оказался востребован политически – при разговоре о принципах, на которых могло быть восстановлено каноническое общение РПЦ МП и РПЦЗ. Фигура митрополита Петра объединила как наследников «сергианской» Церкви, так и представителей Церкви Зарубежной, позволив уже в XXI в. найти взаимно приемлемый компромисс. В этой связи отпадает необходимость объяснять, почему в 2000 г. на Юбилейном Соборе РПЦ епископ Виктор, умерший в ссылке в 1934 г., был причислен к лику святых как новомученик и исповедник (тем более что за 19 лет до того, в 1981 г., к лику святых его причислил и Архиерейский Собор РПЦЗ).

Отдельно в книге рассматриваются вопросы распространения викторианства, факторы, способствовавшие его принятию, управление этим течением и, наконец, политическое поведение викториан с 1927 по начало 1930-х гг. Автор показал, что в 1927–1929 гг. в Вятской епархии влияние викториан было сопоставимо с официальной («сергиевской») Церковью, что церковно-политические взгляды епископа Виктора оказали определенное влияние на становление ленинградской церковной оппозиции. Примечательно, что в конце 1920-х гг. викторианство формировалось как широкомасштабное течение, представлявшее собой преимущественно *легальные* приходские общины. В подавляющем большинстве слу-

чаев решения о прекращении поминовения митрополита Сергия принимали приходские собрания, т.е. сами верующие. Значило ли это, что «на почве неприятия официального церковно-политического курса сформировалась обособленная церковная деноминация» (с. 112)?

С формальной точки зрения подобное утверждение следует признать в принципе верным, учитывая, что в религиоведении под деноминацией понимают тип религиозной организации, специфической чертой которой является ее промежуточный характер по отношению к Церкви и к секте. Сектой обычно называют религиозную структуру, противопоставляющую себя традиционной Церкви, вероучение которой имеет качественные отличия от «сектантского», и претендующую на исключительность собственных ценностей. Но то — в теории. На практике викториане, как и сам их духовный руководитель, считали себя чадами Православной Церкви, а не представителями обособленной церковной организации (такое же представление было характерно и для последователей РПЦЗ). В этой связи принятие викторианства, конечно, было выражением протестной реакции, но не на попытку Церкви найти место в политической системе атеистического государства, а на действия конкретного церковного иерарха и его соратников (ибо, повторимся, сами «выразители» считали себя членами Церкви). Важнее иной вывод кировского исследователя: у викториан управленческая деятельность гораздо менее зависела от государственного контроля, чем

у сергиан. Подобное положение не могло устраивать властей, с начала 1930-х гг. смотревших на викторианство как на часть якобы существующей «Истинно-православной церкви». Реальность замещалась политическим мифом, который, полагаем, должен был тем быстрее распространяться, чем активнее шло распространение сталинского учения об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма.

Впрочем, этой темы автор настоящей работы не касался, ограничившись кратким анализом политических настроений викториан и сведя их к нескольким тезисам (о том, что советская власть — антихристова; что она недолговечна и будет свергнута; что своими мероприятиями она разоряет крестьян и духовенство; что коллективизация — мероприятие по подчинению человека антихристианской власти и, наконец, что власть не должна быть антицерковной). Политическое поведение викториан, как показывает автор, претерпело в начале 1930-х гг. эволюцию — от аполитичности к конфронтации. Их позиция не соответствовала нейтрально-лояльным политическим установкам епископа Виктора (с. 142). По нашему мнению, радикализм его последователей не должен вызывать удивления, поскольку они видели, что сергианский конформизм не спасает Церковь от репрессий, что антицерковные действия большевиков год от года становятся все жестче, а антирелигиозная риторика звучит все более и более громко. Можно ли говорить о традиционалистской идеологии викторианства, шедшей вразрез с тогдашними общественно-политическими

и социально-экономическими реалиями?

Разумеется, можно. Точно так же, как можно говорить и о том, что сергианская идеология плохо спасала от унижений и репрессий ее популяризаторов и последователей. Они также были «на подозрении» у власти (неслучайно автор пишет, что «среди сергиан так же, как и у викториан, хотя и в значительно меньшей степени, было распространено негативное отношение к советской власти» (с. 155)). Но это — к слову.

Заключительная глава исследования А.Г. Полякова посвящена изложению истории противодействия викторианскому церковному течению, рассматриваемому в контексте церковно-государственных отношений на протяжении почти 20 лет — с осени 1927 г. по середину 1940-х гг. Приводя статистические данные, анализируя указы, издававшиеся высшей церковной властью, изучая следственные дела, автор показывает, что сергианская Церковь, получив легализацию, с осени 1927 г. противодействовала распространению влияния викторианства. Но с конца 1920-х — начала 1930-х гг. ее усилия «не имели какого-нибудь особого значения на фоне административного и репрессивного прессинга со стороны органов власти по отношению уже к ней самой» (с. 156). Прозвучавшие слова лишний раз свидетельствовали о том, что митрополит Сергей мог проявлять активность лишь в той мере, которая позволялась ему светской властью, вовсе не заинтересованной в организаци-

онном укреплении ею же легализованной Церкви.

Исследуя перипетии церковно-государственных отношений того времени, А.Г. Поляков показывает, что развитие полемики, направленной против викторианского течения сторонниками «сергиевской» Церкви, прекратилось еще на рубеже 1928–1929 гг. При этом он отмечает и то, что на защиту курса митрополита Сергия и его Синода «от начатого епископом Виктором раскола и подхваченного другими иерархами встали архиереи, духовенство и даже миряне, что указывает на их доверие к высшей церковной и светской властям» (с. 166–167). Безусловно, для апологетов сергианства викторианство было расколом (даже ересью), но вряд ли из этого можно заключить, что советская власть установила правильный политико-правовой фундамент для отношений между государством и Церковью. Идеология и политический расчет в Советской стране далеко не всегда совпадали, но стратегия большевистского отношения к религии была ясно обозначена с самого начала их пребывания у власти. Государство «рабочих и крестьян» никогда не ставило своей целью приближение «религиозно-политических ценностей традиционного населения к нормам, желательным властям» (с. 167) — его целью было расколоть Церковь и добиться ее максимального ослабления, а затем и уничтожения.

Конечно, позиции викториан можно характеризовать как антиправительственные, но также характеризовались долгое время, особен-

но во второй половине 1930-х гг., и сторонники митрополита Сергия (неслучайно к 1941 г. среди правящих архиереев Московской Патриархии оставалось на свободе лишь 4 человека). Тем более показательны, что последние викторианские храмы были закрыты в 1943 г., как показательны и то, что во время Великой Отечественной войны в них не производились сборы пожертвований на нужды фронта. На данное обстоятельство следует обратить особое внимание. Автор прав, когда подчеркивает: «поражение Викторианского течения в РПЦ было обусловлено рядом факторов, наиболее важным из которых выступала репрессивная государственная политика» (с. 186). Тем самым он показывает: именно государство уничтожило викторианство, которое в иных политических условиях, вероятно, могло бы существовать.

В конце исследования, резюмируя и подводя итоги, А. Г. Поляков среди прочего отмечает, что власть недооценивала цивилизационные характеристики общества и должна была реагировать на проявления инертности народного сознания практически, в том числе путем ликвидации традиционалистских церковных разделений. «В конечном счете, — пишет он, — внутрицерковные системно-парализующие противоречия способствовали тому, что Русская Православная Церковь как социальный институт встала на грань своего существования» (с. 194).

№ 1 2017

На наш взгляд, на грань существования Церковь как институцию

поставила власть, планомерно уничтожавшая храмы, закрывавшая монастыри и репрессировавшая епископов, духовенство и активных мирян. Да и сами внутрицерковные противоречия были спровоцированы властью, открыто проповедовавшей богоборческую идеологию, а вовсе не проводимой ею модернизацией. Разумеется, возможно говорить о том, что викторианство не было инструментом «массовой адаптации народа к меняющимся условиям во всех сферах жизни», но таким же образом можно сказать, что и «правая» церковная оппозиция в целом таковой не являлась. Более того, и «сергианская» Церковь в 1930-е гг. не стала для власти подобным «инструментом». Церковь терпели, затем (со времен Великой Отечественной войны) — использовали в политических целях. Об «адаптации», если и думали, то в последнюю очередь.

В конце концов, процесс «адаптации» народа к новой власти и ее реформам проходил начиная с 1917 г. В этом смысле можно говорить и о том, что РПЦ также «адаптировалась». На примере Викторианского движения это нам и показывает А. Г. Поляков, чья книга должна восприниматься как серьезный вклад в изучение истории Церкви советского периода. Материалы, помещенные им в приложение, дают возможность изучить социально-психологические аспекты поведения верующих и духовенства 1920-х гг., а гистограммы, таблицы и графики — понять, какова была роль викториан в церковной жизни Вятской губернии в конце 1920-х — начале 1930-х гг.

Автор показал себя серьезным знатоком церковных источников, хорошо знакомым с историографией вопроса, умеющим самостоятельно (хотя порой и парадоксально) мыслить. То, что в результате чтения книги возникают вопросы, равно как и желание спорить с автором, свидетельствует об актуальности проделанного им труда. Историки советского периода и историки Русской Православной Церкви,

знакомаясь с книгой А. Г. Полякова, почерпнут из нее много нового, ранее неизвестного, смогут еще раз осознать: изучая прошлое, важно обращать внимание не только на факты, но и на психологию восприятия фактов — и современниками, и исследователями, а также и на то, что история очень часто становится заложницей политики — и давней, и близкой по времени к нам.

THE RUSSIAN CHURCH IN THE ERA OF THE MILITANT THEOMACHY

Rev.: Poliakov A. G. Viktorianskoe techenie v Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v kontekste tserkovno-gosudarstvennykh otnoshenii. Kirov: «Vesi». 2009. 284 s.

Firsov Sergey L. — doctor of historical sciences, professor of the Department of religious studies, philosophical faculty of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

В. Г. Ченцова

АФОН И РОССИЯ: ПОСЛЕ ЮБИЛЕЯ

Рец.: Русь и Афон. К 1000-летию присутствия русского монашества на Святой горе. Выставочный комплекс Храма Христа Спасителя, 21 сентября — 23 октября 2016 года. Каталог. М.: Кучково поле, 2016. 216 с.

Ключевые слова: Афон, Русь, Россия, церковь, архивы, музеи, документы

В рецензии, посвященной изданному каталогу выставки о многовековых связях Руси/России/СССР с Афоном, ставится вопрос о сочетании в публикации церковного предания, которому в определенной мере следовали организаторы экспозиции, и научной каталогизации документов и музейных артефактов, которыми занимались специалисты.

Символическая дата — упоминание в одном из афонских документов 1016 г. Герасима, игумена «монастыря Роса», отождествляемого с первой обителью, по преданию основанной киевским князем Владимиром еще в X в., — позволила в ходе юбилейных торжеств привлечь внимание к уникальным памятникам культурного наследия, сохраняющимся в отечественных архивных и музейных собраниях. Экспозиция в выставочном комплексе Храма Христа Спасителя в Москве дала возможность собрать разнообразные документы, рукописи, иконы, предметы декоративно-прикладного искусства, фотографии, открытки и литографии с видами монастырей, книги, отражающие многовековые связи Святой

горы с Киевской Русью, Московским государством, Российской империей, СССР и современной Россией. Материалы были предоставлены рядом отечественных архивов и музеев и несколькими частными коллекциями. Каталог экспозиции представляет собой краткие описания выставленных в залах ХХС вещей и документов, хотя, к сожалению, не все их фотовоспроизведения вошли в опубликованную книгу из-за значительного объема, который бы предполагало подобное издание. Однако даже с несколько сокращенным иллюстративным материалом каталог производит большое впечатление как широтой охвата материалов, отразивших самые разные аспекты истории связей Руси/России/СССР с афонскими монастырями, так и прекрасным качеством полиграфии.

Каталог состоит из двух частей, первая из которых охватывает период до революции 1917 г., включая

© Ченцова В. Г., 2017

Ченцова Вера Георгиевна — кандидат исторических наук, ассоциированный член UMR 8167 Orient et Méditerranée (Monde byzantin), Paris; Maison française d'Oxford (Москва); graougraou@hotmail.com

несколько разделов об отдельных монастырях (Лавре Св. Афанасия, Ватопеде, Иверском монастыре, Хиландаре, Дионисиате, Пантократоре, Зографе, Дохиаре, Эсфигмене, Павловском монастыре и, разумеется, русских монастырях и скитах — Свято-Пантелеимонове монастыре, обители Св. Иоанна Златоуста, Андреевском и Ильинском скитах). Во вторую часть каталога вошли материалы, касающиеся отношений Русской церкви и Советского государства с Афоном на протяжении XX в. Авторам-составителям удалось показать наиболее значительные документы, порой представляющиеся настоящими символами духовного единения «Святой Руси» со Святой горой, а также интересные свидетельства материальных отношений Афона с Русским государством, а затем — с Российской империей и СССР.

Наибольшее внимание, конечно, привлекают самые древние свидетельства связей с Афоном, в числе которых — славянские и греческие рукописи. Среди них есть и являющиеся ровесниками тысячелетнего юбилея присутствия древнерусского монашества на Святой горе, подобно греческому Четвероевангелию с миниатюрами, подаренному графу В. Д. Орлову-Давыдову в Великой лавре в 1835 г. (кат. 174, с. 90) или Житию преп. Афанасия Афонского и сочинениям Иоанна Златоуста (кат. 170–171, с. 27, 103), привезенным келарем Троице-Сергиевой лавры Арсением Сухановым. Именно благодаря Арсению Суханову, который ездил на Афон по поручению московского патриарха Никона для приобретения

греческих и славянских рукописей и книг, в русской столице оказались многочисленные манускрипты, привезенные со Святой горы. Однако и до этого с Афона на Русь попадали рукописи, свидетельствующие о постоянстве святогорского духовного и культурного влияния на русские земли. Примером этого является представленное на выставке Четвероевангелие XIV в. с записью 1430 г. о его приобретении в монастыре Пантократора неким «русин» Афанасием, вложившим книгу в одну из тверских церквей (кат. 176, с. 207). Подлинными шедеврами каллиграфии с буквицадами, украшенными орнаментами в разных стилях, являются представленные в каталоге греческие и славянские документы XVI–XVIII вв. — письма от имени братии разных афонских монастырей, адресованные московским царям и патриархам, происходящие из российских архивных собраний.

Вторая половина XIX — начало XX в. стали эпохой умножения на Афоне братии, прибывавшей из разных уголков Российской империи, временем возведения новых храмов, превращения даже небольших келий в крупные обители, имевшие собственные подворья. Фотографии, на которых запечатлены монастырские постройки и быт насельников, описания и чертежи монастырских подворий, письма афонских монахов на родину позволяют живо представить себе не только духовную, но и материальную сторону бытия монастырей и их подворий в Российской империи. Среди экспонатов, связанных с паломническими путешествиями

на Афон в XIX в., — рисунки, литографии и издания, знакомившие православных с реликвиями и видами Святой горы.

В каталог вошло большое количество представленных на выставке икон разного времени. Некоторые из них позволяют соединить истории афонских паломнических реликвий и архивных документов. Так, образ с изображением Благовещения (кат. 246, с. 210, 86) был подарен в 1903 г. русскими афонитами П.Б. Мансурову — директору Московского главного архива иностранных дел, ныне РГАДА, откуда на выставку попали наиболее древние греческие и славянские документы. Образок со св. Георгием в память о пребывании на Афоне (кат. 236, с. 209, 132) был поднесен в 1874 г. известному писателю и историку А.Н. Муравьеву, опубликовавшему на основе документов того же архива свой и по сей день не утративший значение труд «Сношения России с Востоком по делам церковным» (М., 1858–1860, ч. 1–2). Как всегда, привлекают внимание знаменитые иконы XVIII в. с изображениями афонских монастырей: образ Богородицы с видом Великой Лавры из Музея Рублева (кат. 278, с. 89) и Преображение с видом монастыря Пантократор из ГИМ (кат. 203, с. 129). Но если эти иконы с изображениями афонских монастырей уже многократно издавались, то иконы XIX в., порой выполненные в стиле наивного искусства, до сих пор почти не были известны, хотя именно эти памятники дают яркое представление о вкусах паломников и массовой продукции иконописных мастерских того времени.

Если о связях царской и императорской России с Афоном имеется большое число публикаций, то о таких контактах в советское время было известно очень мало даже специалистам по истории церкви. Документы, свидетельствующие об интересе со стороны советской власти к русским насельникам Афона, а также о возобновлении церковных и государственных контактов с русским афонским монашеством в конце 40-х гг. и позднее, вплоть до распада Советского Союза (с. 176–189), как и анализирующая их статья митрополита Волоколамского Илариона (Алфеева) — подлинный прорыв в изучении истории связей с Афоном в советское время.

При всем разнообразии представленных на выставке материалов нельзя не отметить, что в целом она построена на традиции восприятия истории отношений Афона с Россией, сложившейся на рубеже XIX–XX вв., которую нет смысла критиковать или уточнять с позиций современной исторической науки. Конечно, относительно отбора экспонируемых памятников для создания более пропорциональной и цельной картины могут существовать разные мнения у «представителей благочестивой традиции» и у историков. Так, например, нельзя не обратить внимания на отсутствие в каталоге упоминаний о наиболее известных реликвиях Ватопеда, определивших целую эпоху в отношениях этого монастыря с Московским государством в XVII в., — Креста царя Константина, главы св. Иоанна Златоуста и главы св. Григория Богослова.

Документы, относящиеся к перенесению этих реликвий в русскую столицу, не попали на выставку. Сделом о кресте и главе св. Иоанна Златоуста связана лишь представленная на выставке расписка ватопедского архимандрита Макария (кат. 115, с. 99, 204), которого в 1657 г., после того, как эти важнейшие реликвии монастыря были задержаны в русской столице, даже не допустили в Москву, и милостыня ему была передана в пограничном Путивле. Отсутствие указания на это обстоятельство и каких-либо упоминаний о Кресте царя Константина и главе св. Иоанна Златоуста позволило обойти весьма сложный вопрос об «удвоении» реликвий Ватопедского монастыря, которые в настоящее время сохраняются и на Афоне, и в Москве (Ченцова 2011).

На этом примере видно, что представление на выставке и в каталоге дошедших до нашего времени документов и артефактов, относящихся к связям с Афоном, если бы им занимались специалисты, могло бы быть несколько иным. Но если традиция «благочестивого» повествования и церковной «политической корректности», не связанная с научными исследованиями, имеет право на самостоятельное существование, то совсем иным, как кажется, должно быть отношение к сделанным в каталоге описаниям документов и предметов музейных собраний, ведь каталожные статьи в дальнейшем будут использоваться и как научная публикация. В связи с этим будет небесполезно высказать некоторые замечания по этой части проделанной работы.

Вначале стоит оговориться, что при подготовке подобных изданий кажется целесообразным ориентироваться на существующую современную орфографию имен собственных, названий монастырей и принятые обозначения титулов, поскольку это в большей степени отвечает задачам каталогизации и «стандартизации» описаний. Лучше писать иеромонах Корнилий, а не «черный поп Корнила», келарь Парфений а не «Порфеней» (с. 99, 106, 204), архимандрит Синесий, а не «Синессий» (кат. 139, с. 205), иеромонах Иоакимф, а не «Иоакунф» (кат. 166, с. 206), даже если такова орфография этих имен в самих документах. Сербского правителя и союзника османских султанов Георгия Бранковича принято называть деспотом, а не «сербским царем» (с. 164), появившаяся в тексте каталога в связи с Павловским Георгиевским монастырем его анонимная дочь является на самом деле знаменитой «самодержицей» Марой Бранкович. Выданная замуж за султана Мурада II, она сохранила христианскую конфессию и оставалась покровительницей православной церкви и монастырей Османской державы. Овдовев, Мара передала в «наследство» покровительство афонским монастырям Владу Монаху, господарю зависимой от султана Валахии (Ченцова 2014). Именно с этим «наследием сербских царей» и связана традиция покровительства румынских правителей и элиты святогорским монастырям.

В тех редких случаях, когда речь в тексте каталога идет о правителях румынских государств — основных

ктиторах афонских монастырей вплоть до 60-х гг. XIX в. — возникает путаница в именах и датах правления. Так, Дионисиату, восстановленному в 1547 г., как указано в каталоге, воеводой Молдавии Иоанном Петром (с. 122), покровительствовавший до 1546 г. молдавский господарь Петр IV Рареш (имя «Иоанн» являлось в Молдавии и Валахии частью титула), а восстановленный храм монастыря был освящен в 1546/1547 г. (*Năsturel* 1986: 151–152). Сделавший значительные вклады в монастырь Зограф «молдавский вожь Стефан III Калос» (с. 130) на самом деле является одним из самых знаменитых правителей и афонских ктиторов Стефаном III Великим, отцом Елены Волошанки — соперницы Софьи Палеолог (*Năsturel* 1986: 183–195; *Мускевка* 2016). Не повезло и Александру III Лэпушняну, правившему в Молдавии в 1552–1561 и 1564–1568 гг., который действительно вместе со своей супругой был ктиторм и покровителем Дохиара. Но авторам каталога показалось, что и позже, в 1570 г., после конфискации монастырских имений в 1568 г. османскими властями, именно он выкупил монастырские подворья, а его супруга восстановила монастырь. Речь тут идет, разумеется, о сыне господаря Богдане IV (1555–1574) и его матери Роксандре, которые после кончины Александра Лэпушняну продолжали оказывать монастырю значительную помощь (*Năsturel* 1986: 208–211).

Названия монастырей порой вводят читателя каталога в заблуждение или же вынуждают его догадываться самостоятельно, о какой

обители идет речь в тексте. Несуществующий «афонский монастырь великомученика Георгия Ксенодокка», письмо братии которого царю Ивану IV Грозному представлено на выставке (кат. 87, с. 37, 202), — это монастырь, названный в самом тексте документа «Кксенох» (если передавать написание в современной орфографии), Ксеноф, т. е. хорошо известный Ксенофонт (*Кауштанов* 2004: 25). Преображенский монастырь, упомянутый в документе 1626 г. о поднесении столителем этого монастыря Давидом и зографским келарем Гервасием царю резного креста (кат. 101, с. 37, 203), — это, видимо, монастырь Кутлумуш.

Судя по всему, в некоторых случаях атрибуция документов основывается на имеющихся в архиве рукописных описях Н.Н. Бантыш-Каменского, составленных в конце XVIII в., несмотря на имеющиеся в них явные неточности. Так, в каталоге появилось письмо братии «кельи Дмитрия Селунского, называемого Халисова» и «монастыря Богородицы Парамитиас (Ватопед)» царю Михаилу Федоровичу (кат. 102, с. 100–101: РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. № 48). Видимо, в этом случае авторы попытались скопировать приводимое в описи Н.Н. Бантыш-Каменского название обители «Халкеосова», но не смогли разобрать рукописный текст. Речь идет, конечно, о ските Св. Димитрия Халкеос близ Ватопеда (в русском переводе — «меденаго», т. е. «медного»: РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1627 г. Д. 19. Л. 10–12, 38–39. О монастыре: *Androudis* 2008: 195–206). Об этом свидетельствует и имеющаяся подпись игумена, и легенда на печати

(ΑΓΙΟΣ ΔΙΜΙΤΡΙΟΣ Ο ΜΙΡΟΒΛΙΤΙΟΣ ΤΟΥ ΧΑΛΚ[ε]ΙΟΣ Ι ΕΚΚΛΗΣΙΑ, α 48 мм). Любопытно было бы и попытаться отождествить обитель «Богоматери Парамифиас», которая названа в документах РГАДА Успенским, а на имеющемся на письме оттиске печати, судя по всему, фигурирует название «великой лавры» – Благовещенского Ватопедского монастыря († Η ΠΑΝΙΜΝΙΤΟΣ ΠΑΡΘΕΝΟΣ ΤΙΣ ΜΕΓΑΛΙΣ ΛΑΥΡΑ ΣΤΟΥ ΑΤΟΥ, α 57 мм. Одинаковые оттиски печати стоят на грамотах: РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. № 34, 48–49, 1627 г.).

Однако почему легенда на печати приводится в подобной орфографии, и где именно было расположено это ватопедское подворье? Игумен обители обозначает ее как «святой царский монастырь Парамифии», а в тексте речь идет о связанных с Валахией монастырских легендах. Они к тому же являются явной переработкой предания о святом мандилионе, причем автор рассказа даже не потрудился заменить имена: эдесский правитель Авгарь лишь превратился в «бей Авгаря», правившего в Валахии, а плат-мандилион, на котором отпечатались лик Христа, становится мандилионом от гроба св. Димитрия Солунского. Не могло ли и само подворье располагаться не на Святой горе, а в Валахии, где предание о мандилионе переделывается, наполняясь местным колоритом, чтобы быть включенным в отправленное в Москву послание?

Определение в каталоге имеющихся на этом же документе подписей как «автографов игуменов» также нуждается в определенных коммен-

тариях: по фотографии прекрасно видно, что они написаны одной рукой. В этом еще больше убеждает сопоставление с парным письмом, обращенным к патриарху Филарету Никитичу¹, написанным тем же писцом, а также со свидетельствованной грамотой о реликвиях св. Димитрия². Нет сомнений, что и тексты этих писем, и подписи были написаны одной рукой, так что остается лишь выяснить, чей же это был «автограф» и кто был создателем столь примечательных греческих документов.

Этот пример отмеченных в каталоге «автографов» весьма характерен: читатели остаются в недоумении, что же именно понимают авторы каталога под употребляемым в описаниях обозначением «подпись-автограф», поскольку иногда создается впечатление, что оно является синонимом слова «почерк» или «рукописная запись», а не «собственноручная подпись». Например, в описании письма от всех афонских монастырей царю с просьбой о пожаловании посланному ими архимандриту Иоанникию милостыни 1664 г. (РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 617: кат. 119, с. 39, 204) указано, что на нем имеется «подпись-автограф», но чей именно – не сказано. Хотя известно, что и сама эта грамота, и подпись на ней являются автографами патриарха Нектария Иерусалимского, печати которого стоят на верхнем поле этого письма, написанного им в Бухаресте (Кузнецов, Зубов 2015).

¹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 49.

² Там же. Д. 34, 1627 г.

Также неясно, что понимать под «автографом» подписи на украшенной великолепной миниатюрой со св. Пантелеимоном грамоте братии Свято-Пантелеимонова монастыря 1693 г. (кат. 131, с. 144–145, 205: РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 710), ведь тем же писцом написаны тексты и подписи по меньшей мере еще нескольких присланных в Москву афонских документов рубежа XVII и XVIII вв.: РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 692 (письмо братии Великой лавры), 701 (письмо братии Иверского монастыря), 721 (предположительно, подпись на письме братии Филофеева монастыря).

В некоторых случаях в каталог вошли документы, в подготовке которых принимали участие одни и те же писцы. Так, на фотовоспроизведении письма московскому патриарху Филарету Никитичу от братии Дионисиева монастыря 1631 г. (кат. 108, с. 124–125, 203: РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 23) отчетливо видна подпись дикеея монастыря Дионисиата Макария (тот же писец подписал парное этой грамоте письмо царю: РГАДА. Ф. 52. Оп. 4. Д. 22), однако в описании сообщается, что это «подпись-автограф архимандрита Лаврентия». При этом в отношении другого письма — окружной грамоты Зографа — наличие на нем греческой подписи кафигумена Неофита вовсе не упомянуто (кат. 97, с. 130–131, 203: РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 33). А ведь обе эти подписи, и Макария, и Неофита, написаны одной и той же рукой — рукой писца основного текста окружного письма зографитов, причем в изданном каталоге их фотовоспроизведения разделяют всего несколько стра-

ниц. Отметим, что тем же писцом в Путивле в 1649 г. написано и письмо иерусалимского патриарха Паисия М. Ю. Волошенинову³. Так чей же «автограф» стоит на послании из Дионисиева монастыря Филарету Никитичу? В каталоге опубликованы фотовоспроизведения и других писем, написанных от разных монастырей одним и тем же каллиграфом, что можно было хотя бы кратко оговорить (письма Петру I от братии Хиландарского монастыря 1696 г. — кат. 125, с. 117: РГАДА. Ф. 52. Оп. 4. Д. 74; и Эсфигменского монастыря 1717 г. — кат. 133, с. 137: РГАДА. Ф. 52. Оп. 4. Д. 82).

Отметим попутно, что письма от имени властей и братии афонских монастырей совсем необязательно составлялись на Афоне, и это также следует учитывать при дальнейшей работе над описаниями греческих и славянских документов: так, одним писцом написано не только письмо царям Иоанну и Петру из афонского Павловского монастыря 1683 г. (кат. 123, с. 164–165, 204: РГАДА. Ф. 52. Оп. 4. Д. 64), но и одновременное ему письмо из эфирского Архангельского монастыря Погониани⁴. Представленное на выставке письмо братии Великой Лавры 1641 г. (кат. 111, с. 93) было написано той же рукой, что и письмо молдавского посла Евстафия Кондарата (Остафия Митника), в котором сообщались новости, относящиеся к ходу переговоров московского двора с Портой о сдаче крепости Азов османским войскам⁵.

³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 240.

⁴ РГАДА. Ф. 52. Оп. 4. Д. 65.

⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 179, 1641 г.

Более того, оба эти документа были одновременно привезены в Москву, что позволяет с уверенностью считать их написанными в Молдавии, при дворе посредничавшего в переговорах о сдаче крепости османам молдавского господаря Василия Лупу (*Tchentsova* 2007: 160–162, ill. 1–2).

Приведенные выше наблюдения демонстрируют неперспективность изучения греческих и славянских архивных документов «по отдельным монастырям». Даже если для подготовки экспозиции и, соответственно, каталога выставки удобнее было именно так распределить экспонируемые материалы, это никак не мешает правильно атрибутировать документы в самом каталоге, не пытаясь создать у зрителя или читателя представления о связях с Афоном, не соответствующие современным знаниям и, прежде всего, пониманию того значения, которое имели румынские метохи афонских (и иных греческих) монастырей в контактах православного монашества с Московским государством.

В некоторых случаях вопросы вызывают и датировки документов, которые никак не объясняются или просто неверны. Так, письмо царю от константинопольского патриарха Кирилла Лукариса о милостыне для братии Дохиарского монастыря датировано 11 октября 1627 г., как в каталоге Н.Н. Бантыш-Каменского, в то время как на самом деле там указана дата «октябрь, 11 индикта (кат. 104: РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 45). Окружная грамота из Зографа (кат. 97, с. 130–131) в каталоге датирована 1626 г. Именно эту дату указал

в своем каталоге Н.Н. Бантыш-Каменский, но она никак не обоснована. По другим документам известно, что иеродиакон Стефан из этого монастыря, который упоминается в тексте и через которого, скорее всего, письмо попало в Москву, приехал в русскую столицу лишь в 1636 г.⁶, так что текст окружного письма мог быть написан позже. Неясно, почему именно апрелем 1627 г. датировано письмо иверского кафигумена Иезекиила и братии патриарху Филарету Никитичу (кат. 103, с. 104: Ф. 52. Оп. 2. Д. 37). На послании нет даты, но известно, что этот документ был привезен в Москву с несколькими другими, подготовленными, видимо, в одно время с ним и тогда же отправленными в русскую столицу письмами, о чем свидетельствуют идентичные филигранные документы: РГАДА. Ф. 52. Оп. 4. Д. 15 (5 июня 1627 г., афонский монастырь Дионисиат); Д. 40 (1627 г., грамота монемвасийского митрополита Неофита). Скорее всего, письмо было написано до лета 1627 г., однако более точная датировка невозможна. Еще одно небольшое уточнение: копия пожалованной грамоты на московское подворье — Никольский монастырь, переданный иверским монахам, — датируется 1669 г. (кат. 120, с. 108), но само пожалование было сделано не в этом году (как указано на с. 19), а в 1652 г. (*Ченцова* 2010: 247, 266–267).

Не совсем понятно, какие правила составители каталога приняли для транскрибирования надписей на иконах, литографиях, предме-

⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1637 г. Д. 2. Л. 1–3.

тах прикладного искусства: в одних случаях передается лишь часть надписей (греческие почти нигде не приводятся за редчайшим исключением), в других — они не только не указываются, но даже их наличие никак не оговорено. Почему иногда в транскрипции передается часть букв устаревшей орфографии, а часть нет? Почему сокращения иногда указаны, а иногда раскрыты без оговорки?⁷ В тех же случаях, когда издатели решились на воспроизведение надписей, более всего удивляют ошибки в прочтениях, имеющиеся порой в совсем простых, казалось бы, текстах. Например, на гравюре 1840 г., изображающей Святую гору (кат. 232, с. 65, 209) греческие тексты не приводятся совсем, а русская надпись дана с неверными прочтениями: «во Афонестый горе» вместо «во Афонстей горе»; «Панкратія» вместо «Пангратія»; «въ веліи (?) хилиндарькі явъ лето» вместо «въ келіи Хиліндарькія въ лето...». Здесь же в описании следует писать «Монфокон», а не «Монтфакон», «Д. Папастрату» (известнейшая исследовательница греческих гравюр!), а не «Д. Пастратос». С ошибками издана и надпись — текст канона Богородице — на блюде из Пскова (кат. 178, с. 30, 207). На великолепном благословенном кресте 1725 г. (кат. 205, с. 208) имеется греческая владельческая надпись, но, к сожалению, в каталоге шрифт не отобразился в надлежащем виде, и прочтение ее возможно лишь по фотографии (+ ΠΑΥΛΟΥ ΜΟΝΑΧΟΥ || ΚΑΙ ΥΠΟΤΑΚΤΗΚΟΥ ΤΟΥ || ΠΑΝΙΕΡΟΤΑΤΟΥ ΚΥΡΙΟΥ ΚΥΡ ΔΑΜΑΣΚΥΝΟΥ || ΕΠΙ ΕΤΟΣ ΑΨΚΕ).

⁷ Например, с. 160.

Выставка стала плодом сотрудничества церкви, сотрудников музеев и архивистов, однако в процессе подобного партнерства необходимо искать подход, позволяющий не только продемонстрировать церковные представления о связях с Афоном, отвечающие потребностям организаторов выставки, но и сделать в каталоге научную атрибуцию экспонатов. Подобный подход позволил бы сочетать демонстрацию широкой публике, в том числе и верующим, тех артефактов, которые являются православными реликвиями, с научными интересами исследования всего многообразия связей со Святой горой и ярком следе, который они оставили в духовной жизни и культуре Руси/России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Каштанов 2004 — *Каштанов С. М.* Состав и содержание документов «греческих» посольских книг № 1 и 2 // Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004.

Кузенков, Зубов 2015 — *Кузенков П. В., Зубов Д. В.* Грамота иерусалимского патриарха Нектария к царю Алексею Михайловичу с просьбой о помощи монастырям Афона (апрель 1664 г.) // Афонское наследие. Научный альманах. Киев; Чернигов, 2015. Вып. 1–2. С. 66–77.

Мискевка 2016 — *Мискевка Вл.* Помощь молдавского господаря Стефана Великого Зографскому афонскому монастырю // Афон и славянский мир. Материалы международной научной конференции. Киев, 21–23 мая 2015 г. Святая Гора Афон, 2016. Сб. 3. С. 194–213.

Ченцова 2010 — *Ченцова В. Г.* Икона Иверской Богоматери. (Очерки истории отношений Греческой церкви с Россией в середине XVII в. по документам РГАДА). М., 2010.

Ченцова 2011 — Ченцова В.Г. Писец Николай Армириот и Крест царя Константина: К истории связей Ватопедского монастыря с Россией в XVII веке // *Palaeoslavica*. 2011. Т. XIX (2). С. 60–109.

Ченцова 2014 — Ченцова В.Г. Ктиторовство и царский титул: Россия и Хиландарский монастырь в XVI в. // *Славяноведение*. М., 2014. № 2. С. 15–24.

Androudís 2008 — Androudís P. Le catholicon du monastere byzantin de saint Démétrios (Chalkéōs) au Mont Athos (actuel *kyriakon* de la skite de saint Démétrios de Vatopédi) // *Δελτίον της χριστιανικής*

αρχαιολογικής εταιρείας. Περίοδ. Δ'. 2008. Τ. ΚΘ'. Σ. 195–206.

Năsturel 1986 — *Năsturel P.Ş.* Le Mont Athos et les Roumains. Recherches sur leurs relations du milieu du XIVe siècle à 1654. Rome, 1986 (*Orientalia Christiana Analecta*, 227).

Tchentsova 2007 — *Tchentsova V.* Documents grecs des métoques roumains du Mont Athos et des Patriarcats orientaux conservés à Moscou à la lumière d'une analyse paléographique // *Romanian Principalities and the Holy Places along the centuries*. Bucureşti, 2007. P. 160–162, ill. 1–2.

ATHOS AND RUSSIA: AFTER THE JUBILEE

Rev.: Rus' i Afon. K K 1000-letiju prisutstvija ruskogo monashestva na Svjatoj gore.

Vystavochnyj kompleks Hrama Hrista Spasitelja, 21 sentjabrja — 23 oktjabrja 2016 goda.

Katalog. M.: Kuchkovo pole, 2016. 216 s.

Chentsova Vera G. — candidate of historical sciences, associated member of UMR 8167 Orient et Mediterranee (Monde byzantin), Paris; Maison française d'Oxford (Moscow)

Keywords: Athos, Rus', Russia, church, archives, museums, documents.

The review presents a catalogue of an exposition dedicated to the having a long history relations of Rus'/Russia/USSR with Mount Athos, and raises the question about the possibilities to combine the ecclesiastical tradition, followed by the organisers of the exhibition, and the necessity to make an inventory of museum objects and documents by the specialists.

REFERENCES

Androudís P. Le catholicon du monastere byzantin de saint Démétrios (Chalkéōs) au Mont Athos (actuel *kyriakon* de la skite de saint Démétrios de Vatopédi) // *Δελτίον της χριστιανικής αρχαιολογικής εταιρείας*. Περίοδ. Δ'. 2008. Τ. ΚΘ'. Σ. 195–206.

Chentsova V.G. *Ikona Iverskoj Bogomateri*. (Ocherki istorii otnoshenii Grecheskoj tserkvi s Rossiei v seredine XVII v. po dokumentam RGADA). Moscow, 2010.

Chentsova V.G. Ktitorstvo i tsarskii titul: Rossiia i Khilandarskii monastyr' v XVI v. // *Slavianovedenie*. Moscow, 2014. No 2. P. 15–24.

Chentsova V.G. Pisets Nikolai Armiriot i Krest tsaria Konstantina: K istorii sviazei Vatopedskogo monastyria s Rossiei v XVII veke // *Palaeoslavica*. 2011. Vol. XIX (2). P. 60–109.

Kashtanov S.M. Sostav i sodержanie dokumentov "grecheskikh" posol'skikh knig No 1 i 2. *Rossiia i grecheskii mir v XVI veke*. Moscow, 2004.

Kuzenkov P.V., Zubov D.V. Gramota ierusalimskogo patriarkha Nektariia k tsariu Alekseiu Mikhailovichu s pros'boi o pomoshchi monastyriam Afona (aprel' 1664 g.) // *Afonskoe nasledie*. Nauchnyi al'manakh. Kiev; Chernigov, 2015. Vyp. 1–2. P. 66–77.

Miskevka V.I. Pomoshch' moldavskogo gospodaria Stefana Velikogo Zografskomu afonskomu monastyriu // *Afon i slavianskii mir*. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kiev, 21–23 maia

2015 g. Sviataia Gora Afon, 2016. Sb. 3. P. 194–213.

Nasturel P.S. *Le Mont Athos et les Roumains. Recherches sur leurs relations du milieu du XIVe siècle à 1654*. Rome, 1986 (Orientalia Christiana Analecta, 227).

Tchentsova V. Documents grecs des métèques roumains du Mont Athos et des Patriarcats orientaux conservés à Moscou à la lumière d'une analyse paléographique // *Romanian Principalities and the Holy Places along the centuries*. București, 2007. P. 160–162, ill. 1–2.

А. А. Непомнящий, А. В. Севастьянов

МОЖЕТ ЛИ ИСТОРИЯ ОПРАВДЫВАТЬ ПОЛИТИЧЕСКУЮ КОНЦЕПЦИЮ?

Рец.: *Возгрин В. Е.* Немецкие колонисты и коренной народ Крыма в национальной политике Российской империи. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. 416 с.

Восстановление отдельных сюжетов объективной истории Крыма является одной из наиболее актуальных задач современных регионоведческих исследований. Причин актуальности таких штудий несколько, главные из них — отсутствие общей научной концепции изучения прошлого этносов полуострова, наличие различных идеологических клише и умолчаний недавнего прошлого, попытки использовать национальную историю и межнациональные отношения в современном политическом контексте.

Монография доктора исторических наук, профессора Санкт-Петербургского государственного университета В. Е. Возग्रина преследует целью осветить действительно

© Непомнящий А. А., Севастьянов А. В., 2017
Непомнящий Андрей Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь); dr.aan@mail.ru

Севастьянов Александр Валерьевич — кандидат исторических наук, и. о. заведующего кафедрой музеологии и библиотечно-информационной деятельности, Крымский университет культуры, искусств и туризма, (Симферополь); spru_crimea@mail.ru

малоизученную тему взаимоотношений двух этнических групп, проживающих в Крыму на протяжении долгого периода — крымских татар и немецкого населения, а также, как следует из введения, эта задача является приоритетной — проследить основные периоды и перемены в национальной политике Российской империи по отношению к обеим национальным группам. Оговаривает автор и то, что данная книга — только первая часть исследования, вторая будет освещать заявленную тему в советский и постсоветский период истории.

Разработка столь многогранного исследования, безусловно, требовала от автора особого методологического подхода и обязательного знакомства с наработками коллег по различным аспектам заявленной проблемы. Можно констатировать, что историографический обзор (представленный во введении исследования) выявил недостаточность изучения темы. Вместе с тем обзор источников исследования отсутствует, что несколько затрудняет определение его полноты. Автор только перечисляет основные группы источников

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

и говорит об их безбрежности. Однако все внешние признаки позволяют говорить о научности представленного издания. Историографический обзор, хотя и не включает анализ всех возможных трудов по проблеме, но демонстрирует знакомство автора с общими тенденциями историографии по проблеме. Объективно указывается, что наработок по отдельным сюжетам изучаемой темы слишком много, чтобы даже упомянуть их.

Автор избрал метод хронологического изложения материала, объединяя обе национальные группы вместе от периода древности до начала XX в. (главы I–IV), далее происходит разделение, и соответствующие главы (главы V–VII) уже отдельно посвящены немцам и крымским татарам. Такой прием возможен, но вместе с тем теряется суть, отраженная в названии исследования. Сложно определить, каковы были *взаимоотношения* двух этнических групп в короткий, но чрезвычайно насыщенный период начала XX в. Более того, нельзя не учитывать, что именно в это время происходили драматические события истории Российской империи: революция 1905–1907 гг., Первая мировая война — комплексный анализ реакции и участия крымских немцев и крымских татар в этих событиях стал бы действительно новаторским вкладом, представленная же концепция освещения в данных главах несколько упрощает и обедняет содержание исследования.

Впрочем, изучение текста монографии выявило и некоторые другие сюжеты, требующие дополнительного анализа и оценки. Сообществу историков В.Е. Возгрин известен

как автор фундаментальных исследований дипломатической истории Северной войны. В постсоветский период основным содержанием исследовательского поиска автора стала история крымско-татарского народа, что нашло отражение в соответствующих монографических изданиях «Исторические судьбы крымских татар» (1992) и «История крымских татар» (2013). И, без преувеличения, именно профессора В.Е. Возгрин следует считать автором концепции т.н. «коренного народа» в истории Крыма. Этим статусом, по мнению исследователя, может обладать только крымско-татарский народ. Собственно, сама концепция В.Е. Возгрин сводится к достаточно простой линейной схеме: все этносы, проживавшие на территории полуострова, проходили этап ассимиляции и создавали некие новые этнические общности. Так продолжалось с самого начала письменной истории Крыма, т.е. с периода раннего железного века и вплоть до монгольского нашествия в Крым в первой четверти XIII в. Далее, с приходом значительной монгольской этнической массы, происходит еще одно смешение, которое становится определяющим для формирования крымско-татарского этноса. Как видим, формально в рассуждениях В.Е. Возгрин нет никаких противоречий. Действительно, ассимиляционные процессы создают новые этнические общности, они могут становиться основой для формирования новых этносов, их представители могут перенимать иную культуру, языки, обычаи. Однако выдвигать на этом основании дефиницию «коренного народа», а тем более конкретно применять ее по отношению к крымским татарам,

в данном случае нам представляется некорректным.

В современной историографии есть концепция, согласно которой о крымских татарах как старожильческом населении Крыма можно говорить начиная с XV в., когда процесс распада Золотой Орды вошел в финальную стадию, а ее Крымский улус легитимизировался в самостоятельное Крымское ханство. Вполне обоснованным выглядит тезис о том, что после монгольского завоевания полуострова и последующего обретения государственности произошло становление особой самобытной культуры, преемником которой стал современный крымско-татарский народ. В данном контексте использование дефиниции «коренной народ» находит более менее ясное и научное, хотя и дискуссионное объяснение. Однако в случае с концепцией В. Е. Возгри-на эта позиция не актуальна.

Основным тезисом научных изысканий В. Е. Возгри-на является идея утверждения крымских татар как «коренного народа» Крыма со времен античности. Сами по себе эти построения уже неоднократно были опровергнуты крымским научным сообществом, однако нашли поддержку в определенных политических кругах и стали основой политико-идеологической концепции, внедренной в крымско-татарскую среду в течение последних трех десятилетий (*Герцен, Храпунов* 1994; *От киммерийцев до крымчаков* 2004; *Древний и средневековый Крым* 2000).

Однако в своем новом исследовании В. Е. Возгрин продолжает придержи-

живаться этой спорной концепции. Даже название книги уже противопоставляет два объекта исследования — одни определены как «немецкие колонисты», другие как «коренной народ Крыма». Этим автоматически закладывается оппозиция не только терминов, но и отношения к истории двух этнических групп, отмечается «пришлость» одних и выпячивается «укорененность» других. Содержание глав только подчеркивает эту оппозицию. Ведь само по себе появление немецких поселенцев в Крыму было вызвано началом массовой эмиграции крымских татар с территории полуострова: первая массовая волна отмечена на рубеже XVIII–XIX вв., вторая — после Крымской войны, в первой половине 60-х гг. XIX в., далее отток крымско-татарского населения несколько снизился. В итоге к началу XX в. это спровоцировало изменение национального состава полуострова: крымские татары утратили первенство и относительное большинство стали составлять русские (с включением в их состав украинцев и белорусов).

В соответствии с историческими событиями трактуется В. Е. Возгриным и сосуществование двух этнических групп в Крыму. Причиной эмиграции крымских татар автор считает исключительно политику российских властей, оставляя без внимания активную переселенческую политику Османской империи, которая носила прежде всего конфессиональный характер. На контрасте изображены и отношения российских властей с немецким населением: учитывая их заинтересованность в освоении края, автор подробно описывает льготы, которые предоставлялись

переселенцам, но при этом указывает, что в отношении крымских татар ни о каких льготах не могло быть и речи. Такое сравнение не оправдано методологически, несмотря на заявленную тему исследования. Некорректными представляются рассуждения по принципу: «одним можно, а другим нельзя», ведь в данном случае автор описывает не *взаимоотношения* двух этнических групп, а политику властей относительно каждой из них. Можно констатировать, что сравнительный подход автор использовал лишь для актуализации ущемления одних и привилегированности других. Создается впечатление, что такой исследовательский прием использован В.Е. Возгриным исключительно для доказательства тезиса о том, что правительство Российской империи проводило политику «разделяй и властвуй», которую он, конечно же, осуждает.

В этом контексте становится понятным, почему для периода XX в. автор избрал метод отдельного рассмотрения каждой общности. События Первой мировой войны вынудили (подчеркнем это!) Российскую империю предпринять репрессивные меры против немецкого населения, которые заключались в его переселении в отдаленные районы, создании специальных лагерей и рабочих поселений. Однако подобная практика в условиях войны, хотя и не может считаться оправданной, прежде всего в гуманитарном смысле, не может не быть обоснованной в смысле обеспечения государственной безопасности и минимизации политических спекуляций, в том числе — угрозы мнимого, но потенциального «коллорабационизма» от-

дельных этнических групп, активно раздувавшейся националистическими кругами в первые месяцы войны. Однако данное обстоятельство для В.Е. Возгрина становится основой для вывода о начале репрессивных действий российского правительства против немцев в принципе. То есть крымские немцы тоже становятся притесняемым этносом, каким, по мнению В.Е. Возгрина, все время с момента присоединения Крыма к России были крымские татары. Это заключение и становится главным выводом исследования.

Что же можно констатировать, подводя итог анализу новой монографии В.Е. Возгрина? Начать следует с того, что содержание второй ее части можно угадать достаточно просто: в условиях Великой Отечественной войны и немецкое население Крыма, и крымские татары с разницей в почти три года будут депортированы. Данная трагедия народов (и не только немцев и крымских татар) и преступление сталинского режима уже получили однозначную отрицательную оценку как официально со стороны государства, так и среди историков. Соответственно, попытку представить данные события как следствие единой государственной политики следует, на наш взгляд, признать заведомо спекулятивной. Что же до предложенной В.Е. Возгриным истории взаимоотношений двух этнических групп населения Крыма и влияния государственной политики Российской империи на них, то, признавая достаточность использованного круга источников и историографии, новизну проблемы, обоснованность и перспективность использованного исследователем

метода, мы вынуждены вместе с тем констатировать, что предложенная автором концепция так и осталась составной частью более широкой политической идеи «коренного народа». Текст исследования достаточно полно и обоснованно излагает факты жизни двух этнических групп на территории Крыма, предложенная ретроспекция событий не содержит значительных упущений или умолчаний, которые могли бы нарушить принцип объективности. И эти обстоятельства позволяют оценить монографию В. Е. Возгрина как новаторское исследование, которое займет свое место в изучении темы сосуществования разных этнических групп населения Крыма. Однако попытка рассмотрения проблемы с точки зрения ангажированной историко-политической концепции не дает возможности признать данную работу исчерпывающим по заявленной проблеме исследованием. Акценты, расставленные автором,

ставят объективные исторические факты в такую логическую последовательность, которая должна привести к заведомо известному результату. А это в свою очередь наносит вред как научности, так и фундаментальности монографии. В итоге нельзя не отметить, что тема, поднятая В. Е. Возгриным, еще требует значительного, всестороннего и незаангажированного осмысления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Герцен, Храпунов 1994 — Герцен А. Г., Храпунов И. Н. [Рецензия] // Российская археология. 1994. № 1.

Древний и средневековый Крым 2000 — Древний и средневековый Крым / ред.-сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000.

От киммерийцев до крымчаков 2004 — От киммерийцев до крымчаков: народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. 2-е изд.: перераб. и доп. / под ред. И. Н. Храпунова и А. Г. Герцена. Симферополь: Доля, 2004. 288 с., ил.

CAN HISTORY JUSTIFY A POLITICAL CONCEPT?

Rev.: Vozgrin V. E. Nemetskie kolonisty i korennoi narod Kryma v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii. SPb.: Izd-vo RKhGA, 2015. 416 s.

Nepomnyashchy Andrei A. — doctor of historical sciences, professor, head of the Department of regional historical studies and local history, Crimean Federal V. I. Vernadsky University (Simferopol)

Sevast'yanov Alexandr V. — candidate of historical sciences, head a.i. of the Department of museology, library and information activities, the Crimean University of culture, art and tourism (Simferopol)

REFERENCES

Drevnii i srednevekovyi Krym / red.-sost. Iu. M. Mogarichev. Simferopol': Tavriia-Plius, 2000.

Gertsen A. G., Khrapunov I. N. [Retsenziia] // *Rossiiskaia arkheologiia*. 1994. No 1.

Ot kimmeriitsev do krymchakov: narody Kryma s drevneishikh времен do kontsa XVIII v 2-e izd.: pererab. i dop. / pod red. I. N. Khrapunova i A. G. Gertsena. Simferopol': Do- lia, 2004. 288 p., il.

П. В. Чеченков

ИСТОРИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ: НОВЫЕ ИЗДАНИЯ, СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В ситуации, когда зримые остатки прошлого в виде архитектурных сооружений, планировки улиц, культурных традиций в крупных городах России активно разрушаются, а село запустевает, выход краеведческой научно-популярной литературы является делом не просто нужным, а крайне необходимым. В условиях глобализации и тотального распространения стандартов массовой культуры, с которыми столкнулось общество на рубеже XX–XXI вв., сохранение национальной идентичности возможно только на основе осознания общности исторического пути, пройденного предками. Связь с историей ощущается прежде всего на уровне знаний о прошлом того места, где человек родился, где живет, понимания, что земля, по которой он ходит, была свидетельницей важных событий, в которых, быть может, принимали участие его предки. Настоящая любовь к Родине начинается всегда с любви к своей малой родине, но у этой любви должны быть некие основания, на которые она может опереться.¹

© Чеченков П. В., 2017

Чеченков Павел Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры методологии, истории и философии науки Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева (Нижний Новгород); chechenkoff@yandex.ru

Так сложилось, что у нижегородской земли нет систематически изложенной истории, написанной на современном научном уровне. Есть много замечательных монографий, статей и иных публикаций, но обобщающего труда, который был бы интересен широким слоям интересующейся публики, нет. Парадоксально, но история третьего по численности населения города европейской части России, которому без малого 800 лет, была последний раз профессионально описана сорок пять лет назад (предыдущее же заметное издание вообще относится к середине XIX в.). Коллективный труд «История города Горького. Краткий очерк» вышел в свет в 1971 г. к 750-летию юбилею города. В силу свойственной популярной литературе тех лет тенденциозности в освещении прошлого, идеологической нагруженности, через два десятилетия он в значительной степени потерял свою актуальность и популярность у общественности. Однако забвение этой почти 600-страничной книги не вполне заслуженно. Для ее создания был собран профессиональный авторский коллектив, и по крайней мере те темы, которые не касались истории советского государства и революционной борьбы, изложены вполне добротнo.

В 90-е гг. на волне отказа от коммунистической идеологии происходило возвращение к дореволюционной исторической и краеведческой литературе. Библией нижегородского краеведения являлся труд Н. И. Храмцовского «Краткий очерк и описание Нижнего Новгорода», вышедший двумя частями в 1857 и 1859 гг. и ставший к концу XX в. библиографическим раритетом. В 1998 году он был переиздан и продолжает тиражироваться до сих пор. Конечно, советской идеологии в нем не было, но также в нем не было и строго научного подхода. Автор для своего времени сделал очень большое дело. Он не имел систематического образования, был простым письмоводителем и счетоводом, которого видные нижегородские общественные деятели и краеведы той поры П. И. Мельников (Андрей Печерский) и архимандрит Макарий (Н. К. Миролюбов) привлекли для обработки исторических документов (*Галай* 1998: 5–6). Увлечшись этой деятельностью, он в конечном итоге смог реализовать то, чего не смогли его более именитые «работодатели»: систематизировать сведения о Нижнем Новгороде из разных источников за весь период его существования, изложить их в хронологической последовательности и выпустить первую и долгое время единственную историю города. Надо ли говорить, что за полтора столетия историческая наука ушла далеко вперед от любительского уровня кануна отмены крепостного права¹.

¹ Промежуточное положение между двумя указанными изданиями занимает небольшая книга Н. М. Добротвора, вышедшая в 1947 г. Перед автором стояла задача переварить

История всего региона освещалась лишь в учебных пособиях для средней школы. В 1975 г. вышло первое издание книги Л. А. Чемоданова «История Горьковской области», которая оказалась очень качественным произведением в своем жанре. Фактический материал был тщательно отобран, хорошо подан и оснащен всем необходимым методическим арсеналом (иллюстрации, карты-схемы, вопросы и задания для закрепления, в том числе по выдержкам из источников, хронологическая таблица, дополнительная литература, удобная для использования в школе структура текста) в расчете на учеников среднего и старшего звена. Объем книги оказался невелик (около 200 с., 10 п.л.). Это объясняется тем, что в тот период отдельного краеведческого курса не существовало, а учителям лишь рекомендовалось в каждой теме, где возможно, отводить 1–2 урока на изучение местной истории. Задача подготовки учебника под соответствующие требования оказалась с успехом решена автором, который не перегрузил свое творение деталями (*Чемоданов* 1975). Пособие оказалось настолько удачным, что в последующие советские годы выдержало два переиздания. При этом количество авторов увеличивалось, а объем почти нет. Текст претерпевал лишь косметические изменения (*Тюрина, Чемоданов* 1981; *Тюрина и др.* 1989). Десять лет назад

дореволюционный опыт и подать его в новом марксистском ключе. Не сильно продвинувшись вперед в научном плане, он обильно уснастил свой труд резкой обличительной риторикой, характерной для тех лет. В наши дни книга имеет лишь историографическое значение (*Добротвор* 1947).

Арзамасский пединститут выпустил новое издание пособия, адаптированное к изменившимся условиям. Появился очередной соавтор, который, по-видимому, и проделал всю работу, но вот от имени изначального создателя книги решено было избавиться. Доработка коснулась главным образом советского периода, в результате чего в пособии возник перекос в сторону новейшей истории. Дореволюционные главы обогатились в основном неточностями, непроверенными гипотезами и легендами. Так, вопреки взвешенному указанию о том, что Городец на Волге впервые упомянут в летописях зимой 1172 г., имевшемуся в третьем издании, в четвертом – безапелляционно дается распространенная в нижегородском краеведении мифическая дата основания – 1152 г. В 1228 г. совершают походы не существовавшие в то время «нижегородские князья». В Куликовской битве принимают участие нижегородские бояре вместо суздальских. Первый поход на Казань, по утверждению авторов, состоялся в 1548 г., тогда как на самом деле первые походы были еще при Иване III и т. д. (Федоров и др. 2004). В целом необходимо признать, что пособие Чемоданова, несмотря на все свои достоинства, утратило способность к дальнейшему обновлению.

Два новых коллективных издания, освещающих историю региона с древнейших времен до современности, вышли 90-е гг. Это учебное пособие, подготовленное на базе Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, «Нижегородский край: Факты, события, люди» (279 с., 16,3 п.л.)

и книга для учащихся школ, гимназий и лицеев «Наш край» (432 с., 25 п.л.) (оба позднее переиздавались) (Нижегородский край 1994; Наш край 1997). Дело в том, что в школах области был введен самостоятельный курс краеведения (Демичев 2000: 177). Старый учебник Чемоданова не соответствовал новым задачам ни морально, ни физически (недостаточный объем материала). Первое из указанных изданий получило негативную оценку как специалистов-историков, так и учителей ввиду большого количества ошибок, перегруженности фактами, полного отсутствия методического аппарата и неприспособленности для преподавания в школе (Демичев 2000: 178–179). Второе произведение получилось более удачным. Оно было совершенно справедливо отнесено к категории литературно-художественных изданий. Жанр «книги для чтения» не обязывал к строгому хронологическому изложению материала и позволял сосредоточиться на наиболее ярких событиях, которые даны в виде отдельных авторских очерков. Книгу отличают хорошая подача материала, яркий эмоциональный язык, взвешенные оценки. Однако она соответствует 13–14-летнему возрасту и удовлетворить более опытного и требовательного читателя не в силах.

На этом не особо радужном фоне выход нового обобщающего издания по истории края можно было бы только приветствовать. Такое появилось в 2013 г. Это «книга для внеклассного чтения» «Славное прошлое нижегородской земли» (416 с., объем издательством

не указан), подготовленная коллективом авторов под руководством Ф. А. Селезнева. По объему и жанру она может быть сопоставлена лишь с изданием «Наш край». Книга также представляет собой серию авторских очерков, значительная часть которых написана самим научным редактором. К сожалению, важная задача систематического изложения истории региона по-прежнему не решена, но она и не ставилась. Издание рассчитано на более зрелого читателя. Оно значительно насыщеннее фактическим материалом, но при этом не перегружено им. Качественная полиграфия, хорошая бумага, твердый красочный переплет формируют привлекательный внешний вид и делают издание удобным для частого использования. Можно только радоваться тому, что теперь две книги, написанные специалистами и подходящие для разных возрастных групп, лежат на полках книжных магазинов (книга «Наш край» продолжает переиздаваться). Новейшее издание может стать на несколько лет определяющим в познании прошлого Нижегородского края.

Однако издание оказалось не лишено недостатков. К ним, в частности, можно отнести отсутствие карт. Удивляет бедность иллюстративного материала. Так, период до начала XVII в. в основном представлен фотографиями современных памятников (князю Юрию Всеволодовичу и епископу Симону, Александру Невскому, Кузьме Минину, Д. М. Пожарскому, Минину и Пожарскому вместе) и картинами художников новейшего времени, иллюстрирующими события про-

шлого (три черно-белых репродукции живописных работ 1913 и 2003 гг.). Хотя здесь эффектно выглядели бы музейные древности, разнообразные реконструкции внешнего вида городов и горожан, т. е. материалы в большей степени отображающие прошлое, а не современное представление о нем художников и скульпторов. Настораживает некоторая неразборчивость в терминах. Такие выражения, как «военно-транспортный флот» князя Всеволода Большое Гнездо или «бизнес-круизы» русских купцов XVII в., призваны, видимо, сделать текст более близким читателю, но использование подобных оборотов наверняка породит образы, искажающие историческую действительность. Термины «оплот» и «соп» как обозначения элементов деревянно-земляных укреплений встречались в русском языке, но применительно к Городцу на Волге нигде в средневековых источниках не использовались. Каков же смысл их применения в тексте? Никто не называет Нижегородский кремль — кромом, Зеленский съезд — спуском, Волжский откос — яром. Смысл тот же, но эти слова чужды сложившейся историко-культурной среде.

Впечатление наибольшей целостности производит первая часть книги, посвященная истории с древнейших времен до начала XVII в., хотя специалисты по средневековой истории для ее написания не привлекались. После повествование рассыпается на отдельные не связанные друг с другом сюжеты разного объема и уровня. Особенно это касается советского периода, что, разумеется, огорчительно. Из при-

веденного обзора обобщающей литературы по истории региона ясно, что минимальная база для изучения древности и нового времени была и ранее, а вот систематизированного изложения послереволюционного периода без использования определенных советских клише не существует. Подготовка его является актуальнейшей задачей. Вызывает удивление отсутствие даже упоминания о событиях февраля 1917 г., о Гражданской войне, нэпе, коллективизации и т.д. Собственно, единственный этап советской истории, показанный целостно — Великая Отечественная война. Все остальные представлены очерками о Нижегородском университете², радиолоборатории, заводах «Сокол», «ГАЗ», «Красное Сормово», летчике Валерии Чкалове, нижегородских ученых и спортсменах.

Поэтому далее мы обратимся к более подробному анализу первого раздела издания. Впечатление целостности, производимое им, обманчиво. Так, на пяти страницах автор описывает вражду русских князей в последней трети XIII — начале XIV в., положение в Орде при правителе Ногае (все то, что можно найти в общем курсе истории России), но ничего не говорит ни о Нижнем Новгороде, ни о Городце, ни о Нижегородском крае, хотя это эпоха существования Городецкого княжества — первого отдельного го-

² У читателя может создаться впечатление, что в Нижнем Новгороде один единственный вуз, что не соответствует действительности. Видимо, в данном случае принцип объективности исторического повествования вступил в противоречие с современной ситуацией борьбы вузов за абитуриента и в неравной схватке проиграл.

сударственного образования на территории региона. Отсутствует освещение событий XV–XVI вв., не продемонстрирована боевая служба Нижегородского кремля — древнейшего архитектурного сооружения области, не показана важная роль Нижнего Новгорода в период противостояния царя Василия Шуйского и Лжедмитрия II. Нельзя сказать, что эти вопросы в науке не разработаны. Публикации по этим темам были (Горский 2004; Чеченков 2001; Чеченков 2011; Агафонов 1976; Пудалов 2004).

Первое, что бросается в глаза при чтении раздела, это некая фольклорность изложения материала (не случайно, видимо, князь Владимир Святославич поименован не иначе, как «Владимир Красное Солнышко»). У читателя рождается ощущение, что автор лично слышал, как боярин Юрий Шимонтович нашептывал князю Юрию Долгорукому, что место будущего Городца на Волге похоже на окрестности Киева, а епископ Симон то же самое внушал князю Юрию Всеволодовичу относительно места будущего Нижнего Новгорода. Участие этих «шептунгов» в основании древнейших городов края не зафиксировано никакими достоверными источниками. Тем не менее в нижегородском кремле с недавнего времени стоит памятник «основателям» города Юрию Всеволодовичу и Симону, символизируя симфонию светской и духовной властей. Юрию Шимонтовичу повезло меньше — он не был священнослужителем, и памятник ему в Городце не поставят. Крайне мелодраматично выглядит «услышанный автором» диалог

князя Д. М. Пожарского и Кузьмы Минина: «Князь удивленно вскинул брови. Дмитрий Михайлович успел полюбить за этот многотрудный год Минина. Они жили душа в душу, даром что князь и мужик... “Я никуда не пойду, Кузьма! — в сердцах вскричал князь. — Хочешь, сам веди рать”». Для учебного пособия такая беллетризация — излишня.

Напоминает средневековый эпос подача событий, связанных с основанием Городца. Тут чудесные спасения от икон, мгновенное восстановление героем сожженного города и скоростные (но необъяснимые) перемещения героя в пространстве. Не хватает только кентавров, людей с песьими головами, великанов и скиаподов.

Возможно, автор хотел стилизовать свой текст «под древность». Но эффективность такого приема сомнительна. В результате у читателя может сформироваться представление о том, что история XIX–XX вв. действительно была, т. к. она подается деловым современным стилем, а все, что древнее — этого, может, и не было. Ведь вся древность предстает в виде сказок и побасенок.

Остальные недочеты можно объединить в пять групп: 1) неточности, 2) спорные интерпретации, 3) некритически воспринятые данные, а также сообщения, источники которых неизвестны, 4) историографические мифы, 5) тенденциозная подача материала.

К первой категории относится, например, утверждение, что заложный основателем Нижнего

Новгорода князем Юрием Всеволодовичем храм Спаса был разрушен в советское время. У читателя возникает представление уничтожения «варварами большевиками» памятника старины XIII в. В действительности был снесен одноименный собор, выстроенный на том же месте в 1834 г. При описании посада Нижнего Новгорода XVII в. из его территории исключено так называемое Започаение. Между тем самые ранние упоминания в источниках «верхнего посада» относятся именно к этому району (Чеченков 2012: 19–21). Здесь сосредоточены все верхнепосадские памятники архитектуры XVII в. По всей видимости, именно Започаение было древнейшим после территории кремля и нижнего посада освоенным пространством. Неточным является и утверждение о том, что сражения Второго земского ополчения с отрядами гетмана Ходкевича закончились полным разгромом поляков. Хорошо известно, что Ходкевич организованно отступил с целью собрать новый провиант для польского гарнизона в кремле и найти пополнение (Любомиров 1939: 151–152).

Спорны многие интерпретации происхождения различных топонимов. Например, пруд Сарка в Нижегородском кремле от имени татарского посла Сарайки, села Дальнее Константиново и Борисово-Покровское от имен нижегородских князей Дмитрия и Бориса Константиновичей.

Несправедливо утверждение о том, что Городец превратился из маленькой пограничной крепости

в крупный город. Археологические исследования показывают: городские укрепления изначально возводились как крупные военно-инженерные сооружения. Городец с момента основания должен был стать значимым административным центром целой округи (Гусева 2011: 132; Гусева, Чеченков 2012: 7–8, 16). Спорны сведения о том, что герой Куликовской битвы Дмитрий (Боброк) Волынский был нижегородским тысяцким, поскольку сомнительно отождествление, сделанное еще в начале XX в., князя Дмитрия Алибуртовича, фигурирующего в интерполированной (или даже фальсифицированной) «местной» грамоте нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича³ с Дмитрием Боброком (Кузьмин 2014: 106–107).

Вопреки мнению автора раздела, не могли в средневековом русском городе княжеские хоромы находиться вне детинца (кремля – в более поздней терминологии). Князь Борис Константинович никогда не был великим князем Владимирским. По достоверным источникам неизвестно о плене князя Дмитрия

³ Дмитрий Алибуртович упоминается в источниках единственный раз в одной из двух так называемых «местных» грамот третьей четверти XIV в., пожалованных великим князем Дмитрием Константиновичем членам своей Думы. Грамоты представляют собой перечень «мест» на заседаниях княжеского совета, указывавший на установленный для думцев порядок старшинства. Документы сохранились в очень поздних списках 1721 и 1733 гг., содержат явные фрагменты позднейшего происхождения. Большинство названных там лиц никакими другими источниками не упоминаются. Поэтому вопрос о степени достоверности этих текстов остается дискуссионным.

Константиновича и выкупе его «князем Муромчиковым». Побудительным мотивом деятельности Кузьмы Минина, по мнению автора, стало видение во сне Сергия Радонежского. В книге поясняется, что о сне известно из произведения Симона Азарьина. Мысли о том, что Симон Азарьин, будучи казначеем и келарем Троице-Сергиева монастыря, был кровно заинтересован в прославлении своей обители и ее основателя, а следовательно, не может считаться объективным информатором, у автора не возникает (или он специально не делится ей с читателем).

К историографическим мифам относятся такие данные, как основание Федоровского монастыря в Городце при князе Андрее Боголюбском, основание Благовещенского монастыря в Нижнем Новгороде митрополитом Алексеем, союз между сыном хана Батыя Сартаком и князем Александром Невским. Монастырь во имя Федоровской иконы Божьей матери на Городце в древнерусских источниках не упоминается. Предположительно временем его возникновения считается XIV в., но достоверно известна лишь дата его восстановления в 1700 году. (Пудалов 2004: 95; Егорова 2003: 56–62). Благовещенский монастырь впервые упомянут в источниках под 1229 г. Версия об основании монастыря митрополитом Алексеем сложилась в житийной литературе, прославляющей деяния этого святого. В то же время она обосновывала новый статус обители, которая в XV в. стала митрополичьей. Но даже местные краеведы позапрошлого столетия знали, что

монастырь существовал с XIII в., и трансформировали «создание» в «восстановление». Однако никаких достоверных сведений об участии святителя в судьбе монастыря нет (Кривцов 2005; 2009). Версия об особых отношениях Александра Невского с Сартаком и даже их побратимстве восходит к Л. Н. Гумилеву и является, как хорошо известно специалистам, плодом фантазии писателя⁴. В действительности источники зафиксировали лишь факт встречи этих исторических персонажей, когда во время визита князя в Орду хан Бату был в Монголии (Егоров 1997). Сам термин «союз» не корректен для описания отношений русских князей и господствовавших над ними монгольских ханов эпохи становления и расцвета Золотой Орды.

Принципиальным моментом, с которым никак нельзя согласиться, является отнесение основания Городца к 1152 г. Причем если в других местах автор отмечает существование альтернативных точек зрения, то в данном вопросе он целенаправленно умалчивает об этом в угоду своим собственным построениям. А. А. Кузнецов совершенно справедливо заметил: «...для исторической науки проблемы даты основания нет (ее будируют только в нижегородском краеведении. — П. Ч.). Источник неверной даты — 1152 г. — найден. Поэтому остается сделать

⁴ Л. Н. Гумилев часто допускал утверждения, не основанные на данных источников, поскольку принципиально считал, что для историка главное не скрупулезный источниковедческий анализ, а интуиция, прозрение. Поэтому его работы, весьма популярные в непрофессиональной среде, отмечены изрядной долей вымысла.

еще один шаг, самый трудный: корректно и деликатно внушить это знание обществу. Необходимо убедить, что омоложение истории Городца на 12–19 лет не отнимает у него мужественную славу одного из древнейших городов Северо-Восточной Руси...» (Кузнецов 2009: 11)⁵. Препятствием на этом пути, к сожалению, стали личные амбиции и желание утвердиться на новом историографическом поле.

В целом издание ярко продемонстрировало современные проблемы историко-краеведческой литературы, которым не остаются чужды и приличные книги. Это снижение научного уровня, компилятивность, тенденциозность. К сожалению, ожидаемого прорыва в этой области в постсоветский период не произошло. Наоборот, скорее наметился регресс и откат к дореволюционному уровню. Довольно отчетливо ощущается желание соответствовать определенному тренду. На смену демонстрации роли народных масс и классовой борьбы, характерной для советской литературы, приходят святые, угодники и роль РПЦ. Безусловно, восстановление значения духовенства и церкви в истории было необходимо после его принижения в советские времена. Однако чтобы занять прочное и достойное место в общественном сознании, оно должно опираться на достоверные факты, а не на литературные мифы и вымысел. Иначе через какое-то время такие писания опять отправятся на историографическую свалку. Эти метания удивительны тем, что ес-

⁵ Для сравнения: (Селзнев 2012а; 2012б).

ли в прежние годы пренебрежение определенными, предписанными идеологией шаблонами грозило историку отказом в публикации, а то и более жесткими мерами воздействия, сегодня простое указание на отсутствие у той или иной версии оснований не влечет за собой лишения свободы, увольнения, понижения в должности или иных серьезных неприятностей.

По-видимому, время для создания серьезного обобщающего труда по истории Нижнего Новгорода и его региона еще не пришло.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агафонов 1976 — *Агафонов С. Л.* Нижегородский кремль. Архитектура, история, реставрация. Горький, 1976.

Галай 1998 — *Галай Ю. Г.* Историк Нижнего Новгорода (вступительная статья) // *Храмцовский Н. И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1998. С. 5–27.

Горский 2004 — *Горский А. А.* Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // *Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 140–170.*

Гусева 2011 — *Гусева Т. В.* Древнейшие русские города Среднего Поволжья (Городец на Волге и Нижний Новгород по результатам охранных археологических работ) // *От палеолита до средневековья. Сб. научн. статей. М., 2011. С. 130–135.*

Гусева, Чеченков 2012 — *Гусева Т. В., Чеченков П. В.* Периодизация средневековой истории Городца и Нижнего Новгорода глазами историка и археолога // *Городецкие чтения: Материалы научн. конференции «VII Городецкие чтения» (26 апреля 2012 г.). Городец, 2012. С. 5–23.*

Демичев 2000 — *Демичев А. А.* Курс краеведения в школе: проблемы и перспективы // *Педагогическое обозрение. 2000. № 1. С. 177–181.*

Добротвор 1947 — *Добротвор Н. М.* История города Горького. Краткий очерк. Горький, 1947.

Егоров 1997 — *Егоров В. Л.* Александр Невский и Чингизиды // *Отечественная история. 1997. № 2. С. 48–58.*

Егорькова 2003 — *Егорькова И. А.* Александр Невский и Городецкий Федоровский монастырь: легенда и история // *Городецкие чтения. Городец, 2003. Вып. 4: По материалам научно-практической конференции «Городец на карте России: история, культура, язык». С. 56–62.*

Кривцов 2005 — *Кривцов Д. Ю.* Два волжских предания о митрополите Алексее // *Лествица: Материалы научн. конференции по проблемам источниковедения и историографии памяти профессора В. П. Макарихина. Нижегородский государственный университет (22 мая 2003 г.). Нижний Новгород, 2005. С. 106–129.*

Кривцов 2009 — *Кривцов Д. Ю.* Предание о возобновлении Нижегородского Благовещенского монастыря митрополитом Алексеем и иконописные памятники // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3. С. 57–59.*

Кузнецов 2009 — *Кузнецов А. А.* Городец на Волге: от основания до 1238 г. // *Городецкие чтения. Городец, 2009. Вып. 6: Материалы научно-практич. конференций VI Городецкие чтения (6 декабря 2008 г.) и II Александро-Невские чтения (27 февраля 2009 г.). С. 7–24.*

Кузьмин 2014 — *Кузьмин А. В.* На пути в Москву: очерки генеалогии военнослужилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. М., 2014. Т. I. С. 718–742.

Любомиров 1939 — *Любомиров П. Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939.

Наш край 1997 – Наш край. Нижний Новгород, 1997.

Нижегородский край 1994 – Нижегородский край: Факты, события, люди / науч. ред. Н. Ф. Филатов, А. В. Седов. Нижний Новгород, 1994.

Пудалов 2004 – Пудалов Б. М. Русские земли Среднего Поволжья (вторая треть XIII – первая треть XIV в.). Нижний Новгород, 2004.

Селезнев 2012а – Селезнев Ф. А. Основание Городца на Волге: итоги изучения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 4 (1). С. 287–294.

Селезнев 2012б – Селезнев Ф. А. Юрий Долгорукий как основатель Городца: аргументы и контраргументы // Городецкие чтения: Мат-лы научн. конференции «VII Городецкие чтения» (26 апреля 2012 г.). Городец, 2012. С. 36–50.

Тюрина и др. 1989 – Тюрина А. И., Федоров В. Д., Чемоданов Л. А. История Горьковской области. 3-е изд., перераб. и доп. Горький, 1989.

Тюрина, Чемоданов 1981 – Тюрина А. И., Чемоданов Л. А. История Горьковской области. 2-е изд., испр. и доп. Горький, 1981.

Федоров и др. 2004 – Федоров В. Д., Тюрина А. И., Лапшина О. Ю. История Ниже-

городской области. 4-е изд., перераб. и доп. Арзамас, 2004.

Чемоданов 1975 – Чемоданов Л. А. История Горьковской области. Горький, 1975.

Чеченков 2012 – Чеченков П. В. «Град» и «посад» в Нижнем Новгороде XIV–XVI веков (по письменным источникам) // Народные ополчения и российские города в Смутное время начала XVII века: Мат-лы Всероссийской научн. конференции. Нижний Новгород, 2012. С. 12–23.

Чеченков 2001 – Чеченков П. В. Интеграция нижегородских земель в политическую систему великого княжества Московского в конце XIV – первой половине XV в. // Нижегородский кремль. К 500-летию основания каменной крепости – памятника архитектуры XVI в.: Мат-лы научн. конференции. Нижний Новгород, 2001. С. 45–57.

Чеченков 2011 – Чеченков П. В. Нижний Новгород в защите восточных рубежей Российского государства XV–XVI вв. // Роль Нижнего Новгорода в сохранении российской государственности: Мат-лы научн. и методико-практической конференции. Нижегородский государственный педагогический университет (30 мая 2011 г.). Нижний Новгород, 2011. С. 122–131.

HISTORY OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION: NEW EDITIONS, OLD PROBLEMS

Chechenkov Pavel V. – candidate of historical sciences, associate professor of methodology, history and philosophy of science department, Nizhny Novgorod State technical R. E. Alekseev University (Nizhny Novgorod)

REFERENCES

Agafonov S.L. *Nizhegorodskii kreml'. Arkhitektura, istoriia, restavratsiia*. Gor'kii, 1976.

Chechenkov P.V. “Grad” i “posad” v Nizhnem Novgorode XIV–XVI vekov (po pis'mennym istochnikam) // *Narodnye*

opolcheniia i rossiiskie goroda v Smutnoe vremia nachala XVII veka: Mat-ly Vserossiiskoi nauchn. konferentsii. Nizhnii Novgorod, 2012. P. 12–23.

Chechenkov P.V. Integratsiia nizhegorodskikh zemel' v politicheskuiu sistemuu ve-

likogo kniazhestva Moskovskogo v kontse XIV – pervoi polovine XV v. // *Nizhegorodskii kremʹ. K 500-letiiu osnovaniia kamennoi kreposti – pamiatnika arkhitektury XVI v.*: Mat-ly nauchn. konferentsii. Nizhnii Novgorod, 2001. P. 45–57.

Chechenkov P.V. Nizhnii Novgorod v zashchite vostochnykh rubezhei Rossiiskogo gosudarstva XV–XVI vv. // *Rol' Nizhnego Novgoroda v sokhranении rossiiskoi gosudarstvennosti*: Mat-ly nauchn. i metodiko-prakticheskoi konferentsii. Nizhegorodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet (30 maia 2011 g.). Nizhnii Novgorod, 2011. P. 122–131.

Chemodanov L.A. *Istoriia Gor'kovskoi oblasti*. Gor'kii, 1975.

Demichev A.A. Kurs kraevedeniia v shkole: problemy i perspektivy // *Pedagogicheskoe obozrenie*. 2000. No 1. P. 177–181.

Dobrotvor N.M. *Istoriia goroda Gor'kogo. Kratkii ocherk*. Gor'kii, 1947.

Egor'kova I.A. Aleksandr Nevskii i Gorodetskii Fedorovskii monastyr': legenda i istoriia // *Gorodetskie chteniia*. Gorodets, 2003. Vyp. 4: Po materialam nauchno-prakticheskoi konferentsii “Gorodets na karte Rossii: istoriia, kul'tura, iazyk”. P. 56–62.

Egorov V.L. Aleksandr Nevskii i Chingizidy // *Otechestvennaia istoriia*. 1997. No 2. P. 48–58.

Fedorov V.D., Tiurina A.I., Lapshina O.Iu. *Istoriia Nizhegorodskoi oblasti*. 4-e izd., pere-rab. i dop. Arzamas, 2004.

Galai Iu.G. Istorik Nizhnego Novgoroda (vstupitel'naia stat'ia) // *Khramtsovskii N.I. Kratkii ocherk istorii i opisaniie Nizhnego Novgoroda*. Nizhnii Novgorod, 1998. P. 5–27.

Gorskii A.A. Sud'by Nizhegorodskogo i Suzdal'skogo kniazhestv v kontse XIV – seredine XV v. // *Srednevekovaia Rus'*. Moscow, 2004. Vyp. 4. P. 140–170.

Guseva T.V. Drevneishie russkie goroda Srednego Povolzh'ia (Gorodets na Volge i Nizhnii Novgorod po rezul'tatam okhran-

nykh arkheologicheskikh rabot) // *Ot paleolita do srednevekov'ia*. Sb. nauchn. statei. Moscow, 2011. P. 130–135.

Guseva T.V., Chechenkov P.V. Periodizatsiia srednevekovoii istorii Gorodtsa i Nizhnego Novgoroda glazami istorika i arkheologa // *Gorodetskie chteniia*: Materialy nauchn. konferentsii “VII Gorodetskie chteniia” (26 apreliia 2012 g.). Gorodets, 2012. P. 5–23.

Krivtsov D.Iu. Dva volzhskikh predaniia o mitropolite Aleksee // *Lestvitsa*: Materialy nauchn. konferentsii po problemam istochnikovedeniia i istoriografii pamiatii professora V.P. Makarikhina. Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet (22 maia 2003 g.). Nizhnii Novgorod, 2005. P. 106–129.

Krivtsov D.Iu. Predanie o vozobnovlenii Nizhegorodskogo Blagoveshchenskogo monastyr'ia mitropolitom Alekseem i ikonopisnye pamiatniki // *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*. 2009. No 3. P. 57–59.

Kuz'min A.V. *Na puti v Moskvu: ocherki genealogii voenno-sluzhiloi znati Severo-Vostochnoi Rusi v XIII – seredine XV v.* Moscow, 2014. Vol. I. P. 718–742.

Kuznetsov A.A. Gorodets na Volge: ot osnovaniia do 1238 g. // *Gorodetskie chteniia*. Gorodets, 2009. Vyp. 6: Materialy nauchno-praktich. konferentsii VI Gorodetskie chteniia (6 dekabriia 2008 g.) i II Aleksandro-Nevskie chteniia (27 fevraliia 2009 g.). P. 7–24.

Liubomirov P.G. *Ocherk istorii Nizhegorodskogo opolcheniia 1611–1613 gg.* Moscow, 1939. *Nash krai*. Nizhnii Novgorod, 1997.

Nizhegorodskii krai: Fakty, sobytia, liudi / nauch. red. N.F. Filatov, A.V. Sedov. Nizhnii Novgorod, 1994.

Pudalov B.M. *Russkie zemli Srednego Povolzh'ia (vtoraia tret' XIII – pervaiia tret' XIV v.)*. Nizhnii Novgorod, 2004.

Seleznev F.A. Iurii Dolgorukii kak osnivatel' Gorodtsa: argumenty i kontrargumenty // *Gorodetskie chteniia*: Mat-ly nauchn. konferentsii “VII Gorodetskie chteniia”

(26 aprēlia 2012 g.). Gorodets, 2012. P. 36–50.

Seleznev F.A. Osnovanie Gorodtsa na Volge: itogi izucheniia // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2012. No 4 (1). P. 287–294.

Tiurina A.I., Chemodanov L.A. *Istoriia Gor'kovskoi oblasti*. 2-e izd., ispr. i dop. Gor'kii, 1981.

Tiurina A.I., Fedorov V.D., Chemodanov L.A. *Istoriia Gor'kovskoi oblasti*. 3-e izd., pererab. i dop. Gor'kii, 1989.

А. С. Стыкалин

Рец.: Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории / отв. редактор Е. П. Серапионова. М., Институт славяноведения РАН, 2015. 680 с.

В 2014 г. мир, как известно, отметил 100-летие со дня начала первой мировой войны, одного из наиболее значительных событий всей мировой истории, ознаменовавшего собой вступление человечества в новейшее время и «некалендарный XX век». Излишне было бы говорить о грандиозности этого события и его последствий как для всего человечества, так и для России, а также стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Четыре империи прекратили свое существование, была радикально перекроена вся политическая карта европейского континента. Для целого ряда центральноевропейских народов воплотилась в жизнь мечта об обретении либо (например, для поляков) восстановлении собственной государственности, другими (в частности, венграми, поставленными перед необходимостью обрести себя в новых, резко сузившихся и непривычных для национального сознания государственных границах) итоги войны были восприняты как беспрецедентная в их истории

национальная катастрофа. В сотнях книг, принадлежащих перу выдающихся европейских интеллектуалов (начиная от «Заката Европы»), осмыслиется влияние войны на менталитет и систему. Можно сказать лишь о том, что мощнейшая революционная волна, порожденная Первой мировой войной, сделала возможным революцию 1917 г. в России и, опосредованно, возникновение фашизма в Германии, и таким образом вследствие Первой мировой войны возникают два самых серьезных вызова, брошенных в новейшее время европейской и мировой цивилизации; один из них, коммунистическо-большевистский, до сих пор, пожалуй, не исчерпал своей исторической роли, продолжая присутствовать в сознании сотен тысяч людей как толкающая к действиям социально-политическая альтернатива и путь к решению реально существующих проблем.

Конечно, не только на Западе, но и в России за прежние десятилетия было написано огромное множество работ о Первой мировой войне. Но трудно не согласиться с ответственным редактором рецензируемого труда Е. П. Серапионовой в том, что война эта оставалась для

© Стыкалин А. С., 2017
Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва); zhurslav@gmail.com

нас, россиян, до известной мере забытой. Не потому, что не было серьезных исторических работ, а также глав в учебниках, а потому, что это грандиозное событие оказывалось на обочине официальной исторической политики, вытеснялось на периферию насаждаемой сверху исторической памяти (с героизацией тех или иных событий, празднованием юбилеев побед и т. д.). Что не удивительно, ведь оно не прибавило величия Российской империи, распавшейся в результате, а с другой стороны, было сильно заслонено последующими событиями, на которые решающим образом повлияло (Февральской революцией и большевистским переворотом 1917 г. в России, Гражданской войной, образованием СССР). Недавно автору этих строк пришлось в переписке с удивленным иностранным коллегой объяснять, почему в СССР был орден А. В. Суворова и существует с советских времен по сию пору не один десяток объектов, названных в честь этого крупного военачальника, но до сих пор нет ни одного памятника А. А. Брусилову, ни одной улицы (по крайней мере по нашим данным) и даже ни одного военного учебного заведения, названного в его честь, а многочисленные паломники Новодевичьего монастыря равнодушно проходят мимо его могилы, лишь изредка удостоив ее беглым взглядом. Огромное количество конференций, выставок, телефильмов в юбилейном 2014 г., множество новых, подчас весьма фундаментальных (как, например, в случае с четырехтомником О. Р. Айрапетова об участии Российской империи в Первой мировой войне (*Айра-*

петов 2014–2015)) книг (включая энциклопедии, специально посвященные истории Первой мировой войны) если и изменили ситуацию, то лишь до некоторой степени. На центральное место в нашей исторической памяти это событие, во многом предопределившее российскую историю начиная с 1917 г., так и не вышло, что особенно отчетливо видно при сопоставлении его с Великой Отечественной (и – шире – Второй мировой) войной, а также и с войной 1812 г.

При этом стоило бы заметить, что обсуждение причин и следствий Первой мировой войны даже и сейчас является делом не только историков, приобретает иной раз актуально-политическую окраску. Как отмечает в своей принципиально важной статье П. А. Искендеров, в последнее время в западной и отчасти балканской историографии наметилась тенденция в процессе ревизии истоков Первой мировой войны «объявить (вопреки положениям Версальского мирного договора) Сербию и стоявшую за ее спиной Россию главными виновниками общеевропейского военного конфликта, раздуть сербо-австрийские противоречия до уровня глобального геополитического узла, увести в тень собственные планы Берлина, Вены, Лондона, Парижа и других мировых игроков по переделу сфер влияния в мире, реформатированию колоний, захвату источников сырья, установлению контроля над транспортными путями». Более того, трагические события 1990-х гг. на территории бывшей Югославии дали некоторым историкам, склонным к излишней зависимости

от политической конъюнктуры, новые специфические аргументы для того, чтобы требовать не только коренного пересмотра отношения ко всей двухвековой традиции сербского национального движения, но и настаивать на кардинальной ревизии подхода к историческим истокам Первой мировой войны. Независимо от масштабов ответственности сербской элиты 1990-х гг. за трагические события конца XX в. на Балканах, такой подход, вульгарно проводящий параллели с сегодняшним днем, имеет мало общего с уважающей себя исторической наукой. Кстати (и в этом тоже можно согласиться с П.А. Искендеровым), анализ развития ситуации в треугольнике Белград — Вена — Петербург (добавим сюда еще Будапешт, поскольку мнение и интересы венгерской элиты сильно влияли на внешнюю политику двуединой монархии) едва ли дает основания определять этот фактор как решающий в возникновении Первой мировой войны. Наоборот, к июню 1914 г., т.е. к моменту рокового выстрела в Сараеве, Сербия и Австро-Венгрия при активном посредничестве России смогли смягчить многие свои противоречия. Скажем больше: и в период июльского кризиса 1914 г. не были исчерпаны мирные альтернативы развития. Показательна в этом смысле позиция крупнейшего венгерского деятеля той эпохи, тогдашнего премьер-министра Венгрии (и члена узкого политического руководства монархии Габсбургов) Иштвана Тисы, политика столь же жесткого, сколь и реалистичного. Он проявил в июле 1914 г. серьезные колебания, осознавая, что ни

победа, ни поражение Германии в войне не сулят ее ближайшему союзнику, Австро-Венгрии, триумфа: в первом случае монархия Габсбургов превратится в еще более зависимого, несамостоятельного вассала победоносной державы, а во втором — встанет со всей остротой вопрос о самом ее существовании. Сам ультиматум Сербии граф Тиса предлагал сформулировать таким образом, чтобы не провоцировать Россию на объявление войны Австро-Венгрии (!). Как бы то ни было, граф Тиса уступил венской «партии войны» и не воспрепятствовал вовлечению габсбургской державы в боевые действия, что возымело роковые последствия для всей империи и особенно для Венгрии в ее исторических границах. В конце концов это стоило жизни и самому Тисе, на которого широкое общественное мнение в Венгрии возлагало как на одного из политических лидеров Габсбургской монархии большую ответственность (несмотря на все его колебания лета 1914 г.) за вступление Австро-Венгрии в войну на стороне Германии и конечное поражение в этой войне. 31 октября 1918 г. династия Габсбургов, обладавшая с 1526 г. венгерской короной, потеряла свою власть вследствие демократической революции. Кризис власти был настолько всеобъемлющим, что революция прошла почти бескровно. Одной из единичных ее жертв стал харизматичный лидер тех сил, которые выступали за сохранение двуединой империи. Граф И. Тиса был убит в перестрелке с восставшими солдатами, пытавшимися захватить его особняк, и в тот же день было приведено к власти первое

венгерское республиканское правительство во главе с другим выходцем из венгерской элиты, всю свою жизнь, в отличие от Тисы, стоявшим на леволиберальных позициях – графом Михаем Каройи.

Историческая уникальность Первой мировой войны (на это справедливо обращает внимание Е. П. Серапионова) заключается в том, что тогда впервые отчетливо проявился тотальный характер войны, когда в нее (в гораздо большей мере, чем в наполеоновскую эпоху, не говоря уже о других предшествующих войнах) были втянуты не только армии, но все население воюющих стран. Это видно на примерах не только Бельгии, Сербии, тогдашней Румынии, где почти не оставалось не перепаханых боевыми действиями клочков земли, но также и на примерах больших держав – России, Франции, той же Австро-Венгрии (в одной лишь ее венгерской половине на военном производстве было занято более 100 000 женщин и детей, без труда которых Первая мировая война не могла стать тем, чем она стала в истории вооружений, а именно событием, сыгравшим в этой области подлинно революционизирующую, ни с чем не сравнимую роль – появление танков, боевых самолетов и субмарин, химического оружия).

Тотальный характер грандиозного события, открывшего новейшую эпоху в мировой истории, делает вполне обоснованным тотальный (говоря иными словами, комплексный и междисциплинарный) подход к его изучению. Эта великая война в последние десятилетия все

более становится предметом изучения не только военной и дипломатической истории, но в не меньшей степени и истории экономической, социальной, гендерной, истории культуры (в ее различных областях) и т. д. Неудивительно, что рецензируемый сборник собрал под одной крышей представителей разных научных дисциплин, не только историков (специалистов по дипломатической, социальной, военной истории и т. д.), но и, в частности, литературоведов. Такой подход в рамках сборника очерков (подготовленного по итогам чрезвычайно богатой по содержанию международной конференции) не только оправдан, но опирается на давно сложившиеся в Институте славяноведения РАН традиции междисциплинарности, позволяющей более глубоко постичь во всей их неоднозначности, драматизме и трагизме исторические судьбы стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы в новейшее время.

В большинстве статей рассматриваются серьезные проблемы, представляющие интерес в контексте изучения как причин, хода, так и исторических последствий Первой мировой войны. Можно упомянуть в этой связи дискуссионную статью Р. Р. Субаева о причинах Первой мировой войны и статью А. Л. Шемякина об отклике на Первую мировую войну русского дипломата в Сербии В. Н. Штрандтмана (подробнее см.: *Штрандтман* 2014). Почти все исторические статьи написаны на основе глубокого знания историографии своих тем, представлен в книге и самостоятельный историографический и источни-

коведческий раздел. Вводится в научный оборот большое количество архивного материала, который еще будет подлежать более глубокому осмыслению и интерпретации в историографии (интересна в этой связи, например, статья М. В. Оськина о трудном взаимодействии союзников по Антанте в связи с продовольственным снабжением Румынского фронта). Отдельные разделы посвящены проблеме формирования военных кадров и воинских частей, а также их участию в боевых действиях (статьи А. В. Ганина, А. Ю. Тимофеева, Я. В. Вишнякова и др.), положению военнопленных (статьи Г. В. Рокиной и др.), дипломатии Первой мировой войны, общественным настроениям, в том числе настроениям интеллигенции (статьи К. В. Шевченко, М. Главачки, Н. С. Гусева, Л. А. Кирилиной и др.), образованию новых независимых государств по итогам Первой мировой войны и урегулированию международных отношений в послевоенной Средней Европе

(статьи Н. Н. Станкова, А. О. Пеганова, И. В. Михутиной, Т. А. Покивайловой и т. д.). Интересен биографический раздел, представленный очерками О. В. Соколовской, З. С. Ненашевой, Ю. В. Лобачевой, Н. С. Пилько и др. об отдельных исторических персоналиях.

Сборник не только найдет своего читателя среди профессиональных историков, представителей других гуманитарных наук и более широкой аудитории, проявляющей интерес к истории Первой мировой войны, но и займет свое достойное место в отечественной историографии этого поистине эпохального события.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Айрапетов 2014–2015 — *Айрапетов А. Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1–4. М., 2014–2015.

Штрандтман 2014 — *Штрандтман В. Н.* Балканские воспоминания. М., 2014.

Rev.: Pervaia mirovaia voina i sud'by narodov Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy. Ocherki istorii / otv. redaktor E. P. Serapionova. M., Institut slavianovedeniia RAN, 2015. 680 s.

Stykalin Aleksandr S. — candidate of historical sciences, coordinating researcher of the Department of history of Slavic peoples of the period of the World Wars, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

REFERENCES

Airapetov A.R. *Uchastie Rossiiskoi imperii v Pervoi mirovoi voine (1914–1917)*. Vol. 1–4. Moscow, 2014–2015.

Shtrandtman V.N. *Balkanskie vospominaniia*. Moscow, 2014.

А. А. Тесля

Рец.: *Клопова М. Э.* Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX — начале XX века. М.: Индрик, 2016. 280 с.

Исследование процессов нациестроительства в Восточной Европе насчитывает уже почти два столетия, причем, как известно, зачастую фигуранты исследований и их авторы оказывались одними и теми же персонажами — изучение очередного «национального возрождения» становилось вкладом в последнее. Важность рассматриваемого исследования — в дистанцировании от привычных национально-ориентированных схем историописания, предопределяющих постановку исследовательских вопросов явной или скрытой телеологией — «формированием нации» как логическим завершением процесса, причем с присущим историку постзнанием, о какой именно нации идет речь. Напротив, в исследовании М. Э. Клоповой аккуратно прочерчивается логика вариативности и анализируются на галицийском материале особенности ранних стадий национальной мобилизации.¹

Сильно огрубляя, можно сказать, что основных вариантов местной идентичности, которые пытались политически мобилизовать, было три, вынесенные в заголовок работы: 1) русские, русины (нем. Ruthenen); 2) украинцы и 3) рус-

ские. Исследование как раз и направлено на то, чтобы раскрыть многомерность и неоднозначность связанных с этими тремя вариантами национальных проектов, причем как в контексте их противостояния друг другу, так и в соотношении с имперской политикой Вены, польскими политическими движениями и партиями и, отчасти, воздействием Петербурга — как в лице официальных институций, так и неофициальных усилий.

Работа построена по принципу нарастающей в хронологическом порядке детализации описания национальных процессов в Галиции — от общего беглого очерка большей части XIX в. к внимательному рассмотрению событий 1890–1907 гг. и тщательному анализу «конституционной эпохи», т. е. сравнительно небольшого временного отрезка между первыми выборами в Палату депутатов Рейхсрата в 1907 г., проведенными по системе всеобщего голосования, и началом Первой мировой войны.

Кратко остановившись на первых моментах образования национальных движений, вписанных в общий процесс «славянского возрождения» и стимулированных активным германским, польским и венгерским нациестроительством, Клопова более подробно рассматривает период с 1848 по 1890-х г. В это время имперское правительство сначала пытается интенсифицировать

© Тесля А. А., 2017

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск); mestr81@gmail.com

«русинскую» идентичность, избавленную от соотнесения с иными политическими общностями (как это прозвучало уже в 1848 г., когда местные депутаты заявили, что являются частью пятнадцатимиллионного народа), а затем, в обстановке конституционных преобразований 1860-х гг., формируются «русофильское» и «украинское» национальные движения. Названные движения в период до 1890 г., а особенно до конца 1870-х, преимущественно ограничены весьма небольшим кругом участников, но принципиально значимы в плане выработки позиций — завязывается интенсивная полемика в разнообразных печатных органах, обретается опыт политической организации и т. п. При этом в 1880–1890-х гг. стимулирующую роль на политическую жизнь «русских» оказывают российские украинские круги. В последнем отношении достаточно напомнить о роли М. П. Драгоманова в налаживании связей как между Галицией и Малороссией, так и между Галицией, Закарпатьем и Буковиной, формировании представлений о «большой Украине» — или о принципиально важной роли русских украинцев, в частности В. Б. Антоновича, в достижении польско-украинского соглашения 1890 г., зафиксировавшего рост влияния украинского движения на принятие политических решений в Галиции и обеспечившего многолетнюю, хотя и ограниченную, его поддержку со стороны Вены.

Переход к массовой политике и достаточно активное вовлечение как в галицийскую, так и в общеимперскую политику привели к нежиданным с точки зрения украинской

политики результатам — в той мере, в какой украинские партии, в первую очередь Украинская национально-демократическая партия (УНДП), обладавшая наибольшим политическим весом, оказывались активными участниками политических процессов в Австро-Венгрии, они все в большей степени в своих действиях ориентировались исключительно на внутренний контекст, не имея достаточной мотивации, чтобы принимать в расчет российскую Украину. Логика «единой нации», разделенной политическими границами, была продуктивна в культурном плане, но оказывалась недостаточной, чтобы мотивировать политические решения — в последнем отношении украинские партии в Австро-Венгрии к 1910-м гг. были преимущественно «галицийскими» или «буковинскими».

Во многом то же самое можно сказать и о «русофилах», которых их оппоненты предпочитали именовать «москвофилами»: если политические противники были склонны трактовать их как находящихся под «русским влиянием» и подозревать в нелояльности по отношению к Австро-Венгрии, стремлении к политическому объединению с Российской империей, то в реальности они занимали гораздо более сложные позиции, стремясь совместить локальную идентичность с отнесением к «малороссийской народности» и «русскому народу». Сильной стороной «русофильского» движения была отсылка к существующим идентификационным маркерам и образам — начиная с самоназвания, когда «русский»

интерпретировался как локальная форма «русского», и вплоть до представлений о «Руси», «Святой Руси», распространенных среди населения Восточной Галиции, которые «русофилы» переинтерпретировали в смысле принадлежности к «русской культуре», «русскому миру», придавая последнему культурный и отчасти политический характер.

Сложности для «русофильского» движения возникли в нескольких планах: — во-первых, естественные и во многом обоснованные подозрения или сомнения в лояльности австрийской власти, в ориентации на Российскую империю. Вместе с тем последнее обстоятельство было не только источником проблем, но и ресурсом, поскольку позволяло соотносить себя с большим политическим телом, в рамках национального противостояния с поляками позволяло отсылать не к «украинской» национальной идентичности, оспариваемой польскими националистами не менее, чем русскими, а к «русской»; — во-вторых, конфессиональная принадлежность, поскольку для русского национализма в большей или меньшей мере характерно понимание православия как «русской веры»: тем самым для галичан, в большинстве своем принадлежавших к греко-католическому вероисповеданию, возникала необходимость либо деконфессионализации национального движения, разрыва существующей связки между конфессиональной принадлежностью и национальным самосоотнесением, либо понимания униатства как недо-православия — с логическим выводом о необходимости перехода в православие.

Последний ход рассуждений и его практическая реализация неоднократно встречались в практике «русофильства»: так, в православие перешел один из наиболее известных галичан 1860–1880-х гг., священник И. Наумович, как ранее подобным образом поступил священник и первый профессор по кафедре русского языка и словесности Львовского университета Я. Головацкий, один из авторов и составителей «Русалки Днестровской» (1836), с издания которой принято отсчитывать историю «национального возрождения» в Галиции — однако, помимо маловероятности массового перехода в православие (что предполагало бы религиозную реформацию в условиях последней трети XIX в.), подобная установка ослабляла и изначальную связку с «русской», «рутенской» идентичностью.

Для русофильского движения характерен в целом больший консерватизм, чем для украинского — в частности, в силу традиционного рекрутирования своих сторонников из рядов местного духовенства, близости к Ставропигии, что в свою очередь обуславливало гораздо более поздний, по сравнению с украинским, переход к партийным формам политической борьбы, созданию политических структур. Вплоть до начала XX в. русофильское движение в целом избегало ясного обозначения своей национальной позиции, а запрос на последнее привел к его расколу на «молодых» и «старых», где последние сохраня-

ли «святоюрскую»¹ конфессиональную форму идентификации, с отсылкой к слабо политизированному «рутенству», тогда как «молодые» последовательно артикулировали принадлежность к русской нации, к ее малороссийской народности.

Значимой особенностью австро-венгерской ситуации была острая постановка национальных вопросов, к чему, помимо иных обстоятельств, подталкивала политическая конструкция империи, разделенной на «исторические земли», стимулировавшая «упаковку» самых разнообразных интересов и стремлений именно в национальную рамку. Имперское правительство было активным игроком в этой комбинации национальных движений, в то время как последние, разумеется, активно использовали общеимперскую повестку для достижения своих целей. Так, в 1907 г. «украинский клуб», объединявший большую часть украинских депутатов в Рейхсрате, в целях добиться выгодного для себя изменения избирательного законодательства в Галиции, предпринял обструкцию парламентских заседаний, блокируя проведение законопроектов о военном наборе (с. 123). В свою очередь центральная администрация в лице наместника Галиции А. Потоцкого на выборах в сейм поддержала русофилов, что соответствовало взглядам значительной части польских политических групп, рассматривавших последних как более консервативных и способных в данный

момент к компромиссу (с. 130), тем более возможно, что в этот период влиятельные польские политики были нацелены на достижение русско-польского соглашения в Царстве Польском (и взаимодействие в Галиции выступало продолжением этого политического решения).

Поскольку украинское национальное движение неизбежным образом выступало противником как польского, так и русского национального проектов, то достижение согласия между последними за счет первого, по крайней мере временного, было одной из возможностей — наряду с тактическим блокированием украинских и польских национальных движений в иной ситуации. В свою очередь и для российских политических деятелей поддержка галицийских русофилов была зачастую связана не с собственно австрийской, а с внутривосточной проблематикой. Так, председатель «Галицко-русского благотворительного общества» В. А. Бобринский писал в докладной записке, представленной им в российский МИД в мае 1913 г.:

«Защита русского дела на Днестре и Сане есть защита его на Днепре, и, работая в Галиции, мы работаем для нашей национальной самообороны, независимо от вопроса воссоединения с нами Червонной Руси» (с. 233).

Поддержка русофилов со стороны Российской империи на протяжении большей части рассматриваемого периода носила более чем ограниченный характер, как правило, будучи связанной с частными

¹ Консервативно-клерикальное течение во главе с клирошанами собора Св. Юра во Львове — архикафедрального собора греко-католической церкви.

инициативами, санкционированными или иногда иницированными/поощряемыми со стороны одних государственных инстанций при противодействии других. Так, еще в начале 1840-х налаживание контактов с галичанами со стороны М.П. Погодина во время его заграничного путешествия, санкционированное Министерством народного просвещения, вызвало в дальнейшем беспокойство со стороны не только Министерства иностранных дел, но и III отделения; в ходе следствия по делу Кирилло-Мефодиевского общества (1847) не меньшее, если не большее беспокойство вызывала не угроза украинского/малороссийского сепаратизма и оппозиционных по отношению к существующему правлению настроений, но и возможные осложнения во взаимоотношениях с Австрийской империей, подозрение в попытках использовать панславистское движение в русских внешнеполитических целях. Основанное в 1902 г. специально для поддержания контактов с русофилами в Австро-Венгрии «Галицко-русское благотворительное общество» на протяжении первых лет своего существования располагало более чем скромным бюджетом, около 3 000 руб. в год — и соответствующими ему возможностями. Боснийский кризис и последовавшее в ближайшие годы за ним резкое обострение обстановки на Балканах, ухудшившее отношения между двумя империями, привели к тому, что Вена обратила внимание на потенциал украинского движения с точки зрения противодействия российской политике и создания для последней внутренних проблем, тогда как

русская сторона в значительно большей степени, чем ранее, оказалась готова оказывать поддержку русофилам — так, к 1912 г. на эти цели выделялось 100 000 руб. и, благодаря усилиям В.А. Бобринского, было достигнуто согласие заинтересованных ведомств в увеличении ассигнований еще на 100 000, причем летом 1913 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов высказывался за увеличение этой суммы до 260 000 на ближайшие пять лет. Обоснованием этого финансирования выступала в первую очередь затратность политических кампаний, связанных с публичной политикой, в ситуации, когда украинские галицийские политики получали финансовую поддержку из Вены. Тем не менее это предполагавшееся увеличение финансовой помощи не состоялось, поскольку Министерство финансов сослалось на «предстоящие огромные расходы на усиление состава нашей армии» (с. 244). Отдельный важный вопрос касался способов направления и распределения помощи — к 1912 г. дипломатическое ведомство старалось избегать всего, что могло скомпрометировать его в этом отношении (в то время как ранее довольно деятельное участие в такого рода операциях принимал русский консул во Львове), финансирование должно было идти через частных лиц, как их собственная инициатива, тщательно избегая любой причастности к подобным операциям официальных лиц.

В целом реконструкция истории национальных движений восточнославянского населения Галиции, представленная М.Э. Клоповой,

указывает, что к 1914 г. наибольшего успеха добились «украинцы» — в 1912 г., в ходе дебатов об основании украинского университета в Восточной Галиции, им удалось даже достигнуть того, что в письме императора Франца-Иосифа местные жители были поименованы «украинцами», а не как ранее во всех официальных актах — «рутенами», «русинами». Правда, подобный терминологический выбор был вскорости дезавуирован и объявлен следствием ошибки, все последующие официальные акты следовали прежней терминологии, однако в случившемся видели символический акт, приближавший к желательному состоянию. В политическом плане на уровне парламентской политики преобладание украинских партий было полным, численность русофильских депутатов не позволяла им как-либо влиять на обсуждаемые вопросы. Вместе с тем степень низовой мобилизации сторонников украинского национального движения оставалась еще относительно небольшой — сохраняли влияние старая «святоюрская» ориентация, и новая русофильская, в рамках последней с запозданием, но началась работа по партийному строительству.

Позиция Вены в отношении украинского национального движения, как уже отмечалось выше, была далека от однозначности — последнее во многом было значимо как фактор противодействия и ограничения польского влияния, элемент в балансировке как галицийской, так и общеимперской политики, при этом со стороны самих украинских политиков был важен фактор

Российской империи, а именно мотивирование Вены к уступкам их требованиям под угрозой возможного изменения политики России по «украинскому вопросу». Так, в ходе обсуждения в 1912 г. создания украинского университета депутат Я. Окуневский отмечал, что в этом заинтересована и сама Австро-Венгрия, «если Россия одумается, изменит свою национальную политику и “начнет собирать свои народы”» — в такой ситуации «положение Австрии заметно осложнится» (с. 181–182). Со своей стороны либерально настроенный российский неославист А. Л. Погодин в 1909 г. рекомендовал, противодействуя «развитию шовинизма», в то же время своевременно удовлетворять культурные запросы местного населения южных губерний России, что было призвано противодействовать упрочнению антироссийской ориентации у галицийских политиков, «признать за малоруссами право свободного национального развития» (с. 138), а его внутрirosсийский оппонент Бобринский, радикально протестуя против языковых стремлений как галицийских, так и российских украинцев, в то же время отмечал красоту малороссийского наречия, «на котором говорили Шевченко и Котляревский» (с. 138) — и по крайней мере в своей публичной позиции был близок к галицийским русофилам: «считавших себя малороссами и настаивавших на русском культурном единстве при сохранении и развитии местной культуры» (с. 138–139). Если в последующей оптике стороны представляются жестко размежеванными, то в реальности и в первые годы XX в. оставался актуаль-

ным вопрос о возможности изменения как австрийской, так и русской политики, и о том, какой выбор надлежит делать национальным движениям как в меняющейся внутренней политике, так и в международных обстоятельствах.

Первая мировая война радикально изменит ситуацию — уже в первый ее год будет разгромлено русофильство, многие из сторонников которого погибнут — кто-то будет казнен по обвинению в шпионаже, другие пройдут через или не выйдут из Талергофа (первого в Европе концентрационного лагеря, в котором, наряду с Терезином, с сентября 1914 г. содержались заподозренные в про-русских симпатиях). С распадом Австро-Венгрии русинское движение в Галиции утратит остатки политической значимости, позволяв-

шей своим сторонникам равно дистанцироваться и от поляков, и от Российской империи, подчеркивая свою лояльность правящему дому. Провозглашение в 1916 г. Польского королевства создаст дополнительные предпосылки для политической мобилизации и стимулирует провозглашение Западно-Украинской народной республики — на фоне протекавших в это время бурных политических и социальных процессов на территориях бывшей Российской империи. Однако все эти процессы и события были бы невозможны без Первой мировой войны, ставшей мощнейшим потрясением, радикально изменившим ситуацию во всем регионе. Они если и были неизбежны (что несколько сомнительно), то во всяком случае выходили за пределы ожиданий большинства участников.

Rev.: Klopova M. E. Rusiny, russkie, ukrainsy. Natsional'nye dvizheniia vostochnoslavianskogo naseleniia Galitsii v XIX — nachale XX veka. M.: Indrik, 2016. 280 s.

Teslya Andrei A. — candidate of philosophical sciences, associate professor of the department of philosophy and culturology of the Pacific State University (Khabarovsk)

Н. С. Гусев

Рец.: Накануне Великой войны: Россия и мир / под ред. М. Б. Смолина, К. А. Залесского. М., 2014. 336 с.

Столетняя годовщина начала Первой мировой войны вызвала в научной среде повышенный интерес к этому событию, было проведено большое количество научных конференций. Одна из них, посвященная событиям кануна великой войны, состоялась 31 октября 2013 г. в стенах Российского института стратегических исследований. Материалы по итогам конференции опубликованы в рецензируемом сборнике.

Первая часть сборника посвящена России в системе международных отношений. Ее открывает статья П. В. Мультигули о роли Николая II в борьбе за мир. По мнению автора, внешняя политика России была неразрывно связана с личностью императора, его набожностью и проистекающим отсюда принципом миролюбия (с. 15). В статье показывается поведение и реакция Николая II на события 1899–1914 гг., попытки предотвратить кровопролитие. Но вызывают удивление некоторые постулаты. Так, согласно автору, после Боснийского кризиса «царь выступил инициатором создания союза бал-

канских государств, которые смогли бы сообща противодействовать агрессии Австро-Венгрии или Турции» (с. 16). В то же время известно, что в 1910 г. глава российского МИД А. П. Извольский стремился к созданию блока балканских государств совместно с Турцией против Австро-Венгрии (*Гришина* 2010: 146–147). Далее П. В. Мультигули утверждает: «В 1912 г. Австро-Венгрия уже угрожала войной Сербии, но царь отказался даже от проведения мобилизации, не говоря уж о военном заступничестве за сербское государство» (с. 16). Однако власти осуществили другое мероприятие: задержали на службе нижних чинов, подлежащих увольнению в запас, что довело численность войск западных округов до штата военного времени. Согласно Всеподданнейшему докладу по военному министерству за 1912 г., это было обусловлено «тревожной политической обстановкой и возможностью вооруженного столкновения с державами Тройственного союза» (*Военная промышленность* 2004: 423).

Тема мира затронута в статье сербского исследователя Т. Шурлана, рассматривающего влияние Гаагских мирных конференций на международные отношения. В статье

© Гусев Н. С., 2017

Гусев Никита Сергеевич – младший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва); gusevns@gmail.com

постулируется их весомое значение, поскольку на них были созданы критерии, в соответствии с которыми определялась степень вины Германии, на основании этих правовых актов организовывались международные трибуналы в Нюрнберге и Токио (с. 139–140).

Месту России в системе международных отношений посвящена статья итальянского участника конференции Г. Наталиция. Неоднозначным представляется утверждение автора, что «роль России была решающей и в определении направления развития международных отношений, и в принятии решения о начале войны» (с. 36). И совсем неточным следующее, касающееся отрицательного ответа Сербии на австрийский ультиматум: «Российская империя... решила поддержать — как во имя идеи панславизма, так и для того, чтобы избежать занятия Австро-Венгрией Балкан, — решение Сербского Королевства» (с. 38). Вопрос, конечно, в терминологии, но все же принципиален при определении мотивов поведения Петербурга. Панславизм — идея собирания славянских стран в составе России — никогда не имел широкого распространения, никогда не был официальной программой внешней политики, а в начале XX в. уже уступил место неославизму (Никифоров 2014: 10).

Противоречат словам Г. Наталиция выводы его соотечественников, А. Бьяджини, Д. С. Шендриковой, рассмотревших донесения итальянской миссии в Петербурге за период войны и показавших их эволюцию от возлагания больших надежд

на силу России и мощь ее армии до мрачного разочарования от реалий (с. 33).

Переоценить роль Сербии в начале Первой мировой войны довольно сложно, и ее состоянию накануне войны уделил внимание директор Института балканистики САНИ Д. Батакович. Остановимся на некоторых постулатах статьи. «Вопреки всем искушениям, парламентская демократия в Сербии в сравнении с самыми развитыми западными демократиями все же хорошо функционировала» (с. 49); «Демократическое правление короля Петра I Карагеоргиевича, несмотря на все внутренние испытания, было своего рода лучом свободы на славянском Юге» (с. 68). Д. Батакович вновь оживляет миф о «золотом веке» сербского парламентаризма, однако наличие институтов демократии неравнозначно наличию демократии. Оставляя эту давнюю дискуссию в стороне (Попович 1939; The Serbs and Their Leaders 1997; Љушић 2001; Никифоров 2004; Екмечић 2007; Шемякин 2010, 2012, 2014; Batakovi 2013; Радоевић, Димић 2014), отметим лишь, что «Периклова эра» касалась не всего государства (демократические институты не были введены на присоединенных в 1913 г. территориях), фактически сербский парламентаризм того времени — полупартийный, а роль внеконституционных институтов — крайне значительна. Д. Батакович приводит угрозу премьер-министру со стороны военных — людей, фактически приведших к власти короля «золотого века» (с. 68), сам же пишет о разрешении конфликта между гражданскими и военными

властями в 1914 г. благодаря вмешательству другого внеконституционного фактора – российского посла Н.Г. Гартвига (с. 70). Такие черты вряд ли можно приписывать «самым развитым западным демократиям». Сомневаемся, что со следующими словами согласились бы болгарские историки: «Сербская королевская академия наук... своими академическими публикациями заявила о себе как о ведущей научной организации на славянском Юге» (с. 52). Тем не менее в статье обширно и подробно рассмотрено состояние Сербии накануне сараевского покушения.

Другой сербский исследователь, Н. Попович, рассмотрел возникавшие на Балканах великодержавные идеи, которые и создали балканский узел проблем, затянутый уже европейскими политическими игроками (с. 81). Окончание Первой мировой войны не привело к триумфу ни одну из идей, однако идея Великой Албании, по словам Н. Поповича, продолжает существовать (с. 83).

Истории другой балканской страны – Болгарии – коснулась отечественная исследовательница О.В. Петровская. Автор проанализировала болгарскую историографию и учебники, затрагивавшие тему влияния российской внешней политики на болгарскую историю с момента освобождения и до Первой мировой войны. На обширном материале показано сохранение в современной болгарской науке остроты спора о болгаро-российских отношениях, при этом О.В. Петровская отмечает рост русофобии в рассматриваемой

стране, что подпитывает «разоблачительные» по отношению к российской политике труды, зачастую ненаучного характера (с. 118). Видя значительный масштаб работы, проделанной автором, вызывает недоумение обильное цитирование 86-страничной брошюры Б. Димитрова, распространявшейся как приложение к газете и серьезным научным трудом не могущей являться.

Второй блок сборника посвящен состоянию власти, общества и экономики России накануне 1914 г. Общую картину этнического состава страны, форм управления регионами и положения народов предоставляет нам Р.Н. Рахимов, однако содержащим внутреннее противоречие кажется его вывод: «Поскольку в имперском законодательстве практически отсутствовали ограничения по этническому признаку, за исключением ограничений для евреев и поляков, в России не было как господствующей нации, так и национального угнетения» (с. 153). Довольно интересной является другая часть этой статьи – освещение Первой мировой войны в историографии и учебниках национальных республик России, где автор с сожалением вынужден констатировать, что в них еще не преодолен негативизм марксистских оценок тех событий, к которым добавился и националистический (с. 156).

До сих пор острому вопросу – российско-польским отношениям – посвящены две статьи сборника. Первая из них, принадлежащая перу поляка Я. Снопко, рассматривает

общественные настроения этого народа в период войны, которые оказались, к всеобщему удивлению, на начальном этапе войны отнюдь не ирредентистскими, а в отрицательную сторону менялись в связи с развитием событий (с. 167). Современному освещению этих вопросов в польской историографии и учебной литературе посвятил свои строки Д. В. Карнаухов, вынужденный, как и О. В. Петровская, констатировать, что усиливается антироссийский взгляд на историю Первой мировой войны (с. 176).

Сложнейший клубок конфессиональных, этнических и социальных противоречий, сформировавшийся в Северо-Западном крае Российской империи, рассмотрел белорусский исследователь А. А. Загорнов. Он показал всю сложность польского, еврейского и белорусского вопроса в этом регионе, их переплетение, что, по мнению автора, и привело к дестабилизации, росту национализма и распаду государства (с. 188).

Те же проблемы, но уже в общероссийском масштабе затронул А. С. Опилкин и пришел к выводу, что Департамент полиции осознавал сложность существующей ситуации, боролся как с внутренними, так и с внешними факторами дестабилизации (с. 208–209). Успешное противодействие последним на Дальнем Востоке рассмотрели хабаровские историки Н. Т. Кудинова и А. Н. Качкин. Попытки борьбы с вечной проблемой — коррупцией — осветил А. В. Наумов, рассказав о сенатских ревизиях О. Л. Медема, последняя из которых не нашла внимания у императора, вследствие

чего неустранимые проблемы в министерстве путей сообщения привели к голоду и восстанию в Петербурге в феврале 1917 г. (с. 233–234).

Третий блок докладов посвящен военно-стратегической тематике. К. А. Залесский проанализировал по различным критериям высший командный состав русской армии накануне войны, П. А. Новиков показал развитие военных округов России и их роль в событиях 1914–1917 гг., М. В. Оськин затронул неотъемлемую часть солдатского быта — питание, продовольственную подготовку армии к войне, ошибочно опирающуюся на уверенность в скором ее исходе. Л. В. Ланник посвятил исследование увеличению германской армии накануне 1914 г. и раздиравшим ее элиту противоречиям; о попытках австрийских и русских врачей создать четкие критерии определения годности призывников рассказал В. В. Миرون.

Данный сборник открывает череду проектов РИСИ, посвященных истории Первой мировой войны, следующий из которых уже вышел в печать (Первая мировая война 2014; Народы Российской Империи 2014; Страны Антанты 2014). Но и он сам по себе является самоценным и интересным коллективным трудом, могущим заинтересовать не только специалистов, но и общественность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Военная промышленность 2004 — Военная промышленность России в начале XX века 1900–1917. М., 2004.

Гришина 2010 — Гришина Р.П. К историографии темы: Россия и Балканский союз 1912 г. // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия члена корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова. М., 2010.

Народы Российской Империи — Народы Российской Империи. М., 2014.

Никифоров 2004 — Никифоров К.В. Парламентаризм в Сербии в XX веке // Славяноведение. 2004. № 3. С. 8–10.

Никифоров 2014 — Никифоров К.В. Россия и славянская идея в XX веке // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. М., 2014.

Первая мировая война 2014 — Первая мировая война: историографические мифы и историческая память. Вторая Отечественная война России. 1914–1917. М., 2014.

Страны Антанты — Страны Антанты и Четверного союза. М., 2014.

Шемякин 2014 — Шемякин А.Л. Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918) глазами русских // Русские о Сербии и сербах. Т. 2 (архивные свидетельства). М., 2014.

Шемякин 2010 — Шемякин А.Л. Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть

XIX — начало XX века) // Славяноведение. 2010. № 5.

Шемякин 2012 — Шемякин А.Л. Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Модернизация vs война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012.

Batakovi 2013 — Batakovi ć D. Storm over Serbia. The Rivalry between Civilian and Military Authorities (1911–1914) // *Balkanica*. Vol. LXIV. Belgrade, 2013. P. 307–308.

Екмечић 2007 — Екмечић М. Дуго кретање између кланџа и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2007. С. 302–303, 306.

Љушић 2001 — Љушић Р. Историја српске државности. Књ. 2. Србија и Црна Гора — нововековне српске државе. Нови Сад, 2001. С. 203–204.

Поповић 1939 — Поповић М. Борбе за парламентарни режим у Србији XIX века. Београд, 1939. С. 89.

Радоевић, Димић 2014 — Радоевић М., Димић Љ. Србија у Великом рату 1914–1918. Београд, 2014. С. 28–31.

The Serbs and Their Leaders 1997 — The Serbs and Their Leaders in the Twentieth Century. Aldershot, Brookfield, 1997. P. 2.

Rev.: Nakanune Velikoi voiny: Rossiia i mir / pod red. M. B. Smolina, K. A. Zaleskogo. M., 2014. 336 s.

Gusev Nikita S. — junior scientific researcher, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

REFERENCES

Batakovi ć D. Storm over Serbia. The Rivalry between Civilian and Military Authorities (1911–1914) // *Balkanica*. Vol. LXIV. Belgrade, 2013. P. 307–308.

№1 2017 Екмечић М. *Dugo kretanje izmenu klanna i orana. Istorija Srba u Novom veku (1492–1992)*. Београд, 2007. P. 302–303, 306.

Grishina R.P. K istoriografii temy: Rossiia i Balkanskii soiuz 1912 g. // *Slavianstvo, rastvoerennoe v krovi...* V chest' 80-letiiia chlenakorrespondenta Rossiiskoi akademii nauk Vladimira Konstantinovicha Volkova. Moscow, 2010.

- Lushich R. *Istorija srpske drzhavnosti*. Kn. 2. Srbija i Tsrna Gora – novovekovne srpske drzhave. Novi Sad, 2001. P. 203–204.
- Narody Rossiiskoi Imperii*. M., 2014.
- Nikiforov K. V. Parlamentarizm v Serbii v XX veke // *Slavianovedenie*. 2004. No 3. P. 8–10.
- Nikiforov K. V. Rossiia i slavianskaia ideia v XX veke // *Balkany v evropeiskikh politicheskikh proektakh XIX–XXI vu*. Moscow, 2014.
- Pervaia mirovaia voina: istoriograficheskie mify i istoricheskaiia pamiat'*. Vtoraia Otechestvennaia voina Rossii. 1914–1917. Moscow, 2014.
- Popovich M. *Borbe za parlamentarni rezhim u Srbiji XIX veka*. Beograd, 1939. P. 89.
- Radoevich M., Dimich L. *Srbija u Velikom ratu 1914–1918*. Beograd, 2014. P. 28–31.
- Shemiakin A. L. Osobennosti politicheskogo protsessa v nezavisimoi Serbii (1878–1918) glazami russkikh // *Russkie o Serbii i serbakh*. Vol. 2 (arkhivnye svidetel'stva). Moscow, 2014.
- Shemiakin A. L. Osobennosti politicheskogo protsessa v Serbii glazami russkikh (posledniaia tret' XIX – nachalo XX veka) // *Slavianovedenie*. 2010. No 5.
- Shemiakin A. L. Serbiia i serby nakanune Balkanskikh vojn glazami russkikh (k diskussii o "sovremennom" gosudarstve) // *Modernizatsiia vs voina. Chelovek na Balkanakh nakanune i vo vremia Balkanskikh vojn (1912–1913)*. Moscow, 2012.
- Strany Antanty i Chetvernogo soiuza*. Moscow, 2014.
- The Serbs and Their Leaders in the Twentieth Century*. Aldershot, Brookfield, 1997. P. 2.
- Voennaia promyshlennost' Rossii v nachale XX veka 1900–1917*. Moscow, 2004.

М. В. Зайцев

Рец.: Берар Е. Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге. 1894–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Наша страна приближается к весьма важному юбилею. События 1917 г. стали поворотным пунктом в истории России, заложили основу всего ее дальнейшего развития. Полемика вокруг них по сей день носит не только специально-исторический, но и публицистический, и даже политический характер, поэтому любое исследование, касающееся эпохи начала XX в., так или иначе выходит в плоскость данных сфер общественного сознания.

Уже с советских времен каждый исторический труд, посвященный изучению последних десятилетий существования Российской империи, по сути, превращался в поиск ответов на вопросы: «Как российская монархия пришла к своему краху?», «Существовала ли альтернатива историческому перелому 1917 г.», «Какую роль в этом сыграла личность последнего российского царя?» и т. п. В этой связи большой интерес вызывает опубликованная в 2016 г. книга французской исследовательницы Евы Берар, получившая в русском переводе название «Империя и город: Николай II, “Мир искусства” и городская дума в Санкт-Петербурге. 1894–1914». И хотя автор формулирует основную цель исследова-

ования достаточно узко, как попытку рассмотреть историю третьего сословия в России через ее «урбанистический срез» (с. 6), тем не менее весь текст работы волей-неволей пронизан поисками ответов на все те же принципиальные вопросы.

Сразу же хочется отметить оригинальность замысла уважаемого автора, которая попыталась рассмотреть закат Российской империи через призму политических, социальных и культурных процессов. Подобного рода подход не часто реализовывался в историографии, хотя в последнее время междисциплинарные исследования завоевывают все большее признание. Кроме того, работа Евы Берар в значительной степени лежит в русле имагологии, поскольку образ Санкт-Петербурга и его эволюция являются одними из ключевых элементов повествования. Сюда же относится и рассмотрение образов России и русского самодержавия за рубежом, Николая II, императрицы Александры Федоровны и т. д.

Первой крупной линией исследования является личность последнего русского императора и его роль в судьбе страны. Очевидно, что фигура Николая II — одна из самых противоречивых в отечественной истории. Ее оценки в публицистических и научно-популярных исследованиях колеблются в диапазоне от «Николая Кровавого» — жестокого

© Зайцев М. В., 2017

Зайцев Максим Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (Саратов); zaytsev-mv@mail.ru

тирана и ретрограда, до «Святого страстотерпца» — невинного мученика, убитого вместе со своей семьей большевиками. Профессиональные исторические исследования имеют несколько меньшую амплитуду характеристик, но и здесь точки зрения специалистов существенно разнятся.

На мой взгляд, автор рецензируемого труда не смогла предложить принципиально нового взгляда на личность Николая II. В ее изображении последний император выглядит человеком более чем скромных интеллектуальных способностей, не соответствующим высокому положению главы государства. Неготовность Николая II к активной государственной деятельности объясняется тем, что «Александр III не приобщал сына к таинствам власти» (с. 16), что совершенно не соответствует фактам. В XIX в. в семье Романовых существовала стойкая традиция привлечения великих князей к государственным делам. Поначалу Александр III обязал своего сына присутствовать при докладах министров и других сановников высокого ранга, с 1889 г. Николай Александрович участвовал в заседаниях Государственного совета и Комитета министров, а с 1892 г. был председателем комитета по постройке Транссибирской железной дороги. Поэтому невозможно объяснить, на чем базируется приведенное выше утверждение, если только уважаемый автор не имела в виду под «тайнствами» нечто мистическое...

Кроме того, Ева Берар подчеркивает такие качества Николая II,

как деспотизм и презрение к закону (с. 43), считает его фанатичным приверженцем идеи неограниченной монархии. Возможно, эти взгляды обусловлены влиянием советской историографии, которую автор активно использовала, особенно работы представителей ленинградской школы — Б. В. Ананьича, Р. Ш. Ганелина, В. С. Дякина, В. А. Нардовой. Не отрицая права на существование точки зрения этих и других историков в отношении Николая II, все же нужно признать, что автор не предложила собственного оригинального взгляда на эту крупную историческую фигуру. Впрочем, то же самое можно сказать и о ее оценке других персоналий — С. Ю. Витте, П. А. Столыпина, Г. Распутина и др.

Гораздо больший интерес представляет ее попытка проследить отношение царя к Санкт-Петербургу. Основной вывод, который делается в данном направлении, состоит в том, что Николай II недолюбливал столицу в силу ряда причин: связь города с убийством Александра II, посредственная организация городского пространства и благоустройства и т. п. Вместе с тем создается впечатление, что Ева Берар существенно преувеличивает негативное отношение императора к столице. По ее мнению, к 1904 г. эти настроения достигли такого масштаба, что вызвали переезд императорской семьи в Царское Село. Кроме того, автор связывает это с попыткой поворота во внутренней политике, со стремлением царя удержать абсолютный характер власти (с. 58–59). При этом рождение цесаревича Алексея, больного

гемофилией, упоминается как «одна из причин» изменения расположения царской резиденции (с. 56), но как бы задвигается на второй план.

Другая сквозная тема рассматриваемой работы связана с некоторыми новыми течениями в русском искусстве, возникавшими на рубеже XIX–XX вв. В основном прослеживается роль объединения «Мир искусства» и, в частности, одного из его основателей – А.Н. Бенуа. Вообще последнему персонажу посвящена настолько значительная часть работы, что логичнее было бы вынести в подзаголовок произведения его имя, нежели название художественного объединения, в которое он входил. Автор пытается связать интеллектуальные баталии, происходившие при участии А.Н. Бенуа, С.П. Дягилева и других «мирискусников», с урбанизационными процессами, протекавшими в России этого времени. Не можем сказать, что данная задача была успешно реализована, поскольку, на мой взгляд, автору не удалось создать логические «мосты» между слишком разноплановыми категориями. Очень трудно обнаружить связь между эстетическими и идейными принципами новых направлений в искусстве, доступных для понимания лишь узкому кругу интеллигенции, с одной стороны, и формированием менталитета широких городских слоев, с другой. Заслуживают одобрения отдельные наблюдения автора, например вывод, что «становление среднего класса и развитие городского стиля жизни приводит к резкому росту спроса на произведения искусства» (с. 79).

Рациональное зерно просматривается также в том, что «Мир искусства» стал основной провокацией эпохи, активно неприемлемой для старых академических кругов.

Наконец, третий смысловой пласт книги – становление Санкт-Петербурга как метрополиса, т.е. большого города, со своей инфраструктурой, самоуправлением, идентичностью и культурой. Ему, так или иначе, посвящены третий, пятый, шестой и седьмой разделы произведения. Четвертый – «Городские пути революции» – довольно резко выделяется на общем фоне, поскольку в нем автор сознательно уходит от научного анализа и просто передает описание современниками революционных событий 1905–1906 гг. Эти яркие и эмоциональные отрывки из источников по-своему удачно транслируют своеобразный «дух времени», но мало что дают для раскрытия ключевых вопросов рецензируемой работы.

В целом части исследования, выдержанные в духе исторической урбанистики, адекватно передают особенности развития Санкт-Петербурга на рубеже XIX–XX вв., указывают на те проблемы, которые имелись в сфере городского самоуправления и хозяйства. Правда, и здесь автору не удалось избежать устаревших оценок. Так, встречаем выработанное опять-таки советской историографией представление о том, что Городовое положение 1870 г., хотя и расширяло полномочия городских дум, но не предоставляло им «ни финансовых, ни политических полномочий, необходимых для

эффективного администрирования муниципальной системы» (с. 114). На наш взгляд, автор здесь противоречит сама себе, поскольку уже в следующем абзаце признает, что дума по этому закону «становится юридическим лицом, она имеет собственные источники дохода и распоряжается своим бюджетом», т. е. получает законодательно гарантированные «финансовые полномочия». Что же касается «политических» функций, очевидно, имеется в виду право «налаживать горизонтальные контакты, т. е. общаться между собой, как и обсуждать вопросы общего порядка» (с. 114). Общаться между собой по частным вопросам городские думы имели полную возможность. А если под вопросами «общего порядка» понимать обсуждение государственного строя, политических прав и т. п., то не совсем ясно, почему такие вопросы должны обязательно входить в полномочия органов местного самоуправления?

Некоторое недоумение вызывают следующие утверждения: «Выборное управление <...> было введено во всех городах империи в 1870 году» (с. 49); «В первой половине XIX столетия только три российских города – Санкт-Петербург, Москва и Одесса – располагали выборной городской думой» (с. 111). Городские думы, избиравшиеся цензовой частью населения, были введены в российских городах Жалованной грамотой 1785 г., о чем автору прекрасно известно. Поэтому приведенные фразы скорее образец неудачно сформулированной мысли или же не вполне корректно выполненного перевода.

Представляет определенный интерес изложение автором попыток реформирования системы городского самоуправления Санкт-Петербурга и других российских городов, предпринимавшихся политическими кругами в начале XX в., хотя данный вопрос достаточно хорошо изучен В. А. Нардовой и некоторыми другими исследователями. Более ценен экскурс, касающийся проектов модернизации городского пространства столицы и ее коммунального хозяйства в 1900–1910-е гг. (в частности, создания централизованной канализации). Причем автор органично вплетает в эти вопросы политической и социально-экономической подтеку, проводя связь с осуществлявшимися в это время правительством реформами. Среди прочего, довольно любопытными показались наблюдения об отсутствии зрительного символического воплощения в архитектуре Санкт-Петербурга происходивших реформ (с. 246–247).

Финал монографии опять возвращает читателя к противостоянию Николая II с его столицей, которое символически выражается в переименовании города после начала Первой мировой войны. Этот антагонизм переплетается с важнейшими политическими процессами, происходившими в стране: нарастанием антимонархических настроений в обществе, реакцией на это правительства, часть которого готовит почву для роспуска Государственной думы, формированием общероссийского муниципального движения и т. д. В конечном итоге Санкт-Петербург, а вернее его буржуазные и демократические слои,

сыграл решающую роль в свержении монархии в 1917 г. Очень важно, что Ева Берар не остановилась на этом и проложила логическую цепочку к событиям начала 1918 г., когда уже большевистское правительство, увидевшее в городе угрозу для себя, решает лишить его столичного статуса. Этот вывод весьма оригинален, хотя и может являться предметом научной полемики.

В завершение рецензии не могу не отметить, что в своем исследовании уважаемый автор допустила ряд неточностей и даже ошибок, касающихся далеко не мелких исторических фактов. Так, Алексей Михайлович назван «последним московским царем» (с. 45), о петербургском Положении 1846 г. говорится, что оно обеспечивало численное преимущество дворянства (с. 112), хотя потомственные дворяне формировали лишь одну из пяти избирательных курий,

в 1866 г. на Александра II «народовольцы (sic!) совершают первое покушение» (с. 115), слово «рабочий» этимологически возводится к понятию «раб» (с. 137) и, наконец, отречение от престола Николая II подписано «в Ставке в Могилеве» (с. 306), хотя это произошло в вагоне царского поезда, находившегося 2 марта 1917 г. на станции в Пскове. Остается только гадать, что из этих и подобных им неточностей вызвано трудностями перевода, но без них монография выглядела бы еще солиднее.

Книга Евы Берар, безусловно, будет интересна всем, интересующимся и профессионально занимающимся историей России рубежа XIX–XX вв. Главная заслуга автора заключается в попытке совместить обычно «не совмещаемые» темы, что приводит к довольно оригинальным исследовательским результатам.

Rev.: Berar E. Imperia i gorod: Nikolai II, «Mir iskusstva» i gorodskaja дума v Sankt-Peterburge. 1894–1914. M. Nekliudovoi. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016.

Zaitsev Maxim V. — candidate of historical sciences, associate professor of the Department of history and archaeology, Saratov State N. G. Chernyshevsky University (Saratov)

Э. Р. Кадиков

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В. П. САПОНА «ЛИБЕРТАРНЫЙ СОЦИАЛИСТ АПОЛЛОН КАРЕЛИН»

Рец.: *Sapon V. Libertarian Socialist Apollon Karelin. Raleigh, North Carolina, USA: Lulu Press, 2015. 214 p.*

Специалистам по истории революционного движения в России имя Аполлона Андреевича Карелина (1863–1926) должно быть хорошо известно. Для широкого же круга исследователей отечественной истории конца XIX – начала XX вв. оно, наверняка, ничего не говорит. Между тем А. А. Карелин – личность яркая, неординарная и неоднозначная, принадлежащая к числу выдающихся теоретиков и практиков российского анархизма. Экономист, журналист, издатель, переводчик, публицист, изначально он придерживался народнических взглядов и являлся членом Партии социалистов-революционеров, однако после разоблачения Е. Ф. Азефа отошел от них и сблизился с анархистами, став в конечном итоге весьма авторитетной и влиятельной фигурой среди теоретиков анархизма. Как правило, его имя упоминают на третьем месте сразу после М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина.

© Кадиков Э. Р., 2017

Кадиков Эльдаф Рашитович – кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета (Омск); elikkadikov@ Rambler.ru

Вернувшись в Россию летом 1917 г., А. А. Карелин принял самое энергичное участие в революционных событиях: являлся одним из создателей Всероссийской федерации анархистов-коммунистов (ВФАК); на V Всероссийском съезде Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов в Москве был избран от анархистов в члены ВЦИК; участвовал в организации I Всероссийского съезда анархистов-коммунистов; возглавлял анархистскую фракцию ВЦИК нескольких созывов. Несмотря на серьезные противоречия между анархистами и большевиками, выступал за сотрудничество с ними, неоднократно предпринимая попытки найти взаимопонимание. А. А. Карелин был активным противником смертной казни и в своих произведениях помимо экономических вопросов особое внимание уделял этике анархизма, без которой, по его мнению, социальная революция была обречена на неудачу.

Длительное время анархизм и его видные представители по понятным причинам (принято было

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

изучать историю лишь одной партии — большевиков) очень редко выступали в качестве объекта научных исследований. Только на современном этапе развития отечественной исторической науки в данной области был сделан серьезный шаг вперед. Появились и первые работы, посвященные жизни и деятельности А. А. Карелина. Вместе с тем революционной проблематикой сегодня занимаются немногие исследователи. Более того, в последние годы изучать историю революционного движения в России вообще стало не модно. Тем большую ценность получает каждая новая попытка закрыть остающиеся «белые пятна» на исторической карте революционной России.

К числу таковых относится вышедшая в свет в 2015 г. монография В. П. Сапона «Либертарный социалист Аполлон Карелин», подводящая итог многолетней работе историка по изучению жизни, многогранной деятельности, эволюции мировоззрения А. А. Карелина, раскрывающая ранее неизвестные страницы в его биографии. Книга, основанная на широком круге литературы и опубликованных источников, а также архивных материалов из российских архивохранилищ (ГАРФ, РГАЛИ, Государственный архив Владимирской области, Центральный архив Нижегородской области, Государственный общественно-политический архив Нижегородской области), включает, как во введении отмечает сам автор, «дополнения, в которых исследуется многослойная теоретическая и практическая работа» анархиста. Помимо введения, содержащего

емкий историографический обзор, монография состоит из восьми глав и приложения. В первой главе анализируется период становления революционера — «основателя народовольческой организации в Нижнем Новгороде» (с. 23), характеризуются атмосфера и условия формирования его личности, рассматривается ссылка молодого народника в Западную Сибирь (Степной край).

Вторая глава посвящена собственно «стезе профессионального революционера» — антиправительственной деятельности А. А. Карелина в Нижнем Новгороде, его ссылке в Вологодскую губернию и последующей жизни адвоката и публициста в Иркутске, где и застала его Первая российская революция. Буквально по крупицам автор реконструирует с помощью источников личного происхождения жизненный путь своего героя, восполняя пробелы жандармских документов, не дающих, по его признанию, полного представления о личности и революционной деятельности «радикального адвоката». В третьей и четвертой главах В. П. Сапон обращается к важнейшим событиям в жизни А. А. Карелина в эмиграции. Именно в это время революционер становится «высокопоставленным “тамплиером”», известным впоследствии в кругах посвященных под орденским именем «рыцарь Сантей» (с. 45), принимает участие в эсеровской Парижской группе «инициативного меньшинства» и идейно эволюционирует в леворадикальном направлении, приближаясь к анархизму, разворачивая затем в анархистской среде

деятельную организационную работу. Важным при этом представляется попытка историка выяснить причины, основное содержание и результаты вспыхнувшего накануне Первой мировой войны в лагере анархистов конфликта-скандала, связанного с именем А.А. Карелина, обернувшегося для него «тяжелым ударом для душевного равновесия и физического здоровья» (с. 68) и принявшего в конечном итоге, по словам В.П. Сапона, «международный масштаб» (с. 69). Но все же, как далее замечает автор, гораздо более серьезным испытанием для анархистского движения и его внутреннего единства стала война, расколовшая в целом революционный лагерь на оборонцев и интернационалистов.

«Созидательная политическая работа» вернувшегося в Россию после Февральской революции А.А. Карелина, отношение его к власти большевиков в конце 1917 – начале 1918 г. рассматриваются В.П. Сапоном в пятой главе книги. Характеризуя взгляды своего героя, стратегию и тактику анархистов в этот драматический для страны период, автор выделяет в лагере идейных антигосударственников два основных направления – лояльное («советские анархисты») и внесистемное («анархисты подполья»). Исследователь при этом приходит к выводу о серьезной недооценке в анархистских кругах политического потенциала ленинской партии, что проявилось в уверенности в ее скорейшем падении. Анархисты, среди которых крайне популярным тогда был лозунг «третьей революции», выступали за углубление радикаль-

ных социальных и политических преобразований и довольно жестко критиковали «поправевших» большевиков, «остановившихся в своем революционном развитии».

Таким образом, в основу структуры монографии В.П. Сапоном положен проблемно-хронологический принцип. Первые пять глав представляют собой биографический очерк, в котором последовательно излагаются основные вехи жизненного пути А.А. Карелина до начала Гражданской войны. В трех последующих главах фокус внимания смещается с хронологии на проблемы: «Советский анархист», «Теоретик и пропагандист», «Конспиратор и “диссидент”». Особый интерес при этом вызывает характеристика взглядов А.А. Карелина, выполненная на основе анализа его трудов, которые историк условно делит на три группы, в определенной мере перекликающиеся с этапами его мировоззрения: народническо-эсеровским, анархо-коммунистическим и орденско-мистическим (с. 113). Одним из ключевых вопросов, безусловно, являются воззрения анархиста на государство и его природу. Оригинальность взглядов Карелина и вместе с тем их актуальность видятся автору прежде всего в констатации значительной роли в процессе продолжительного функционирования государственных институтов «не только устрашения, подкупа и наличия определенных инструментов насилия, но и гипнотизирования народа». Другими словами, не только насилие является, по словам А.А. Карелина, «цементирующей силой государственной жизни, но и некие “институты лице-

мерия», т. е. то, что сейчас, — отмечает В. П. Сапон, — назвали бы механизмами и средствами манипуляции общественным сознанием» (с. 127). При этом среди причин могущества правительств анархист называл «монотонное однообразие жизни угнетенных масс населения», следствием чего была «их способность поддаваться хотя бы и нелепым, но повторным внушениям» (с. 128). Однако критике анархиста подверглось не только буржуазное государство. Никаких иллюзий по поводу рожденного революцией советского государства А. А. Карелин также не испытывал, поскольку любое государство являлось «формой общежития антагонистических классов». Потому «социал-демократическое государство», вопреки марксистским прогнозам, как уверял А. А. Карелин, «также будет инструментом управления одних классов другими — “богачи-рантье” исчезнут, но чиновники и интеллигенты все равно останутся». Более того, «вместо “пролетарского” государства будет существовать “интеллигентно-кратическое” государство, еще более опасное для трудящихся в силу своего всеобъемлющего характера» (с. 130). Анализируя первые мероприятия советского правительства, анархист приходил к выводу, что все они вели «не к рабочему, а к господскому социализму, точнее — к государственному капитализму», который был «так же вреден для интересов рабочего класса, как и строй капиталистический». Подобная политика, обусловленная разрывом представлений о цели социализма между верхами и низами общества, могла иметь, по мнению А. А. Карелина, пагубные и во

многом трагические последствия: масса энергии была бы израсходована на созидание «господского» социализма, и, попав в его «цепкую паутину», в будущем рабочие с еще большим трудом смогут «реорганизоваться на началах социализма рабочего» (с. 131).

Еще одна затрагиваемая В. П. Сапоном проблема, которая, несомненно, вызывает большой интерес — разрабатываемые А. А. Карелиным вопросы развития личности, становления нового человека — вопросы, ставшие как никогда актуальными в годы революционных потрясений. Конечно, серьезные идеологи и теоретики социализма прекрасно понимали, что для реализации данных идей совершенно необходимым условием является «высокий культурный уровень каждого индивидуума», что в противном случае настоящая анархия будет «практически невозможна» и станет осуществляться «лишь в формах беспорядка и дезорганизации» (с. 157). Тот же лидер партии эсеров В. М. Чернов, например, прямо заявлял о необходимости преодоления на пути к социализму множества препятствий, среди которых наиболее важными будут интеллектуальные, моральные и психологические, поскольку новый строй будет нуждаться в новом человеке, а его без воспитания и перевоспитания личности быть не могло. Анархисты также отдавали себе отчет в том, что «условиями безгосударственного переустройства социального общежития являются не только интенсивное развитие науки, техники и материального производства, но и достижение духовной и нравственной зрелости

каждой личности» (с. 150). Ратуя в условиях «диктатуры пролетариата» за дальнейшую эволюцию общества к анархии, они, как указывает автор монографии, «имели лишь одну возможность активного воздействия на общественные процессы — осуществление “культурной революции”». Только путем внесения «коренных изменений в сознание людей» при всемерной защите духовного развития личности «от всяких посягательств» можно было, по словам А.А. Карелина, «действительно утвердить достоинство человеческой личности» (с. 152).

Книга В.П. Сапона содержит убедительные свидетельства о том, что поначалу для А.А. Карелина были характерны исторический оптимизм и вера в человека. Анархист был уверен в непродолжительности переходного периода «в силу неизбежного роста общего уровня нравственности в среде вольных общинников». Исходя из этого, либертарный политик попытался найти оптимальный путь перехода от «пирамидальной организации» к вольному социализму. Однако автор монографии со всей очевидностью констатирует, что данную задачу А.А. Карелин «так и не сумел решить, даже на теоретическом уровне» (с. 138). Вера в мощный творческий потенциал «рабочих физического и умственного труда», в народное вольнолюбие и органическую тягу к самоорганизации странном образом соседствовала у него с «неспособностью “научно” объяснить причины столь затянувшегося государственного периода в истории человеческого общества» (с. 143). Историк справедливо

задается вопросом: какими источниками питалась столь устойчивая приверженность лидеров ВФАК к историческому оптимизму и антигосударственному революционаризму? Ведь даже там, где идейные анархисты становились реальной властью и в масштабах своих уездов и волостей получали шанс провести радикальные эксперименты, «результаты получались чрезвычайно далекими от “разумно сложившегося общежития” в духе Бакунина, Кропоткина или Карелина» (с. 139–140). Увы, ответы на поставленный вопрос у А.А. Карелина, как признается В.П. Сапон, «мы можем найти лишь косвенные».

Далее на примере своего героя В.П. Сапон выявляет удивительную метаморфозу в общественно-политическом движении России. Разочаровавшись в результатах «великой социальной катастрофы», одним из активных субъектов которой явился традиционный революционный анархизм, многие идейные антигосударственники начали искать выход в нематериалистических, мистических формах преобразования социальной действительности (с. 160). Пытаясь разобраться в причинах подобного поворота, автор монографии выдвигает предположение, что, не имея сил и средств, а возможно и желания участвовать в политико-оппозиционном движении традиционного типа, «вольнлюбивая интеллигенция попыталась реализовать себя в эзотерической ипостаси» (с. 161). Впрочем, вопрос о том, какие идейные влияния — аполитично-мистические или анархистские — преобладали все-таки в карелинском подпольном

сообществе, остался, по мнению историка, открытым. Сам В. П. Сапон небезосновательно выдвигает предположение, что для организаторов и лидеров «анархо-мистической сети» мистика и оккультизм не являлись приоритетными направлениями практической деятельности — по крайней мере, в этих отраслях они были скорее «любителями», чем «профессионалами» (с. 164). В то же время знакомство с «мистическими» пьесами «рыцаря Сантея» приводит автора к мысли, что этот человек имел вполне глубокие религиозные убеждения (с. 144). Исследователь обращает внимание на искреннее стремление А. А. Карелина синтезировать христианское вероучение с идеологией анархизма. Попытка определить степень влияния на анархиста крупнейших мыслителей путем подсчета количества цитирований П. А. Кропоткина, М. А. Бакунина, Л. Н. Толстого в известном труде «Государство и анархисты» дает удивительный результат — чаще всего он ссылается на сочинения графа Толстого (с. 128).

В целом, оценивая оригинальный вклад А. А. Карелина в развитие анархо-коммунистической мысли, В. П. Сапон приходит к выводу, что «этот человек лишь методично осваивал территории идеологического материка, уже давно открытого другими» (с. 143). Автор отмечает введение А. А. Карелиным в оборот свежего историко-эмпирического материала, изобретение им новых концептов и терминов (например, «вольные социалисты», «институты лицемерия», «интеллигентно-кратическое государство»), «углубление» и корректировку

анархистских классиков. Однако при этом признается, что «его теоретическое творчество в целом выглядит не столь уж оригинальным». Его молодые соратники А. Солонович и В. Худолей писали, по словам историка, «намного интересней и ярче, нежели сам маститый анархо-теоретик» (с. 143). В качестве подтверждения своего тезиса В. П. Сапон цитирует высказывание И. Хархардина на прошедшем 11 мая 1926 г. вечере памяти А. А. Карелина: «Представляя из себя крупного ученого, знатока политической экономии и истории, он все свое внимание сосредоточил не на дальнейшей разработке научных проблем, а на популяризации уже добытых результатов. Это особенно заметно по его работе в последнее десятилетие его жизни. Как популяризатор он стоит очень высоко» (с. 144). В связи с этим, правда, возникает вопрос: почему «стоявший очень высоко» популяризатор писал на порядок менее интересно и ярко в сравнении с соратниками? Ведь делая основной акцент не на разработке теории, а на популяризации идей, А. А. Карелин должен был писать весьма увлекательно.

К числу несомненных достоинств книги В. П. Сапона необходимо отнести объективное, беспристрастное и одновременно уважительное отношение автора к своему герою. Называя его «поистине легендарной и таинственной фигурой российской и европейской истории» (с. 3), исследователь в ходе решения поставленных задач тщательно и скрупулезно выявляет противоречия в концепции анархиста,

обращает внимание на определенные парадоксы, свидетельствующие о сложности, многогранности, противоречивости, парадоксальности личности А.А. Карелина. Завершается повествование довольно безрадостным заключением-предположением о скоропостижном уходе героя, сравнительно нестарого человека, из жизни, вызванном «не только органическими причинами, но и крушением духовных и мировоззренческих опор: “мистическое преображение человечества” оказалось столь же утопичным проектом, как и построение гармонично-безгосударственной федерации вольных трудовых коммун» (с. 179). Большой объем в монографии занимает содержащаяся в сносках информация, во многом уточняющего и дополняющего характера. Текст сносок буквально насыщен именами, фактами, цитатами, интерпретациями. Наконец, нельзя не отметить наличие в книге приложения — «Очерков не-современной психологии», представляющих своеобразный идеологический манифест «новой» антигосударственной оппозиции, распространявшийся в кружках карелинского толка в 1920-х гг.

Следствием противоречивости и парадоксальности личности героя стали закономерно возникающие в ходе прочтения монографии вопросы. Так, не до конца проясненной остается позиция анархиста в революционный период. С одной стороны, автор говорит об осознававшейся анархистами актуальности проблемы революционного штурма новорожденного государства, которое, по словам

самого А.А. Карелина, является «страшным угнетателем и эксплуататором народных, в том числе и пролетарских масс» (с. 131). С другой стороны, историк отмечает, что многие анархисты и, в частности, А.А. Карелин пошли на службу к советской власти, выдвинув в конечном итоге программу «культурной революции». Кроме того, анархист, как пишет В.П. Сапон, фактически оправдал первые действия большевиков, а также разгон Учредительного собрания, поскольку оно являлось, по его мнению, одним из институтов «буржуазного господства» (с. 97). Более того, «рыцарь Сантей» заявлял, что «Учредительное собрание, под власть которого хотят отдать народ», состоит из «врагов трудящихся»; «врагами народа» станут и «те, кто настаивает на его созыве» (с. 98). Это довольно спорное и неоднозначное утверждение, содержащее к тому же характерные для соответствующей политической риторики термины, в полной мере оправдывает данную А.А. Карелиным самому себе характеристику: «человек, откровенно стоящий на чисто деловой точке зрения» (с. 99). С обвинением в буржуазности революционного органа тоже нельзя согласиться, поскольку созыв Учредительного собрания был основным требованием таких крупнейших социалистических партий, как РСДРП и ПСР. Сама же идея Учредительного собрания имела в России широкий, емкий смысл, не только политический, но и социально-философский. И, по сути, являясь неотъемлемым атрибутом мирозерцания российской радикально-либеральной интеллигенции, помимо прочих ее качеств

выражала «небуржуазность» (Протасов 1997: 15). Поэтому неясно, каким образом собрание, в котором преобладали социалисты, превратилось у А. А. Карелина в институт «буржуазного господства»? И почему эсеры становились для него врагами народа?

Имеется ряд вопросов и к автору книги В. П. Сапону. В частности, во-первых, исследователь утверждает о существовавших у анархистов возможностях («историческом шансе») стать не только «политическими лидерами общественного мнения, но и вождями массового либертарного движения в России» (с. 112). В свете сказанного хотелось бы понять, насколько была востребована идеология анархизма, насколько были популярны анархисты в обществе; какие имелись у них политические, социально-психологические, материальные возможности для того, чтобы стать лидерами? И как тогда быть с другим заявлением исследователя — о том, что «народные массы не очень торопились в массовом порядке отдавать свои голоса безвластным коммунистам на выборах в органы самочинной демократии» (с. 88). Во-вторых, В. П. Сапон пишет, что даже в конце 1920-х гг., «вопреки политическим иллюзиям левых идеологов, либертарно-коллективистские и социалистические ценности, несмотря на многолетнее внедрение в теории и на практике, не стали для сельских тружеников органической частью мировоззрения» и «в лучшем случае воспринимались как следствие некой экспансии извне» (с. 121). В то же время анархисты, по его словам,

еще в 1917–1918 гг. вместе с левыми эсерами и максималистами продемонстрировали «идейную последовательность и верность принципам, встав на защиту экономических и политических интересов сельской цивилизации» (с. 122). Соответственно возникает вопрос: о каких интересах (буржуазных или социалистических) идет речь? При этом, рассуждая об отсутствии у революционного государства возможностей осуществлять социальный контроль «города» над крестьянством исключительно экономическими средствами, В. П. Сапон констатирует, что «эволюция России по сценарию, предложенному А. А. Карелиным в его утопии, означала бы последовательное укрепление именно капиталистических сил в сельском мире и обществе в целом» и привела бы к «реставрации буржуазного режима» (с. 125). В-третьих, весьма дискуссионна позиция автора по вопросу об аграрной политике в России и в мире, в определенной степени оправдывающая сталинскую коллективизацию. Конечно, наиболее спорные тезисы содержатся в пространной цитате А. И. Фурсова со ссылкой на газету «Завтра». Но, так или иначе, общий контекст, оценка цитаты и последующие утверждения В. П. Сапона свидетельствуют о его солидарности с А. И. Фурсовым, а именно: после тезиса о решении большевистским режимом крестьянской проблемы путем раскрестьянивания отмечается, что «так решался крестьянский вопрос в XIX–XX вв. во всем мире». Более того, особенность раскрестьянивания в СССР состояла «не в его жестокости — здесь все рекорды

бьют англосаксы, а в его сжатых сроках (5–7 лет) и в его проведении на антикапиталистической основе» (с. 124). Подобное заключение с акцентом на заурядность и распространенность подобной практики и в других странах, с упором на гораздо большую жестокость в данном деле англосаксов, выглядит весьма сомнительно. В-четвертых, не совсем понятно и авторское утверждение о том, что на рубеже 1918–1919 гг. основной накал Гражданской войны остался позади (с. 106). Но ведь именно в это время был установлен режим военной диктатуры А.В. Колчака, проведена реорганизация армии и начато наступление на Советскую Россию. В-пятых, вызывает недоумение отсутствие в монографии заключения, содержащего основные выводы по теме проведенного исследова-

ния и ответы на поставленные в работе вопросы.

Впрочем, указанные вопросы и изъяны не умаляют заслуг исследователя и никоим образом не ставят под сомнение высокую оценку научных достоинств монографии. Бесспорно, личность А.А. Карелина, его воззрения и деятельность заслуживают самого пристального внимания. Специалистам книга С.П. Сапона будет полезна при изучении всего спектра общественно-политической истории России конца XIX – начала XX вв., вдумчивого читателя она побудит к новым размышлениям и поискам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Протасов 1997 – *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997.

REVIEW OF THE MONOGRAPH BY V. P. SAPON «LIBERTARIAN SOCIALIST APOLLON KARELIN»

Rev.: Sapon V. Libertarian Socialist Apollon Karelin. Raleigh, North Carolina, USA: Lulu Press, 2015. 214 p.

Kadikov Eldar R. – candidate of historical sciences, associate professor, Omsk State University (Omsk)

REFERENCES

Protasov L.G. *Vserossiiskoe Uchreditel'noe sobranie: istoriia rozhdeniia i gibeli.* Moscow, 1997.

Н. В. Липатова

ДОКУМЕНТ — ЭПОХА — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ.

Рецензия на публикацию протоколов Петербургского комитета партии большевиков за 1917–1918 гг.

Рец.: Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний / подгот. к печати и ред.: Т. А. Абросимова, Т. П. Бондаревская, Е. Т. Лейкина, В. Ю. Черняев. СПб.: Бельведер, 2003. 686 с.

Рец.: Петербургский комитет РКП(б) в 1918 году: протоколы и материалы заседаний / Санкт-Петербургский ин-т истории Российской акад. наук, Центральный гос. арх. историко-политических документов Санкт-Петербурга (сост.: Т. А. Абросимова, В. Ю. Черняев, А. Рабинович). СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2013. 559 с.

Тип опубликованных документов — протоколы. Эти уникальные документы Петербургского комитета партии большевиков (далее ПК) — важный источник для изучения революционных событий в России почти столетней давности. Ибо в деятельности Петербургского комитета партии большевиков отразились практически все процессы, происходившие в стране 1917–1918 гг., в период революции и начального этапа Гражданской войны.

© Липатова Н. В., 2017

Липатова Надежда Валерьевна — кандидат исторических наук, заместитель директора Научно-исследовательского института истории и культуры Ульяновской области имени Н. М. Карамзина, доцент Ульяновского государственного университета (Ульяновск); nlipatova@mail.ru

КОМПЛЕКС ДОКУМЕНТОВ ПК

Авторы публикации во введении к изданию протоколов 1917 г. упоминают о более двух десятках арестов полного состава Петербургского комитета РСДРП в 1898–1917 гг. (Петербургский комитет 2003: 17). Фраза сразу приковывает внимание и вызывает ассоциации со стойким оловянным солдатиком и возрождающейся из пепла птицей Феникс. При этом вплоть до 1921 г. ПК, отстаивая свою независимость и самостоятельность, сохранял наименование Петербургский, подчеркивая индивидуальность, вопреки всем сложившимся обстоятельствам. Исследовательский подход к протоколам ПК можно назвать

традиционным и новаторским одновременно. Традиция заключается в стремлении авторов публикации отразить роль ПК в жизни страны посредством документов. Впервые документы большевистского комитета были опубликованы в 1927 г. (Первый легальный 1927). Из-за неоднозначной позиции комитета, прослеживаемой в материалах протоколов, на сборник документов был наложен гриф спецхрана, что существенно ограничило его использование.

Новые подходы в гуманитарном знании, изменение политической ситуации, открытие архивов позволили возобновить работу над публикацией документов. На свет появился новый сборник протоколов и материалов ПК в 1917 г. О достоинствах этой публикации протоколов Петербургского комитета 1917 г. уже было сказано. Имеется отличная рецензия А. А. Смирновой и Г. Л. Соболева с говорящим названием «Ценная публикация документов» в журнале «История Петербурга» (Смирнова, Соболев 2004: 92). Не станем повторяться, публикация ценная и необходимая, что подтверждает и первая премия Росархива за документальные публикации 2003–2004 гг. Спустя 10 лет появилась еще одна уникальная публикация протоколов Петербургского комитета уже за 1918 г. Основу сборника документов составили подлинники протоколов ПК РКП(б) из фондов Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД), Российского государственного архива социально-политической истории

(РГАСПИ, Москва). В двух сборниках содержатся 82 протокола ПК РСДРП(б) за 1917 г. и 63 протокола ПК РКП(б) за 1918 г. Как отмечают авторы в предисловии, заседаний ПК было явно больше, однако протоколы, вероятно, велись не всегда, а некоторые, очевидно, не сохранились (Петербургский комитет 2013: 46). Большинство протоколов 1918 г. публикуется по подлинной рукописи или машинописи. В издании присутствуют машинописные копии протоколов, готовившиеся к публикации в 1927 г., но так и не вошедшие в итоговый вариант сборника документов. Их сопоставление с подлинниками, как справедливо указывают авторы публикации, показывает, что поздние копии грешат пропусками, ошибками в прочтении неразборчивого почерка. Некоторые протоколы (от 3, 10, 26 октября и 19 ноября 1918 г.), подлинники которых не сохранились, выявлены и публикуются по текстам в газете «Петроградская правда» (Петербургский комитет 2013: 46).

В совокупности эти два сборника протоколов за 1917 и 1918 гг. (Петербургский комитет 2003; Петербургский комитет 2013) представляют собой комплекс документов по истории не только ПК, но и революции в целом. Эта комплексная публикация является примером высокого профессионализма, увлеченности и включенности в тему, стремления предоставить исследователям и читателям возможность самим сделать выводы, сопоставить разные точки зрения. Обоснование авторства, датировки, указания на различия между разными ре-

дакциями, на пропуски, искажения, пометы, подчеркивания и зависимость одного документа от другого тщательно прослеживается публикаторами протоколов.

Археографическая подготовка текста подлинников протоколов приведена в соответствии с действующими правилами издания исторических материалов. Документы расположены в строго хронологическом порядке. Научно-справочный аппарат содержит не только все необходимые компоненты для подобного рода публикаций, но и является обширным дополнением, которое фактически скрупулезно восстанавливает историю документа. Это особенно важно при наличии нескольких редакций и вариантов одного и того же протокола.

Особо стоит отметить так называемые «реальные примечания». Они содержат сведения справочного характера об упоминаемых в тексте событиях и лицах, имеющих непосредственную связь с тематикой данного сборника документов. Это наиболее значимая и ценная часть сборника документов, составленная на основе периодической печати (большевистские газеты «Красная газета» и «Петроградская правда»; меньшевистские издания «Партийные известия. Двухнедельный журнал. Издание РСДРП (объединенной)», «Дело. Еженедельный социал-демократический журнал»; внефракционная социал-демократическая газета М. Горького «Новая Жизнь» и др.), материалов оппозиционного большевикам Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда,

различных сборников документов 1917–1918 гг., дневников очевидцев событий в Петрограде, серии аналитических статей К. И. Шелавина о работе ПК РКП(б) в 1918 г., опубликованных в журнале «Красная летопись», а также работ историков, опубликованных в разные годы (Петербургский комитет 2013: 47).

Поисково-исследовательская часть является не только доказательством профессионализма составителей сборника, но и свидетельствует об огромной работе, проделанной публикаторами. Единственная претензия к комплексу публикуемых документов может заключаться в том, что комментарии к протоколам «тянут» на самостоятельное исследование, порой с элементами детективной истории. Авторы здесь присутствуют и их отношение и оценка ни в коей мере не теряются за строками документа. Комментариям отводится большая часть издания, что очень ценно.

Самыми яркими с точки зрения пропорционального соотношения между документами и комментариями можно считать протоколы от 15 июня 1918 г. и 9 июля 1918 г. Первый документ внеочередного заседания ПК содержит всего восемь строк, в то время как комментарий к нему насчитывает 56 строк (Петербургский комитет 2013: 189–190). Второй представляет собой протокол из девяти строк с комментариями на 147 строк, занимающими три полные страницы (Петербургский комитет 2013: 227–230).

Оба издания содержат историческое и археографическое введения,

интереснейшие вклейки с фотографиями и рисунками, что позволяет этим сборникам обрести не только профессионального читателя-исследователя, но и широкого интересующегося читателя. В издании присутствуют отдельный именной указатель (протоколы 1917 г.), биографические справки, включенные в поле общего комментария к публикуемому источнику, информация о географических объектах, когда того требуют материалы протоколов (Петербургский комитет 2013). Например, содержится справочная информация о финских территориях, о городе Колпино (Петербургский комитет 2013: 127), Форте Ино (Петербургский комитет 2013: 108) и т. д. Приложения содержат предметно-тематический указатель, список сокращений, перечень заседаний ПК, его устав, план строительства партии, материалы к изданию первой книги протоколов, адреса Петербургского комитета (Петербургский комитет 2003). Приводятся статистические сведения о членах ПК, в частности, их распределение по видам репрессий со стороны царского режима, которым они подвергались (надзор полиции, арест, нахождение под следствием, тюрьма, высылка, ссылка, каторга), а также по национальностям, по занятиям в городе Петрограде с августа по сентябрь 1918 г. и по срокам вступлению в партию (Петербургский комитет 2013).

Примером интересной биографической справки является комментарий о Прасковье Францевне Кудели (Петербургский комитет 2013: 206) — авторе предисловия к первому изданию протоколов ПК в 1927 г.

Она прекрасно знала французский, немецкий и польский языки и еще во времена тверской ссылки занималась литературными переводами. Впоследствии стала историком партии.

Отдельно стоит сказать об обширной хронике событий 1918 г. на 145 страницах (Петербургский комитет 2013), охватывающей значительную территорию страны, что подтверждает общероссийское влияние ПК. Сейчас немодно обширно цитировать В. И. Ленина, но все же позволим себе это сделать, поскольку цитата имеет непосредственное отношение к пониманию личности Петербургского комитета. Протоколы ПК свидетельствуют о постоянном поиске ответа на вопрос: «ПК отвечает за всю страну или только за Петроград?» Вождь пролетариата дает на это однозначный ответ: «...Петербург, как отдельная местность, не существует. Петербург — географический, политический, революционный центр всей России. За жизнью Петербурга следит вся Россия. Всякий шаг Петербурга является руководящим примером для всей России. Исходя из этого положения, жизнь ПК нельзя сделать местной жизнью. Какие же принципиальные политические мотивы для конфликта у ПК и ЦК? Независимо от своего желания орган ПК всегда будет руководящим органом партии» (Ленин 1969: 225).

Еще в первом издании 1927 г. протоколов ПК этот момент самостоятельности и исключительности особо подчеркивался: «Худо ли, хорошо ли, но самостоятельно подходил к жгучим вопросам революци-

онной современности. Он (ПК. — *Н. Л.*) часто... не соглашается с ЦК, и вступает в длительную дискуссию даже с общепризнанным партийным авторитетом — В. И. Лениным» (Первый легальный 1927: 10). Одновременно подчеркивался факт именно общероссийского влияния, стремление ПК оказывать давление на ЦК и Совет Рабочих депутатов: «Широчайшая и ответственная работа открылась перед Петербургским Комитетом большевиков вместе с Февральской революцией. Следует отметить, что ПК(б) в начале явил необыкновенный революционный размах. Он брался за работу, стоящую вне его компетенции и по праву принадлежащую Центральному комитету... И лишь в дальнейшем по настоянию ЦК ПК(б) заявил, что он слагает с себя обслуживание организаций вне районной своей деятельности...» (Первый легальный 1927: 8).

Если следовать за документом, то такое заявление о сложении полномочий окажется слишком громким и некорректным. Согласно протоколу от 20 марта (2 апреля) 1917 г., эта фраза была вписана в пункт повестки под номером два «О нежелательности вторжения в сферу организационной и агитационной работы со стороны ПК, принадлежащую Бюро ЦК, которая выразилась в том, что ПК послал в Выборг агитатора» (Петербургский комитет 2003: 137). Однако это заявление ни в коей мере не распространяется на всю деятельность ПК, что явствует уже из следующего пункта того же протокола «Об обострении борьбы (в Финляндии) по вопросу восьмичасового

рабочего дня» и из постановления о том, что «ПК немедленно доводит до сведения Бюро ЦК о немедленной командировке в Гельсингфорс и Выборг своего агента в целях разрешения вопроса надлежащим образом» (Петербургский комитет 2003: 137).

76 ЛЕТ СПУСТЯ: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ 1917 г.

Сравним два издания протоколов ПК в 1917 г. (1927 г. и 2003 г.), чтобы наглядно показать, во-первых, отношение составителей к документу, во-вторых, возможности, которые открывает новая публикация.

Прежде всего, обратимся к протоколу обсуждения апрельских тезисов В. И. Ленина. Как отмечает автор предисловия в издании 1927 г.: «Апрельским тезисам не повезло... они обсуждались в отсутствии их автора. Главным критиком был тов. С. Богдатыев. Его речь дошла до нас в очень неполной записи секретаря, но все же кое-что из его мыслей уловить возможно».

Выбор этого протокола обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, как отмечают публикаторы, он единственный из подлинников, дошедший в рукописном варианте. Именно его фрагмент приводится в книге в виде читаемой иллюстрации рукописного текста (Петербургский комитет 2003: 178). Во-вторых, как видно из сравнения рукописи и двух вариантов публикации одного и того же фрагмента протокола, документ в руках профессионалов обрел новое

прочтение, наглядно демонстрируя колоссальную разницу в подходах к публикации документов и позволяя читателю самому воочию в этом убедиться. Что же показал сравнительный визуальный анализ? Выделяются три момента.

1. Римские и арабские цифры в протоколах: квалификация протоколистов.

В рукописном варианте (Петербургский комитет 2003: 178) пункты повестки дня обозначаются римскими цифрами, но с припиской слога «му» после числительного: «II-му». Это передает колорит эпохи и позволяет рассматривать протоколы еще и как пример эволюции культуры протокольных записей, степени образованности формирующегося чиновничьего аппарата в партии большевиков. Издание 1927 г. такой возможности не предоставляло.

2. Диктатура пролетариата, а республика батрацкая... В публикации 1927 г. в словосочетание «республика батрацких и крестьянских депутатов» (Петербургский комитет 2003: 183) чья-то заботливая рука вписала слово «рабочих», придав тексту верное политическое звучание: «республика рабочих, батрацких и крестьянских депутатов». Сделано это было, вероятно, для того, чтобы не отклоняться от действующей Конституции, основанной на революционном праве и новых принципах ранжирования граждан советского государства. Исключение главной категории населения, чья диктатура провозглашалась основным законом, представлялось неприемлемым (Первый легальный 1927: 86).

3. Опережая Маяковского. Смешение слов или подмена одного другим для ПК была не редкостью. Владимир Маяковский в 1924 г. напишет: «Партия и Ленин — близнецы-братья», но уже в материалах протоколов ПК содержится намек на это тождество. В речи тов. Залежского 8 (21) апреля 1917 г. Ленин и партия звучат как синонимы: «Ведь Ленин хочет назвать себя (партию) так, чтобы резко выделить от тех шовинистов и вообще тех, кто будет теперь именоваться социал-демократами» (Первый легальный 1927: 86; Петербургский комитет 2003: 183).

Это смешение — не единственное. Остановимся еще на двух примерах, важных для понимания революционного мифа. Пример первый. В обоих сборниках в протоколах прослеживается смешение качественных характеристик «социальная» и «социалистическая» применительно к основному концепту «революция», что является отражением путаницы в определениях самих авторов речей, у которых не было четкого понимания, в каком случае какую из характеристик использовать. Так, в первом издании протоколов в речи тов. Людмилы Сталь говорится о «социальной» революции (Первый легальный 1927: 86), а в новом издании в той же речи стоит определение «социалистическая» (Петербургский комитет 2003: 184). В обоих изданиях публикаторы отмечают, что в оригинале документа слово было записано не полностью — «социал.», и уже сами авторы публикаций раскрывали это сокращение тем или иным образом. Очевидно, что в контексте известного ленинского призыва

именно к социалистической революции более точным представляется второй вариант.

Пример второй — смешение слов «масса», «толпа» и «народ». В речи той же Сталь находим следующее противопоставление народа и солдат: «Ленин не упоминал солдат (СРиСД) потому, что солдаты станут народом, так как надо демобилизовать армию и вооружить весь народ. Выгоднее иметь на фронте вооруженный свой народ, нежели настоящую армию, которая сейчас агитируется Гучковым» (Петербургский комитет 2003: 184). А при обсуждении вопроса мира с Германией в одном случае используется слово «массы» (Первый легальный 1927: 84), а в другом «толпа» (Петербургский комитет 2003: 183): «Прав Ленин. Практично требовать от Временного правительства отказа от аннексий и контрибуций. Чтобы понять, не опять ли это иллюзия. Иначе нельзя. Ибо другого нет. Иногда необходимо знать заранее, что это невозможно и безнадежно. Реальный опыт необходим. Пусть толпа (*масса*) увидит (курсив наш. — Н. Л.). Предметный урок, и он необходим. Ленин увлекся, думая, что армия с нами, даже рабочие еще не с нами».

Здесь неизбежно возникает ассоциация с теорией толпы (масс). В книге Гюстава Лебона «Психология толп» (*Psychologie des foules*, 1895) XX в. уже именовался «эрой масс». На русский язык книга была переведена в 1896 г. под названием «Психология народов и масс» (*Лебон* 1896), о чем образованная часть членов ПК, безусловно, знала. В на-

стоящее время различие между этими терминами постоянно актуализируется (Фадеев 2013: 146–148), в то время как агитационные издания 1917 г., оперируя этими понятиями, с легкостью заменяли одно другим (Котлеревский 1917: 2).

1918 г. СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРОТОКОЛОВ ПК

Авторы публикации документов в предисловии справедливо отмечают, что в протоколах ПК 1918 г. присутствуют полярные и спорные оценки происходящего: от неотвратимого освобождения угнетенных и триумфа советской власти до трагедии, которая прервала путь развития парламентской монархии (Петербургский комитет 2013: 9). Это касалось также вопросов мировой революции и сепаратного мира как главных условий выживания социалистической революции в России (Петербургский комитет 2013: 9). Помимо общемировых удаленных перспектив были и более близкие: выживание самого партийного комитета, его взаимоотношения с советскими и профсоюзными структурами, пропаганда и агитация, снабжение города, эвакуация и т. д. Обозначим четыре тематических блока, которым авторы публикации документов уделяют наибольшее внимание в комментариях к протоколам 1918 г.

1. *Советское или партийное.* Наиболее болезненно ПК в 1918 г. воспринимал перевод части ветеранов партии на советскую работу и уход части партийцев с Красной гвардией. Это оценивалось как обескровливание партии (Петербургский

комитет 2013: 13). Такие меры, как назначение опытных большевиков на несколько должностей одновременно и интенсивное обучение новых кадров, не помогали справиться с дефицитом партийцев, что приводило к замедлению, а порой и вовсе к прекращению партийной работы. Именно эту работу старожилы ПК считали «чистой» — истинной, в противоположность «грязной» работе в государственных органах (Петербургский комитет 2013: 20). Вообще как «взаимозаменяемые» структуры Советы и партия уже присутствуют в текстах протоколов 1918 г. Например, на заседании ПК от 4 июня 1918 г. обсуждался вопрос об открытии политической школы при Петроградском Совете, но не как партийной¹, а как советской (Петербургский комитет 2013: 157).

2. Эвакуация, террор и самовооружение. Отметив отсутствие протоколов за период с 26 августа по 9 сентября 1918 г., т. е. в начальный период красного террора в Петрограде, публикаторы ссылаются на мемуары Елены Стасовой, из которых явствует, что к его развязыванию ПК имел непосредственное отношение, даже сыграл одну из ведущих ролей. Анализ имеющихся протоколов это подтверждает. Как в 1917, так и в 1918 г. рефреном в речах членов

¹ Собственный опыт партийной школы у ПК уже к этому времени был. Его первая школа располагалась на Литейном проспекте, в доме № 48 и была рассчитана на 200 человек. К сентябрю 1918 г. (Протокол 26 сентября 1918 г.) у ПК существовало 10 районных школ с количеством не менее 500 учеников в каждой и 1300 слушателей в собственной школе, которую они уже были намерены слить с существовавшим крестьянским университетом (Петербургский комитет 2013: 307–308).

ПК постоянно звучит обоснование террора как нужной и необходимой меры. Особую значимость ПК придавал вооружению «всех партийцев и обучению их пользоваться оружием», а также «сохранению своих собственных полувоенных частей, что было осознанием потребности в независимых средствах обеспечения безопасности» (Петербургский комитет 2013: 23). Впрочем, как явствует из протоколов от 6 и 29 марта, вопрос о самовооружении сделался особенно актуальным по другой причине: ожидалось наступление германских войск, а перенос столицы из Петрограда в Москву привел к оттоку в том числе и военных сил (Петербургский комитет 2013: 60–62), в связи с чем было принято решение о создании собственного полка при ПК (Петербургский комитет 2013: 78).

3. О хлебе насущном. В ситуации острого экономического кризиса хлеб стал не только символом, но и условием выживания. В комментариях, сопровождающих протоколы 1918 г., наиболее часто встречаются слова: голод, хлеб, безработица. Протокол заседания от 17 мая 1918 г. наглядно демонстрирует актуальность продовольственного вопроса (Петербургский комитет 2013: 26). Никто из присутствующих на заседании не сомневался, что «выживание советской власти и в Петрограде зависит, по меньшей мере, от предотвращения дальнейшего ухудшения ситуации с поставкой продовольствия» (Петербургский комитет 2013: 26). По сравнению с другими территориями страны положение в Петрограде было самым сложным: «Прошло со времени Ок-

тябрьского переворота полгода; питерцы голодают, не получая ниоткуда хлеба. Между тем приезжавшие из провинции передавали, что там о голоде и не знают, всего вдоволь, все есть. В чем дело? Почему же голодаем?.. По моим наблюдениям, в мае 1918 года в Питере редко было можно видеть лошадей, часть их была съедена, часть подохла, часть уведена в деревню, а часть была нами реквизирована для нужд нашей гражданской войны. К этому времени я не помню, чтобы где-нибудь встречал кошку или собаку: предприимчивые люди и их использовали» (Каюров 1924: 38).

Материалы документов позволяют проследить эволюцию подхода ПК к продрозверстке и к формированию продотрядов как главных инструментов снабжения. ПК критиковал Ленина за то, что тот предлагал создать еще больше продотрядов с целью изъятия продовольствия из хлебопроизводящих губерний и направить в них 25 % партийцев. Для этого Ленин, воспользовавшись личным каналом связи — через своего «старого знакомого» В.Н. Каюрова, обратился с письмом к рабочим Петрограда, минуя ПК. В письме Ленин сетует на то, что организовать массовый поход в деревню некому, «кроме питерских рабочих, ибо столь сознательных, как питерские рабочие, других в России нет». После того как письмо было доставлено Каюровым, ПК на заседании от 22 июля 1918 г. признал такой способ действий недопустимым (Петербургский комитет 2013: 261). Сам Каюров в своих воспоминаниях описывает эпизод с доставкой письма

следующим образом: «По приезде в Петербург я познакомил с письмом в нескольких районах партийных товарищей, затем явился к тов. Лашевичу и Зиновьеву. Последний, прочитав письмо, недружелюбно махнул рукой и на мой вопрос: “Даете ли свое согласие на вербовку отрядов?” — ответил мне: “Как хотите, так и делайте”. Недружелюбно отнеслись и другие власти. При обсуждении письма в районных комитетах партии петербургской организации некоторые товарищи выявляли свое недовольство, по-видимому, на “недисциплинированность” Владимира Ильича, посланного письмо через меня, а не обычным порядком» (Каюров 1924: 42).

К декабрю у ПК уже не осталось сомнений в необходимости подобных мер. Протокол от 24 декабря 1918 г. постановил сформировать отряд для реквизиции картофеля в окрестностях Петрограда (Петербургский комитет 2013: 342), а протокол от 26 декабря 1918 г. признавал «такой товарообмен в отношении картофеля экстренной мерой» (Петербургский комитет 2013: 34).

4. О прессе и зрелищах. Еще один тематический блок связан с прессой и мероприятиями в честь первой годовщины революции. Три протокола (5–19 марта 1918 г.) посвящены процессу ликвидации газеты «Коммунист». Протокол от 23 сентября 1918 г. обсуждал вопрос о сокращении численности газет до трех наименований («Правда», «Коммуна», «Красная») и увеличении числа подписчиков на «Правду» за счет петроградских большевиков, для которых подписка должна была стать

обязательной (Петербургский комитет 2013: 260). Учреждение новых праздничных дней, годовщин и всевозможные способы превознесения революции также оказались в сфере внимания ПК. Его протоколы пе­стрят обсуждением Дня Красного офицера, митингов, годовщины революции и т.п. Авторы публикации отмечают, что «беспрецедентное трехдневное празднование первой годовщины октябрьского захвата власти в Петрограде пролило ценный свет на пределы роли ПК в революции». Дело в том, что Петроградский Совет сформировал Центральное бюро по организации октябрьских торжеств с отдельным бюджетом без консультации с ПК, чем члены ПК были явно возмущены (Петербургский комитет 2013: 34). Интереснейшим является и двух­страничный комментарий к протоколу заседания от 5 июня 1918 г., на котором речь шла о похоронах Г.В. Плеханова. В нем четко прослеживается изменение позиции большевиков по отношению к памяти первого русского марксиста. Исходной точкой ее эволюции является бескомпромиссная зиновьевская оценка: «Для нас Плеханов умер в 1914 году». Финальную же точку ставит в 1921 г. Ленин, когда говорит о необходимости присматривать за могилой Плеханова и о желательности «переименования в его честь улицы Казанской в Петрограде» (Петербургский комитет 2013: 173-175).

ОТ ПК ДО ЧК (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Посмеем высказать предположе­ние, что одно из символических измерений влияния ПК на историю

революции и страны кроется в его кратком самоназвании. Пристрастие к сокращениям и аббревиатурам — отличительная черта революционного новояза, обозначившаяся уже в период первой русской революции. С наибольшей силой это пристрастие заявило о себе в первое десятилетие после прихода большевиков к власти. Производное от аббревиатуры ПК наименование его членов «пекистами» еще в 1910 г. попало на страницы третьего издания словаря иностранных слов, дополненного «преимущественно социально-политическими терминами, вошедшими в жизнь в последние годы» (Словарь 1910). В декабре 1917 г. новая советская структура по борьбе с контрреволюцией и саботажем — ВЧК — ментально получила короткое полуофициальное наименование ЧК, а ее члены стали называться чекистами. Что касается пекистов, то к 1928 г. они мистическим образом (но не без помощи чекистов) исчезают из массового большевистского словоупотребления, и даже со страниц специализированных изданий, посвященных изменениям языка под влиянием революционной эпохи. Другое дело слова «чекисты» и «чека»: они укореняются прочно (Селищев 1928: 165, 183), обретают и сохраняют символический смысл, занимают прочные позиции в советском, отчасти и в постсоветском словарном пространстве...

БИБЛИОГРАФИЯ

Каюров 1924 — Каюров В. Н. Мои встречи и работа с В.И. Лениным в годы революции // Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 37-61.

Котлеревский 1917 — *Котлеревский Н. А.* Народ и высшие культурные ценности. Петроград: Изд-во «Свет и свобода», 1917. 16 с.

Лебон 1896 — *Лебон Г.* Психология народов и масс / пер. с франц. А. Фридмана и Э. Пименовой. СПб.: Ф. Павленков, 1896. 329 с.

Ленин 1969 — *Ленин В. И.* Речь по вопросу об органе Петербургского комитета // Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 32. М.: Политиздат, 1969. 605 с.

Первый легальный 1927 — Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.: сборник материалов и протоколов заседаний Петербургского комитета РСДРП(б) и его Исполнительной комиссии за 1917 г. с речами В. И. Ленина / под общ. ред. и с предисл. П. Ф. Куделли; подгот. к печ. Г. Л. Шидловский / Отд. Ленингр. губ. ком. ВКП(б) по изуч. ист. Окт. рев. и ВКП(б); Ленинградский истпарт. М.-Л.: Гос. изд-во, 1927. XVI, 408 с.

Петербургский комитет 2013 — Петербургский комитет РКП(б) в 1918 году: протоколы и материалы заседаний / Санкт-Петербургский ин-т истории Российской акад. наук, Центральный гос. арх. историко-политических документов Санкт-Петербурга. Сост.: Т. А. Абросимова, В. Ю. Черняев, А. Рабинович). СПб.:

Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2013. 559 с.

Петербургский комитет 2003 — Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний / подгот. к печати и ред.: Т. А. Абросимова, Т. П. Бондаревская, Е. Т. Лейкина, В. Ю. Черняев. СПб.: Бельведер, 2003. 686 с.

Селищев 1928 — *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М.: Работник просвещения, 1928. 248 с.

Словарь 1910 — Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / под ред. А. Н. Чудинова. СПб.: Издание В. И. Губинского, 1910. URL: www.inslov.ru (дата обращения: 12.05.2016).

Смирнова, Соболев 2004 — *Смирнова А. А., Соболев Г. Л.* Ценная публикация документов // История Петербурга. 2004. № 1 (17). С. 89–91.

Фадеев 2013 — *Фадеев Е. В.* Толпа и масса: сравнительный анализ психологических характеристик (свойств и качеств) // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 2 (39). С. 146–148.

DOCUMENT – EPOCH – RESEARCHER. A REVIEW OF THE PUBLICATION
OF THE ST. PETERSBURG COMMITTEE OF THE BOLSHEVIK PARTY REPORTS 1917–1918

Rev.: Peterburgskii komitet RSDRP(b) v 1917 godu: Protokoly i materialy zasedanii / podgot. k pechati i red.: T. A. Abrosimova, T. P. Bondarevskaia, E. T. Leikina, V. Iu. Cherniaev. SPb.: Bel'veder, 2003. 686 s. Rev.: Peterburgskii komitet RKP(b) v 1918 godu: protokoly i materialy zasedanii / Sankt-Peterburgskii in-t istorii Rossiiskoi akad. nauk, Tsentral'nyi gos. arkh. istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (sost.: T. A. Abrosimova, V. Iu. Cherniaev, A. Rabinovich). SPb.: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 2013. 559 s.

№ 1 2017 *Lipatova Nadezhda V.* — candidate of historical sciences, deputy director of the research N. M. Karamzin Institute of history and culture of Ulyanovsk region, associate professor of Ulyanovsk State University (Ulyanovsk)

REFERENCES

- Kaiurov V.N. *Moi vstrechi i rabota s V.I. Leninym v gody revoliutsii* // *Proletarskaia revoliutsiia*. 1924. No 3. P. 37–61.
- Kotlrevskii N.A. *Narod i vysshie kul'turnye tsennosti*. Petrograd: Izd-vo "Svet i svoboda", 1917. 16 p.
- Lebon G. *Psikhologiia narodov i mass* / per. s frants. A. Fridmana i E. Pimenovoi. St. Petersburg: F. Pavlenkov, 1896. 329 p.
- Lenin V.I. Rech' po voprosu ob organe Peterburgskogo komiteta // *Poln. sobr. soch.* Izd. 5. Vol. 32. Moscow: Politizdat, 1969. 605 p.
- Pervyi legal'nyi Peterburgskii komitet bol'shevikov v 1917 g.*: sbornik materialov i protokolov zasedanii Peterburgskogo komiteta RSDRP(b) i ego Iсполnitel'noi komissii za 1917 g. s rechami V.I. Lenina / pod obshch. red. i s predisl. P.F. Kudelli; podgot. k pech. G.L. Shidlovskii / Otd. Leningr. gub. kom. VKP(b) po izuch. ist. Okt. rev. i VKP(b); Leningradskii istpart. Moscow-Leningrad: Gos. izd-vo, 1927. XVI, 408 p.
- Peterburgskii komitet RKP(b) v 1918 godu: protokoly i materialy zasedanii* / Sankt-Peterburgskii in-t istorii Rossiiskoi akad. nauk, Tsentral'nyi gos. arkh. istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga. Cost.: T.A. Abrosimova, V.Iu. Cherniaev, A. Rabinovich). St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 2013. 559 p.
- Peterburgskii komitet RSDRP(b) v 1917 godu: protokoly i materialy zasedanii* / podgot. k pechati i red.: T.A. Abrosimova, T.P. Bondarevskaia, E. T. Leikina, V.Iu. Cherniaev. St. Petersburg: Bel'veder, 2003. 686 p.
- Selishchev A.M. *Iazyk revoliutsionnoi epokhi. Iz nabliudenii nad russkim iazykom poslednikh let (1917–1926)*. Moscow: Rabotnik prosveshcheniia, 1928. 248 p.
- Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo iazyka*. Materialy dlia leksicheskoi razrabotki zaimstvovannykh slov v russkoi literaturnoi rechi / pod red. A.N. Chudinova. St. Petersburg: Izdanie V.I. Gubinskogo, 1910. URL: www.inslov.ru (data obrashcheniia: 12.05.2016).
- Smirnova A.A., Sobolev G.L. Tsennaia publikatsiia dokumentov // *Istoriia Peterburga*. 2004. No 1 (17). P. 89–91.
- Fadeev E.V. Tolpa i massa: sravnitel'nyi analiz psikhologicheskikh kharakteristik (svoistv i kachestv) // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*. 2013. No 2 (39). P. 146–148.

М. Н. Лукьянов

«ВЕЛИКИЕ ПОТряСЕНИЯ» ГЛАЗАМИ ПРАВОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ДНЕВНИКА БОРИСА НИКОЛЬСКОГО

Рец.: *Никольский Б. В.* Дневник, 1896–1918 / изд. подгот. Д. Н. Шиловым, Ю. А. Кузьминым. В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 1. 704 с.; Т. 2. 656 с.

Рецензируемое издание делает доступным массовой аудитории источник, прежде знакомый ограниченному кругу читателей, главным образом специалистам по политической истории России начала XX в. Его автор, Борис Владимирович Никольский, преподавал римское право в Училище правоведения, Санкт-Петербургском и Юрьевском университетах, занимался литературоведением, писал стихи, однако более всего оказался известен как активный участник правового движения.

В соответствии с политической конъюнктурой оценки автора дневника в исторической литературе варьировались в самом широком диапазоне, от резко негативных до откровенно панегирических. В 1920-е гг. в авторизованной биографии Г. В. Чичери-

на отмечалось, что во второй половине 1890-х тот «нашел отзвуки своим философско-пессимистическим настроениям в творчестве *реакционера* [курсив наш. — М. Л.] Б. В. Никольского» (Деятели 1989: 755). На излете советской эпохи, в конце 1980-х гг., В. С. Дякин именовал его «одним из идеологов черносотенства» (Дякин 1988: 165).

И в постсоветское время Никольский оставался заметным персонажем правой части российского идейно-политического спектра начала XX в. Важнейшую роль в этом сыграли работы Ю. И. Кирьянова. Он написал статью о Никольском для энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века», многократно упоминал его в монографии о Русском собрании¹.

В 2000-е гг. на оценки Никольского существенно повлияла новая

© Лукьянов М. Н., 2017

Лукьянов Михаил Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России, Пермский государственный университет (Пермь); mloukianov@gmail.com

¹ Судя по именному указателю, Никольский был упомянут в тексте 50 раз (!). См.: (Кирьянов 2003: 349).

историографическая мода: либералы и социалисты стали описываться как деструктивные элементы, ломавшие естественный порядок вещей, а их оппоненты справа – как борцы с разрушительными тенденциями. В таком контексте автор дневника оказался одним из наиболее заметных представителей антиреволюционных, антиреформаторских сил. Серию апологетических очерков о Никольском опубликовал Д. И. Стогов². В 2015 г. он писал: «Нам, православным людям, при обращении к жизни и трудам Никольского необходимо в первую очередь понимать следующее: этот человек до конца дней своих был предан православно-монархической идее, в духе которой были воспитаны его предки и он сам, и никогда на протяжении своей жизни он не изменял своим идеалам. Никольский любил свою Родину Россию и видел свою миссию в служении Богу, Царю и Отечеству» (Правая Россия 2015: 521, 535–536).

Вводная статья к рецензируемому двухтомнику, подготовленная Д. Н. Шиловым, выдержана в иной тональности. Шилов подчеркивает необычность Никольского, сделавшую его, несмотря на высокие знакомства, явным аутсайдером среди столичных интеллектуалов. «Обладая от рождения резким неуживчивым характером, высочайшим самомнением (основанным, правда,

² См., например: (Стогов 2008: 344–349; 2010: 313–316; 2012: 303–366; 2015: 521–537). Под редакцией Стогова вышел и сборник сочинений Никольского, включающий в себя не только выдержки из переписки и дневника, но и стихи, литературоведческие тексты, публичные выступления. См.: (Никольский 2009).

на широкой образованности и громадной эрудиции), мало восприимчивый к мнениям, суждениям и подходам, с которыми не был согласен, Никольский к тому же связал свою судьбу с партиями и движениями правого политического спектра. Все это вкупе со временем привело его фактически к положению изгоя в преобладавшей в Петербурге умеренно-либеральной гуманитарной среде» (Т. 1. С. 9).

Знакомство с дневником создает образ, далекий от того, что долгие годы доминировал в советской историографии. В ней принадлежность к правым, особенно крайне правым, чаще всего ассоциировалась с решительной защитой правительственного курса, самодержавия, и шире – статус-кво. Нельзя сказать, чтобы постсоветская историография существенно скорректировала эту установку в содержательном отношении. Скорее поменялись термины и знаки. Неблагозвучные «реакционеры» превратились в респектабельных «консерваторов», тогда как превозносимые прежде «революционеры» стали достойными осуждения «мятежниками» и «бунтовщиками»³.

Дневник Б. В. Никольского наглядно демонстрирует несостоятельность как традиционной советской трактовки, так и ее постсоветской альтернативы: реальная картина политических симпатий и антипатий ее видного представителя оказывается намного сложнее.

³ Появились книги, названия которых в советскую эпоху были бы восприняты не иначе, как оксюморон. См., например: (Святые черносотенцы 2011).

Никольский, безусловно, ассоциирует себя с консервативным идейно-политическим полем. Он демонстрирует знакомство с сочинениями отечественных и зарубежных консервативных идеологов и публицистов — К.П. Победоносцева, К.Н. Леонтьева, Э. Доде, Э. Берка, Ж. де Местра и выражает свое согласие с ними (Т. 1. С. 171, 499; Т. 2. С. 137, 173, 250, 259). Никольский полностью разделяет ключевые постулаты консервативного мировоззрения. Он видит источник творческого начала не в человеке, но в Боге (Т. 1. С. 174). Автор — убежденный сторонник социального неравенства. «Погибель современных государств — в эгалитарности. Все должны быть равны перед законом: но из этого никоим образом не выходит, чтобы все законы для всех должны быть одни. Это безумие. Дворянству, т.е. служилому сословию — свое, свободным профессиям — свое, купечеству — свое, духовенству — свое, военным — свое, мещанству — свое, фабричным — свое, прислуге — свое, студентам — свое» (Т. 1. С. 499).

По Никольскому, власть может распространяться только сверху вниз. Источник власти — Бог, чьим представителем является монарх. «Царь — мандатарий божий. <...> От монарха идет лестница мандатов. У царя мандатарии только министры, да губернаторы. У них уже мандатарии — директора и т.п.» (Т. 1. С. 255). Из этого следует, что единственно возможная форма власти в России — самодержавие. «Быть или не быть России, быть или не быть самодержавию, — одно и то же. <...> самодержавие до такой сте-

пени является сущностью нашего строя, нашей жизни, что не только мы, но даже иностранцы иначе и не могут себе вообразить Россию, как самодержавной» (Т. 2. С. 48). Даже летом 1917 г. он ждет «второго пришествия» самодержавия. «Возрождение пойдет новым собиранием растерзанного братьями-предателями на части Ивана-Царевича. <...> Монархия сложится, но не разом, и династия будет, но тоже не разом и не одна» (Т. 2. С. 308).

Не только демократические институты, но и любая инициатива снизу вызывает у него недоверие. Его смущает патриотический подъем июля 1914 г.: «Что касается манифестаций, то к ним я равнодушен. Это все бутафория» (Т. 2. С. 195). В мае 1918 г. Никольский обнаруживает сходство между черносотенными организациями и большевистскими Советами. «“Совдепы” <...> это отделы Союза русского народа, только из большевиков, но последнее — деталь: главное — пугачевщина, грабеж, воровство и жульничество...» (Т. 2. С. 383).

Бороться с либералами и социалистами должно, пользуясь своей монополией на насилие, государство (Т. 1. С. 475). Убитому финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову он советует найти «преемника более крутого» (Т. 2. С. 18). Его пугает воззвание Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича «К полякам!», обещавшего автономию Польше после победы над Германией и Австро-Венгрией: «Что же касается воззвания к полякам, то оно меня тревожит. <...> Ох, делатели

весны, будьте вы прокляты на все роды и роды!» (Т. 2. С. 198).

Очевидно, именно неприязнь к компромиссам и реформам обуславливает негативное отношение Никольского к Франции и Великобритании, сохраняющееся даже в период Первой мировой войны (Т. 2. С. 201–202). США также не вызывают у него позитивных эмоций (Т. 1. С. 212; Т. 2. С. 27). Куда более лояльное отношение Никольский демонстрирует к Германии (Т. 2. С. 27). Даже весной 1918 г. он полагает, что та заинтересована в наведении в России порядка, тогда как Англия и Франция предпочитают «углубление революции» (Т. 2. С. 375).

Последовательно отстаивая самодержавие как принцип, Никольский сомневается в адекватности Николая II роли самодержца. В мае 1897 г. он пишет, что царь «непроходимо глуп», а годом позже выражает опасения, как бы тот, в отличие от Александра III, не бросился завоевывать общественную популярность (Т. 1. С. 74, 174). С течением времени отношение Никольского к монарху не становится почтительнее. В период Первой мировой войны он иронически именует его «обожаемым полковником» (Т. 2. С. 195, 219, 232). Достается от него и императрице. Никольский упрекает ее в «эротоманстве» и даже допускает причастность «полковницы» к шпионажу (Т. 2. С. 71, 245).

Никольский порицает высших бюрократов, резко отзываясь и об отдельных министрах (в том числе об обычно симпатичных правым Л.А. Кассо и Н.А. Маклакове) и о

правительстве в целом. «Безумное сборище глупых, трусливых, бездарных и ничтожных людей, что могут они делать, кроме сеяния анархии?» — пишет он о Совете министров в сентябре 1916 г. (Т. 2. С. 275). Не больше доверия и симпатии вызывают у Никольского правые политики. А.И. Дубровин, хотя и кажется лучше Н.Е. Маркова и его сторонников, все равно характеризуется как «противное, грубое животное» (Т. 2. С. 65, 115).

Дневник наполнен эсхатологическими ожиданиями. Уже в мае 1905 г. Никольскому кажется, что наступил «конец той России, которой я служил, которую любил, в которую верил» (Т. 2. С. 59). В 1912 г. он восклицает: «Боже, Боже мой, какой ужас жить в царствование Николая II-го...» (Т. 2. С. 7). А в начале 1916 г. признается: «Я верю в победу, но я не верю в будущее» (Т. 2. С. 235). Февраль 1917 г. полностью подтверждает прежние опасения: «Переворот совершился, династия кончена и начинается столетняя смута, если не более, чем столетняя. Ведь в лице нашей Империи умирает Восточно-римская империя» (Т. 2. С. 280).

О восстановлении «старого режима» после февраля 1917 г. Никольский не помышляет. На повестке дня оказывается гораздо более скромная задача — выжить. Он просит В.Н. Коковцова помочь перебраться ему в Америку (Т. 2. С. 282–283). И даже предлагает свои услуги Временному правительству (Т. 2. С. 285). Не сочувствуя свергнутому монарху, Никольский признает, что крах самодержавия означает и его личный

крах. «Я сегодня дошел до такого состояния, что готов плакать. Подумайте, что я переживаю: в религиозном отношении — поругание моей веры, унижение церкви; в государственном отношении — полный упадок военной мощи, расчленение на кусочки, грозный враг у порога столицы, полный ущерб всему русскому, в политическом отношении полное крушение того строя, которому я отдал себя, свои силы, свою семью, свою удачу; в смысле призвания — полная невозможность быть прочитанным или выслушанным в науке, словесности, где бы то ни было; в смысле житейского успеха — полный тупик и неизвестность; в смысле существования — нищета и невозможность прокормить семью. <...> Бог мне свидетель, что я не сдамся, не паду духом, не сложу рук и буду жить, пока [не] убьют или умру. Если так суждено, чего же метаться?» (Т. 2. С. 286). Приход к власти большевиков это настроение усугубляет: «Сейчас я еще не сломлен, еще не трус, но во мне, хуже всякой старости, леденящая скорбь за униженную, опозоренную Россию. Прожить 47 лет в незыблемом убеждении, что Россия — незыблема, неколебима, нерушима, что перед нею — сияющая вечность, бесконечные победы, что все личное вздор перед этим будущим, питать эту веру до конца, до сей минуты не поколебленной, и видеть Россию поруганной, оплеванной, преданной, битой, ведомою на позорное распятие и быть бессильным помочь ей хотя бы гибелью своей и всей семьи своей» (Т. 2. С. 320).

Пожалуй, лишь в дни корниловского выступления, да и то совсем

ненадолго, возникают надежды на лучшее (Т. 2. С. 312–313). Любопытно, что нещадно критикуя большевиков, Никольский признает их превосходство над оппонентами. «Большевики пишат все больше, но кому от этого лучше? Никому. Я злобы к ним не питаю. Не говоря о личностях и личной честности, это единственные политически честные люди за все время революции. Они беспомощны, бессильны, жалки, но они верны себе. Они не лгали политически. Ну, а что между ними жуликов не меньше, если не более, чем между другими, — так разве это удивительно?» (Т. 2. С. 454).

Перспективу возрождения страны он связывает с «новыми вождями», беспощадным террором и полным разрывом с недавним прошлым. В стихах он взывает к «нещадному ангелу истребления»: «Рази без счета и предела, / Чтоб ни одна не уцелела / Преємства гибельного нить. / Виновны все, — не знай пощады / Равны невежды, мудрецы, / Равны пророки, верхоглядцы, / И звездочеты, и слепцы, / Да не останется избавлен, / Кто старым ядом был отравлен, / Кто был и рвался быть вождем, / Да истребится род лукавый / И мы пределы древней славы / С вождями новыми вернем» (Т. 2. С. 387–368).

Опубликованный источник, как документ интимный, отражает не только мысли автора, но и особенности его личности. Дневник демонстрирует поразительное самомнение Никольского, граничащее с нарциссизмом. Некоторые пассажи производят прямо-таки

комическое впечатление. Чего стоит хотя бы рассуждение о внешности маленького сына: «Лицом — все говорят — в меня. Я всем говорю, что верю этому, ибо все восхищаются его красотой» (Т. 1. С. 126). Его статья производит «огромное впечатление» (курсив наш. — М. Л.) (Т. 1. С. 418). Нравится он себе и как преподаватель: «Мои практические занятия — лучшие в университете, мой курс — безусловно лучший из всех читаемых теперь публичных курсов...» (Т. 1. С. 531). Весьма высоко оценивает автор дневника себя и в качестве политика. 6 июля 1907 г. он записывает: «Я чувствую, что сыграл роль. Я силою воли и силой убеждения одухотворил слепой отпор. И непосредственно я этого не смог бы сделать; но я поил вином идейной воли тех, кто оставался тверд и верен. Это мне удалось. Перелом совершился» (Т. 2. С. 65.)

Даже крах всего дорогого Никольскому не избавляет его от комплекса превосходства. По поводу своей попытки выпросить субсидию у большевистского наркома просвещения А. В. Луначарского, он с удовлетворением констатирует: «Я был учтив, холоден, строг, ясен и краток» (Т. 2. С. 334). Летом 1918 г. Никольский восхищается плодами собственного поэтического творчества. «Весь день обдумывал и чистил моего “Патриция”. Хорошее стихотворение, верьте мне. Его в школах будут учить, как классически-образцовое. Моя поэзия, с ее терпким мужеством и силою, свое дело сделает» (Т. 2. С. 400).

Автор неизменно снисходителен к собственным слабостям, которые

признает, но считает извинительными: «Несомненно, мои лекции развивают; но научно они ниже всякой критики. Я не в состоянии читать под конец года без конспектов, а между тем конспектов у меня нет, а готовиться к каждой лекции — никаких сил не хватит» (Т. 1. С. 560). Очевидные отступления от моральных норм провозглашаются неизбежными, вполне в духе сформулированной веком позже максимы: «Не мы такие. Жизнь такая». «Я хитрю, я рассчитываю, я соображаю с людскими пороками и людской глупостью, потому что я должен жить...» — уверяет Никольский в августе 1913 г. (Т. 2. С. 145). А в ходе начавшейся революции своей главной задачей провозглашает собственное выживание: «Для отдельного человека, для личной инициативы сейчас еще места нет. Надо ждать. Кто останется жив и дождется — ему и книги в руки» (Т. 2. С. 313).

Вновь и вновь Никольский возвращается к необходимости попросту *пережить* трудные времена. «Надо ждать: вот и вся мудрость. Убогая мудрость, — но как же быть? А до тех пор надо есть и пить» (Т. 2. С. 337). С 1918 г. тема сохранения физических сил, поиска хлеба насущного, постоянно выходит на первый план. «Теперь *есть* там, где прежде люди *пили*. Это единственное, чем можно поднять в себе дух» (Т. 2. С. 377). «Голоданье сказывается глубокой слабостью. Сил нет», — замечает Никольский в июле 1918 г. (Т. 2. С. 415).

Новые, печальные для автора, события и обстоятельства заметно расширяют круг его контактов

и делают более лояльным к окружающим. В январе 1918 г. под впечатлением бесед с Е. В. Тарле он так описывает свое отношение к историку: «Я постепенно его начинаю прямо любить. Это ограниченный, легкомысленный, не достоверный ученый, но не лишенный ни ума, ни способностей, а по душе — добрый и хороший человек. Жид, конечно, — но уж этого ничем не поправишь... А в душе у него много хорошего и не-жидовского» (Т. 2. С. 325). Хвалит он и автора геополитических сочинений А. Е. Вандама: «Очень умный человек... Очень умный и глубокий... Вот естественный член Государственного совета новой России, переболевшей большевизмом» (Т. 2. С. 368).

Вообще, создается впечатление, что на фоне происходящей в стране катастрофы, житейских неудач у Никольского ослабевает склонность к самолюбанию и презрению к людям. Текст, начинающийся как записки весьма высокомерного и полного надежд 25-летнего молодого человека, превращается в летопись осознавшего ограниченность собственных возможностей обреченного, уже не рассчитывающего выбраться из неодолимого потока. И хотя последняя запись датирована началом сентября 1918 г., и Никольскому остается еще девять месяцев до ареста и расстрела, такое развитие событий кажется необратимым.

Подготовившие издание сотрудники Государственной национальной библиотеки Д. Н. Шилов и Ю. А. Кузмин проделали огромную работу, собрав дошедшие до нас фрагменты дневника, хра-

нящиеся в РГИА и ГАРФ. Издание снабжено основательным справочным аппаратом, составляющим более двухсот пятидесяти страниц. Благодаря усилиям петербургских историков их коллеги получили возможность познакомиться с одним из самых ярких эго-документов рубежа XIX–XX вв., помогающим более адекватно судить не только о событиях той эпохи, но и об отношении к ним российского правого интеллектуала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Деятели 1989 — Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989.

Дякин 1988 — Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988.

Кириянов 2003 — Кириянов Ю. И. Русское собрание, 1900–1917. М., 2003.

Никольский 2009 — Никольский Б. В. Сокрушить крамолу. М., 2009.

Правая Россия 2015 — Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX в. / сост. А. А. Иванов, А. Д. Степанов. СПб., 2015.

Святые черносотенцы 2011 — Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа / сост., вступ. и биогр. ст., комм. А. Д. Степанова, отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011.

Стогов 2008 — Стогов Д. И. Никольский Б. В. // Черная сотня. Историческая энциклопедия (1900–1917). М., 2008.

Стогов 2010 — Стогов Д. И. Никольский Б. В. // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2010.

Стогов 2012 — Стогов Д. И. Черносотенцы. Жизнь и смерть за великую Россию. М., 2012.

Стогов 2015 — Стогов Д. И. Патриот Земли Русской. Борис Владимирович Никольский (1870–1919) // Правая

Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / сост. А. А. Иванов, А. Д. Степанов. СПб., 2015.

«THE GREAT UPHEAVAL» AS SEEN BY A RIGHT INTELLECTUAL:
NOTES IN THE MARGIN OF THE BORIS NIKOLSKY

Rev.: Nikol'skii B. V. Dnevnik, 1896–1918 / izd. podgot. D. N. Shilovym, Iu. A. Kuz'minym. V 2 t. Spb.: Dmitrii Bulanin, 2015. T. 1. 704 s.; T. 2. 656 s.

Lukyanov Mikhail N. — doctor of historical sciences, professor of the modern history of Russia, Perm State University (Perm)

REFERENCES

Deiateli SSSR i revoliutsionnogo dvizheniia Rossii. Entsiklopedicheskii slovar' Granat. Moscow, 1989.

Diakin V.S. *Burzhuaizii, dvorianstvo i tsarizm v 1911–1914 gg.* Leningrad, 1988.

Kir'ianov Iu.I. *Russkoe sobranie, 1900–1917.* Moscow, 2003.

Nicol'skii B.V. *Sokrushit' kramolu.* M., 2009.

Pravaia Rossiia. Zhizneopisaniia russkikh monarkhistov nachala XX v. / sost. A. A. Ivanov, A. D. Stepanov. St. Petersburg., 2015.

Sviatye chernosotentsy. Sviashchennyi Soiuz Russkogo Naroda / sost., vstup. i biogr. st.,

komm. A. D. Stepanova, otv. red. O. A. Platonov. Moscow, 2011.

Stogov D.I. Nicol'skii B.V. // *Chernaia sotnia. Istoricheskaia entsiklopediia (1900–1917).* Moscow, 2008.

Stogov D.I. Nicol'skii B.V. // *Russkii konservatizm serediny XVIII – nachala KhKh veka* / otv. red. V. V. Shelokhaev. Moscow, 2010.

Stogov D.I. *Chernosotentsy. Zhizn' i smert' za velikuiu Rossiyu.* Moscow, 2012.

Stogov D.I. Patriot Zemli Russkoi. Boris Vladimirovich Nicol'skii (1870–1919) // *Pravaia Rossiia. Zhizneopisaniia russkikh monarkhistov nachala XX veka* / sost. A. A. Ivanov, A. D. Stepanov. St. Petersburg, 2015.

Ф. И. Мелентьев

«ПИСЬМА О ПУТЕШЕСТВИИ ГОСУДАРЯ НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА ПО РОССИИ ОТ ПЕТЕРБУРГА ДО КРЫМА»:

краткая характеристика источника
и обзор современных переизданий

«Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма», изданные И. К. Бабстом и К. П. Победоносцевым в 1864 г., являются важным памятником общественной мысли пореформенной России (Письма 1864). В книге, с одной стороны, отражен возросший в эпоху Великих реформ общественный интерес к внутреннему положению Российской империи, а с другой — показано, что этому интересу была не чужда и императорская фамилия (в которой, впрочем, издавна культивировалась любовь к Отечеству). Одним из членов царской семьи, который должен был получить доскональные представления о стране в эту эпоху, был наследник цесаревич Николай Александрович (1843–1865), однако Российская империя во многом казалась старшему сыну Александра II некой загадкой.

В частности, уже после его ознакомления с центральными губерниями страны Юго-Западная Россия еще представляла, по словам наследника, «почти неизвестный» ему мир (Correspondence 2003: 262).

Своеобразной попыткой разгадать эту загадку стали путешествия по стране, которые цесаревич Николай Александрович совершил в 1861 и 1863 гг. Во время первого путешествия наследник в сопровождении небольшой свиты побывал в Москве, Владимире и Нижнем Новгороде, откуда по Волге отправился в Казань. В 1863 г. цесаревич совершил плавание по Волге и Дону, а также посетил Крым и Закавказье. Во втором путешествии, помимо попечителя цесаревича гр. С. Г. Строганова и состоявшего при наследнике полковника О. Б. Рихтера, а также врача Н. А. Шестова, секретаря Ф. А. Оома, художника А. П. Боголюбова и молодых графов А. Б. Перовского и Н. С. Строганова, наследника сопровождали его преподаватели Бабст

© Мелентьев Ф. И., 2017

Мелентьев Федор Ильич — магистр истории, аспирант кафедры истории России XIX — начала XX века исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва); fim91@mail.ru

и Победоносцев, приглашение которых в свиту цесаревича являлось нововведением и подчеркивало преимущественно образовательный характер путешествия.

Иван Кондратьевич Бабст и Константин Петрович Победоносцев, которые преподавали наследнику статистику и русское гражданское право, присоединились к нему в Рыбинске, а уже из Саратова 19-летний Николай Александрович писал отцу, что они «своими знаниями много содействуют полезной стороне дела»¹. Победоносцев, на которого, согласно записи в его дневнике, рассчитывали «как на руководителя по делам гражд[анского] управления»², и Бабст, взявшийся объяснять наследнику «экономическое состояние края» (*Чичерин* 2010: 65), не только просвещали своего ученика, но и посылали в редакцию влиятельной ежедневной политической газеты «Московские ведомости» корреспонденции о путешествии цесаревича.

Эти материалы наряду с беседами, которые преподаватели вели с наследником, были призваны стать своего рода «ключом» к разгадке России, позволяющим цесаревичу сориентироваться в огромной массе путевых впечатлений. Поэтому в 1864 г. газетные публикации Бабста и Победоносцева были дополнены новыми сведениями и вышли отдельным изданием с предисловием, которое одно только и было подписано именами преподавателей (Письма 1864). При этом

¹ ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 814. Л. 71.

² РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 32 об.

очевидно, что главным читателем книги должен был стать сам Николай Александрович, поскольку речь шла о его путешествии. Таким образом, текст «Писем» становился той «призмой», через которую наследнику предстояло смотреть на Россию.

Можно предположить, что авторский вклад преподавателей распределялся согласно их научным интересам и общественным взглядам. Скорее всего, именно Бабст на примере Мариинской водной системы, Волги и Дона, а также железных дорог демонстрировал наследнику достоинства и недостатки путей сообщения. Описывая заводы и кустарную промышленность, Бабст затрагивал рабочий вопрос и проблемы отечественного производства, а также обращал внимание читателя на либеральный таможенный тариф, который, по его мнению, не отвечал потребностям развития России.

Не называя имен, Бабст полемизировал с политикой, которую вел министр финансов М. Х. Рейтерн, выступавший за ограничение вмешательства государства в экономику. Бабст же считал необходимой поддержку промышленности со стороны государства, но без мелочной бюрократической опеки. Основные финансово-промышленные положения «Писем» в определенной степени отражены в дневнике Бабста, который он вел во время путешествия в 1863 г. Хотя он написан как дневник о путешествии Бабста в свите цесаревича Александра Александровича в 1866 г., тем

не менее его содержание относится к более раннему периоду³.

Этот дневник позволяет определить принадлежность Бабсту некоторых фрагментов текста «Писем», например тех, в которых подчеркивалось большое значение Каспийского моря для торговли с Азией (Письма 1864: 373–374, 386–388). Так, 27 июля Бабст писал о длинном разговоре с Николаем Александровичем по поводу «необходимости нашего влияния на Востоке и о легкости или, лучше сказать, большем удобстве, которое представляет для этого Астрахань». Иван Кондратьевич отмечал: «Говорилось мною, по крайней мере, все то, что давным-давно уже было мною говорено и писано»⁴. Таким образом, вовсе не «Победоносцев прокламировал тогда то самое продвижение в Среднюю Азию, которое началось через год и заняло ближайшие десятилетия», как считала С.Л. Эвенчик, обратившаяся к «Письмам» для характеристики историко-правовых взглядов Победоносцева (Эвенчик 1969: 105).

Константину Петровичу же, вероятно, принадлежат имеющиеся в книге многочисленные описания монастырей, храмов и церковных реликвий, а также пространные размышления о трудной доле и важном предназначении приходского духовенства, представители которого, по мнению будущего обер-прокурора Синода, должны были стать народными учителями. Характерный

стиль Победоносцева просматривается в рассуждениях об истории Войска Донского и местных органах общественного управления, а также во всевозможных исторических экскурсах. Интерес к вопросам религии, внимание к истории и современности различных учреждений были присущи Победоносцеву, что, в частности, подтверждается в его дневнике, ведение которого он, впрочем, прервал на время путешествия с наследником.

«Письма о путешествии» рассматриваются исследователями как свидетельство эволюции Победоносцева от умеренного либерализма к консерватизму (Минаков 2006). Действительно, если в опубликованном в 1859 г. памфлете «Граф В.Н. Панин, министр юстиции» Победоносцев выступал поборником гласности, восклицая, что «о гласности мы смеем только мечтать и Бог весть когда ее дождемся» (Победоносцев 1996: 39), то в «Письмах» он сетовал, что «жадно проснувшаяся гласность» выискивает «слабости, недостатки, примеры падения» в среде духовного сословия, но указывал при этом, что «добрые дела и подвиги, которые в то же время совершаются в глуши, куда не достигаает никакая гласность, — гораздо труднее узнать и обнаружить» (Письма 1864: 90–91).

Таким образом, в «Письмах» критиковалась не гласность как таковая, а лишь ее негативные, по мнению Победоносцева, проявления, ставшие очевидными после публикации книги священника Иоанна Белюстина «Описание сельского духовенства» (Белюстин 1858). Эта книга

³ ОПИ ГИМ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3. Л. 37–55 об.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3. Л. 46; ср.: (Бабст 1852: 145).

потрясла современников, перед которыми открылась неприглядная картина униженного положения приходских клириков. В 1862 г. Победоносцев лично познакомился с отцом Иоанном, однако не нашел в нем того, что хотел видеть в православном священнике. «Он не в моем вкусе, — писал Победоносцев в дневнике. — Много современного духу, журнального духу в его речи. Не видно, чтобы собран был внутрь, а видно, что расходится внаружу. Но, может быть, я и ошибаюсь»⁵. Как бы то ни было, в «Письмах» Победоносцев говорил не о вреде гласности самой по себе, а об опасности поверхностных публичных суждений.

В целом же книга Бабста и Победоносцева подвела читателя к мысли о том, что для понимания России и управления ею необходимо руководствоваться не искусственными теориями, а подлинным знанием нужд страны, во многом определявшихся ходом ее исторического развития. «В решении вопросов промышленных, точно так же как и политических, — говорилось в «Письмах», — нужно поменьше выезжать на общих местах и фразах, а глубже и серьезнее вникать в наши хозяйственные нужды». Из этого следовало, что потребности России были столь сложны, что «тут одним словом “свобода торговли” ничего не сделаешь, потому что для практического решения задачи нужно заглядывать в такие уголки и принимать в расчет такие мелочные, по-видимому, совершенно вне промышленности стоящие условия,

о которых никогда и не грезилось людям, привыкшим такие животрепещущие вопросы разрешать легко, одною общею и громкою фразой». В книге подчеркивалось: «Весь вопрос в том, что при свободном соперничестве должны соперничать равный с равными, а где силы не равны, там не может быть и свободной конкуренции» (Письма 1864: 177–178). Это означало, что для успешного соперничества с иностранной промышленностью отечественному производству требовалась поддержка государства.

Хотя эти размышления, скорее всего, принадлежали Бабсту, очевидно, что Победоносцев разделял его мнение, поскольку еще 11 апреля 1863 г., беседуя о свободе совести с фрейлиной великой княгини Елены Павловны баронессой Э. Ф. Раден, стремился доказать, «что где есть борьба интересов и партий, там безусловное применение принципа: *laissez faire* (невмешательства. — Ф. М.) — может вести к насилью одной стороны над другою. Государство является посредником и модератором. Если оно отнимет свою руку, отречется от своего призвания, то на место его становится та сторона — чья сила возьмет, и тогда вместо веса и меры является насилье»⁶. Будь то морально-нравственная сфера или отрасли государственного хозяйства, руководствоваться в них, по мнению Бабста и Победоносцева, следовало, исходя из устоявшегося порядка вещей.

Кроме того, Константину Петровичу наверняка импонировала крити-

⁵ РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об.

⁶ РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 40 об. — 41.

ка тех представителей бюрократии, которые привыкли разрешать сложные вопросы звонкими, но бессмысленными фразами. К таким государственным деятелям он, например, относил министра внутренних дел П.А. Валуева. «Когда я слушал Валуева, я с ужасом спрашивал себя: “Неужели на этом человеке держится администрация огромной, необъятной России!”» — делился Победоносцев в письме к Раден 16 сентября 1862 г. своими впечатлениями о заседаниях общего собрания Государственного совета. «Что за тон, что за слова! “Официальная виллегиатура, — бесполезная суперфекация”, и множество в том же роде. В моих глазах это была какая-то страшная карикатура на государственного человека»⁷. Таким образом, уже в начале 1860-х гг. московские профессора стремились оказать на наследника престола влияние, которое должно было оттолкнуть будущего императора от «космополитичной» столичной бюрократии.

Как бы то ни было, но тяготевший к западникам Бабст и близкий к славянофилам Победоносцев сходились далеко не во всем. По-видимому, они разошлись в оценке значения немецкой колонии Сарепты, расположенной в Саратовской губернии и обладавшей определенными льготами. «Кажется, что не переставая быть русским человеком и не ослабляя национального чувства, можно терпеть в русской земле такое явление, как Сарепта, и даже сочувствовать ему», — снисходительно говорилось в «Письмах» (Письма 1864:

338). Хотя в целом для книги было характерно изложение от первого лица множественного числа, в данном случае оно велось в единственном лице, в то время как лишь один из авторов «Писем» мог по праву подчеркивать свое русское происхождение. Разногласие относительно поволжской колонии подтверждал и сам цесаревич. «Спорили о Сарепте, — писал он своему 16-летнему брату великому князю Владимиру Александровичу. — Боголюбов нападал, Бабст слегка его поддерживал, прочие опровергали Боголюбова»⁸.

Однако различия в некоторых оценках не противоречили желанию Бабста и Победоносцева повлиять на формирование у наследника целостного представления о России и русском народе. В условиях Польского восстания 1863–1864 гг. и напряженного ожидания новой европейской войны Россия переживала общественный подъем, связанный с ростом патриотических и националистических настроений, которому способствовали яркие статьи редактора «Московских ведомостей» М.Н. Каткова. В то же время Бабст и Победоносцев подводили читателя к мысли, что выражения подобных настроений и знаки народной любви к царской семье оказались возможными только после отмены крепостного права. «Мы почтем себя счастливыми, — писали они, — если русский читатель разделит с нами хотя отчасти те впечатления, которые оставило нам на целую жизнь свободное движение народа навстречу сыну

⁷ Там же. Д. 54. Л. 6 об.

⁸ ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 620. Л. 14

и наследнику царя-освободителя» (Письма 1864: IV).

В этом контексте и появилось 27 неподписанных газетных публикаций о путешествии цесаревича по России, причем первая из них представляла собой письмо Победоносцева к фрейлине императрицы Марии Александровны А. Ф. Тютчевой, в котором Константин Петрович восхищался добрыми чувствами народа по отношению к царской власти вообще и цесаревичу в частности⁹. Возможно, Победоносцев рассчитывал, что Тютчева покажет это письмо императрице. По крайней мере, так и произошло: судя по письму Марии Александровны к сыну, она была тронута тем, как тонко Победоносцев передал свои ощущения¹⁰.

Письмо Константина Петровича практически полностью, хотя и без указания автора и адресата, было опубликовано 2 июля в № 143 «Московских ведомостей», положив начало путевым корреспонденциям Бабста и Победоносцева (впрочем, в книжную версию «Писем о путешествии» это письмо не вошло). Таким образом, почин описания путешествия наследника принадлежит скорее Победоносцеву, нежели Бабсту. Кроме того, участие в этом путешествии и публикации о нем стали одной из ступеней к политическому возвышению Победоносцева (*Фирсов* 2016: 94), который был представлен императору и императрице в Крыму именно в 1863 г., испытав, как он признавался в дневниковых

записях, «первые очарования и разочарования придворных впечатлений»¹¹. Примечательно, что это произошло уже после окончания преподавания Победоносцевым цесаревичу Николаю Александровичу, которое было начато в январе 1862 г.

Важной чертой «Писем» являлся их компилятивный характер. Книга содержала заимствования из сочинения Бабста «Речная область Волги» (*Бабст* 1852). Возможно, заимствования делались не напрямую, а из путеводителя пароходного общества «Самолет», на одном из судов которого путешествовал наследник и его спутники (*Боголюбов* 1862). В «Письмах» имелись текстуальные параллели с книгой Бабста «От Москвы до Лейпцига» (*Бабст* 1859), а также фрагменты разнообразных записок, поднесенных цесаревичу в губерниях (см., например: *Смирнов* 1864; *Заметки* 1878). По словам Бабста и Победоносцева, «все, от кого можно было ожидать верных сведений, стремились удовлетворить желанию государя наследника — ознакомиться с нуждами и внутреннею жизнью края, по которому совершалось его путешествие» (Письма 1864: IV). Таким образом, «Письма», по замыслу их создателей, должны были стать своеобразной энциклопедией жизни пореформенной России.

Кроме того, первые две главы «Писем», повествующие о пути от Петербурга до Рыбинска, проделанном путешественниками без сопровождения преподавателей, были

⁹ НИОР РГБ. Ф. 230. Карт. 5273. Д. 1. Л. 1-2.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3233. Л. 63.

¹¹ РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 2 6. Л. 7 об.

основаны на материалах путевого журнала, который вел О.Б. Рихтер (см.: Мелентьев 2016: 195–196). Обращение к свидетельствам очевидцев и сведениям знающих людей должно было стать залогом объективности «Писем». Возможно, что по той же причине не были указаны на титульном листе и фамилии авторов, показывавших тем самым, что они излагают не собственные воззрения, а передают мнения тех, кто ближе и лучше знает жизнь в провинции (см.: Полунов 2010: 79–80).

Как свидетельствуют дневниковые записи и переписка цесаревича Николая Александровича, изученные американским исследователем Р.С. Уортманом, во многом он воспринял положения, сформулированные Бабстом и Победоносцевым. Наследник разделял убеждение преподавателей в общенародной любви к царю, видя подтверждение этому во встречавших его самого восторженных толпах. Опора самодержавия на народ, готовый поддержать царя, и в то же время необходимость крепкой и неограниченной государственной власти были, по-видимому, ключевыми элементами построений Бабста и Победоносцева, которые им удалось изложить великому князю. Неудивительно, что он поддерживал и мнение о необходимости для России протекционистского таможенного тарифа, который мог бы поспособствовать развитию отечественной промышленности (Уортман 2004: 152–157).

обратить особое внимание своего ученика на проблемы приходского духовенства, хотя храмовая архитектура и церковные древности вызвали у цесаревича неподдельный интерес (Мелентьев 2015а: 9). Возможно, здесь сказалось влияние его попечителя С.Г. Строганова, скептически относившегося к религии, но являвшегося при этом крупным знатоком церковного искусства.

Рассматривая вопрос о том, читал ли цесаревич «Письма», и если да, то в какой версии (газетной или книжной), следует отметить, что Николай Александрович во время путешествия читал «Московские ведомости», особенно отмечая статьи Каткова и делясь впечатлениями о них в письмах к матери¹². Кроме того, наследник иронизировал по поводу своего 13-летнего брата великого князя Алексея Александровича, который не читал газет и поэтому не знал подробностей путешествия цесаревича (Мелентьев 2015б: 431).

Таким образом, скорее всего, Николай Александрович ознакомился с публикациями Бабста и Победоносцева на страницах «Московских ведомостей», но ему была известна и книга, поскольку в 1864 г. он распорядился приобрести 100 экземпляров «Писем» и разослать их по тем губерниям, через которые пролегал его путь¹³. Между тем близкий к цесаревичу князь В. П. Мещерский вспоминал, что тот не успевал читать практически ничего, кроме

¹² ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 38, 75.

¹³ РГИА. Ф. 540. Оп. 1 (114/1373). Д. 252. Л. 147

газет¹⁴. Экземпляр «Писем», который мог бы принадлежать Николаю Александровичу, пока не выявлен. В 1864 г. наследник отправился в путешествие по Европе, а в 1865 г. скончался в Ницце от туберкулезного менингита. Поэтому возможность основательного знакомства цесаревича с книжной версией «Писем» еще остается под вопросом.

Отрывки из «Писем», свидетельствовал историк Б. Б. Глинский в начале XX в., «до сих пор помещаются в наших хрестоматиях как лучшие образцы русской прозы и отечественной стилистики» (Глинский 2016: 178). Однако вплоть до конца прошлого столетия книгу можно было назвать «забытой» (Минаков 2006) или, по крайней мере, малоизвестной. Только на рубеже веков исследователями русской экономической мысли была предпринята попытка опубликовать отрывки из «Писем о путешествии» (Путешествие 1999), но составители включили в публикацию лишь ту часть текста, «в которой большее внимание уделяется экономике России», считая ее принадлежащей Бабсту (Бабст 1999: 298). Такой подход интересен как первая серьезная попытка разграничить написанное Бабстом и Победоносцевым и плодотворен в плане изучения и комментирования экономического наследия Ивана Кондратьевича, однако не дает целостного представления о тексте, который все же создавался в соавторстве.

Между тем в 2010 г. появилось сразу два переиздания «Писем» (при-

¹⁴ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817. Л. 98–98 об.

мечательно, что этот год стал особенно значимым в плане освоения наследия Победоносцева: среди основных достижений можно назвать фундаментальную монографию А. Ю. Полунова о роли Победоносцева в общественно-политической и духовной жизни России (Полунов 2010), издание избранных сочинений Константина Петровича с комментариями и вступительной статьей А. В. Репникова (Победоносцев 2010в), а также уникальный сборник статей Победоносцева из еженедельника «Гражданин», подготовленный В. В. Ведерниковым (Победоносцев 2010б). Что же касается переизданий «Писем о путешествии», то первое из них, длительное время готовившееся в издательстве «Русская симфония» и выпущенное в серии «Книжные памятники из фондов Библиотеки Академии наук», фактически представляет собой сборник материалов о цесаревиче Николае Александровиче (Бабст, Победоносцев 2010).

Книга открывается глубоко прочувствованной вступительной статьей Ю. Е. Кондакова, в которой рассказывается о воспитании, обучении и образовательных путешествиях великого князя. Сориентироваться читателю помогает опубликованный «Маршрут путешествия государя наследника цесаревича», который был выпущен в виде брошюры в 1863 г. и является библиографической редкостью (см.: Маршрут 1863). Хотя в издании отмечается, что единственный известный составителям экземпляр брошюры «хранится в книжном фонде Российской государственной библиотеки» (Бабст, Победо-

носцев 2010: 394), существует еще несколько экземпляров, один из которых, по-видимому, принадлежал великому князю Александру Александровичу¹⁵, другой сохранился среди документов Собственной канторы августейших детей их императорских величеств¹⁶, третьим владел А. П. Боголюбов (см.: Жукова 2014: 59), а четвертым пользовался Бабст, причем его экземпляр особенно ценен обозначением изменений в маршруте¹⁷. Несколько иначе оформленные маршруты путешествия рассылались Министерством внутренних дел начальникам тех губерний, которые предполагалось посетить, поэтому еще один экземпляр сохранился в Государственном архиве Саратовской области¹⁸, и есть основания предполагать, что количество экземпляров, находящихся в других региональных архивах, может превышать десяток.

Сам же текст «Писем о путешествии», судя по выходным сведениям на концевой полосе, перепечатан с издания 1864 г., но с исправлениями и дополнениями. И хотя характер и содержание дополнений не раскрываются, в тексте действительно есть отличия от издания 1864 г. В частности, Бабст и Победоносцев писали о подготовке атласа Каспийского моря по «проекту, представленному еще в 1860-м году его высочеству генерал-адмиралу» (т. е. великому князю Константину Николаевичу), однако в переизда-

нии книги говорится о проекте, представленном «генерал-адмиралом еще в 1860 году его высочеству» (Письма 1864: 372; Бабст, Победоносцев 2010: 240). При этом напротив имени Константина Николаевича в именном указателе отсылка на страницу с данным пассажем отсутствует.

Имеются в книге исправления стилистического характера (если, конечно, они не являются ошибками внутреннего диктанта). Так, если по Бабсту и Победоносцеву, в кустарном заведении вдовы Н. А. Гандуриной «его высочество встретила вдова с хлебом и солью» (Письма 1864: 202), то в переиздании говорится, что «его высочество с хлебом и солью встретила вдова» (Бабст, Победоносцев 2010: 146). На той же странице дано произвольное деление текста на абзацы.

Среди других неточностей, содержащихся в издании, можно назвать опечатки в названии Орпирской (а не Орнирской) почтовой станции и в дате назначения А. С. Норова в Государственный совет, которое произошло не в 1754 г., а столетием позже (Там же: 381, 394, 591). Ошибочно указаны инициалы М. П. Погодина, отчества И. К. Бабста и Н. Х. Бунге (Там же: 369, 21, 572). Перепутаны католический архиепископ Зигмунт Щенский Фелинский, сосланный в Ярославль, и ярославский преосвященный Нил (Исакович); константинопольский патриарх Игнатий и святитель Игнатий (Брянчанинов) (Там же: 591, 602, 412). Однако, несмотря на указанные недочеты, исследователи должны быть благодарны

¹⁵ РГИА. Ф. 540. Оп. 1 (11). Д. 16. Л. 39–47 об.

¹⁶ Там же. Ф. 540. Оп. 1 (114/1373). Д. 252. Л. 82–89 об.

¹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3. Л. 5–12 об.

¹⁸ ГА СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1637. Л. 8–9.

публикаторам, впервые за последние полторы сотни лет взявшим на себя труд полного переиздания «Писем о путешествии».

Важной особенностью книги является наличие дополнений, которые представляют собой материалы, написанные специально для «Московских ведомостей» или перепечатанные ими из провинциальной прессы в 1863 г. Эти статьи раскрывают подробности путешествия наследника «в пределах Кавказского края», а также передают обстоятельства его пребывания в Белом Ключе (резиденции кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича) и в Екатеринославской губернии. Заключает раздел дополнений выдержка из воспоминаний Ф. А. Оома — дорожного секретаря цесаревича Николая Александровича.

Особый интерес вызывает раздел с примечаниями, составленными историком литературы Г. Г. Мартыновым. Фактически они содержат не только историко-культурные комментарии, но и публикации архивных материалов (что, к сожалению, не отражено в оглавлении). Так, в этом разделе опубликована часть дневника великого князя Алексея Александровича со сведениями о болезни и смерти его старшего брата. Кроме того, приведены обширные цитаты из путевого дневника самого цесаревича Николая Александровича и брошюры, посвященной его путешествию по России в 1861 г.

Поистине жемчужиной издания стала цветная репродукция рисун-

ков Боголюбова из альбома, посвященного путешествию цесаревича Николая Александровича в 1863 г. и хранящегося в Государственном музее-заповеднике «Павловск». До этого альбом Боголюбова был известен только в фототипическом воспроизведении в собрании Саратовского государственного художественного музея им. А. Н. Радищева (см.: Жукова 2014: 60). Также в книге опубликованы карикатуры Боголюбова на участников путешествия по Волге и Дону цесаревича Александра Александровича в 1869 г. Научными сотрудниками ГМЗ «Павловск» Р. Р. Гафифуллиным и О. И. Ламеко составлен аннотированный каталог-описание альбома Боголюбова.

В основанной на неопубликованных материалах статье начальника отдела хранения документов по истории России XIX — начала XX в. ГА РФ Е. А. Чирковой дан обстоятельный обзор альбомов Боголюбова в фондах архива, а также насыщенный неизвестными подробностями очерк творчества художника и истории его взаимоотношений с членами царской семьи. К этой статье примыкает фрагмент дневника цесаревича Александра Александровича о путешествии по Волге и Дону в 1869 г., подготовленный к печати Е. А. Чирковой и представляющий собой редкий случай публикации этого важного исторического источника. Научно-справочный аппарат, включающий в себя именную, географический и предметный указатели, значительно облегчает обращение с книгой и свидетельствует о тщательной работе по подготовке издания.

Другое переиздание «Писем о путешествии» появилось в 2010 г. в издательстве «Площадь искусств» с указанием только одного автора книги (Победоносцев 2010а). «Иллюстрированное и адаптированное издание, — аннотируют книгу публикаторы, — при воспроизведении текстов максимально сохранен стиль автора, тексты публикуются в сокращении, деление на главы изменено. При наборе текста учтены разногласия опубликованного труда и рукописи автора в пользу авторского оригинала» (Там же: 4). Из этих слов становится ясно, что публикаторы стремились облегчить читателю восприятие текста, а не представить его критическое издание.

Однако поскольку тут же сообщается об уточнении текста «Писем» по некой «рукописи автора», возникают вопросы, что же это за рукопись, где она хранится и насколько отличается от «опубликованного труда». Но ответа на эти вопросы в книге не найти, притом что среди ее авторов не упомянут Бабст, а в тексте и в кратком предисловии не дано никаких ссылок на те или иные архивные материалы. Тем не менее издание позволяет расширить читательскую аудиторию «Писем» и особенно ценно богатыми иллюстрациями, на которых воспроизведены фотоработы С. М. Прокудина-Горского (только появившегося в 1863 г. на свет), причем ряд из них, по уверению издателей, публикуется впервые.

Еще одно переиздание «Писем» вошло в состав сборника сочинений Победоносцева «Величие само-

державной власти», выпущенного в 2014 г. издательством «Эксмо» в серии «Российская императорская библиотека» (Путешествие 2014). Книга открывается кратким предисловием и помимо «Писем» включает в себя ставшие уже хрестоматийными тексты Победоносцева, такие как статьи из «Московского сборника» и письма к Александру III. Учитывая, что все они неоднократно переизданы, резонно предположить, что издательские усилия были сосредоточены на качественной подготовке книги. Между тем переиздание «Писем» наводит на размышления о проблеме передачи текста исторических источников, которая с той или иной степенью остроты встает перед каждым публикатором.

Одним из важнейших правил издания исторических документов является устранение ошибок и опечаток. Стремясь к соблюдению этого правила, издатели старались исправлять подобные недостатки или приводить текст к соответствию современным орфографическим нормам. Так, историческое написание фамилии начальника Олонецких горных заводов Карла Гаскойна исправлено на современное: Гаскойн, а устаревшее название Кончозерский медеплавильный завод заменено на более привычное для нынешних читателей: Кончезерский медеплавильный (Путешествие 2014: 19, 20).

Среди неисправленных ошибок можно назвать написание судна «*Катер*», притом что это слово, очевидно, являлось не именем собственным, а обозначением типа судна

(Там же: 18). В то же время непонятно, для чего издателям потребовалось сделать название села Вознесенская Пристань именем нарицательным и писать его со строчной буквы, а слово «форштадт», обозначающее поселение вне крепости, возводить в ранг названия населенного пункта и писать его с прописной буквы (Там же: 18, 236).

Наличие купюр в издании требуется особо оговаривать, а между тем текст «Писем» приведен в книге не полностью: отсутствуют «приложение к странице 127-й» и «заметки к стр. 174» (ср.: Письма 1864: 567–568). Сам текст изобилует опечатками. В основном это мелкие небрежности, не влияющие на понимание текста: «к Петрозаводску» вместо «в Петрозаводск», «Выборской» вместо «Выборгской», «бессемеровской» вместо «бессемеровой», «Малютину» вместо «Милютину», «1886» вместо «1836» и т.д. (Путешествие 2014: 18–19, 21, 31, 236). Неверно раскрываются и сокращения: вместо полагавшегося «Уст[ава] рекрут[ского]» в переиздании говорится о статьях «Устава рекрут» (Там же: 22). Однако далеко не все опечатки можно выявить без обращения к оригинальному изданию. В частности, имеются ошибки набора, изменяющие смысл текста. Так, на самом деле А.И. Ригельман, упоминающийся в «Письмах», не «приезжал для укрепления урочища Богатый Колодезь», а «приискал для (постройки. — Ф.М.) укрепления урочище» (Там же: 235; Письма 1864: 550).

Комментарии, содержащиеся в переиздании, призваны облегчить

читателю понимание реалий XVIII–XIX вв. Однако поскольку из 15 комментариев треть приходится на первую главу «Писем», их количество представляется явно недостаточным, не говоря о том, что в некоторых из них имеются неточности. Например, комментатор указывает лишь на одного автора книги, по-видимому, подразумевая под ним Победоносцева (Путешествие 2014: 112). Ряд комментариев внесен в сам текст «Писем», причем это никак не оговаривается. В частности, в пассаже про «локомобиль в 9 сил» вставлено слово «лошадиных», во фразе о рядных платах поясняется в скобках, что эти платы производятся «по соглашению», а в евангельском эпиграфе к проповеди протоиерея Родиона Путятина дан русский перевод церковнославянской цитаты (Там же: 21, 22, 37).

В таких обстоятельствах еще большее значение получают многочисленные цветные и черно-белые иллюстрации, заботливо подобранные из изданий XIX — начала XX в., ставших теперь редкостью. Изобразительные материалы призваны помочь читателю наглядно представить те пейзажи, строения, предметы быта, фигуры и лица, которые могли видеть наследник престола и его спутники. Тем самым текстовый комментарий заменяется иллюстративным. Примечательно, что в то время, когда Бабст и Победоносцев создавали словесный портрет России, ее целостный визуальный образ только начинал складываться и формироваться в массовом сознании (во многом благодаря «Русскому художественному листку» В.Ф. Тимма). Это еще раз убедит-

тельно свидетельствует о том, что Бабст и Победоносцев, действуя в духе времени, в некотором смысле опередили его, нарисовав письменную картину России на несколько десятилетий раньше, нежели было создано более или менее полное систематическое живописное и графическое описание страны.

Завершая обзор публикаций «Писем о путешествии», следует отметить, что в настоящее время в распоряжении исследователей имеется четыре современных переиздания этого значимого памятника общественной мысли эпохи Великих реформ. Между тем ни одно из этих переизданий не является в полной мере безупречным, поскольку некоторые публикации являются сокращенными, а другие содержат недостатки, заставляющие перепроверять точность передачи текста. Тем не менее многочисленные копии оригинального издания «Писем», размещенные в Интернете, позволяют без особых затруднений обращаться к подлинному тексту этого исторического источника, в то время как существующие переиздания способствуют расширению читательской аудитории книги. Все это позволяет надеяться, что «Письмам о путешествии» уготована долгая читательская жизнь, а их исследовательский потенциал раскроется еще не в одной статье и монографии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бабст 1852 — *Бабст И.* Речная область Волги. М.: Тип. А. Семена, 1852.

Бабст 1859 — *Бабст И.* От Москвы до Лейпцига. М.: Тип. В. Грачева и комп., 1859.

Бабст, Победоносцев 2010 — *Бабст И.К., Победоносцев К.П.* Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. СПб.: Русская симфония, 2010.

Бабст 1999 — *Бабст И.К.* Избранные труды / Под ред. М.Г. Покидченко, Е.Н. Калмычковой. М.: Наука, 1999.

Белюстин 1858 — *Белюстин И., свящ.* Описание сельского духовенства // Русский заграничный сборник. 1858. № 4. С. 1–166.

Боголюбов 1862 — *Боголюбов Н.П.* Волга от Твери до Астрахани. СПб.: Тип. Гогенфильдена и комп., 1862.

Глинский 2016 — *Глинский Б.Б.* Константин Петрович Победоносцев (Материалы для биографии) // Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах / Сост., предисл. и коммент. С.В. Лебедев, К.А. Киятов; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2016. С. 172–207.

Жукова 2014 — *Жукова И.* Волжские путешествия русских императоров // Золотая палитра. 2014. № 1 (10). С. 58–60.

Заметки 1878 — *Заметки по округу Олонецких горных заводов.* (Составл. горным начальником Олонецких заводов, по желанию генерал-адъютанта графа Строгонова, и представлены государю наследнику цесаревичу) // О высочайших посещениях Олонецкой губернии августейшими особами в XIX столетии: Исторический сборник / Под ред. А. Иванова. Петрозаводск: Губернская тип., 1878. Вып. 4. С. 28–47.

Маршрут 1863 — *Маршрут путешествия государя наследника цесаревича в 1863 году.* СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1863.

Мелентьев 2015 а — *Мелентьев Ф.* Саша и Никса летом 1863 года // Родина. 2015. № 2. С. 8–10.

Мелентьев 2015 б — Мелентьев Ф. И. «Плыл по Волге князь с боярами...» Письмо цесаревича Николая Александровича вел. кн. Алексею Александровичу 8 июля 1863 г. // Славянский альманах 2015. М.: Индрик, 2015. Вып. 1–2. С. 428–435.

Мелентьев 2016 — Мелентьев Ф. И. О. Б. Рихтер — летописец путешествий по России цесаревича Николая Александровича // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: Сб. статей / Отв. ред. М. В. Лескинен, О. В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 192–203.

Минаков 2006 — Минаков А. А. «Образ» России для наследника престола: о забытой книге К. П. Победоносцева и И. К. Бабста // Новик: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Воронеж, 2006. Вып. 11. С. 112–123.

Письма 1864 — Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М.: Тип. Грачева и комп., 1864.

Победоносцев 2010 а — Победоносцев К. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Санкт-Петербурга до Крыма / Отв. ред. Р. Левшин. СПб.: Площадь искусств, 2010.

Победоносцев 2010 б — Победоносцев К. П. «Будь тверд и мужествен...». Статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма / Под ред. В. В. Ведерникова. СПб.: б. и., 2010.

Победоносцев 2010 в — Победоносцев К. П. Избранное / Сост., автор вступ. ст., коммент. А. В. Репников. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.

Победоносцев 1996 — Победоносцев К. П. Граф В. Н. Панин, министр юстиции // К. П. Победоносцев: pro et contra / Вступ. ст., сост. и примеч. С. Л. Фирсова. СПб.: РХГИ, 1996. С. 28–79.

Полунов 2010 — Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.

Путешествие 1999 — Путешествие государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма // Бабст И. К. Избранные труды / Под ред. М. Г. Покидченко, Е. Н. Калмычковой. М.: Наука, 1999. С. 157–290.

Путешествие 2014 — Путешествие государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма // Победоносцев К. П. Величие самодержавной власти. М.: Эксмо, 2014. С. 13–242.

Смирнов 1864 — Смирнов А. Павлово и Ворсма, известные стальное-слесарным производством села Нижегородской губернии. М.: Тип. И. Чуксина, 1864.

Уортман 2004 — Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии / Пер. с англ. И. А. Пильщикова. М.: ОГИ, 2004. Т. 2.

Фирсов 2016 — Фирсов С. Л. Константин Победоносцев: Интеллектуал во власти. СПб.: Вита Нова, 2016.

Чичерин 2010 — Чичерин Б. Н. Воспоминания. Московский университет. Земство и Московская дума. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010.

Эвенчик 1969 — Эвенчик С. Л. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. 1969. № 309. С. 52–338.

Correspondence 2003 — Correspondence: Grand Duke Nikolai Alexandrovich and Vladimir Petrovich Meshchersky // New Zealand Slavonic Journal. 2003. Vol. 37. P. 257–280.

«THE LETTERS ABOUT THE JOURNEY OF THE TSESAREVICH ACROSS RUSSIA FROM ST. PETERSBURG TO CRIMEA»: A BRIEF DESCRIPTION OF THE SOURCE AND THE OVERVIEW OF MODERN EDITIONS

Melent'ev Fedor I. — PhD student of the Department of history of Russia XIX — early XX centuries, history faculty of Moscow State M. V. Lomonosov University (Moscow)

REFERENCES

Babst I.K. *Izbrannye trudy*. Pod red. M.G. Pokidchenko, E.N. Kalmychkovoj. Moscow: Nauka, 1999.

Babst I. *Ot Moskvy do Leipziga*. Moscow: Typ. V. Gracheva & comp., 1859.

Babst I.K., Pobedonostsev K.P. *Pis'ma o puteshestvii gosudarya naslednika tsesarevicha po Rossii ot Peterburga do Kryma*. Saint Petersburg: Russkaya symphonia, 2010.

Babst I. *Rechnaya oblast' Volgi*. Moscow: Typ. A. Semena, 1852.

Belyustin I., svyashchennik. *Opisanie sel'skogo duhovenstva. Russkij zagranichnyj sbornik*. 1858. No 4. P. 1–166.

Bogolyubov N.P. *Volga ot Tveri do Astrahani*. Saint Petersburg: Typ. Gogenfildena & Comp., 1862.

Chicherin B.N. *Vospominaniya. Moskovskij universitet. Zemstvo i Moskovskaya дума*. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 2010.

Correspondence: Grand Duke Nikolai Alexandrovich and Vladimir Petrovich Meshchersky // *New Zealand Slavonic Journal*. 2003. Vol. 37. P. 257–280.

Evenchik S.L. *Pobedonostsev i dvoryansko-krepostnicheskaya liniya samodержaviya v poreformennoj Rossii. Uchenye zapiski MGPI im. V.I. Lenina*. 1969. N 309. P. 52–338.

Firsov S.L. *Konstantin Pobedonostsev: Intellektual vo vlasti*. Saint Petersburg: Vita Nova, 2016.

Glinskij B.B. *Konstantin Petrovich Pobedonostsev (Materialy dlya biografii). Konstantin Petrovich Pobedonostsev v vospominaniyah sovremennikov, rechah i pis'mah*.

Sost., predisl. i komment. S.V. Lebedev, K.A. Kiyatov; otv. red. O.A. Platonov. Moscow: Institut russkoj tsivilizatsii, 2016. P. 172–207.

Marshrut puteshestviya gosudarya naslednika tsesarevicha v 1863 godu. Saint Petersburg: Typ. tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1863.

Melentev F. Sasha i Nixa letom 1863 goda. *Rodina*. 2015. No 2. P. 8–10.

Melentev F.I. «Pyl po Volge knyaz' s boyarami...» Pis'mo tsesarevicha Nikolaya Aleksandrovicha vel. kn. Alekseyu Aleksandrovichu 8 iyulya 1863 g. *Slavyanskij almanah 2015*. Moscow: Indrik, 2015. No. 1–2. P. 428–435.

Melentev F.I. O.B. Richter — letopisets puteshestvij po Rossii tsesarevicha Nikolaya Aleksandrovicha. *Romanovy v doroge. Puteshestviya i poezdki chlenov tsarskoj sem'i po Rossii i za granitsu. Sb. statej*. Otв. red. M.V. Leskinen, O.V. Havanova. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. P. 192–203.

Minakov A.A. «Образ» России для наследника престола: о забытой книге К.П. Победоностсева и I.K. Babsta. *Novik: Sbornik nauchnyh rabot aspirantov i studentov istoricheskogo fakul'teta Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Voronezh, 2006. No 11. P. 112–123.

Pis'ma o puteshestvii gosudarya naslednika tsesarevicha po Rossii ot Peterburga do Kryma. Moscow: Typ. Gracheva & Comp., 1864.

Pobedonostsev K.P. Graf V.N. Panin, ministr justitsii. *K.P. Pobedonostsev: pro et contra*. Vstup. st., sost. i primech. S.L. Firsova. Saint Petersburg: RHGI, 1996. P. 28–79.

Pobedonostsev K.P. «*Bud' tverd i muzhestven...*». *Stat'i iz ezhenedel'nika «Grazhdanin» 1873–1876. Pis'ma*. Pod red. V.V. Vedernikova. Saint Petersburg, 2010.

Pobedonostsev K.P. *Izbrannoe*. Sost., avtor vstup. st., komment. A.V. Repnikov. Moscow: Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya, 2010.

Pobedonostsev K. *Pis'ma o puteshestvii gosudarya naslednika tsesarevicha po Rossii ot Sankt-Peterburga do Kryma*. Otv. red. R. Levshin. Saint Petersburg: Ploshchad' iskusstv, 2010.

Polunov A.Yu. *K.P. Pobedonostsev v obshchestvenno-politicheskoy i duhovnoj zhizni Rossii*. Moscow: Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya, 2010.

Puteshestvie gosudarya naslednika tsesarevicha po Rossii ot Peterburga do Kryma. *Babst I.K. Izbrannye trudy*. Pod red. M.G. Pokidchenko, E.N. Kalmychkovoj. Moscow: Nauka, 1999. P. 157–290.

Puteshestvie gosudarya naslednika tsesarevicha po Rossii ot Peterburga do Kryma. *Pobedonostsev K.P. Velichie samodержавnoj vlasti*. Moscow: Exmo, 2014. P. 13–242.

Smirnov A. *Pavlovo i Vorsma, izvestnye stal'no-slesarnym proizvodstvom sela Nizhegorodskoj gubernii*. Moscow: Typ. I. Chuksina, 1864.

Wortman R.S. *Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoj monarhii*. Per. s angl. I.A. Pil'shchikova. Moscow: OGI, 2004. Vol. 2.

Zhukova I. *Volzhskie puteshestviya russkih imperatorov. Zolotaya palitra*. 2014. No 1 (10). P. 58–60.

Zametki po okrugu Olonetskih gornyh zavodov. (Sostavl. gornym nachal'nikom Olonetskih zavodov, po zhelaniyu general-ad'yutanta grafa Strogonova, i predstavleny gosudaryu nasledniku tsesarevichu). *O vysochajshih poseshcheniyah Olonetskoj gubernii avgustejskimi osobami v XIX stoletii: Istoricheskij sbornik*. Pod red. A. Ivanova. Petrozavodsk: Gubernskaya typ., 1878. No 4. P. 28–47.

Д. И. Рублев, П. И. Талеров

НАПИСАНА ЛИ УЖЕ ИСТОРИЯ АНАРХИСТСКОЙ ПЕЧАТИ РОССИИ? (НЕМНОГО О ПОСМЕРТНОМ ИЗДАНИИ ОДНОЙ КНИГИ)

Рец.: *Менделеев А. Г.* Печать русских анархистов. М.: Политическая энциклопедия. 2015. 247 с.

История периодической печати анархистского движения России является одной из малоисследованных и вместе с тем злободневных проблем в историографии отечественной истории. По этой причине выход в свет книги, посвященной этой теме и обозначенной как научное издание, должно было стать событием, значимым с научной точки зрения. Так полагали и мы, пока не познакомились с посмертно изданной работой доктора исторических наук, профессора Александра Георгиевича Менделеева (1935–2013), известного трудами по истории периодической печати политических партий России конца XIX – начала XX вв. Друг и коллега безвременно ушедшего

автора профессор Борис Иванович Есин доработал текст и подготовил эту прекрасно оформленную, небольшую по объему (247 с., 15,5 усл. печ. л.), но в твердом переплете, книгу к печати.

Структура книги включает в себя десять глав, предисловие и заключение (и то, и другое написаны Б.И. Есиным), а также краткую библиографию на пяти страницах. Каждая глава посвящена тому или иному вопросу (анархистам вообще, Бакунину, Кропоткину, хождению в народ, газете «Хлеб и воля», «Буревестнику», анархическим изданиям эмиграции и пр.), при этом некоторые названия глав носят критическую идеологическую окраску («М. Бакунин. Безграничная свобода», «Сказка о хождении в народ», «П. Кропоткин. Совесть – основа нравственности», «Анархисты вразброд»), что соответствует общему журналистскому стилю издания. В книге есть иллюстрации, правда, только три: портреты М. Бакунина

© Рублев Д. И., Талеров П. И., 2017

Рублев Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Российского государственного университета им. К.А. Тимирязева (Москва); rublev773@gmail.com

Талеров Павел Иванович – кандидат исторических наук, доцент, действительный член Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург); t5591p@mail.ru

и П. Кропоткина в соответствующих главах, а также карикатура М. Щеглова на анархиста (видимо, начала XX в.) с бомбой в руках.

Прежде всего, следует отметить, что в книге отсутствует как таковая периодизация истории анархистской печати России, что для научного издания является обязательным, само собой разумеющимся. Приведенная же информация излагается в виде перечня материалов, представленных в каждом из номеров того или иного периодического издания. Далеко не всегда понятно, по какому принципу отбора представлены тексты статей и заметок. Прилагаются также какие-то наброски биографических справок о редакторах и издателях. Чаще всего, однако, это незавершенные тексты. Отсчет хода истории анархической прессы А.Г. Менделеев фактически ведет с выпуска М.А. Бакуниным № 1 журнала «Народное дело» (начало сентября 1868 г., Женева) (с. 22, 33). Среди первых изданий анархистов упоминаются «Народная расправа» и «Община», изданные С.Г. Нечаевым. Затем, применительно ко второй половине 1870-х гг., идет речь о «народно-социалистических» изданиях эмиграции (с. 81). К ним Менделеев отнес газету «Работник» и журнал «Община». Основания для подобной терминологии не разъясняются, и остается думать, что, вероятно, вместо термина «народные» здесь следовало бы говорить о «народнических» изданиях. Отдельная глава посвящена изложению содержания периодики революционного подполья в России за 1878–1886 гг. Однако не все представленные газеты можно признать анархистски-

ми. Утверждение автора о том, что издания конца 1870-х гг. «в той или иной степени отражали идеологию анархизма, многие были под прямым влиянием идей и личности Бакунина» (с. 120), оправдано применительно лишь к газетам «Начало» (1878), «Земля и воля» (1878–1879), «Листок Земли и Воли» (1879). Однако вызывает закономерное сомнение отнесение изданий «Народной воли» к анархистским. А с другой стороны, совершенно необоснованно, с нашей точки зрения, игнорирование автором публикаций газеты «Черный передел», издатели которой по своим стратегии и тактике социально-политической борьбы были ближе к анархистам, нежели народовольцы. Отдельная глава посвящена выходившим в начале XX в. газетам «Хлеб и Воля» (1903–1905), «Листки “Хлеб и Воля”» и журналу «Хлеб и Воля» (1909). В особую главу выделена история анархо-синдикалистской и анархо-коммунистической газеты «Буревестник», выходившей в Париже в 1906–1910 гг. Эту газету Менделеев представляет как самое массовое (5 тыс. экз.) периодическое издание анархистов, и одновременно это «малоизвестная газета в списке эмигрантских изданий начала XX в.» (с. 185). В другой главе очень кратко излагается содержание ряда анархистских газет начала XX в., не упомянутых ранее. Сюда входят издания анархистов-коммунистов «безначальцев» («Листки группы “Безначалие”»)¹, анархистов-коммунистов «чернознаменцев» («Черное знамя», «Бунтарь», «Анархист»), анархо-син-

¹ Менделеев ошибочно называет это издание журналом.

дикалистов («Новый мир»). При этом лишь содержание № 1 журнала «Анархист» приводится автором (с. 223–226), остальные же четыре номера остались без внимания. Возникает закономерный вопрос: если издания анархистов-коммунистов «хлебовольцев» и близких к ним анархистов-синдикалистов представлены в двух предыдущих главах, почему же одна из идейно близких газет представлена в одном блоке с изданиями их оппонентов — «чернознаменцев» и «безначальцев»? Заметим, что многие другие анархистские издания начала XX в. так и остались без какого-либо анализа и даже упоминания исследователем. Перечислим лишь некоторые из них, наиболее популярные в свое время: «Без руля», «Вольный рабочий», «Голос труда», «Молот», «Рабочее знамя», «Рабочий заговор», «Рабочий мир».

Вероятно, в силу того, что книга не была завершена автором, а ее подготовка к изданию велась коллегами А.Г. Менделеева (и, скорее всего, именно им нужно в первую очередь адресовать большую часть наших замечаний), она представляет собой написанный в журналистском формате незавершенный черновик-набросок с характерными признаками компиляции. Цитаты и информация, взятые из источников и научной литературы, чуть ли не произвольно разбросаны по отдельным рубрикам. В книге отсутствует традиционное для научного издания полноценное введение с историографическим обзором и анализом источниковой базы исследования. В заключении, которое завершается краткой информацией об откры-

тии в г. Дмитрове 6 сентября 2014 г. Дома-музея П.А. Кропоткина, нет каких-либо выводов с должным обобщением приведенных данных по истории анархистской прессы. Вместо всего этого проф. Б.И. Есин ограничился лишь пространством изложением отдельных фактов истории анархистского движения в России в начале XX в. Источниковую базу книги составляет периодическая печать народников и анархистов, а также мемуарная литература. Также в библиографическом списке содержится совершенно странная для научного издания ссылка: «Архивные материалы (рукописный отдел Российской государственной библиотеки, Пушкинский дом)» (с. 243). Ни какие именно архивные фонды и материалы имелись в виду, ни каким образом они были использованы в книге, читатель определить не в состоянии, ибо, кроме вышеупомянутой фразы, никакой информации здесь просто нет! Полное отсутствие в книге каких-либо сносок со ссылками на использованные материалы и источники цитат не только крайне затрудняет для читателя-исследователя анализ информации, но и существенно снижает научную значимость самого издания. При этом Менделеев, а вместе с ним и Есин, готовивший книгу к изданию, обошли вниманием фонды целого ряда российских архивов, содержащие ценную информацию по истории анархистской прессы. Мы смогли наглядно убедиться в этом, работая, в частности, с письмами из личных фондов П.А. Кропоткина и М.И. Гольдсмит.²

² См.: ГАРФ. Ф. 1129. Кропоткин Петр Алексеевич; Ф. Р-5969. Гольдсмит Мария Исидоровна, фонды отделов рукописей РГБ и РНБ.

Незавершенность книги отражает и характерный для нее телеграфный стиль изложения («вкратце», говоря словами самого автора). Так, легко обнаружить незавершенные фразы, подобные конспективным заметкам и наброскам, планам издания. Например: «В начале 1918 г. Поссе выступил с “Идеалом корпорации”³, рассказал про “силу массовости”, о том, что “Эх, дубинушка, ухнем!” порой мощнее, чем усилия отдельных рабочих» (с. 17). По книге разбросана масса фрагментов текстов с большим числом отточий, напоминающих скорее какой-то план-конспект отдельных исторических фактов, чем скрупулезный анализ. Вот один из характерных примеров: «В Петербурге в 1876 г. у Казанского собора собрались студенты. Впервые вынесли красное знамя “Земли и воли”, выступал Плеханов... “Процесс 193-х”, масса документов, речь Мышкина... “Процесс 50-ти”, речи Алексеева, Бардиной... Тургенев целовал фотографии заключенных — “святые”, Некрасов, Полонский написали в их честь стихи...» (с. 76). Или в другом месте: «В ожидании суда Петр Алексеевич занимался наукой (брат доставлял литературу), ежедневно до семи верст проходил по камере, добавил гимнастику с тяжелой табуреткой... Но цинга наступала. Перевели в тюремное отделение Николаевского военного госпиталя в 1876 г. Как он убежал оттуда?⁴ Фин-

³ Правильно: кооперации. Речь идет об одной из публичных лекций В.А. Поссе.

⁴ Интересно, кому задается этот повисший в воздухе вопрос? Автор задает его сам себе или читателю? А, может быть, это упрек охранникам, которые потворствовали этому побегу, или сыщикам, не сумевшим

ляндия, Швеция, Норвегия, Швейцария... Он много писал о науке, работал на Большом Аледском леднике в Альпах (Aletschgletscher), выпустил книгу “Исследования о ледниковом периоде” (СПб., 1876)» (с. 149). Точно такой же скупой до предела, конспективный стиль воспроизводится при описании содержания ряда номеров представленных периодических изданий (с. 102–106, 121, 125–130, 136–137, 141–143, 169, 170–171, 173, 175, 181, 187, 200–221). Глубокую научную оценку скрупулезным и бесстрастным анализом изложенных в прессе идей теоретиков анархизма и их произведений, событий в жизни известных анархистов и процессов развития анархистского движения на фоне российской и мировой истории автор в подавляющем большинстве случаев подменяет беглым пересказом, а порой — прямым цитированием. Зачастую эти цитаты без ссылок и комментариев занимают целые страницы. Анализ содержания периодических изданий также подменен публикацией текста целых статей или значительной их части в том же псевдонаучном стиле (с. 26–28, 33–38, 41, 48–49, 52, 67–69, 70–71, 83–86, 91–92, 94–104, 106–113, 120–124, 126–130, 132–141, 151–153, 155, 158–165, 166–177, 182–184, 186–203, 208–210, 216–219, 223–229, 236–237). При этом в ряде случаев цитаты не отделены кавычками друг от друга, в результате чего происходит смешение текста с прямой речью автора, что искажает

отыскать беглеца? Историк Менделеев, видимо, довольствовался в описании этого сюжета каким-то популярным изложением, не удосужившись даже пролистать «Записки революционера» Кропоткина.

смысл написанного (с. 170, 173, 192, 194, 201). На основании специфики авторского подхода было бы, наверное, более естественно рассматривать книгу А.Г. Менделеева как некое подобие хрестоматии, однако и в этом случае структура должна быть также выдержана в соответствующем научном стиле.

Вызывает серьезные сомнения проводимая автором идентификация тех или иных представителей различных течений российского анархизма. Отдельные мыслители, чья деятельность и взгляды также приводятся в книге Менделеева, не имеют к анархизму ни малейшего отношения. Таковы братья Н.А. и А.А. Серно-Соловьевич, Н.И. Утин, Л.А. Тихомиров и ряд других представителей революционного народничества. К идеологам анархо-синдикализма в России автор относит Д. Новомирского (Я.И. Кирилловского), В.А. Поссе и Б.Н. Кричевского (с. 10). Между тем нам не известны свидетельства того, что Кричевский, выходец из социал-демократических кругов, пропагандировавший в России синдикалистскую стратегию борьбы, хоть как-то отождествлял себя с анархистами. Еще более произвольной выглядит попытка отнести ассоциационный анархизм Льва Черного (П.Д. Турчанинова)⁵ к течениям анархо-синдикалистского толка (с. 230). Как сторонники, так и исследователи мировоззрения Л. Черного относили взгляды последнего к разновидности анархического индивидуализма. Вопреки

бездоказательному утверждению Менделеева, никакого отношения к анархистам-ассоциационерам, как и к синдикалистскому течению, не имели известные представители мистического анархизма: «поэты — С. Городецкий, В. Иванов, Г. Чулков, Л. Шестов⁶ и др.». Не находит научного подтверждения и упоминание автора о симпатиях к узко-специфическим идеям «ассоциационного анархизма» и других многочисленных представителей творческой интеллигенции (с. 230). Также представляется необоснованным отождествление с индивидуалистическим анархизмом последователей Я.-В. Махайского и Е. И. Лозинского (с. 10). В работах этих мыслителей не содержится ни отсылок к воззрениям идеологов анархизма-индивидуализма (например, М. Штирнера, Б. Таккера, А. Либертада, Э. Армана и др.), ни комплекса идей, характерных для этого течения. Нет и каких-либо известных нам признаний своей близости к взглядам индивидуалистов со стороны самих Махайского и Лозинского. Всех анархистов-коммунистов «чернознаменцев» автор отождествляет лишь с одной из фракций этого течения, «безмотивниками», игнорируя существование другой — «коммунаров» (с. 215).

В ряде случаев, буквально в одном и том же абзаце, можно встретить по всей видимости заимствованные оценки, которые противоречат друг другу. Так, например, «в 70-е гг. Бакунин с Лавровым, — пишет А. Менделеев, — **в центре** народнического

⁵ Автор вместе с тем не упоминает о том, что Л. Черный был основоположником ассоциационного анархизма.

⁶ На каком основании автор отнес к поэтам Г. Чулкова и Л. Шестова, остается неизвестным.

движения в России». И тут же через предложение утверждает: «Бакунинская теория, основанная на признании особой роли сельской общины, **близка** народникам...» (с. 23; выделено нами. — Д. Р., П. Т.). Отметим, что быть теоретиком-основателем народнического движения и быть лишь близким к нему по своему мировоззрению — это по сути разные вещи. В отечественной же историографии народничества М. А. Бакунин традиционно рассматривается в качестве одного из ведущих теоретиков. Далее А. Г. Менделеев безапелляционно утверждает: «Конечно, все идеи Бакунина были ошибочны, безосновательны, в конечном счете ему ничего не удалось» (с. 24). Сразу же, в возражение, хочется напомнить о пропагандистской и организационной работе бакунистов в Испании и Италии, положившей начало формированию анархистского движения в этих странах, о создании М. А. Бакуниным и его сторонниками Антиавторитарного Интернационала, о широкой популярности бакунинских идей в России второй половины XIX в. Также нужно напомнить и о вполне оправдавшихся прогнозах Бакунина относительно процессов становления общественной модели бюрократизированного государственного социализма в случае прихода к власти авторитарных революционеров-марксистов. Но тут же ниспровергатель Бакунина, встретив, видимо, и заимствуя иные оценки, опровергает сам себя, опережая наши возражения: «Можно поспорить и с Герценом, и с Тургеневым о великом значении Бакунина — он не только практикой владел, но его теория, пусть своеоб-

разная, имела солидное философское обоснование... Бакунин был предтечей “философии бунта”⁷ — выход в науку и практику XX в.» (с. 24). Вскоре мы также узнаем, что Бакунин выдвинул идею Соединенных Штатов Европы, которая, как утверждает Менделеев, подразумеваемая, вероятно, процесс европейской интеграции, «исполнилась (может быть, может быть...) через сто лет» (с. 41). Еще через несколько страниц он указывает на актуальность мнения М. Бакунина о связи коррупции с самим институтом государства, а затем приводит нам цитаты из Г. Плеханова, А. Камю и даже И. Сталина, свидетельствующие об актуальности ряда идей Михаила Александровича в XX в. (с. 45–46). В этом вопросе Менделеев даже утверждает, что революции в Китае, на Кубе, в Анголе и Мозамбике носили «бакунинский характер», о чем свидетельствует, по его мнению, тактика партизанской борьбы, применяемая их участниками. И хотя последнее утверждение отчасти верно, заметим, что не только и не столько партизанская война является основополагающей идеей Бакунина. Не являлась она и основным методом революционной борьбы из предлагаемых Михаилом Александровичем. Поэтому вряд ли стоит лишь на этом основании выводить «бакунинский» характер революционных движений. Далека от истины и предложенная автором со ссылкой на С. Н. Канева характеристика эволюции политических взглядов Бакунина: «Так что, мы должны забыть Бакунина? Он был

⁷ Вероятно, имеются в виду философские идеи Альбера Камю.

зачинателем, идеологом народничества, идеологом анархизма, но с годами стал сторонником смягчения требований в пользу общины, конституционной республики, Учредительного собрания» (с. 131). В данном случае А. Менделеев, очевидно, пытается приспособить идеи М. Бакунина к политической эволюции русского народничества, дабы довольно сомнительным путем доказать связь процессов развития идеологии «Народной воли» с идейной эволюцией анархизма. Между тем ни один серьезный ученый-исследователь жизни и творчества Бакунина не подтверждает подобный ход его политической эволюции. Естественнее было бы говорить об обратном движении: от либерализма к революционным республиканским и панславистским, а затем — к социалистическим и анархистским идеям, ставшим доминирующими в мировоззрении мыслителя в последние полтора десятилетия жизни. Столь же спорна характеристика политических идей П.А. Кропоткина, данная А.Г. Менделеевым. Так, например, он голословно утверждает, что Кропоткин видел социальную революцию «бескровной, гуманной, планомерной» (с. 144), однако никаких доказательств (хотя бы цитат) в пользу этой своей (или заимствованной?) точки зрения не приводит. Нами не найдено подтверждения подобных оценок ни в одном произведении Кропоткина, затрагивающем проблемы развития анархистской социальной революции.

сторонников были напрасны: вести агитационно-пропагандистскую работу в широких массах не удалось», с которой начинается глава «Анархисты вразброд» (с. 211). И это без всякой временной и географической привязки: где, когда, кому конкретно не удалось, в то время, когда Кропоткин с момента бегства из России в 1876 г. и до июня 1917 г. вообще жил за границей, главным образом в Англии. По каким критериям автор оценивал эффективность этой работы? Закрадываются вопросы: а может быть, все-таки что-то удалось? В любом случае эффективность всегда относительна, а в абсолюте ее просто нельзя оценить. И вот чуть ниже, в том же абзаце: «Не будем перечислять где проводились теракты — не было города, где бы они не проводились». Как вам понравился такой вот «исторический» пассаж? Если это про анархистов, а не про теракты вообще (по тексту неясно, даже не понятно — про Россию ли вообще идет речь), то разве это не высокая оценка эффективности той же агитационно-пропагандистской работы? Здесь трудно не вспомнить конъюнктурные работы по анархизму советского периода С.Н. Канева, В.В. Комина, А.Д. Косичева, Ф.Я. Полянского, Д.И. Пронякина и др., кишашие разного рода идеологическими штампами, идиомами, необоснованными выводами типа: «крах», «агония», «банкротство», «несостоятельность» и пр. Но рецензируемое издание по своей сути даже превзошло все эти «изыскания».

А чего стоят безапелляционные фразы типа: «Усилия Кропоткина и его анархо-коммунистических

Грешит книга и массой других ошибок, опечаток и откровенных

ляпов. Чем дальше ее листаешь, тем больше возникает вопросов, так и остающихся без компетентных разъяснений. Даже знаменитая работа М. А. Бакунина «Государственность и анархия», которую конспектировал когда-то К. Маркс, именуется не иначе, как «Государство и анархия» (с. 58). Конечно, в любой работе трудно избежать досадных ошибок и опечаток, но в целях минимизации их количества и существуют разного рода редакторы, корректоры, научные консультанты и прочие специалисты. Здесь же, по-видимому, не было и стремления что-то исправить, скорректировать, изменить в черновых набросках безвременно ушедшего товарища, подготовить действительно научное, полезное для современных исследователей издание. А в результате появилась некая печальная пародия на науку, наукообразие, сродни безалаберности. Так, в ряде случаев остались нерастолкованные, а оттого совсем неясные читателю сентенции типа: «Были долгушинцы безусловными бакунистами, это верно, но и различия видны, не только в вопросе о государстве, они — истинные христиане в лучшем смысле этого слова, они — за хорошие школы, а не только за неосознанные народные инстинкты» (с. 64). В чем же выражалась близость русских бакунистов христианству? На этот вопрос автор не дает ответа. Весьма курьезно и совершенно бессмысленно с точки зрения элементарной логики выглядит и деление оппонентов Бакунина на четыре группы: «Существуют четыре категории его оппонентов. Первая — те, кто был лично знаком с Бакуниным... Вторая — те,

кто посвятил ему свои произведения... Третья — те, кто с ним не могли справиться и переспорить: Маркс и Энгельс, Николай I и Александр II, король⁸ Пруссии и Саксонии и др. Четвертая — масса студентов, крестьян, рабочих, военнослужащих» (с. 24). Но для чего же вообще необходима, с научной точки зрения, классификация «оппонентов» Бакунина? И более чем наивно подразделять их на личных знакомых, деятелей искусства, монархов и, скажем, крестьян и рабочих. Закономерно возникает вопрос о том, каким же образом кто-то из русских крестьян 1840–1870-х гг. оппонировал Бакунину? В той же степени вызывает сомнение даже знакомство большинства из них с идеями Михаила Александровича. Некоторые фразы у Менделеева, без сомнения, требуют дополнительного комментария. «Джеймс Гильом — человек широко и разносторонне образованный, прирожденный руководитель, он восемь лет безуспешно сражался с чиновниками», — пишет, например, Александр Георгиевич (с. 151). Что же имеется в виду под героической борьбой известного анархиста «с чиновниками»? Никаких разъяснений не приводится. В отсутствие ссылок на источники остается только гадать: известные нам биографические очерки такой информации не содержат.

Отметим еще один ряд грубых фактических ошибок и опечаток, обнаруженных в тексте. Вопреки мнению автора (а возможно, это результат «поправок» г-на Есина?), во время подготовки бакуниста-

⁸ Так в книге. Правильно: короли.

ми восстания в Болонье в августе 1874 г. не шло речи о создании временного правительства, тем более — во главе с Бакуниным (с. 58). Термин «правительство» для обозначения названия органов руководства восстанием бакунисты принципиально не употребляли. Недостоверной является приведенная в тексте информация о гибели Г.И. Гогелии в застенках ВЧК-ОГПУ (с. 179). Его жена и член редакции газеты «Хлеб и Воля» Лидия Владимировна Иконикова упомянута как «Лариса Иконникова» (с. 184). Газета «Листки “Хлеб и Воля”» ошибочно названа «Листки Хлеба и Воли» (с. 179). Одного из лидеров итальянских бакунистов, К. Кафиеро, А. Менделеев называет не иначе, как Кафиер (с. 59). Вместо Барселонского восстания 1872 г. читаем: «Баруслонское восстание» (с. 59). Вместо «бомбардировки» применительно ко времени осады Парижа прусскими войсками в 1871 г. говорится о «бомбежке» города (с. 154). Вместо «Корн» псевдоним М.И. Гольдсмит ошибочно указан как «Корк» (с. 181, 183). Газета грузинских анархистов-коммунистов «Нобати» названа «Набити» (с. 200). Ошибочно указана «настоящая» фамилия И.С. Книжника-Ветрова — Бланк (с. 205). Действительно, он проживал в эмиграции по паспорту на эту фамилию, но настоящая его фамилия от рождения все же Книжник, и Ивану Сергеевичу пришлось даже обратиться к И.Ф. Масанову с просьбой опубликовать опровержение по поводу допущенной в «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» ошибки, что и было сделано в дополнениях

к 3-му тому. Аналогичную ошибку пришлось исправлять также и в «Летописях жизни и творчества А.М. Горького». Менделеев тут же повторяет кем-то сочиненную версию о происхождении Книжника из «бедной еврейской семьи раввина» (в действительности он родился в бедной многодетной еврейской семье кустика-переплетчика, откуда и фамилия — Книжник), неправильно обозначает место и дату смерти (в действительности Книжник-Ветров умер в Ленинграде 18 февраля 1965 г. на 87-м году жизни). Неизданные воспоминания И.С. Книжника-Ветрова «Записки восьмидесятилетнего» ошибочно обозначены как «Записки восьмидесятого», и хранятся они в рукописном виде не в Пушкинском доме, а в Доме Плеханова РНБ (с. 205). Известный анархистский боевик Павел Гольман записан как «Гольдман» (с. 216). Псевдоним Е.И. Лозинского — Кармелюк, а не Карменюк, как утверждает Менделеев (с. 237). Сближение взглядов И.С. Гроссмана-Рощина с анархо-синдикалистскими позициями относится не к 1905 г., как утверждает Менделеев (с. 217), а к 1908 г. Не соответствует действительности и информация о том, что в 1919 г. Гроссман находился при штабе Махно, занимаясь пропагандой анархистских идей (с. 217).

Вообще, что касается биографической информации о тех или иных представителях русского анархизма, в качестве альтернативы рецензируемой книге предлагаем вдумчивому читателю обратиться к соответствующим очеркам, приведенным в ранее выпущенных энциклопедиях (Политические пар-

тии России 1996; Революционная мысль 2013)⁹, а также к недавно вышедшей антологии о российском анархизме (Анархизм 2015). Библиографические же данные, в том числе об анархистских периодических изданиях, лучше искать в справочнике, в подготовке которого участвовал один из авторов настоящей рецензии (Анархизм в истории России 2007).

Ряд характеристик и оценок, приведенных в книге, без сомнений, можно считать субъективными, неисторичными, ничем не подтвержденными домыслами. Так, повествуя о Георгии Гогелия, одном из видных последователей Петра Кропоткина, известном анархо-синдикалистском публицисте начала XX в., автор утверждает: «Гогелия стал замечен в группе эмигрантов не только убежденностью в анархизме, глубокой начитанностью, но и тем, что споря с врагами, он не оставлял камня на камне от их убеждений» (с. 178). Однако список оппонентов Г. Гогелия, как и сам характер публичных политических дискуссий, заставляет сомневаться в столь всепобеждающей силе и несокрушимости аргументов Георгия Ильича. Ведь все, кого Менделеев назвал в качестве оппонентов (В. Ленин, Ю. Мартов, Г. Плеханов, В. Чернов, Е. Брешко-Брешковская) (с. 178), как известно, после спора с «темпераментным горцем» так и не изменили своим воззрениям и не перешли на позиции анархизма, оставшись теоретиками и лидерами собственных политических партий.

⁹ В первом издании биографические справки об анархистах составил В. В. Кривенький, во втором – Д. И. Рублев.

Анекдотичной выглядит описанная Менделеевым со ссылкой на выступление тверского историка В. П. Суворова на Прямухинских чтениях 2008 г. история об участии в 1930-х гг. в производственной операции в Тверской области обоих братьев и сестры Петра Алексеевича Кропоткина, которых уже давно не было в живых (Николай пропал без вести еще в середине XIX в., Александр застрелился в 1886 г. в сибирской ссылке, Елена умерла в декабре 1904 г.). Вообще-то, если обратиться к тексту Суворова, речь шла о семье племянника Петра Алексеевича. Такой вот получился еще один казус (с. 19)...

Весьма спорные утверждения относительно истории и теории анархизма содержит и заключение к книге, написанное проф. Б. И. Есиным. «Расцвет анархизма пришелся на 70-е годы XIX в. и во время Первой русской революции 1905–1907 гг.», – утверждает он (с. 239). Возникает вопрос: почему нельзя отнести расцвет анархизма к периоду Второй российской революции и Гражданской войны (1917–1922), ведь в то время действовали массовые анархистские организации, в рядах которых насчитывались сотни и даже тысячи участников. К тому же ни бакунисты 1870-х гг., ни анархистские группы периода Первой российской революции не могли похвалиться численностью боевых организаций и установлением полного контроля над значительными территориями, которые были, например, характерны для повстанческой армии Н. И. Махно. Да и масштабы издательской деятельности анархистов

в 1917–1918 гг. по тиражам, распространению прессы и количеству периодических изданий значительно превосходят дореволюционный период. Также не соответствует действительности утверждение уважаемого профессора о том, что анархистским теоретикам не удавалось «спланировать будущее свободное общество», ибо картины «будущего в их трудах или очень расплывчатые, или курьезны» (с. 239). Ведь работы большинства отечественных и зарубежных анархистов, таких как П. А. Кропоткин («Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?», «Речи бунтовщика», «Хлеб и Воля», «Современная наука и анархия», «Поля, фабрики и мастерские»), Э. Реклю, Ж. Грав, С. Фор, содержат как раз подробную картину анархо-коммунистической модели общественного устройства.

Крайне неряшливо подготовлен библиографический список в рецензируемой книге, не говоря уже о том, что нарушены требования стандарта к оформлению такого списка. Нет названий издательств, не указан объем (листаж) изданий и т. д. Годы выхода многих изданий даны с ошибками. Газета «Анархия», издававшаяся в Москве осенью 1917 – летом 1918 гг., упомянута под названием «Анархист». Переизданный в 2013 г. сборник трудов А. М. Атабеяна «Против власти» дан вообще без названия. Ошибочно указан и год его переиздания (2001). Годы выпуска монографий В. Д. Ермакова даны с ошибкой в сто лет (1886 и 1887 гг. вместо 1996 и 1997 гг.), а дата издания сборника документов «Кровь по совести» – в 90 лет (1904). Дважды, под разными назва-

ниями, в списке литературы представлена монография С. Н. Канева «Революция и анархизм». В нарушение существующих правил оформлена ссылка на «Очерки по истории анархизма» Макса Неттлау. Вместо полного адреса электронной публикации и даты обращения представлено: «Интернет». Без ссылки на место публикации указаны воспоминания З. К. Ралли «Минувшие годы». Пропущено название книги В. А. Твардовской и Б. П. Козьмина. Объемная монография А. В. Шубина «Социализм, “золотой век” теории» обозначена как статья, опубликованная в журнале «Новое литературное обозрение». Непонятно в связи с чем упомянуты в списке отдельные номера современных (явно не анархистских) журналов за 1992 г. («Сибирские огни» № 10; «Советские архивы» № 5; «Социологические исследования» № 3). «Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Кропоткина» обозначены только одним выпуском (№ 1, 1995 г.), хотя их было четыре, да и самих конференций, посвященных творческому наследию П. А. Кропоткина, было несколько, и т. д., и т. п. (с. 243–247). В общем, библиографический список совсем негодный, составленный непрофессионально (а это, скорее всего, замечание к тем, кто готовил книгу к изданию), без знания дела и без должной квалификации.

Иногда для того чтобы правильно оценить творчество того или иного исследователя, полезно познакомиться с кругом его научных интересов, общения, биографией и библиографией опубликованного.

На последней странице обложки рецензируемой книги приводятся краткие сведения об авторе, носящие, по понятной причине, в большей степени панегирический характер. Тем не менее и здесь можно заметить, что автор — человек, несомненно, достойнейший, специализировался в журналистике, даже награждался почетным знаком Союза журналистов России. В ведущих библиотеках страны можно найти авторефераты его кандидатской и докторской диссертаций: «Массовый еженедельник и специфика его агитационно-пропагандистского воздействия на читателя»¹⁰; «Эффективность печатной пропаганды в свете ленинских принципов и традиций партийной журналистики (На опыте центральных и местных газет в 70-е гг.)»¹¹. Но в Интернете есть и менее лестные характеристики творчества нашего автора. В частности, электронный «Русский журнал» дает вот такую рецензию Б.А. Куприянова на книгу А.Г. Менделеева «“Куда влечет нас рок событий?”: Газета эсеров “Революционная Россия”: пропаганда и терроризм» (М., 2008. 528 с.): «При всей симпатии к эсерам, книга производит самое грустное впечатление из всех описанных. Автор провел титаническую работу: прочел весь архив важной газеты начала XX века. На 540 страницах изложены и пересказаны почти все материалы “Революцион-

¹⁰ Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Академия общественных наук при ЦК КПСС. Ученый совет по журналистике. М., 1969. 18 с.

¹¹ Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. Факультет журналистики. М., 1981. 43 с.

ной России”, масса фактического материала, газетных публикаций, мест из переписок, источников, книг о революционном движении, столь труднодоступных сегодня. Однако строки самого автора, когда он отклоняется от изложения, делает выводы или вдается в лирические отступления, заставляют хвататься за голову. Язык, стиль, логика — все против автора. <...> Наивность повествования, банальность выводов. Кажется, что при попытке популярно (тираж книги 150 экземпляров!) изложить историю эсеров автор берет пример с Радзинского. С той лишь разницей, что Радзинский, рассказывая о Ленине или Екатерине Великой, актерством, спекуляцией и домыслами прикрывает незнание фактического материала, который в изобилии известен Менделееву»¹². Как сильно перекликаются эти оценки с тем, что мы вновь увидели в рецензируемой книге!..

Итак, перед нами — уввы! — не исследование истории анархистской прессы, как утверждается в предисловии (с. 6), а в лучшем случае черновик, наброски произведения, по своему жанру представляющие нечто среднее между каталогом периодической печати и хрестоматией по ее истории, откровенная пародия на научное произведение. Амбициозное, вполне объяснимое желание увековечить память своего друга и коллеги, к сожалению, привело к явному фарсу. Можно без сомнений констатировать, что стремление доработать рукопись не достигло своей цели, а благодар-

¹² [Электронный ресурс] URL: www.russ.ru/pushkin/Knizhnye-pokupki-Borisa-Kurpianova2 (дата обращения: 20.06.2016).

ность вдовы в адрес подготовившего текст оказалась поспешной. Таковую книгу ни в коем случае нельзя рекомендовать ни журналистам, ни историкам, ни исследователям анархического движения, тем более — широкому кругу читателей, чтоб не вводить их в заблуждение. Вряд ли эта книга сможет помочь «современному читателю приблизиться к обстоятельствам, влияющим на развитие анархо-движения, и истории журналистики анархистов», скорее — создаст очередные мифы и легенды, усилит уже сложившиеся стереотипные образы. Анализ содержания периодической печати анархистов был подменен в книге простым кратким изложением информации и обширным цитированием. Безусловно, мы полагаем, что посмертное издание рукописей известных исследователей — весьма важное для российской науки дело. Также мы не беремся судить, какой была бы эта книга, успей автор сам довести ее до конца. Но мы считаем, что неправильно и крайне вредно печатать не доведенные до полного совершенства тексты, не подвергнутые тщательной научной редакции, содержащие многочисленные фактические ошибки, массу досадных опечаток и не имеющие серьезной научной ценности. Публикацию подобных работ более чем солидным для нашего времени тиражом (1000 экземпляров) в крупном научном из-

дательстве, без сомнения, можно отнести к одному из признаков девальвации в нашей стране исторической науки и научного знания в целом. История же российской анархистской прессы, как мы полагаем, еще ждет своих скрупулезных и квалифицированных исследователей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анархизм 2015 — Анархизм: pro et contra, антология / Сост., вступ. статья, коммент. П.И. Талерова. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. 1142 с. (Русский путь).

Анархизм в истории России 2007 — Анархизм в истории России: от истоков к современности: библиографический словарь-справочник / авторы-сост. В.Д. Ермаков, П.И. Талеров. СПб.: Соларт, 2007. 724 с.

Менделеев 2015 — Менделеев А.Г. Печать русских анархистов. М.: Политическая энциклопедия. 2015. 247 с.

Политические партии России 1996 — Политические партии России = Political parties of Russia. Конец XIX — первая треть XX века: энциклопедия [Ассоц. «Рос. полит. энцикл.». Рос. независ. ин-т соц. и нац. проблем; рук-ль проекта В.В. Шелохаев]. М.: Российская полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 800 с., [36] л. ил.

Революционная мысль 2013 — Революционная мысль в России XIX — начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев; отв. секр. А.В. Репников. М.: Политическая энциклопедия, 2013. 610 с., ил.

HAS THE HISTORY OF THE RUSSIAN ANARCHIST PRESS ALREADY BEEN WRITTEN?
(A LITTLE ABOUT THE POSTHUMOUS PUBLICATION OF ONE BOOK)

Rev.: Mendeleev A. G. Pechat' russkikh anarkhistov. M.: Politicheskaja entsiklopediia. 2015. 247 s.

Rublev Dmitry I. – candidate of historical sciences, associate professor of the history department, Russian State K. A. Timiryazev University (Moscow)

Thalero Pavel I. – candidate of historical sciences, associate professor, member of Petrovskaya Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

REFERENCES

Anarkhizm: pro et contra, antologiya / Sost., vstup. stat'ia, komment. P.I. Talerova. St. Petersburg: Izd-vo RKhGA, 2015. 1142 p. (Russkii put').

Anarkhizm v istorii Rossii: ot istokov k sovremennosti: bibliograficheskii slovar'-spravochnik / avtory-sost. V.D. Ermakov, P.I. Talerov. St. Petersburg: Solart, 2007. 724 p.

Mendelev A.G. *Pechat' russkikh anarkhistov*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. 2015. 247 p.

Politicheskie partii Rossii = Political parties of Russia. Konets XIX – pervaya tret' XX veka: entsiklopediya [Assots. "Ros. polit. entsikl.". Ros. nezavis. in-t sots. i nats. problem; ruk-l' proekta V.V. Shelokhaev]. Moscow: Rossiiskaia polit. entsiklopediya (ROSSPEN), 1996. 800 p., [36] l. il.

Revoliutsionnaya mysl' v Rossii XIX – nachala XX veka: entsiklopediya / otv. red. V.V. Zhuravlev; otv. sekr. A.V. Repnikov. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2013. 610 p., il.

С. М. Волошина

Рец.: *Макеев М. С.* Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель (Очерки о взаимодействии литературы и экономики). М.: МАКС-Пресс, 2009. 234 с.

Книгу М. Макеева «Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель» нельзя не заметить: «экономика поэзии», «продажа вдохновенья» традиционно представляется любопытной темой и плодотворным подходом к вскрытию и анализу механизмов творчества — как для историков и социологов литературы, так и для образованного «широкого круга». Оглавление книги и предисловие усиливают интерес: автор предлагает «содержательный анализ» известной «двойственности» Некрасова, его способности «сочетать в себе поэта с успешным предпринимателем», демонстрирует, «как знание аспектов коммерческой деятельности Некрасова обогащает наше понимание Некрасова-литератора» (с. 10). Беря за основу какой-либо эпизод из жизни Некрасова-поэта и издателя (или «конкретный некрасовский текст»), автор представляет его как результат действия скрытых экономических факторов — продолжая, таким образом, надолго прерванные традиции социолого-экономического подхода в советском литературоведении 1920–30-х гг.¹

Первое беглое чтение текста заявленную автором цель вроде бы подтверждает, однако при внимательном просмотре становится заметным противоречие ярких и во многом

нетривиальных тезисов автора — и очевидной несостоятельности доказательной базы, которую он использует. Так, между обстоятельно описанными по отдельности фактами жизни Некрасова и их историческим контекстом, с одной стороны, и последующими выводами автора — с другой, часто явно не хватает звеньев логической цепи, и последовательность их изложения не заменяет отсутствующей причинно-следственной связи; в качестве «подтверждающих» тезис нередко выбраны цитаты или нерелевантные поставленному вопросу, или (в худшем случае) — и вовсе ему противоречащие. Более того: случается, что автор игнорирует даже широко известные факты, опровергающие его тезис «на корню».

Для того чтобы развернуто продемонстрировать своеобразие авторского подхода к анализу и «деструктуризации» текстов и деятельности Некрасова, рассмотрим подробно пару глав, наиболее репрезентативных (на наш взгляд) в этом отношении.

Как уже было сказано, главы книги выстроены по единому принципу: кратко обозначив фабулу и исторический контекст какого-либо события из некрасовской биографии, Макеев дает неожиданную, оригинальную их трактовку, напрямую связанную с «экономикой» (определяемой, впрочем, исключительно широко — в понятие «экономика»

© Волошина С. М., 2017

Волошина Светлана Михайловна — кандидат филологических наук (Москва); s.m.voloshina@gmail.com

подчас входит буквально все, что не касается исключительно сферы поэзии).

Так, глава 6 посвящена эпизоду, связанному с публикацией в 1856 г. сборника стихотворений Некрасова. Сам поэт в письме Л. Н. Толстому, ссылаясь на обвинения «литературных друзей», называет «дело о книге», т. е. издание этого сборника, «мальчишеством» — именно вопрос о «мальчишестве» и становится объектом анализа автора. Попытаемся реконструировать его логические рассуждения.

Макеев сразу же заявляет, что «комментарий к этому фрагменту в Полном собрании сочинений Некрасова неверен», однако цитирует его не полностью. Более ранние и развернутые комментарии по этому вопросу, обстоятельно описывающие ситуацию, автор почему-то не упоминает¹. «Мальчишеством» друзьями Некрасова и авторами «Современника» была названа не (или не только) перепечатка стихотворений из сборника (именно с этим и полемизирует автор), а вообще неосторожность ведения дел журнала, приведшая к угрозе его запрещения — и естественно, что все окружение Некрасова, в этом журнале участвующее, было недовольно.

Далее автор представляет читателю обширные рассуждения о поэзии (среди многочисленных и несколько противоречивых цитат бывает сложно найти центральную линию: то поэзия характеризуется «идеа-

¹ Например: *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.; СПб., 1981–2000. Т. 14. Кн. 2. С. 206–208.

листической непрактичностью», то оказывается, что «потребность стихов в читателях существует несомненная» (с. 123), то вовсе выясняется, что «причина отсутствия поэзии заключается в публике, которая не понимает своих собственных потребностей»), и в итоге автор формулирует тезис: «Чтобы расцвел “идеалистический” вид литературы, нужна новая “идеалистическая” публика, для которой “самые высокие, прекрасные и чистые наслаждения” снова станут реальной повседневной потребностью». Именно для этой публики, дождавшись ее, Некрасов и собирается издавать сборник.

Идеалистичность Некрасова, решившего издать сборник не из коммерческих соображений, — тезис неожиданный и интересный, и автор посвящает целую главу его доказательству: поэт отстаивал свое «мальчишество», и публикация сборника стихотворений предназначена была стать своеобразным вызовом обществу, манифестацией идеалистических установок поэта, результатом обретения достойной таких стихов «идеалистической» публики.

И вот, в середине 1850-х гг., эта «идеалистическая публика», «не погруженная в мир прагматических интересов», «...новый идеалистический читатель, способный воспринимать и ценить идеалистическую литературу — поэзию — появился» (с. 129–130) Кем же был этот читатель-идеалист, которого не было раньше? Ответ неожиданный: это были представители нарождающегося поколения 1860-х гг., почитатели Чернышевского и Добролюбова. В своем вольном обращении с терминами автор окре-

стиль будущих нигилистов «идеалистами» на том основании, что у этой молодежи вообще были идеалы.

Дальше — интереснее: именно наличие этого нового, идеалистического читателя привело к тому, что поэты стали без страха издавать свои сборники (надо ли полагать, до этого поэты издавали сборники со страхом?): «Новый читатель создал запрос на поэзию, позволивший преодолеть многим поэтам страх перед изданием поэтических сборников».

Затем логическая цепочка становится сложнее: вдруг выясняется, что примерно в то же время Некрасову «по запросу публики» понадобилось непременно написать автобиографию: «Не менее сложно было и с человеческой индивидуальностью, судьбой самого поэта. И к ней тоже предъявлялись новой публикой требования уже не просто оригинальности, но жертвенности, настоящего героизма. Для поэта такой запрос публики тоже оказался крайне внятными. Об озабоченности Некрасова этой проблемой говорит неожиданно возникшее у него желание писать автобиографию» (с. 134). Автор не приемлет очевидного и известного объяснения этого желания (Некрасов в 1855 г. всерьез считал, что находится при смерти, и мысль о написании автобиографии в этой ситуации закономерна²)

² См., например: «Первые ее (автобиографии. — С. В.) замыслы относятся к 1855 г., когда, тяжело заболев, 34 лет от роду, Некрасов, в ожидании близкой смерти, задумал писать свою автобиографию, уже не в виде рассказа и не в стихах, а в откровенной форме мемуаров» (Литературное наследство. М., 1949. Т. 49–50. С. 133).

и предлагает взамен свое, экзотическое. Интуитивно (а как еще?) вняв «запросу» новой публики, Некрасов почувствовал «неожиданно возникшее у него желание писать автобиографию» и, вероятно, написал бы ее, но тут вдруг выяснилось, что «автобиография не понадобилась» (с. 135). Не понадобилась, надо полагать, той же публике, которая, видимо, каким-то образом («крайне внятными» автору, но не читателю) отменила свой запрос. Однако причина этой отмены также не проста: Некрасов провел некоторое время на даче со своим приятелем — критиком В. П. Боткиным, и это благотворное общение «сняло его возможные сомнения в наличии у него качеств, необходимых для успеха у молодого идеалистического читателя». Каким образом стало известно о сомнениях такого рода у Некрасова, уже известного к тому времени поэта и издателя — неизвестно. Тем не менее сомнения эти исчезли вот почему: именно в это время критик занимается переводом трактата Томаса Карлейля «О героях и героическом в истории» (1841), и предполагаемые рассказы Боткина об этой статье и ее переводе позволили «Некрасову решить стоящие перед ним проблемы». Решение такое: Некрасов заменил ненаписанную автобиографию на стихотворение «Поэт и гражданин», т. к., по Карлейлю в воображаемом пересказе Боткина, «поступком... является сама поэзия, становящаяся настоящей героической биографией поэта» (с. 139). Заодно, из-за пересказа же Карлейля, Некрасов полюбил поэта Бернса.

Таким образом выходит, что Некрасов, уже было вознамерившись

написать автобиографию как ответ на запрос от нового поколения псевдо-идеалистов, послушав рассказ приятеля о Карлейле, вдруг узнал, что «сама поэзия» становится «настоящей героической биографией поэта», послушался умного человека и написал «Поэт и гражданин», чтоб не писать автобиографию. Никаких дополнительных сведений о серьезном увлечении Карлейлем и чтении его автор не дает (кроме того, что Некрасов похвалил тоже напечатанную статью Боткина на страницах «Современника»).

Вывод Makeев делает в самом деле парадоксальный и ниспровергающий расхожее мнение о Некрасове как человеке сугубо практическом и весьма коммерчески заинтересованном. Публикация сборника Некрасовым показана продуманным манифестом, сознательным «мальчишеством», декларацией смелости автора и приверженности его идеалам нового «идеалистического» поколения. «Стихотворение “Поэт и гражданин”, открывавшее сборник как своего рода замена биографии автора, таким образом, переопределяло входящие в него стихотворения в духе карлейлевского героизма. Оно же и позволяло саму публикацию сборника, содержащего такие стихи, представить как сильный поступок, своего рода героизм, чреватый не коммерческим успехом, а опасными последствиями. Эта аура вокруг книги поддерживалась Некрасовым сознательно» (с. 142).

Звучит в самом деле красиво (особенно если забыть о путаных доводах), однако здесь стоит учесть небольшую деталь — и на этот раз

имеющую прямое документальное подтверждение. Этот «сильный поступок» и сознательно «героический» сборник был издан К. Т. Солдатенковым — после затяжного конфликта между ним и Некрасовым. Конфликт заключался в следующем: в июне 1855 г., т. е. почти за год до публикации, Некрасов, нуждаясь в деньгах, предложил Солдатенкову издать сборник своих стихов, тот согласился и тут же выплатил поэту аванс в 1500 руб. (вся история подробно изложена в письмах Боткина, Некрасова и Солдатенкова, а также в комментариях к Полному собранию сочинений Некрасова³). Чуть позже финансовые дела Некрасова несколько поправились, и издавать сборник он и вовсе передумал. Об этом, а также о «денежной» причине издания сборника Некрасов пишет Солдатенкову сам: «...так же охотно снизойдете к нынешнему моему желанию, как год тому назад снизошли к крайности, вынудившей меня искать денег и предложить Вам мои стихи...»⁴. После долгих неприятных переговоров и дразг между Некрасовым и его помощником в этом деле Боткиным, с одной стороны, и недоумевающим Солдатенковым и Кетчером — с другой, Некрасов, последовав совету и уговорам того же Боткина, неохотно дал свое согласие на издание сборника,

³ См. например, текст договора с Солдатенковым от 11 июня 1855 г. с распиской Некрасова в получении 1500 руб.: Некрасов Н. А. Указ. соч. Т. 13. Кн. 2. С. 239; письма Некрасова, Боткина и Солдатенкова и комментарии к ним: Там же. Т. 14. Кн. 2. С. 191–198, Голос минувшего, 1916, № 9. С. 183–189, Литературное наследство. М., 1949. Т. 51–52, с. 508–510.

⁴ Некрасов Н. А. Указ. соч. Т. 14. Кн. 2. С. 11–12, письмо от 27 марта 1856 г.

прислав новые тексты и позволив Солдатенкову самому выбирать стихотворения для печати: «Поэтому печатайте мои стихи и присоединяйте к ним все, что найдете в “Современнике”. Это прибавление составит не до 600 стихов, а до 1000, — за лишние 400 стихов я прошу Вас только исключить из данной Вам тетрадки некоторые пьесы, которые, как очень слабые, могут только повредить книге»⁵.

Так оно и вышло: «Конфликтная ситуация разрешилась... выходом в свет осенью 1856 г. “Стихотворений” Некрасова, изданных Солдатенковым и Н. М. Щепкиным при участии И. Е. Забелина»⁶.

Эту часть переписки, полностью опровергающую тезис автора (выпуск сборника не только не был продуманной манифестацией Некрасова, но изначально задумывался из коммерческих соображений и выполнен был не самим поэтом, а издателем Солдатенковым) и делающую несущественными и без того довольно шаткие аргументы, не учитывать было нельзя. Остается неизвестным, почему автор не упомянул об этом обстоятельстве, т. к. нельзя же предположить, что он ее попросту не читал.

Схожим образом выстроена и аргументационная база, например, главы 5 — «Экономика и “направление” некрасовского “Современника”».

Объект авторского анализа на этот раз — «концепция некрасовского

“Современника” в первый период его издания (до прихода Чернышевского)» (с. 94). В этой главе автор полемизирует с устоявшимся образом «Современника» второй половины 40-х — начала 50-х годов как «достаточно разношерстного и эклектичного журнала и в идейном плане», утверждая следующее: «Наоборот, сама экономическая логика неизбежно приводит Некрасова к некоторой “концепции”, экономическая стратегия порождает стратегию идейную и даже эстетическую, перерастает в них».

Теперь аргументы: в начале главы автор пишет об отличии издания журнала от альманаха, которое «заключается в долгосрочности этого предприятия, предполагающего временной разрыв между уплатой покупателем денег и получением им товара». После отвлеченных рассуждений об инфляции, автор знакомит читателя с используемой им экономической методологией (находящейся «в рамках неоклассической парадигмы») и уверяет, что его утверждения «являются прописными истинами этой парадигмы». Все эти общие рассуждения, как выясняется, нужны автору для того, чтобы сделать вывод: за время подписки на номера журнала «деньги не должны ни сильно подешеветь (что невыгодно издателю), ни резко подорожать (что невыгодно подписчику, который должен в таком случае быть склонен не тратить, а хранить деньги)» (с. 97). Теория и конкретный пример несопоставимы по масштабу и временным отрезкам: подписка на журнал — не долгосрочный многолетний банковский вклад, когда инфляция успевает поглотить

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Там же. С. 193.

проценты, а всего лишь несколько месяцев, так что глобальные экономические законы и теории, в какой бы парадигме они не находились, здесь нерелевантны.

Впрочем, упоминая «прописные истины», автор прав — немалая часть его рассуждений относится к донесению до читателя именно таких истин, при этом текст перегружен ничем не добавляющей к пониманию терминологией, запутанными определениями очевидного и противоречивыми цитатами. Таково, например, пространное описание издательских механизмов: «Другое условие для успеха журнала — наличие механизмов не только распространения товара, изготавливающегося в одном месте и доставляемого во многие другие (что необходимо издателю), но и гарантий его доставки...». (с. 97). Другими словами, для доставки журнала нужна почтовая служба, а про то, что журнал изготавливается обычно в одном месте, а «доставляем во многие другие», читатели догадывались и до того.

Не подтверждено и сомнительно с точки зрения логики сравнение Макеевым издания журнала и ведения комиссионерской конторы. «Типологически издание журнала подобно деятельности комиссионерской конторы, занимающейся рассылкой товаров заказчикам. Поэтому закономерно то, что новый “Современник” возник одновременно с новой комиссионерской конторой, открытой знакомым Некрасова и Белинского М.А. Языковым». Оба предприятия объединяет разве что отправка по почте, но никак не принцип работы; неясно и слово «закономерно»

в хронологической близости возникновения «Современника» и конторы Тютчева и Языкова.

Однако именно на этом «совпадении», что бы оно ни значило, и строятся дальнейшие рассуждения автора. «Общим» у создания двух предприятий автор считает и их потребность в кредитах, что как минимум фактически неточно: контора была полностью создана на деньги одного из пайщиков — Языкова, который внес «15 000 рублей серебром обеспечения и записался в купцы первой гильдии». Но это не тревожит автора, который быстро про сравнение забывает, перейдя к многостраничным рассуждениям о понятии «кредит» и трактуя его предельно широко — и в ключе финансовом, и в смысле «доверия». Рассуждения перемежаются и вовсе лирическими описаниями и цитатами — о том, как в письмах знакомые Некрасова обсуждали финансовые дела журнала, о кознях Булгарина и т.п. общеизвестных делах, — для того, чтобы в итоге прийти к очередной прописной истине, известной не только некрасоведам, но и людям вовсе посторонним: «Таким образом, перед некрасовским “Современником” в первые годы его существования стояла двойственная задача: обрести и устойчивую репутацию, и финансовую состоятельность, то есть кредит во всей полноте этого слова» (с. 100). Ситуация представляется уникальной: возможно, другим издателям журналов не требовался ни доход, ни лояльность подписчиков, так что сделанный вывод, безусловно, нуждается во многих страницах цитат и смутных рассуждений.

«Кредит» — ключевое слово главы, и автор, уходя в пространные рассуждения о состоянии финансовой ситуации в России в 1830–40-е гг., вводит читателя в краткий экскурс по истории частного кредитования, заведомо, впрочем, не имеющий отношения к Некрасову и «Современнику». Читатель узнает, какие именно формы кредитования существовали (ростовщики, векселя) и почему Некрасов никак не мог воспользоваться ими, и видит изначально известный ему вывод: некрасовский «кредит преимущественно носил “личный” характер» (с. 104). Принцип подробного описания того, что не использовал и не мог использовать основной герой книги, конечно же, весьма плодотворен: Некрасов не использовал в своей жизни еще много финансовых инструментов, и их подробное перечисление также можно было бы разместить, например, в отдельной главе.

Уяснив известное, что Некрасов для основания журнала брал в долг у приятелей (впрочем, все же основной капитал — 15 000 руб. — был взят не в долг, а внесен соредактором И. И. Панаевым), автор решает, что прописная истина будет лучше читаться в сложном парафразе: «В результате в доверительном кредите ставка делается на нечто иное, выходящее за пределы современной экономической и юридической системы, трансцендентное ей» (с. 106). После чего проделывает действительно нечто трансцендентное фактам — выдвигает тезис о том, что принцип кредитования «Современника» был выстроен Некрасовым согласно учению Прудона.

Вопреки читательскому ожиданию, никаких прямых или сколько-нибудь обоснованных свидетельств того, что Некрасов был последователем учения Прудона или хотя бы читал его, нет, как нет и ни одного (!) упоминания имени Прудона в некрасовских письмах.

Вместо обоснования автор подробно рассматривает учение самого Прудона о кредите в его труде «Экономические противоречия, или Философия нищеты» (1846), смутно упомянув, что книга стала «чрезвычайно важным источником размышлений и идеологических построений для круга Белинского — Герцена в середине 40-х годов» (с. 107). Макеев кратко цитирует «Былое и думы» Герцена (там имена Прудона и Гегеля отмечены как важные для современников), упоминает статью Владимира Милютина «Мальтус и его противники», а также мечтает: «Идеи Прудона, по воспоминаниям Анненкова, вероятно, обсуждались в Соколове и в 1845, и в 1846 году» (при этом по ссылке у Анненкова упоминаний о Прудоне нет вовсе, а книга Прудона, как было указано, вышла в 1846 г.).

В качестве основного доказательства приверженности Некрасова идеям Прудона автор обширно цитирует самого Прудона на французском и английском — на две страницы в общем объеме с параллельным переводом (как минимум неотредактированным: «Но верно также и то, и это не противоречит тому, что было сказано выше, что тот, кто дает в долг (при обычных условиях), не лишает себя того капитала, который он ссужает») (с. 111). Хотел ли автор таким

образом поделиться с нами лингвистическим своеобразием и красотой слога именно этих отрывков из Прудона? Увы, мы не знаем.

Как бы то ни было, наличие французского (и даже английского) текста Прудона никак не доказывает, что Некрасов его знал и тем более — быстро, сразу после выхода книги — стал реализовывать на практике.

Таким образом, потенциально любопытное наблюдение, сделанное Makeевым: «Кредит не служит обогащению ни одной из сторон, но позволяет берущей стороне развиваться, реализовывать свои планы, удовлетворять свои потребности, при этом не обедняя кредитующую сторону, дающую деньги, которые у нее самой сейчас в избытке», — остается лишь абстрактным же парафразом Прудона, не имеющего, однако, никакого сколько-нибудь аргументированного отношения к Некрасову и его манере ведения издательских дел «Современника» (и «переводится» очень просто: зажиточные знакомые и друзья Некрасова ссудили ему деньги на «хорошее дело» журнал, не считывая на этом нажиться). Не имеет никаких доказательств со стороны автора и другая сторона «кредитного» вопроса: свидетельства того, что кредиторы Некрасова в это время были ярыми прудонистами.

Тезисы других глав и их аргументация написаны примерно в том же ключе, однако за недостатком места

в рецензии (получившейся и без того обширной) здесь мы их не представим. Впрочем, аргументация некоторых глав вовсе не выглядит противоречивой, однако выводы их полностью входят в разряд упомянутых «прописных истин».

Отдельно стоит отметить и весьма своеобразный язык автора, порой затрудняющий понимание, и удивительные замечания и открытия в области социологии, экономики творчества и литературоведения: «...для Некрасова нет строгой границы между человеческой индивидуальностью и своеобразием поэтического стиля» (с. 124); журнал «мешает авторам с именем, авторам, безусловно, оригинальным, самобытным в полной мере показать читателю свое лицо, поскольку стихи его оказываются рассеяны по разным книжкам журнала» (с. 127); «Это время и финансового кризиса, в 1854 году поставившего “Современник” на грань краха в результате заранее безнадежно проигранной конкуренции с газетами», — можно ли сказать, что «Современник» почти обанкротился в 1854 г. потому, что заранее безнадежно проиграл конкуренцию с газетами?

В итоге впечатление книга производит более чем неоднозначное. Безусловно, подход автора интересней, и мы очень надеемся, что в дальнейшей своей работе он будет все же в большей степени учитывать факты при выдвижении гипотез.

Rev.: Makeev M. S. Nikolai Nekrasov: Poet i Predprinimatel' (Ocherki o vzaimodeistvii literatury i ekonomiki). M.: MAKSPress, 2009. 234 s.

Voloshina Svetlana M. — candidate of philological sciences (Moscow)

М. В. Медоваров

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗАБЫТОГО МЫСЛИТЕЛЯ

Рец.: *Соловьев А. П.* «Согласить философию с православной религией»: идейное наследие архиепископа Никанора (Бровковича) в истории русской мысли XIX–XX веков. Уфа: издатель Словохотов А. А., 2015. 440 с.

Ключевые слова: архиепископ Никанор (Бровкович), всеединство, русская религиозная философия, пантеизм, В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев, Ф. М. Достоевский, И. С. Аксаков

Рецензия посвящена книге А. П. Соловьева об архиепископе Никаноре (Бровковиче) как философе, мыслителе, церковном и общественном деятеле. В центре внимания автора — взаимоотношения и взаимные влияния между архиепископом Никанором и его современниками, такими как Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев, И. С. Аксаков. В то же время А. П. Соловьев дает реконструкцию онтологии, гносеологии и антропологии архиепископа Никанора. Рецензируемая книга расширяет и корректирует наши представления о становлении русской религиозной философии второй половины XIX в., отбрасывая ряд старых предрассудков о Никаноре и показывая его в новом свете.

При упоминании имени архиепископа Никанора (Бровковича) в памяти среднестатистического специалиста-гуманитария обычно всплывает лишь известная статья К. Н. Леонтьева «Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни» (*Леонтьев* 1996: 396–399) и глава в «Истории русской философии» В. В. Зеньковского (*Зеньковский* 1991: 88–101). За рамками внимания остаются ча-

ще всего и труды первых исследователей деятельности и философии архиепископа Никанора на рубеже XIX–XX вв., и прочие его упоминания. Даже две кандидатские диссертации о нем (*Карасева* 2000; *Борисова* 2002) прошли практически незамеченными. Владыку Никанора если и вспоминают, то в связи с его отношениями с К. П. Победоносцевым (*Полунов* 2010: 247–251). На этом фоне тезисы Зеньковского об исключительно важной роли философской системы архиепископа в истории русской мысли оказываются в определенной мере отодвинутыми в тень. Как видно из рецензируемой книги, между 1903 и 2000 гг. не появилось ни одной работы, посвященной специально архиепископу

© Медоваров М. В., 2017

Медоваров Максим Викторович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород); mmedovarov@yandex.ru

Никанору, а в 2000–2014 гг. таких работ вышло очень мало (с. 32).

Заслугой уфимского исследователя А. П. Соловьева является то, что на протяжении нескольких лет он проделал немалую историко-архивную, источниковедческую и философскую работу по реконструкции биографии, общественной деятельности, религиозных и философских воззрений архиепископа Никанора, его сложных и запутанных отношений с великими современниками. Промежуточный итог этой работы представлен в виде рецензируемой книги.

Монография А. П. Соловьева включает три главы и шесть документальных приложений. Автор демонстрирует глубокое знание историографии вопроса, т. е. изучения деятельности и творчества владыки Никанора (с. 4–6, 168–169, 276–279), при этом точка зрения В. В. Зеньковского оказывается лишь одним из моментов, хотя и самым ярким (с. 292–295, 348). Блестящий и кропотливый анализ архивных и опубликованных источников виден на протяжении всей работы, ему посвящен и отдельный параграф. Работая в Государственном архиве Одесской области, А. П. Соловьев сумел констатировать гибель в 1941 г. подавляющей части архивного фонда архиепископа Никанора. Тем не менее даже уцелевших материалов достаточно для того, чтобы кардинально пересмотреть место владыки в истории русской философии: зная датировку черновиков его сочинений, сегодня можно наверняка утверждать, что свою философскую систему он построил

раньше В. С. Соловьева и Н. Я. Грота (с. 85–86, 176–179). Это значит, что архиепископ Никанор не только влиял на них посредством личных бесед и переписки, но был первопроходцем в области построения законченной философской системы в России (с. 32).

К сожалению, книгу А. П. Соловьева нельзя рассматривать как биографию архиепископа Никанора. Некоторые периоды его жизни освещены кратко, часто фрагментарно. В то же время, как известно, в разные годы архиепископ (белорус по рождению) жил и трудился в Могилеве, Петербурге, Риге, Саратове, Полоцке, Витебске, Казани, Новочеркасске, Уфе, Одессе. Детальное рассмотрение его деятельности во всех этих городах могло бы стать темой отдельной монографии и дать многое для социальной истории Российской империи второй половины XIX в. вообще.

С точки зрения философии наиболее важным должен представляться раздел с авторским анализом философской системы архиепископа Никанора. Однако лишь немногие – хотя, пожалуй, самые глубокие и вдумчивые – страницы книги специально посвящены данной теме. Онтология и гносеология (в виде характерной для владыки Никанора «онтологической гносеологии») анализируются в небольшом параграфе (с. 90–106), значительную часть которого занимают сопоставления учения архиепископа об эйдосе с философией Платона, Лейбница, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского, А. Ф. Лосева. Эта же тема вскользь

появляется на страницах книги еще несколько раз, особенно в связи с предвосхищением некоторых мыслей А. Ф. Лосева (с. 346–357), и обретает завершенные чеканные формулировки в заключении (с. 406–411).

А. П. Соловьев не ограничивается использованием широко известных первых двух томов «Позитивной философии и сверхчувственного бытия» (*Никанор* 1875, 1876), но ищет ключи к мысли архиепископа Никанора в третьем томе («Критика на критику чистого разума Канта»), который плохо известен исследователям, в том числе и потому, что до сих пор не оцифрован и отсутствует даже в Российской государственной библиотеке (*Никанор* 1888). Во вклейке к книге А. П. Соловьева наряду с найденными в архивах портретами и автографами владыки Никанора поместил и уникальную схему соотношения пяти видов разума. На одной из конференций в Институте русской литературы РАН в 2015 г. автор монографии привел ряд доказательств в пользу влияния этой схемы на позднего Соловьева.

Что касается социально-политических и исторических воззрений архиепископа Никанора, то специального параграфа удостоились лишь его взгляды на судьбы «ученых монахов» как «носителей мировой скорби». Этот вопрос трактовался владыкой в философском ключе так, что судьбы отдельных монахов оказывались отображением судеб эйдосов на индивидуализированном плане бытия (с. 107–133). В то же время, как известно, вопрос

об «ученом монашестве» в конце XIX века стал камнем преткновения между сторонниками этого нового явления во главе с будущим митрополитом Антонием (Храповицким) и его противниками во главе с духовником царской семьи протоиереем Иоанном Янышевым. Автобиографические размышления архиепископа Никанора о судьбах молодых монахов во второй половине XIX в., на которые обращал внимание уже В. В. Розанов, являются ценным источником по данной проблеме.

Основное внимание в книге А. П. Соловьева уделено кругу знакомств архиепископа Никанора, которым посвящено около половины всей монографии. На ее страницах мелькают митрополит Филарет (Дроздов), отец Н. Г. Чернышевского священник Гавриил, обер-прокурор Св. Синода А. П. Ахматов, философ Н. Н. Страхов. Отдельный параграф посвящен учителям владыки Никанора, в числе которых были крупнейшие русские философы середины XIX в. — В. Н. Карпов и П. Д. Юркевич (с. 140–155).

Но основное внимание автора приковано к нескольким наиболее известным персонам. Среди них — Ф. М. Достоевский (с. 158–167, 325–327) и И. С. Аксаков (с. 200, 250–267). В качестве пастыря владыка Никанор не стеснялся и после смерти этих мыслителей строго указывать на те их воззрения, которые он считал противоречащими чистоте православного учения. И у Достоевского, и у Аксакова он усматривал тенденции ставить народ, национальное начало на первое место по сравнению с религией,

Церковью, а жесткую моралистическую критику редактора «Руси» в адрес духовенства вкупе с известным сочувствием Аксакова к старообрядцам архиепископ Никанор даже называл проявлением хамства (с. 268–275). Владыка чутко уловил «протестантские» нотки в характере личной религиозности И. С. Аксакова, тот самый его моралистический ригоризм, на котором мы недавно имели случай акцентировать внимание (Медоваров 2016: 158–159). В целом же и Достоевский, и Аксаков, и Пушкин воспринимались владыкой Никанором как «блудные дети» Церкви.

Очевидно, что эти оценки сближали архиепископа Никанора с К. Н. Леонтьевым. Как показывает А. П. Соловьев, их мировоззрение вообще было во многом сходным, вплоть до общей философской интерпретации эйдосов (с. 298–316). Недаром Леонтьев в статьях разных лет упоминает владыку Никанора в качестве одного из самых начитанных и глубоких русских философов, «столпа русской Церкви», автора новой концепции «идоса» нации, желающего поставить науку на службу православию (Леонтьев 1996: 380, 406, 459, 601, 665, 678). И даже к критике технического прогресса оба мыслителя, как выясняется, пришли независимо друг от друга. Молодой Никанор посвятил этой теме одну из своих первых проповедей уже в 1860 г. Ее текст, как и исправленный при сличении печатной и архивной редакций текст знаменитого поучения о железных дорогах 1884 г. (*Никанор* 1884), опубликованы А. П. Соловьевым в качестве приложений

с обширными комментариями (с. 368–405). При этом оказывается, что в первоначальной редакции поучения присутствовал ряд принципиальных тезисов, не вошедших в опубликованный текст и оставшихся неизвестными тому же Леонтьеву. Прежде всего, речь идет о попытке архиепископа Никанора вывести технический прогресс напрямую из пантеистической и материалистической философии (с. 375–376).

Разумеется, одним из ключевых героев монографии А. П. Соловьева стал его знаменитый однофамилец-философ. Автор скрупулезно реконструирует историю отзывов (в том числе неопубликованных) Владимира Соловьева и архиепископа Никанора друг о друге, прослеживает процесс их знакомства с сочинениями друг друга. В результате значительно корректируются и расширяются наши сегодняшние представления о становлении русской религиозной философии и формировании идеи всеединства на ранних этапах ее развития (с. 24, 168–213).

Небольшой параграф посвящен менявшемуся отношению В. В. Розанова к наследию архиепископа Никанора: от сочувственных размышлений о монашестве и браке к полному неприятию (с. 333–345). Жаль, что не удостоилась отдельного параграфа критика Л. Н. Толстого владыкой Никанором: соответствующие сведения разбросаны по разным главам (с. 205–206, 240–241, 327–332). Не нашлось в книге места и для анализа взаимоотношений архиепископа с К. П. Побе-

доносцевым и постановки вопроса об общем и различном в их взглядах.

На этом фоне может показаться чрезмерным то огромное внимание, которое автор уделяет отношениям владыки Никанора с таким второстепенным философом, как Н. Я. Грот (с. 214–249, 276–278, 320–324). Однако этому есть объяснение. Дело в том, что архиепископ на протяжении своей жизни не раз сталкивался с негативными последствиями того, что его высказывания понимали неправильно. Уже в молодости он подвергся гонениям со стороны епископата за то, что при преподавании в семинариях и в своих сочинениях начинал критический разбор философии Канта или взглядов старообрядцев с детального изложения и комментирования данных учений (с. 12, 15–16, 40–42). Разбор и пересказ позиции противника ошибочно воспринимались священноначалием как пропаганда критикуемых воззрений, в связи с чем владыка Никанор и вспоминал: «Меня официально провозгласили *неправославным*. А скажу по совести, в эту пору я был ригористически православен... Тут, ба... “не православен”! Что же это за система, которой даже своим, ее адептам, запрещают касаться, не только критически, даже апологетически!» (с. 49).

Подобная ситуация повторилась в последние годы жизни архиепископа в его полемике с Н. Я. Гротом, чья философия представляла собой эклектическую смесь пантеизма и позитивизма и к тому же постоянно изменялась. Разбор сочине-

ний Грота был составлен владыкой в таком духе, часто без закавычивания цитат, так что сам Грот поначалу воспринял это как оскорбление, а современный исследователь Н. К. Гаврюшин по ошибке принял критикуемые цитаты из Грота за слова самого архиепископа Никанора и на этой основе построил абсолютно ложную «реконструкцию» философии владыки (*Гаврюшин* 2011). А. П. Соловьев уделяет особое внимание разоблачению ошибок Гаврюшина (с. 238, 244–248, 297), реабилитируя имя архиепископа Никанора в истории русской философии. Эта реабилитация, впрочем, носит и церковный характер – недаром святитель Никанор уже сейчас воспевается в акафисте святому праведному Ионе Одесскому (с. 411).

Мы начали свою рецензию с того, что монография А. П. Соловьева является промежуточным итогом его исследований. Действительно, на последней странице автор просит сообщать ему сведения по ряду нерешенных вопросов, связанных с судьбой родственников владыки и его архива (с. 434). За два года, прошедших с момента выхода монографии в свет, А. П. Соловьев уже выступил с рядом новых сообщений о жизни и деятельности архиепископа Никанора (Бровковича) и нашел ряд неизвестных ранее архивных источников на эту тему. Поэтому хочется выразить надежду, что рано или поздно эти изыскания завершатся появлением новой книги, в которой на первом плане окажутся систематическое жизнеописание владыки и итоговый анализ его философской системы.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Зеньковский 1991 – *Зеньковский В. В.* История русской философии. Т. 2. Ч. 1. Л.: МП «Эго», 1991.

Леонтьев 1996 – *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и славянство. М.: Республика, 1996. 799 с.

Никанор 1875 – *Никанор (Бровкович), архиепископ.* Позитивная философия и сверхчувственное бытие. Т. I. СПб., 1875. 482 с.

Никанор 1876 – *Никанор (Бровкович), архиепископ.* Позитивная философия и сверхчувственное бытие. Т. II. СПб., 1876. 402 с.

Никанор 1888 – *Никанор (Бровкович), архиепископ.* Позитивная философия и сверхчувственное бытие. Т. III. СПб., 1888. 498 с.

Никанор 1884 – *Никанор (Бровкович), архиепископ.* Поучение при освящении новых зданий вокзала железной дороги в Одессе // Православное обозрение. 1884. Т. 3. № 10. С. 326–343.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борисова 2002 – *Борисова С. Г.* Философско-религиозное учение архиеп. Никанора (А. И. Бровковича): опыт системной реконструкции и интерпретации. Автореф. дис. ... к. филос. н. М., 2002.

Гаврюшин 2011 – *Гаврюшин Н. К.* «Меня официально провозгласили неправославным»: архиепископ Никанор (Бровкович) // Гаврюшин Н. К. Русское богословие: очерки и портреты. Н. Новгород, 2011. С. 251–283.

Карасева 2000 – *Карасева С. Г.* Религиозно-метафизические основания мировоззрения А. И. Бровковича (архиепископа Никанора). Автореф. дис. ... к. филос. н. Минск, 2000.

Медоваров 2016 – *Медоваров М. В.* Иван Аксаков как психологический и религиозный тип // Российская история. 2016. № 1. С. 155–159.

Полунов 2010 – *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: РОССПЭН, 2010.

THE RETURN OF THE FORGOTTEN THINKER

Rev.: *Solovyov A. P.* "Soglasit' filosofiiu s pravoslavnoi religiei": ideinoe nasledie arkhiepiskopa Nikanora (Brovkovicha) v istorii russkoi mysli XIX–XX vekov. Ufa: izdatel' Slovkhotov A. A., 2015. 440 s.

Medovarov Maxim V. – candidate of historical sciences, senior lecturer, Department of information technologies in the Humanity research, Nizhny Novgorod State N. I. Lobachevsky University (Nizhny Novgorod)

Key words: Archbishop Nikanor (Brovkovich), all-unity, Russian religious philosophy, pantheism, Vladimir Solovyov, Konstantin Leontiev, Fedor Dostoevsky, Ivan Aksakov

The review of the book by Artem Solovyov devoted to Archbishop Nikanor (Brovkovich) as a philosopher, thinker, Churchman and statesman. The special attention is drawn to the relationship and mutual influences between Archbishop Nikanor and his contemporaries, such as Feodor Dostoevsky, Vladimir Solovyov, Konstantin Leontiev, Ivan Aksakov. At the same time Artem Solovyov builds his reconstruction of Nikanor's ontology, gnosiology and

anthropology. The book under review widens and corrects our understanding of formatting of the Russian religious philosophy in the second half of the nineteenth century as well as discards some old prejudices about Nikanor and presents him in the new light.

REFERENCES

- Borisova S.G. *Filosofsko-religioznoe uchenie arkhiep. Nikanora (A.I. Brovkovicha): opyt sistemnoi rekonstruktsii i interpretatsii*. Avtoref. dis. ... k. filos. n., Moscow, 2002.
- Gavriushin N.K. "Menia ofitsial'no provozglasili nepravoslavnym": arkhiepiskop Nikanor (Brovkovich) // Gavriushin N.K. *Russkoe bogoslovie: ocherki i portrety*. Nizhny Novgorod, 2011. P. 251–283.
- Karaseva S.G. *Religiozno-metafizicheskie osnovaniia mirovozzreniia A. I. Brovkovicha (arkhiepiskopa Nikanora)*. Avtoref. dis. ... k. filos. n., Minsk, 2000.
- Medovarov M.V. Ivan Aksakov kak psikhologicheskii i religiozni tip // *Rossiiskaia istoriia*, 2016. No. 1. P. 155–159.
- Polunov A.Y. *K.P. Pobedonostsev v obshchestvenno-politicheskoi i dukhovnoi zhizni Rossii*. Moscow: ROSSPEN, 2010.
- Zen'kovskii V.V. *Istoriia russkoi filosofii*. Vol. 2, part 1, Leningrad: MP "Ego", 1991.

С. Б. Маньшев

ИСТОРИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ДАГЕСТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рец.: Книга памяти. Дагестанский медицинский институт в годы Великой Отечественной войны / Авторы-составители Р. С. Гаджиев, Ф. М. Османова; глав. ред. Д. Р. Ахмедов. Махачкала: Издательство «Лотос», 2015. 304 с.

Quae fuerant vitia, mores sunt.
Lucius Annaeus Seneca

История Великой Отечественной войны в последние годы, когда ее свидетелей остается все меньше, становится для современных россиян чем-то далеким и отчасти мифологизированным. Стало дурным тоном как-то негативно откликаться на работы по истории Великой Отечественной войны, в которых героика занимает ведущее место, что в итоге приводит к снижению уровня научных исторических работ. В национальных регионах страны «патриотизм» требует снова и снова что-то доказывать и искать новых, не всегда реальных, героев: количе-

ство призванных на фронт и отправившихся добровольцами растет в регионах Северного Кавказа едва ли не в геометрической прогрессии (*Безугольный и др.* 2012).

Однако это не восполняет тех лакун, которые образовались в изучении этой войны еще в советское время. Все еще остается достаточно большое количество неисследованных страниц, связанных с организацией здравоохранения и медицинского образования в регионах страны, переформированием системы в тылу, несмотря на то, что сразу после войны опыт советских врачей был обобщен в 35-томном исследовании (*Опыт советской медицины 1949–1955*).

Не является исключением и история здравоохранения и медицин-

© Маньшев С. Б., 2017

Маньшев Сергей Борисович – соискатель Института российской истории РАН (Москва); msergey1990@gmail.com

ского образования в Дагестане в рассматриваемый период, несмотря на то, что во время войны и после нее были опубликованы труды врачей эвакогоспиталей (Сборник научных трудов врачей 1943; 1947; 1948), а позднее был издан ряд исследований, в которых рассматривались отдельные аспекты медицинской помощи и образования в годы Великой Отечественной войны (Аликишиев 1958: 134–150; Махачев 1960: 122–141; Кыштымов 1995: 103–107). Однако со времени издания этих работ прошло не одно десятилетие, и выход нового издания по этой теме должен был, несомненно, вызвать интерес.

И такая работа под названием «Книга памяти. Дагестанский медицинский институт в годы Великой Отечественной войны» появилась в 2015 г. Ее авторы — заведующий кафедрой Общественного здоровья и здравоохранения Дагестанского государственного медицинского университета (ДГМУ) доктор медицинских наук, профессор Рашид Сейфиевич Гаджиев и доцент той же кафедры кандидат медицинских наук Фиала Магомедовна Османова.

Как сообщается на странице кафедры на сайте ДГМУ, Р.С. Гаджиев — Заслуженный деятель науки Республики Дагестан, Заслуженный врач Российской Федерации, а также «автор более 300 научных работ, в том числе 9 монографий, 5 учебников, более 40 учебных пособий и методических рекомендаций по проблемам общественного здоровья и здравоохранения. Под его руководством защищено 16 кандидатских диссертаций и 1 докторская диссертация».

Кроме того, Р.С. Гаджиев является членом редколлегии журналов «Земский врач», «Справочник врача общей практики», «Медицинская помощь», «Вестник ДГМА» (Кафедра общественного здоровья и здравоохранения)¹. До недавнего времени Р.С. Гаджиев был известен как автор всего лишь одной статьи по истории медицины, написанной в соавторстве с ассистентом своей кафедры Л.А. Гаджиевой. Статьи, мягко говоря, компилятивной, с небесспорным названием, и к тому же опубликованной дважды в тех журналах, членом редколлегии которых он является (Гаджиев, Гаджиева 2013а: 3–8; Гаджиев, Гаджиева 2013б: 52–57).

Его же соавтор, Ф.М. Османова, занимается преподаванием курса истории медицины на лечебном факультете ДГМУ, а также является членом редколлегии «Вестника ДГМА», который вошел в последнюю редакцию пресловутого «Списка ВАК». (Османова, Гаджиева 2002: 204–207; Багандов, Османова 2012: 85–88).

Нужно заметить, что рассматриваемое издание уже становилось предметом рецензирования. Некто В. Кравцов, представленный как профессор Московского медицинского университета им. И.М. Сеченова², в своем

¹ В июне 2016 г. Дагестанской государственной медицинской академии был присвоен статус университета.

² Стоит заметить, что на сайте Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова среди профессорско-преподавательского состава такой человек просто отсутствует, а есть лишь ассистент кафедры педагогики и медицинской психологии факультета высшего сестринского образования

отзыве на рассматриваемое издание пишет: «Книгу с полным правом можно отнести как к уникальному научному труду, так и к числу редких военно-исторических и литературных находок и открытий, собираемых по крупицам и бережно сохраняемых в течение долгих лет... «Книга Памяти» – огромный творческий и научный труд. Он может служить образцом и примером для изданий, посвященных 70-летию Победы в Великой Отечественной Войне, особенно в год, объявленный Годом литературы России...» (Кравцов 2015).

Мы отнюдь не разделяем этих восторженных оценок и можем лишь сожалеть, что рецензия написана человеком явно далеким от истории медицины Дагестана, не знакомым ни с соответствующей историографией, ни с источниками.

Структурно рассматриваемая работа состоит из предисловия, 9 неравноценных по содержанию и объему глав, приложений и списка использованной литературы. По сути своей, Дагестанскому медицинскому институту (ДМИ) посвящено три из девяти глав.

Взглянем для начала на библиографию, приводимую авторами. Она невелика и включает всего лишь 23 названия, среди которых два юбилейных альбома, посвященных вузу, информативность которых оставляет желать лучше

и психолого-социальной работы Николай Сергеевич Кравцов, а также кандидат медицинских наук, доцент кафедры нормальной физиологии лечебного факультета Александр Николаевич Кравцов.

го. Остается только сожалеть, что уровень познаний авторов книги находится где-то в середине 1970-х гг. и в библиографии не нашлось места работам, посвященным здравоохранению на Северном Кавказе в рассматриваемый период (Ананьева 1995: 134–147; Салбиева 2009; Ахмедов 2010: 155–161). Также в библиографии под номером 21 «затесался» Центральный государственный архив Республики Дагестан, однако остается загадкой, какие из его фондов были использованы авторами (и были ли вообще использованы), т.к. нигде более указаний на фонды архива в основном тексте книги найти не удастся.

Оставим в стороне проникнутое пафосом предисловие исполняющего обязанности ректора вуза профессора Д. Р. Ахмедова и небольшую обзорную главу под названием «Война у порога Дагестана (1942–1943 гг.)», при написании которой авторы почему-то не обратились к разработкам дагестанских ученых, посвященным этому периоду: за советский и постсоветский период в области изучения истории Дагестана в период войны действительно было сделано очень много. Были подготовлены обобщающие труды (Аликберов, Керимов 1959; Каймафаров и др. 1963; Каймафаров 2000), а также сборники документов (Верю в нашу победу 1986; Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1995; Народы Дагестана 2005) и воспоминаний, в которые вошли в том числе и воспоминания врачей (Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1962: 393–404.). Однако если мы обратимся к библиографии, то увидим там лишь одну книгу, напи-

санную генерал-майором Г.В. Кириленко, которая и стала основным источником сведений для авторов (Кириленко 2005).

Вторая и третья главы хотя и занимают по объему 28 страниц, около половины из них составляют иллюстрации. Казалось бы, это и есть основные главы во всей работе, т. к. одна из них носит название «Дагестанский медицинский институт в годы Великой Отечественной войны», а другая – «Перестройка научно-исследовательской работы в интересах военного времени». История же ДМИ в годы войны оказалась расплывчатой среди общих фраз о судьбах медицинского образования в Советском Союзе в рассматриваемый период. В результате этого читатель

не может получить более-менее целостную картину деятельности ДМИ в годы войны. По всей видимости, авторы просто не владеют материалом и не потрудились извлечь его из фондов Центрального государственного архива Республики Дагестан или же из опубликованных на страницах республиканской периодики сообщений.

Внимательный читатель, конечно, сразу найдет в тексте Р.С. Гаджиева и Ф.М. Османовой до боли знакомые фрагменты из работы бывшего заведующего курсом истории медицины ДМИ полковника медицинской службы В.В. Кыштымова, посвященной истории вуза, с небольшими сокращениями, заменой некоторых слов и опечатками.

«С учетом требований военного времени меняются учебные программы по всем дисциплинам. Так, в курс нервных болезней включена симптоматика поражения отдельных нервных стволов. На кафедре психиатрии преподаются психозы и психоневрозы военного времени, травматические психозы. Особое внимание стало уделяться вопросам преподавания военно-полевой хирургии, военной гигиены, военной эпидемиологии и токсикологии. В 1942 году Дагмединститут дал сразу два выпуска врачей, большая часть которых тут же ушла на фронт. Студенты, окончившие 5 курс, были выпущены 15 июля 1942 года, а студенты, перешедшие на 5 курс, – 15 августа 1942 года. В сентябре 1941 года для врачей города были организованы 3-месячные курсы по военно-полевой хирургии. Для студентов младших курсов были созданы 4-месячные курсы медсестер, состоялся первый их выпуск. Здание студенческого общежития было занято под воинскую часть, и студенты были вынуждены перейти на частные квартиры. 70 человек разместились в здании столовой напротив общежития, там, где сейчас спортзал, 50 человек – в двух бараках Республиканской больницы и медтехникума.

«Кроме того, в учебные программы по всем дисциплинам были введены изменения в соответствии с требованиями военного времени. Так, в курс нервных болезней включена симптоматика поражений отдельных нервных стволов. На каф. психиатрии – психозы и психоневрозы военного времени, травматические психозы. Резко усилено внимание к вопросам преподавания военно-полевой хирургии, военной гигиены, военной эпидемиологии и токсикологии... Учебные занятия по новому учебному плану начались 17 февраля 1942 г. Студенты, окончившие 5 курс, были выпущены 15 июля 1942 г., а студенты, перешедшие на 5 курс, – 15 августа 1942 г..

...В сентябре, октябре, ноябре 1941 г. для врачей города были организованы 3-месячные курсы по военно-полевой хирургии. Для студентов младших курсов были созданы 4-месячные курсы медсестер и состоялся их первый выпуск. Здание студенческого общежития было занято под воинскую часть. Студенты вынуждены были перейти на частные квартиры. 70 человек были размещены в здании столовой напротив общежития (где сейчас спортзал),

Ухудшилось питание студентов, возросли бытовые трудности. К концу 1942 года, когда фронт приблизился к Грозному, сотрудники и студенты института были мобилизованы для строительства оборонительных сооружений на северо-западной окраине города» (с. 29–33).

150 человек были размещены в 2-х бараках Республиканской больницы и медтехникума. Питание студентов ухудшилось. Возросли бытовые трудности.

К концу 1942 г., когда фронт приблизился к Грозному и возникла угроза Махачкале, прибавились новые заботы. Сотрудники и студенты были мобилизованы для строительства оборонительных сооружений на северо-западной окраине города. Там рылись противотанковые рвы, строились ДЗОТы, сооружались другие противотанковые препятствия» (Кыштымков 1995: 104–105).

Далее в главе следуют малоквалифицированные рассуждения авторов о роли природно-географических факторов в истории войн на Кавказе, а затем сюжет, который встречается в книге по крайней мере трижды: описание выявления случая холеры в республике в августе 1942 г.

В следующей главе речь идет о деятельности эвакогоспиталей на тер-

ритории Дагестана. Однако ее содержание оставляет читателя в недоумении, т. к. невооруженным глазом здесь обнаруживаются некорректные заимствования из книги Г. В. Кириленко, которые никак не оговариваются Р. С. Гаджиевым и Ф. М. Османовой. Чтобы не быть голословными, приведем ряд характерных примеров.

«13 декабря 1941 года Отделом Эвакогоспиталей Дагестанской АССР был издан приказ об организации госпиталя № 4653. В г. Буйнакске уже функционировали 2 госпиталя: № 1047, № 450. Один из них занимал здания двух школ, а другой был размещен на базе бывшего дома отдыха ВЦСПС. Всего в этих госпиталях можно было принять до 800 раненых и больных. Начальником нового госпиталя был назначен бывший начальник медицинской службы госпиталя № 1047 И. Ф. Гольдгефтер, а ведущим хирургом С. А. Донсков. Для госпиталя были выделены помещения двух учебных заведений: Учительского института и Кооперативного техникума Советской торговли» (с. 87).

«13 декабря 1941 года Отделом Эвакогоспиталей Дагестанской АССР был издан приказ об организации госпиталя № 4653 в г. Буйнакске. В тот момент в Буйнакске уже функционировали два госпиталя № 1047 и 450. Один из них занимал здания двух школ-десятилеток, а другой был размещен на базе бывшего дома отдыха ВЦСПС. Всего в этих госпиталях максимально можно было принять до 800 человек раненых и больных, а потребность была значительно больше.

Начальником нового госпиталя № 4653 был назначен бывший начальник медицинской службы госпиталя № 1047 Гольдгефтер Исаак Владимирович. Это был грамотный и весьма энергичный человек, который не останавливался ни перед какими трудностями. Ему предстояло создать госпиталь, что называется «с нуля», т. е. начиная с мебели и заканчивая медицинским инструментарием. Комиссаром госпиталя был назначен Черненко Григорий Харитонович, а ведущим хирургом — Донсков Сергей Андреевич. Вместе они энергично взялись за создание нового госпиталя.

Для госпиталя были выделены помещения двух учебных заведений: Учительского института на улице им. И. В. Сталина и Кооперативного техникума Советской торговли по Махачкалинскому шоссе» (Кириленко 2005: 219–220).

Собственно говоря, вся часть главы, посвященная эвакогоспиталю № 4653, в книге Р.С. Гаджиева и Ф.М. Османовой заимствована без ссылок и с некоторыми сокращениями из работы Г.В. Кириленко (*Кириленко* 2005: 219–232).

Следующий раздел, посвященный эвакогоспиталю № 4654, размещенному в поселке Двигательстрой, также перекочевал из книги Г.В. Кириленко в работу преподавателей ДГМУ в сокращенном виде (*Кириленко* 2005: 233–235).

Стоит заметить, что из работы Г.В. Кириленко были заимствованы не только тексты, но и фотографии. Они, очевидно, просто были отсканированы и включены в «Книгу памяти» без всякой атрибуции, в результате чего сохранились опечатки из книги Г.В. Кириленко (*Кириленко* 2005: вклейка между с. 232–233), где, например, неверно указана фамилия известного хирурга С.И. Ризваши как «Ризбаш» (с. 98–99).

В главе «Здравоохранение Дагестана в годы Великой Отечественной войны» мы снова видим излюбленный прием авторов «растворять» факты о Дагестане в общесоветских тенденциях и общих словах. В результате чего не создается какого-

либо целостного впечатления о путях развития и функционировании системы здравоохранения в ДАССР. Авторы в очередной раз возвращаются к эвакогоспиталям, о которых уже шла речь в предыдущей главе.

Еще по крайней мере два раздела не имеют никакого отношения к названию книги, но тем не менее были включены авторами в ее содержание. В главе «Санитарно-противоэпидемическая служба Дагестана в годы Великой Отечественной войны» авторы вновь расплывают непосредственно региональную специфику в общих словах и фразах о путях развития противоэпидемической службы в стране, обойдя своим вниманием специальное исследование по этой теме (*Магомедова* 2009).

Глава под названием «Хирургическая служба Дагестана в годы Великой Отечественной войны» оказалась позаимствованной Р.С. Гаджиевым и Ф.М. Османовой у видного дагестанского хирурга, члена-корреспондента АМН СССР Р.П. Аскерханова из его работы «Развитие хирургии в Дагестане от Н.И. Пирогова до наших дней». Снова приведем цитаты, чтобы не быть голословными.

«Хирургам эвакогоспиталей Дагестана в соответствии с требованиями фронта неоднократно приходилось менять характер и объем своей деятельности. Они служили то базой глубокого тыла, то прифронтной полосы, то центрального района эвакуации. В течение 1942–1943 гг. эвакогоспитали Дагестана выполняли функции передового этапа лечения раненых. Раненые в этот период поступали прямо с поля боя.

«Хирургам эвакогоспиталей Дагестана в соответствии с требованиями фронта неоднократно приходилось менять характер и объем своей деятельности. Они служили то базой глубокого тыла, то прифронтной полосы, то центрального района эвакуации. В течение 1942–1943 гг. эвакогоспитали Дагестана выполняли функции передового этапа лечения раненых, поскольку в этот период раненые поступали прямо с поля боя.

Ярким свидетельством того, что хирурги успешно справились с возложенной на них большой и ответственной оборонной задачей, является возвращение в строй 80% всех раненых, находившихся на лечении в госпиталях нашей республики. Причем, периодами этот процент доходил до 91%» (с. 146).

Без всякого изменения, однако с опечатками, перешли в работу Р. С. Гаджиева и Ф. М. Османовой статистические данные по количеству тех или иных видов операций, произведенных в эвакуогоспиталях Дагестана по годам. Так, у Р. П. Аскерханова указывается, что в 1944 г. было произведено 2247 нефрохирургических операций (Аскерханов 1979: 57), а у авторов «Книги памя-

«По мобилизационному плану с началом войны станция переливания крови должна была увеличить заготовку крови в 16,5 раз по сравнению с последним предвоенным годом. Однако уже в 1942 году первоначальное задание было увеличено уже в 3 раза. Работа станции менялась в зависимости от обстановки на фронте. Она может быть разделена на 2 периода. В 1-м периоде — с июля 1941 года по сентябрь 1942 года и с января 1943 года станция обеспечивала кровью госпитали Дагестана и гражданские лечебные учреждения. Во 2-м — с сентября 1942 года по январь 1943 года, помимо этого, посылала еще кровь фронту. Потребность в консервированной крови из месяца в месяц увеличивалась. Если принять количество крови, заготовленной станцией за последний предвоенный год за единицу, то за 2-е полугодие 1941 года было заготовлено 2,1, за 1942-й год — 14,8, за 1943 год — 44,0 и за 1944-й год — 42,3 условных единицы. Таким образом, за 3 года Отечественной войны станция заготовила 103,2 условных единицы, что составляет в среднем увеличение заготовки крови почти в 30 раз» (с. 159).

И далее весь текст Р. С. Гаджиева и Ф. М. Османовой (с. 159–161) представляет собой перепечатку

Хирурги успешно справились с возложенной на них большой и ответственной оборонной задачей. Свидетельством тому является возвращение в строй 80% всех раненых, находившихся на лечении в госпиталях нашей республики. Периодами этот процент доходил до 91» (Аскерханов 1979: 55).

ти» они превратились в нейрохирургические (с. 149).

Раздел «Донорская служба Дагестана в годы Великой Отечественной войны» на проверку оказывается простым плагиатом из работы начальника республиканской станции переливания крови Г. В. Ваулина, опубликованной еще в 1947 г. в сборнике трудов врачей эвакуогоспиталей.

«По мобилизационному плану с началом войны станция должны была увеличить заготовку крови в 16,5 раз по сравнению с последним предвоенным годом. Однако уже в 1942 году первоначальное задание было увеличено уже в 3 раза.

Работа станции менялась в зависимости от обстановки на фронте. Она может быть разделена на 3 периода. В I периоде с июля 1941 года по сентябрь 1942 года и в III — с января 1943 года станция обеспечивала кровью госпитали Дагестанской группы и гражданские лечебные учреждения, во II же — с сентября 1942 года по январь 1943 года, помимо того, посылала еще кровь фронту. Потребность в консервированной крови из месяца в месяц увеличивалась. Если принять количество крови, заготовленной станцией за последний предвоенный год, за единицу, то за 2-е полугодие 1941 г. было заготовлено 2,1, за 1942 год — 14,8, за 1943 год — 44,0 и за 1944 год — 42,3 условных единицы. Таким образом, за 3½ года Отечественной войны станция заготовила 103,2 условных единиц, что составляет в среднем увеличение почти в 30 раз» (Ваулин 1947: 139–140).

статьи Г. В. Ваулина с некоторыми сокращениями (Ваулин 1947: 140–143).

Никак не обозначенные Р.С. Гаджиевым и Ф.М. Османовой заимствования из трудов их предшественников можно приводить и дальше, однако этого невозможно сделать из-за ограниченного объема рецензии.

Завершает основную часть книги малоинформативный раздел под названием «Военные судьбы медиков Дагестана». Он представляет собой «сборную солянку» из небольших биографических справок, газетных материалов о врачах, отрывков из воспоминаний, стихов. Многие факты из предыдущих частей книги здесь дублируются. Более чем сомнительным выглядит включение в этот раздел очерка «Дагестанский медицинский институт и Великая Отечественная война в жизни Георгия Павловича Руднева», т. к. известный советский инфекционист Г.П. Руднев трудился в ДМИ задолго до войны, а именно в 1933–1937 гг.

Книгу завершают три приложения, первое из которых носит странное длинное название — «В годы ВОВ (так в тексте. — С.М.) сотрудники, выпускники и студенты Дагестанского медицинского института работали в госпиталях и воевали на фронтах». Здесь в алфавитном порядке приведен перечень фамилий без каких-либо комментариев, которые мало кому что-то скажут. Известных в республике и за ее пределами врачей можно хоть как-то вычленивать из этого списка и идентифицировать, а обо всех остальных можно лишь догадываться.

Приложения 2 и 3 включают документы о здравоохранении ДАССР в го-

ды Великой Отечественной войны и деятельности ДМИ в этот период, извлеченные из фондов Центрального государственного архива Республики Дагестан. Очевидно, этим авторы пытаются убедить читателя в том, что они знакомы с архивными материалами по рассматриваемой ими теме. Однако любой историк заметит, что документы давно введены в научный оборот и опубликованы дагестанскими историками: в приложении 2 документы без указания публикации заимствованы целиком из сборника «Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (Народы Дагестана 2005: 582–583, 591–593 и далее), а в приложении 3 — из работы, посвященной науке и высшей школе в Дагестане (Наука и высшая школа 2008: 12–13, 20, 25 и далее). Причем у Р.С. Гаджиева и Ф.М. Османовой происходит поистине чудесное превращение валовой нумерации опубликованных документов из сборников в номера постановлений и приказов.

Отдельно стоит сказать об иллюстрациях, которыми заполнена (иногда излишне) книга. В первую очередь многие из них очень низкого качества и представляют собой небрежно обработанные отсканированные фото из книг других авторов. С другой стороны, целый ряд фотографий никак не атрибутирован и не имеет к истории здравоохранения в Дагестане никакого отношения (с. 66, 67, 90, 100, 156, 158, 159 и др.). Другие же фото атрибутированы неверно. Так, под одной из фотографий значится: «Сортировочный эвакуогоспиталь № 3187 в здании кинотеатра “Комсомолец”. Махачкала, 1941–1944 гг.». Однако

по фото видно, что сделано оно намного позднее середины 1940-х, а над входом в здание видна мемориальная табличка, на которой указаны сведения об эвакогоспитале.

В рецензии приведена лишь небольшая часть некорректных заимствований, встречающихся в книге Р. С. Гаджиева и Ф. М. Османовой. Счет страниц, на которых обнаруживается плагиат, идет даже не на десятки, а на сотни.

Общая небрежность в обращении с историческими фактами, откровенный плагиат, который составляет большую часть книги, невнимательное отношение к атрибуции фотографий – вот основные составляющие работы доктора медицинских наук Р. С. Гаджиева и кандидата медицинских наук Ф. М. Османовой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аликберов, Керимов 1959 – *Аликберов З. М., Керимов И. К.* На фронте и в тылу. Патриотизм народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны. Махачкала, 1959.

Аликишиев 1958 – *Аликишиев Р. Ш.* Очерки по истории здравоохранения Дагестана. М., 1958.

Ананьева 1995 – *Ананьева Е. С.* Медицинские учреждения Дагестана в годы Великой Отечественной войны // Годы суровых испытаний и народного подвига: Сборник статей / сост. Э. С. Ахмедов. Махачкала, 1995. С. 134–147.

Аскерханов 1979 – *Аскерханов Р. П.* Развитие хирургии в Дагестане от Н. И. Пирогова до наших дней. Махачкала, 1979.

Ахмедов 2010 – *Ахмедов Д. Н.* Золотые руки военного хирурга // Вестник ИИАЭ. 2010. № 22. С. 155–161.

Багандов, Османова 2012 – *Багандов М. К. И., Османова Ф. М. Н. И.* Пирогов и первая в его жизни война. (К 165-летию пребывания Пирогова в Дагестане) // Вестник ДГМА. 2012. № 2 (3). С. 85–88.

Безугольный и др. 2012 – *Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кричко Е. Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012.

Ваулин 1947 – *Ваулин Г. В.* Служба крови в эвакогоспиталях Дагестана в годы Великой Отечественной войны // Сборник научных трудов врачей эвакогоспиталей министерства здравоохранения ДАССР. Т. 2 / Отв. ред. С. Ю. Алибеков. Махачкала, 1947. С. 139–144.

Верю в нашу победу 1986 – Верю в нашу победу: Сборник / Авт.-сост. Д. С. Эмиров, Р. И. Джамбулатова, Махачкала, 1986.

Гаджиев, Гаджиева 2013а – *Гаджиев Р. С., Гаджиева Л. А.* Влияние присоединения Дагестана к России на развитие здравоохранения республики // Справочник врача общей практики. 2013. № 4. С. 3–8.

Гаджиев, Гаджиева 2013б – *Гаджиев Р. С., Гаджиева Л. А.* Влияние присоединения Дагестана к России на развитие здравоохранения республики // Главврач. 2013. № 8. С. 52–57.

Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1995 – Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сборник документов / сост. М. Д. Бутаев, Ш. Г. Гасанов, Р. И. Джамбулатова, Г. И. Какагасанов. Махачкала, 1995.

Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1962 – Дагестан в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания участников событий / отв. ред. Г.-А. Д. Даниялов. Махачкала, 1962.

Каймаразов 2000 – *Каймаразов Г. Ш.* Немеркнущий подвиг народа. Махачкала, 2000.

Каймафазов и др. 1963 — *Каймафазов Г.Ш., Керимов И.К., Койстинен Г.С., Мелешко А.Г.* Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Махачкала, 1963.

Кафедра общественного здоровья и здравоохранения. URL: <http://www.dgma.ru/chairs/obshchestvennogo-zdorovya-i-zdravooxraneniya> (дата обращения: 01.08.2016).

Кириленко 2005 — *Кириленко Г.В.* Война у порога Дагестана. 1942–1943 гг. Военно-исторические очерки. М., 2005.

Кравцов 2015 — *Кравцов В.* Вышла в свет «Книга Памяти — Дагестанский медицинский институт в годы Великой Отечественной войны». 20.10.2015. URL: https://www.riadagestan.ru/news/society/vyshla_v_svet_kniga_pamyati_dagestanskiy_meditsinskiy_institut_v_gody_velikoy_otechestvennoy_voiny/ (дата обращения — 01.08.2016).

Кышитымов 1995 — *Кышитымов В.В.* История возникновения и развития Дагестанского государственного медицинского института (1932–1967 гг.). Махачкала, 1995.

Магомедова 2009 — *Магомедова Р.М.* Становление системы санитарно-эпидемиологической службы Дагестана 1920–1945 гг. (История, проблемы). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 2009.

Махачев 1960 — *Махачев М.О.* Хирургия Дагестана в период Великой Отечественной войны // Очерки по истории хирургии в Дагестане / под ред. Р.П. Аскерханова. Махачкала, 1960. С. 122–141.

Народы Дагестана 2005 — Народы Дагестана в годы Великой Отечествен-

ной войны 1941–1945 гг. (Документы и материалы) / сост. Г.И. Какагасанов, М.Д. Бутаев, Р.И. Джамбулатова, Н.Д. Чекулаев. Махачкала, 2005.

Наука и высшая школа 2008 — Наука и высшая школа в Дагестане: Документы и материалы. Т. II: 1941–2001 гг. Ч. 1: 1941–1965 гг. / Сост. Г.И. Какагасанов, Н.Д. Чекулаев. Махачкала, 2008.

Опыт советской медицины 1941–1945 — Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / глав. ред. Е.И. Смирнов. Т. 1–35. М., 1949–1955.

Османова, Гаджиева 2002 — *Османова Ф.М., Гаджиева Л.А.* Они стояли у истоков здравоохранения Дагестана // Сборник научных трудов ДГМА. Т. 1. Махачкала, 2002. С. 204–207.

Салбиева 2009 — *Салбиева С.З.* Здравоохранение республик Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Автореф. дисс... канд. мед. наук. М., 2009.

Сборник научных трудов врачей 1947 — Сборник научных трудов врачей эвакогоспиталей министерства здравоохранения ДАССР. Т. 2 / Отв. ред. С.Ю. Алибеков. Махачкала, 1947.

Сборник научных трудов врачей 1948 — Сборник научных трудов врачей эвакогоспиталей министерства здравоохранения ДАССР. Т. 3 / Отв. ред. С.Ю. Алибеков. Махачкала, 1948.

Сборник научных трудов врачей 1943 — Сборник научных трудов врачей эвакогоспиталей Наркомздрава ДАССР. Т. 1 / Отв. ред. О.В. Бароян. Махачкала, 1943.

THE HISTORY OF THE HEALTH SYSTEM IN THE TIMES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE DAGESTAN MODERN HISTORIOGRAPHY

Rev.: Kniga pamiati. Dagestanskii meditsinskii institut v gody Velikoi Otechestvennoi voiny / Avtory-sostaviteli R. S. Gadzhiev, F. M. Osmanova; glav. red. D. R. Akhmedov. Makhachkala: Izdatel'stvo «Lotos», 2015. 304 s.

REFERENCES

- Akhmedov D.N. Zolotyie ruki voennogo khirurga // *Vestnik IIAE*. 2010. No 22. P. 155–161.
- Alikberov Z.M., Kerimov I.K. *Na fronte i v tylu. Patriotizm narodov Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny*. Makhachkala, 1959.
- Alikishiev R.Sh. *Ocherki po istorii zdravookhraneniia Dagestana*. Moscow, 1958.
- Anan'eva E.S. Meditsinskie uchrezhdeniia Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // *Gody surovyykh ispytaniy i narodnogo podviga: sbornik statei* / sost. E.S. Akhmedov. Makhachkala, 1995. P. 134–147.
- Askerkhanov R.P. *Razvitie khirurgii v Dagestane ot N.I. Pirogova do nashikh dnei*. Makhachkala, 1979.
- Bagandov M.-K.I., Osmanova F.M. N.I. Pirogov i pervaya v ego zhizni voina. (K 165-letiiu prebyvaniia Pirogova v Dagestane) // *Vestnik DGMA*. 2012. No 2 (3). P. 85–88.
- Bezugol'nyi A.Iu., Bugai N.F., Krinko E.F. *Gortsy Severnogo Kavkaza v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.: problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniia*. Moscow, 2012.
- Dagestan v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.). *Sbornik dokumentov* / sost. M.D. Butaev, Sh.G. Gasanov, R.I. Dzhambulatova, G.I. Kakagasanov. Makhachkala, 1995.
- Dagestan v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Vospominaniia uchastnikov sobytii* / otv. red. G.-A. D. Daniialov. Makhachkala, 1962.
- Gadzhiev R.S., Gadzhieva L.A. Vliianie prisoedineniia Dagestana k Rossii na razvitiie zdravookhraneniia respublikii // *Spravochnik vracha obshchei praktiki*. 2013. No 4. P. 3–8.
- Gadzhiev R.S., Gadzhieva L.A. Vliianie prisoedineniia Dagestana k Rossii na razvitiie zdravookhraneniia respublikii // *Glavvvrach*. 2013. No 8. P. 52–57.
- Kafedra obshchestvennogo zdorov'ia i zdravookhraneniia. URL: <http://www.digma.ru/chairs/obshchestvennogo-zdorovya-i-zdravooхранeniya> (data obrashcheniia: 01.08.2016).
- Kaimarazov G.Sh., Kerimov I.K., Koistinen G.S., Meleshko A.G. *Dagestan v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* Makhachkala, 1963.
- Kaimarazov G.Sh. *Nemerknushchii podvig naroda*. Makhachkala, 2000.
- Kirilenko G.V. *Voina u poroga Dagestana. 1942–1943 gg. Voенно-istoricheskie ocherki*. Moscow, 2005.
- Kravtsov V. *Vyshla v svet "Kniga Pamiati – Dagestanskiy meditsinskiy institut v gody Velikoi Otechestvennoi voiny"*. 20.10.2015. URL: https://www.riadagestan.ru/news/society/vyshla_v_svet_kniga_pamyati_dagestanskiy_meditsinskiy_institut_v_gody_velikoy_otchestvennoy_voyny/ (data obrashcheniia: 01.08.2016).
- Kyshtymov V.V. *Istoriia vozniknoveniia i razvitiia Dagestanskogo gosudarstvennogo meditsinskogo instituta (1932–1967 gg.)*. Makhachkala, 1995.
- Magomedova R.M. *Stanovlenie sistemy sanitarno-epidemiologicheskoi sluzhby Dagestana 1920–1945 gg. (Istoriia, problemy)*. Avtoref. diss... kand. ist. nauk. Makhachkala, 2009.
- Makhachev M. O. *Khirurgiia Dagestana v period Velikoi Otechestvennoi voiny* // *Ocherki po istorii khirurgii v Dagestane* / pod red. R.P. Askerkhanova. Makhachkala, 1960. P. 122–141.
- Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (Dokumenty i materialy)* / sost. G.I. Kakagasanov, M.D. Butaev, R.I. Dzhambulatova, N.D. Chekulaev. Makhachkala, 2005.
- Nauka i vysshaya shkola v Dagestane: Dokumenty i materialy*. Vol. II: 1941–2001 gg. Ch. 1: 1941–1965 gg. / Sost. G.I. Kakagasanov, N.D. Chekulaev. Makhachkala, 2008.
- Opyt sovetskoi meditsiny v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.* / glav. red. E.I. Smirnov. Vol. 1–35. Moscow, 1949–1955.

Osmanova F.M., Gadzhieva L.A. Oni stoyalі u istokov zdravookhraneniia Dagestana // *Sbornik nauchnykh trudov DGMA*. Vol. 1. Makhachkala, 2002. P. 204–207.

Vaulin G.V. Sluzhba krovi v evakogospitaliakh Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // *Sbornik nauchnykh trudov vrachei evakogospitalей ministerstva zdravookhraneniia DASSR*. Vol. 2 / Otv. red. S.Iu. Alibekov. Makhachkala, 1947. P. 139–144.

Salbieva S.Z. *Zdravookhranenie respublik Severnogo Kavkaza v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* Avtoref. diss... kand. med. nauk. Moscow, 2009.

Sbornik nauchnykh trudov vrachei evakogospitalей ministerstva zdravookhraneniia DASSR. Vol. 2 / Otv. red. S.Iu. Alibekov. Makhachkala, 1947.

Sbornik nauchnykh trudov vrachei evakogospitalей ministerstva zdravookhraneniia DASSR. Vol. 3 / Otv. red. S.Iu. Alibekov. Makhachkala, 1948.

Sbornik nauchnykh trudov vrachei evakogospitalей Narkomzdrava DASSR. Vol. 1 / Otv. red. O.V. Baroian. Makhachkala, 1943.

Veriu v nashu pobedu: Sbornik / Avt.-sost. D.S. Emirov, R.I. Dzhambulatova, Makhachkala, 1986.

А. В. Гринёв

Рец.: *Владимирский М.В.* Красный Крым 1919 года. М.: Издательство Олега Пахмутова, 2016. 304 с.

Только что вышедшая в столице книга московского исследователя М.В. Владимирского посвящена малоизвестному эпизоду Гражданской войны на Юге России — истории Красного Крыма 1919 г., который просуществовал всего около трех месяцев (апрель — июнь). Тем не менее, как отмечает автор, уже известный своими статьями в центральных исторических журналах (*Владимирский* 2007, 2009, 2015), в этот период в Красном Крыму происходили весьма любопытные, а порой парадоксальные явления, резко отличающиеся от событий на остальной территории страны, охваченной братоубийственной гражданской войной. Вместе с тем в отечественной и зарубежной историографии этот неповторимый этап крымской истории до сих пор был исследован явно недостаточно. Одной из причин такой ситуации был временной фактор — слишком уж краткое существование (всего 75 дней) самого Красного Крыма в 1919 г., воспринимавшееся советскими/российскими/украинскими историками как мимолетный и малозначительный эпизод. Кроме того, в советский, а затем и в украинский период на подход к историческим событиям и на их

анализ оказывала влияние политическая и идеологическая конъюнктура. В частности, в советской историографии эта тема не пользовалась популярностью потому, что дело кончилось изгнанием «красных» из Крыма вместо триумфа Советской власти; не проявляли интереса к ней и белоэмигрантские историки, сосредоточившиеся на описании обороны Крыма от Красной Армии, эвакуации с полуострова белых частей вместе с беженцами и последующего «красного террора» (см., например: *Мельгунов* 2008 (отпечатано по 2-му, дополненному изданию, Берлин, изд-во «Ватага», 1924)). Обходили вниманием Красный Крым и современные украинские авторы, за исключением, пожалуй, Т.В. Быковой, в работе которой затрагивается история полуострова весны — начала лета 1919 г. с политической точки зрения и без существенной детализации (*Быкова* 2011: 88–105).

Рецензируемый труд М.В. Владимирского очень хорошо фундирован: автор на протяжении многих лет собирал материал для написания своего произведения в центральных, крымских и украинских архивах¹. Помимо тщательно проработанного обширного свода архивных данных, в книге М.В. Вла-

© Гринёв А. В., 2017

Гринёв Андрей Вальтерович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург); agrinev1960@mail.ru

¹ Российский гос. архив социально-политической истории; Российский гос. военный архив; Государственный архив Республики Крым; Центральный гос. архив общественных организаций Украины и др.

дмирского используются редкие, а порой и уникальные опубликованные источники – выдержки из газет времен Гражданской войны, мемуары и записки участников событий, белоэмигрантская литература, научные монографии, статьи и т. д.

Весьма своеобразно подошел автор к компоновке своего произведения. Структурно его работа разбита на три части, которые он обозначил как «панорамы»: 1) военная, 2) политическая и 3) панорама повседневности. Каждая из этих частей делится на отдельные главы и параграфы («События в Севастополе и вокруг него», «События в Ялте», «КСА – “Крымская советская армия”», «Ревкомы», «Проблемы свободы личности» и пр.). Сам автор хорошо понимает, что подобная компоновка материала имеет как свои преимущества, так и недостатки, хотя в целом вполне заслуживает право на существование. Как пишет М.В. Владимирский (с. 5), он ввел градацию книги на «панорамы» в виде авторского эксперимента и усматривает преимущества своего подхода в том, что каждая из «панорам» представляет собой самостоятельный массив данных, независимый от остальных частей книги. По его мысли, это будет удобно для читателя, интересующегося конкретной темой, чтобы найти нужный для него материал, не знакомясь со всем произведением. С другой стороны, естественно, страдает восприятие общей картины описываемых событий, если читать книгу целиком.

Помимо упомянутых «панорам», в книге М.В. Владимирского имеется краткое предисловие и еще более

короткий заключительный раздел («Вместо заключения»). Как нам представляется, оба этих раздела, безусловно, нуждаются в значительном расширении и детализации.

Вместе с тем ценность представленной работы М.В. Владимирского состоит в первую очередь во включении в научный оборот огромного массива архивных данных и редких опубликованных источников, опираясь на которые он не только живо и достоверно передает многие события того беспокойного времени, но и критически переосмысливает ряд устоявшихся в историографии точек зрения. Например, большевики не всегда занимались одним террором и экспроприациями на захваченных ими территориях (точка зрения, весьма популярная в белоэмигрантской литературе и частично в современной российской). Так, председатель Симферопольского ревкома убежденная большевичка Е.Р. Багатурьянц («Лаура») вела себя в «красный период» 1919 г. настолько безукоризненно, что даже военно-полевой суд денкинцев вынужден был ее оправдать. В своей книге (с. 151, 157–160) автор приводит никогда не публиковавшиеся документы, связанные с биографией этой примечательной женщины: анкеты для ответственных работников партийной переписи, заполненные 16 января 1922 г. и 13 января 1927 г.², а также другие подобные материалы³. Тем не менее, как от-

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 8, д. 25, лл. 17–18; ф. 17 оп. 9, д. 1609, лл. 169–169 об.

³ Багатурьянц К.Г. Биография Евгении Романовны Багатурьянц (партийная кличка «Лаура») члена КПСС с 1909 г., сентябрь 1965 г. // ГАРК. ф. п-849, оп. 2, д. 307, л. 2–6.

мечает автор (с. 70), в период Красного Крыма шла постоянная борьба между предельно жесткой линией военных (прежде всего в лице П. Дыбенко) и более мягкой – Ревкома и Крымского советского правительства. М. В. Владимирский обращает внимание на такой любопытный факт: оказывается, у большинства крымских наркомов (все они были большевиками) в качестве заместителей работали меньшевики. Выходили в период Красного Крыма и газеты социалистических партий – меньшевиков и левых эсеров, хотя на остальной территории Советской России уже к августу 1918 г. фактически не осталось оппозиционных большевикам газет и журналов. И подобных примеров можно привести немало.

Большим подспорьем для специалистов по истории Гражданской войны являются также опубликованные в книге биографические справки о наиболее заметных исторических фигурах, имеющих прямое или косвенное отношение к истории Красного Крыма 1919 г. Эти заметки помещены автором по большей части в приложениях к «панорамам» (см. биографии А. Н. Скачко, С. И. Петренко (Петриковского), И. Котова, В. Павловского, Е. Р. Багатурьянц и др.), но нередко в виде обширных подстрочных ссылок. С другой стороны, возможно, было бы логичнее поместить всех упоминаемых лиц в специальный именной указатель в конце книги. В то же время некоторые исторические персонажи, например колоритный генерал Н. А. Маркс, явно нуждаются в развернутой биографической справке, которая в книге, к сожалению,

отсутствует, хотя автор и ссылается на краткие воспоминания о нем В. В. Вересаева (Смидовича) (*Вересаев* 1982: 539–540).

При чтении книги М. В. Владимирского подкупает очень бережное и осторожное обращение автора с фактическим материалом. Анализируя документы, события и факты, он всячески старается избегать ненужных домыслов и фантазий, предоставляя в ряде случаев самому читателю делать соответствующие выводы. С другой стороны, для придания живости изложению, автор порой прибегает к образам художественной литературы, например при описании оставления красными Симферополя в изложении С. Н. Сергеева-Ценского (*Сергеев-Ценский* 1929: 50) но не забывает сверять художественную прозу с реальными свидетельствами и документами.

Несмотря на безусловные достоинства рецензируемой работы, нельзя не высказать некоторых критических замечаний. Во-первых, на обороте титульного листа книги отсутствуют официальные рецензенты с учеными степенями, а это непременное условие признания работы научной монографией. Во-вторых, в рецензируемом издании нет списка источников и литературы, что не дает полной картины использованной историографии и порой до крайности затрудняет поиск той или иной работы. В-третьих, в книгу следовало бы ввести специальный и достаточно подробный историографический раздел, поместив его в начале произведения. Кроме того, оформление ссылок иногда

нуждается в коррекции: особенно часто автор забывает проставить год публикации той или иной газеты, а дает только ее номер и страницу; иногда инициалы ставятся впереди фамилии; на с. 68 не указаны полные библиографические данные рассказа И.С. Шмелева «Гуны» (Шмелев 2000, 2009: 515–523) и т.д. Хотя сам автор оценивает «панораму повседневности» (3-я часть книги) как наиболее важную, но она же является наименьшей из трех. Наконец, приложения к «панорамам» расположены достаточно произвольно: три приложения помещены сразу после 1-й главы; во 2-й «панораме» приложения имеют только 2, 4, 5 и 8-я главы (из 9 глав); в 3-й «панораме» с приложениями «посчастливилось» только заключительным 4-й и 5-й главам, причем в оглавлении приложения вообще никак не обозначены. Логичнее было бы собрать все приложения в один блок с привязкой к конкретным главам и «панорамам».

Тем не менее, несмотря на сделанные замечания, книгу М.В. Владимирского следует оценить как важную, нужную и весьма полезную работу, которая, безусловно, должна привлечь внимание историков Гражданской войны, особенно Юга России. И, конечно же, только что опубликованная книга будет настоящим подарком для крымчан, ко-

торые благодаря ей получают пусть и небольшой, но весомый кирпичик в здание своей многовековой истории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бикова 2011 — *Бикова Т.Б.* Створення Кримської АСРР (1917–1921 рр.). Київ: Поліграфічна д-ція Інституту історії України НАН України, 2011.

Вересаев 1982 — *Вересаев В.В.* О Н.А. Марксе // Воспоминания. М.: Правда, 1982. С. 539–540.

Владимирский 2007 — *Владимирский М.В.* М.В. Бернацкий — министр финансов в правительствах Керенского, Деникина, Врангеля // Отечественная история. 2007. № 1. С. 160–169.

Владимирский 2009 — *Владимирский М.В.* Финансовый фронт белого Юга // Вопросы истории. 2009. № 10. С. 60–72.

Владимирский 2015 — *Владимирский М.В.* Российский рубль на Украине в 1917–1920 гг. // Вопросы истории. 2015. № 6. С. 3–28.

Владимирский 2016 — *Владимирский М.В.* Красный Крым 1919 года. М.: Издательство Олега Пахмутова, 2016. 304 с.

Мельгунов 2008 — *Мельгунов С.П.* Красный террор в России (1918–1923). Чекистский Олимп (предисл. Ю.Н. Емельянова). М.: Айрис-Пресс, 2008.

Сергеев-Ценский 1929 — *Сергеев-Ценский С.Н.* Жестокость. Повести и рассказы. Л.: Мысль, 1929.

Шмелев 2000, 2009 — *Шмелев И.С.* Гуны // Догоним солнце. М.: Эллис Лак 2000, 2009. С. 515–523.

Rev.: Vladimirsii M. V. Krasnyi Krym 1919 goda. M.: Izdatel'stvo Olega Pakhmutova, 2016. 304 s.

Grinëv Andrei V. — doctor of historical sciences, professor of the history department, Humanities Institute of St.Petersburg State Polytechnic Peter The Great University (St. Petersburg)

REFERENCES

- Bikova T.B. *Sotvorenyya Krimskoi ASSR (1917–1921 rr.)*. Kiev: Poligrafichna d-tsyia Institutu istorii Ukrainy NAN Ukrainy, 2011.
- Mel'gunov S.P. *Krasnyi terror v Rossii (1918–1923)*. *Chekistskii Olimp* (predisl. Yu. N. Emel'yanova). Moscow: Airis-Press, 2008.
- Sergeev-Tsenskiy S.N. *Zhestokost'. Povesti i rasskazy*. Leningrad: Mysl', 1929.
- Shmelev I.S. *Gunny // Dogonim solntse*. Moscow: Ellis Lak 2000, 2009. P. 515–523.
- Veresaev V.V. O N.A. Markse // *Vospominaniya*. Moscow: Pravda, 1982. P. 539–540.
- Vladimirskii M.V. M.V. Bernadskii – ministr finansov v pravitel'stvakh Kerenskogo, Denikina, Vrangelya // *Otechestvennaya istoriya*. 2007. No. 1. P. 160–169.
- Vladimirskii M.V. Finansovyi front belogo Yuga // *Voprosy istorii*. 2009. No. 10. P. 60–72.
- Vladimirskii M.V. Rossiiskii rubl' na Ukraine v 1917–1920 gg. // *Voprosy istorii*. 2015. No. 6. P. 3–28.

О.Л. Лейбович

«ЭТОТ МИР УМИРАЛ...»

Рец.: Казанков А. И. *Время местное: хроники провинциальной повседневности: монография.* Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2016. 163 с.

Автор монографии проделал смелый эксперимент, положил перед собой книгу Э. Ле Руа Ладюри об окситанской деревне XIII в. (*Ле Руа Ладюри* 2001), извлек из текста французского историка исследовательскую технику и употребил ее для изучения уральской деревни в тридцатые годы XX в. Ле Руа Ладюри работал с материалами инквизиции. А.И. Казанков – с документами архивно-следственных дел.¹

«Использовать инструментарий “oral history” за давностью лет не представляется возможным – свидетелей и очевидцев, способных рассказать о том далеком времени, не осталось. В подобном случае остается одно – обратиться к “инквизиторской антропологии”. <...> По словам Ле Руа Ладюри, епископ допрашивал крестьян “въедливо и подолгу”, не увлекаясь, впрочем, пытками. Примерно также действовали до поры до времени оперуполномоченные районных отделов НКВД на территории нынешнего Пермского края, и составленные

ими протоколы допросов с некоторыми оговорками можно считать его-документами» (с. 11).

Заемствование метода может быть оправдано тем, что оба автора избрали для изучения одно и то же место действия – деревню – эту специфическую «клеточку» традиционного общества, из которой прорастают все ее иерархии, структуры, институты, ментальные формы. Настроили исследовательский фокус на плотное описание поведенческих практик и коллективных представлений и образов людей, не приученных вести дневники, писать, получать и хранить личную переписку, а на склоне лет диктовать воспоминания, на т.н. «безмолствующее большинство». (*Гуревич* 1990). Безмолвствующими, заметим, крестьян назвать никак нельзя: они резонерствуют, сочиняют, болтают, проповедуют, сплетничают, обличают, в общем, говорят много и подолгу, только вот не было с ними рядом полевых антропологов, за исключением следователей и осведомителей, чтобы записать их разговоры. И цели у авторов схожие. А.И. Казанков объявил о своем намерении реконструировать «ментальные структуры, непосредственно связанные с восприятием

© Лейбович О.Л., 2017

Лейбович Олег Леонидович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии Пермского государственного института культуры (Пермь); oleg.leibov@gmail.com

времени и пространства, межчеловеческие отношения и предметные практики, посредством которых исключенное из политической, экономической и “общественной” жизни духовенство пыталось осмыслить (“означить”) социокультурную реальность и адаптироваться к ней» (с. 10).

Подобие не означает тождества. Колхозная уральская деревня существенно отличалась от окситанской общины, хотя бы тем, что «социалистическая реконструкция сельского хозяйства» последовательно, целенаправленно и жестоко разрушала традиционные устои деревенской жизни; новые, модернизационные по своей природе институты (административные, хозяйственные, карательные и идеологические) не только наделяли сельских жителей новыми обязанностями, но и создавали для них иную, не похожую на прежнюю социальную структуру, т. е. производили процедуру раскрестьянивания. В первое десятилетие колхозной жизни этот процесс был только запущен, но его плоды жители уральской деревни уже попробовали на вкус. Социальный переворот в деревне привел к сломированию сложившейся в ней социальной иерархии, державшейся прежде на двух основаниях — приходском (церковном) и имущественном. Прежние хранители социальных устоев превратились в маргиналов — людей для деревни лишних, с точки зрения партийного начальства и новой колхозной администрации «нечистых» (*Фитцпатрик* 2008: 277).

А.И. Казанков в своей монографии и реконструирует жизненный мир этого отнюдь не малого слоя — церковных людей: священников, лишившихся самой зажиточной и щедрой паствы, а то и храмов, «попов — передвигек», совершающих требы и святые таинства в деревенских избах, монашек, изгнанных обратно в мир, юродивых, оставшихся без паперти...

«Мы исходим из того, что сельские, по преимуществу, батюшки, дьяконы, псаломщики, а заодно и старосты, сторожа, юродивые, бродячие проповедники, нелегальные монахи и монашки, а также прочие “церковные люди” образовали в первой половине XX века обособленное, узнаваемое даже внешне сообщество, пронизанное корпоративным духом.

Находясь в ситуации перманентной социальной катастрофы, балансирующие на тонкой, едва различимой грани легальности православные священники должны были обладать обостренным восприятием происходящих в окружающем мире событий. Их отличала, как мы увидим, свойственная всем маргиналам поразительная мобильность и вирулентность» (с. 10–11).

В монографии сделана попытка реконструировать жизненный мир этих людей. Подобно археологу, шаг за шагом срезающему культурные слои, чтобы извлечь обнаруженный памятник во всей его полноте, А.И. Казанков исследует базовые структуры ментальности — «восприятие времени и пространств, своих и чужих, сгруппированных

вокруг человека, взятого в конкретной биографической ситуации», а вместе с ними и самые распространенные практики (с. 30).

Каждой компоненте жизненного мира посвящена отдельная глава. Перечислим их: *Три модуса времени; Области жизненного мира и пространство повседневности; Пересуды на завалинке; «Бывшие люди»; Родство и свойство; «Лично знакомые мне...»; «Духовная корпорация»; «Церковный наш староста...» и «синдром кошки»; Обитатели церковной паперти; Труд, хлеб, водка...*

Три модуса времени соответствуют его циклам — малому (от одного престольного праздника к другому, или — в исключительном случае — от одной службы к другой); большому, «переживаемому как возраст жизни»; глобальному, связанному «с ощущением наступления последних времен, кончины мира и пришествия антихриста» (с. 31).

В повседневности уральской деревни автору удалось обнаружить только три возраста жизни. Первый (его «трудно назвать детским, да никто его так и не называет»): «Это время, когда человек являлся “приватной собственностью” родителей». «Мальчики и девочки только входят в повседневность уральской деревни... в смысловой связке с пионером и школьником» (с. 34–36). Второй — для мужчин начинающийся после призыва в армию, для женщин — с замужества, или «превращение в Христову невесту» (с. 37–38). И третий — «старик», «старуха». «Человек ослаб — значит, возраст наступил. Состарился. <...> В поведении человека появлялись

младенческие черты, например, зависимость от молока» (с. 39).

Сказание о конце времен представлено в показаниях церковных людей очень выразительно. «“Последние времена” — вовсе не церковная метафора, а феномен восприятия сворачивающейся, раскалывающейся, распадающейся под воздействием коллективизации повседневности. Это наиболее сложное, комплексное переживание, в котором тесно сплетены ощущение “нормального” времени как возможности свободного выбора и эквивалентного обмена, восприятие конца осмысленного бытия как “безвременья”». (с. 46)

Нет нужды пересказывать другие главы. Хотелось бы только остановиться на восприятии «своих» и «чужих» в корпоративном сознании церковных людей. Снова процитируем автора: «Для человека, погруженного в повседневную жизнь, все другие, разделяющие с ним общие “действия и претерпевания”, представлялись своими. Ни в дискурсе, ни в практиках, например, признания (следователю), оценивания или коммуникации не обнаруживаются ни отчетливые маркеры чуждости, ни какие-либо особенные стратегии взаимодействия с чужаками» (с. 68). «Чужие» — это какие-то бесплотные тени, слетевшие с газетных страниц или пришедшие из повествований бывалых людей — странников и странниц: «коммунисты», «комсомольцы», «жиды». Скорее всего, это бесенята, посланные в этот мир, чтобы погубить тела и души православных. К реальным людям — соседям по деревне, уполномоченно-

му из райкома, даже к следователю НКВД — они не имеют отношения. Это явно существа потустороннего мира. Только на границе двух миров иной раз происходят странные превращения. Местный житель, с которым и выпито, и переговорено много, вдруг на глазах из обычного человека превращается в оборотня — в «коммуниста», говорящего на другом языке, не понимающего простых слов и тащущего тебя на погибель (с. 72–77).

Кроме бесов в крестьянской мифологии бытовали существа, отнюдь не вредные, а напротив, готовые сотворить чудо и вернуть старые добрые времена. Не ангелы ли в обличии «фашистов», «японцев», даже вредителей? (с. 64–65).

Характерной чертой монографического исследования А.И. Казанкова является его полемичность, нигде специально не явленная. В историческом сообществе укоренилась беззаботность по части теории. Сколько раз на конференциях приходилось слышать призывы: будем позитивистами, станем опираться на факты. И кажется, что докладчик и вправду считает: запись о событии равна самому событию, в документе нет фигур умолчания о чем-то всем известном или, напротив, совсем нежелательном; языковые и ментальные формы не поменялись; автор записей лишен какой бы то ни было индивидуальности. Он сознательно не искажает истину. Не преминем здесь процитировать современного военного историка:

«К сожалению, такова была действительность Великой Отече-

ственной войны. Все вралі безудержно, без какого-либо зазрения совести: и маршалы, и генералы, и офицеры. Поэтому, работая с архивными документами, очень часто ловишь себя на мысли, что многие донесения и оперативные сводки абсолютно не соответствуют тому, что происходило на самом деле» (Мельников 2008: 46).

Во многих монографиях настолько плотно закрыт вход в исследовательскую лабораторию, что невольно начинаешь подозревать, что никакой лаборатории вовсе и нет, а вместо нее строительная площадка, на которой историк без чертежей по памяти возводит некоторое сооружение, используя нехитрый прием: было — стало. В диссертациях *исследовательский метод* называется принципом историзма. А.И. Казанков, напротив, отводит *изложению принятой им теоретической модели* целый раздел «Рассуждения о методе» объемом в 17 страниц, в котором подробно со всеми деталями предъясняет концепцию повседневности в ее философской и социологической редакциях. Читать этот раздел трудно, он и по языку отличается от иных глав. Заметим, что автор виртуозно владеет литературной речью, вплетая в академический стиль сказовые формы. Но не в этом разделе. Здесь автору важно, наперекор сложившимся практикам, прояснить понятийный аппарат, логику исследования, способы извлечения и верификации информации из наличных источников. Складывается впечатление, что от готовой постройки не убрали леса, но чисто их отмыли, отполировали и сделали элементом

завершенного архитектурного облика. И не легко сразу разглядеть, что в этом разделе А.И. Казанков полемизирует с той социологической концепцией повседневности, в которой она предстает как исключительно городская форма социальной жизни, к тому же отгороженная от трудовых и политических практик.

Мы не любим наречие «впервые» в рецензиях на исторические работы. Вдруг проявишь собственную некомпетентность. Хотелось бы верить, что монография А.И. Казанкова и вправду открывает новые горизонты в изучении жизненных миров советских людей.

«THIS WORLD WAS DYING...»

Rev.: Kazankov A. I. *Vremia mestnoe: khroniki provintsial'noi povsednevnosti: monografiia*. Perm': Perm. gos. in-t kul'tury, 2016. 163 s.

Leibovich Oleg L. — doctor of historical sciences, professor, head of Department of cultural studies, Perm State Institute of culture (Perm)

REFERENCES

Fitspatrik Sh. *Stalinskie krest'iane. Sotsial'naiia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody: derevnia*. Moscow: ROSSPEN, 2008. 424 p.

Gurevich A. Ia. *Srednevekovyi mir: kul'tura bezmolstviuushchego bol'shinstva*. Moscow: Iskusstvo, 1990. 395 p.

Kazankov A. I. *Vremia mestnoe: khroniki provintsial'noi povsednevnosti: monografiia*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гуревич 1990 — Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 395 с.

Казанков 2016 — Казанков А. И. Время местное: хроники провинциальной повседневности: монография. Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2016. 163 с.

Мельников 2008 — Мельников В. М. Боевые действия войск 38 армии в районе Харькова в конце октября 1941 года // Военно-исторический архив. 2008. № 11. С. 98–116.

Ле Руа Ладюри 2001 — Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1342). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 541 с.

Фицпатрик 2008 — Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2008. 424 с.

Perm': Perm. gos. in-t kul'tury, 2016. 163 p.

Le Rua Ladiuri E. *Montaiiu, oksitanskaia derevnia (1294–1342)*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2001. 541 p.

Mel'nikov V. M. Boevye deistviia voisk 38 armii v raione Khar'kova v kontse oktiabria 1941 goda // *Voенно-istoricheskiĭ arkhiv*. 2008. No 11. P. 98–116.

К. А. Пахалюк

Рец.: Елохин К. А. Война флагов на территории Новороссии в 2014 году. М.: ГАУГН-ПРЕСС, 2016. 267 с., ил.

К. А. Елохина, автора монографии «Война флагов на территории Новороссии в 2014 году» прежде всего следует поблагодарить за смелость. Редкий историк будет обращаться к столь сложной, актуальной, злободневной и противоречивой теме. Можно лишь поприветствовать стремление сохранить исследовательскую нейтральность в освещении данных событий, хотя, судя по тексту, симпатии автора, конечно, находятся на стороне ополченцев юго-востока Украины. Это видно из того, что автор не ограничивается собственно самопровозглашенными Донецкой и Луганской народными республиками, затрагивая проблему вексиллологической¹ репрезентации протестных движений в Одессе и Харькове. Хронологические рамки исследования – 2014 г., т. е. период становления основ новых непризнанных государств (до того как удалось консолидировать власть в мятежном регионе). В центре внимания – век-

силлологическая репрезентация данного конфликта, причем внимание уделяется флагам не только Новороссии, но и парамилитаризованных группировок, противостоящих ополченцам.

Книга состоит из семи глав. Первая посвящена «начальному этапу войны флагов», вторая – проблемам национальной и политической идентичности Донбасса, третья – иконографическим метафорам противостояния флагов. Четвертая и пятая главы подробно рассматривают эмблематические репрезентации ДНР и ЛНР, а также Новороссии в целом, а далее больше внимание уделено символике противостоящих им проукраинских военизированных формирований.

Излагая выводы, К. А. Елохин пишет: «Изучая вексиллологическое наследие первого этапа формирования Новороссии, исследователь, оставаясь в рамках традиционно исторической методологии, примененной по отношению к нетрадиционным источникам, открывает для себя широкие новые горизонты» (с. 214). Если задача историка состоит в том, чтобы обобщить имеющиеся первоисточники по заданной теме, то она в полной мере

© Пахалюк К. А., 2017

Пахалюк Константин Александрович – аспирант кафедры политической теории МГИМО (У) МИД России; konstantin.pahalyuk@rvio.org

¹ Вексиллология – вспомогательная историческая дисциплина, которая занимается изучением флагов, знамен, штандартов и прочих эмблематических систем.

выполнена: 753 ссылки и 510 сопроводительных иллюстраций свидетельствуют о колоссальной проделанной работе. Однако это лавры летописца, но вовсе не ученого, преобразующего разношерстный материал в нарратив, выявляющего тенденции, причины и следствия, разрешающего парадоксы и ставящего под сомнение очевидное. Преимущество любого историка заключается в том, что он исследует те процессы, от которых он удален на определенное количество времени. Историческая дистанция в данном случае отсутствует. «Лицом к лицу — лица не увидать. // Большое видится на расстоянье», — писал в свое время С.А. Есенин. Поэт, несомненно, был прав. К.А. Елохин взял слишком близкие ему события, а потому прийти к каким-либо значимым выводам, неожиданным для любого, хоть вскользь наблюдающего за происходящим на Донбассе, ему не удалось.

Обращение к методологии одной из вспомогательных исторических дисциплин при изучении современных событий привело к тавтологичности текста. По примерным подсчетам, 2/5 работы составляет описание данных в приложении иллюстративных материалов. Спрашивается, собственно, зачем словами описывать то, что имеется в виде картинок, особенно когда далеко не всегда автор расшифровывает символическое значение элементов эмблем? Периодические отсылки к геральдическим традициям могут показаться интересными, однако они мало что проясняют относительно идейного насыщения тех или иных флагов, их реального

функционирования в турбулентном социальном пространстве. Например, на с. 148–149 автор рассматривает трансформацию эмблематики «Всевеликого Войска Донского», однако не указывает причины этого.

Возможно, более адекватным стало бы использование социологического инструментария. Можно было бы пойти по пути исследователей символической политики (теоретически она восходит к работам П. Бурдьё, в современной России это направление активно разрабатывается такими исследователями, как О.Ю. Малинова и С.П. Поцелуев; см.: (Малинова 2013; Символическая политика 2012; 2014; 2015)), дискурсивного анализа (рассмотреть базовые концепты и «картины мира», выражением которых являются те или иных флаги, провести более тесные связи между используемыми эмблемами, артикулируемыми идеологиями и социальным контекстом; см.: (Бирюков, Сергей 2004; Фуко 2004; Кожемякин 2015; Fairclough 1996; Дейк 2013)). Эффективным стало бы использование семиотического инструментария, а также представление вексиллологических объектов как иконических знаков (что восходит к работам Ч. Пирса и Ч. Мориса)². Поскольку автор намеренно выбирает период становления протогосударственных формирований на юго-востоке Украины, то можно рекомендовать обратиться к работам Л.Е. Бляхера, его теоретическим осмыслениям социума переходного состояния, которые восходят к диалогизму

² Обзор различных семиотических подходов см.: (Шейгал 2004; Кирющенко 2008; Фомин 2012)

М. М. Бахтина (*Бляхер* 2005). В любом случае в социологии и политологии существует множество подходов, позволяющих адекватно анализировать столь «тонкие материи», как идеология, символы и символические репрезентации групповой идентичности.

К сожалению, К. А. Елохин теоретически не отразил, чем именно являются идеологии, как устроена рассматриваемая им символическая система и что значит репрезентировать идеи в вексиллологической эмблематике. На протяжении прочтения этой небольшой книги складывалось впечатление, будто автор полагает, что различные символы неким «магическим» образом сами в себе содержат определенные идеи, которые могут быть ретранслированы путем публичного показа. Например, он пишет: «Постоянное присутствие на приборной панели машины уменьшенных копий военного и гражданско-го флага Новороссии, вне всякого сомнения, оказывало определенное психологическое влияние на сознание воинов, позволяя им глубже проникнуться идеями, чей визуальный образ постоянно находился у них перед глазами» (с. 131).

Нередко автор, по сути, говорит об изоморфности идеологических воззрений отдельных групп и их вексиллологической репрезентации. Например: «Мы уже говорили о духовном единстве сербских добровольцев и казаков [илл. 303], проявление этого единства отражено в вексиллологическом ряду фотографий, сделанных в 2014 г. [илл. 323, 324, 326], исследуя кото-

рый можно отметить, что источники свидетельствуют об идеологической близости четников и казаков, выраженной эмблематическим языком и прежде всего — вексиллологически» (с. 152). Несколько странно делать подобный вывод о духовном единстве на основе одной лишь совместной фотографии, скорее корректнее было бы говорить о боевом братстве (причем «духовное единство» является скорее метафизическим понятием, использование которого указывает на непонимание автором основ современного состояния общественных наук). Не очень ясен смысл следующего отрывка: «Члены “Правого сектора” и “Азова” занимались агитацией и воспитанием детей именно с помощью вексиллологической репрезентации своих идей и эмблематики» (с. 168). Вероятно, речь идет об очень тонких идейных процессах, которые остаются за пределами понимания рецензента.

Подобный подход («наивный позитивизм», как готовы окрестить его мы) нередко заставляет автора делать весьма поспешные или даже странные выводы. Рассматривая эмблематику националистических организаций Украины, К. А. Елохин завершает перечисление разнообразных вексиллологических систем следующим утверждением: «Визуальные признаки, выраженные в данном эмблематическом политическом и военном противостоянии 2014 г. на Украине, на наш взгляд, более точно и адекватно выражают позиции сторон, чем вербальные декларации и заявления (например, А. Билецкого и А. Авакова» (с. 187). Поскольку основной акцент в этой

главе был сделан на заимствование элементов нацистской символики, вывод воспринимается как утверждение о том, что украинские националисты являются «идейными» (символическими?) наследниками нацистов. Здесь стоит указать, что задача исследователя заключается в том, чтобы корректно анализировать собранный им первичный материал. А именно: если автор не представил результаты анализа публичных заявлений представителей этих организаций, не сопоставил их с итогами исследования «картин мира» их членов, то у него нет права делать столь поспешные выводы.

То же самое может быть сказано и относительно одного из выводов, последовавшего на основе изучения вексиллологических систем мятежников: «Возникли две проблемы — проблема отрицания идей и образа жизни, существовавших под старым флагом, ставшим “чужим”, и проблема принятия новых идей и нового образа жизни, под новыми флагами, ставшими их визуальным воплощением, поскольку носители этих новых идей христианских, имперских, националистических, социалистических также не могли договориться между собой и уже в своем лагере воспринимали флаги союзников как чужие» (с. 206). Как можно делать подобный вывод, не изучив социально-политические и идейные трансформации в мятежном регионе? Как можно писать об этом, не проведя социологического анализа восприятия флагов?

Существенным недостатком монографии является то, что она, ска-

жем мягко, не вычитана корректором. Многочисленные повторы, опечатки, стилистические огрехи портят впечатление от книги. В некоторых случаях они мешают пониманию написанного. Подобная небрежность, возможно, объясняется стремлением как можно быстрее опубликовать монографию, однако, в свою очередь, является явным неуважением к читателю. Некоторые пассажи вызывают недоумение: «Каждый флаг в отдельности лишь частично отражает идеологию тех, кто под ним идет, но совокупность флагов как с той, так и с другой стороны отражает совокупность идеологических представлений обеих сторон» (с. 205). С позиции формальной логики (ее первым сформулировал еще Аристотель в IV в. до н.э.) непонятно, как совокупность относительно недостоверных репрезентаций может в целом быть достоверным источником об идеологических процессах. Не меньше вопросов вызывает и следующая фраза: «На наш взгляд, роль флагов в общественном пространстве в конфликте заключается в том, что они в различных политических условиях действуют по-разному» (с. 205). Сложно сказать, что здесь — стилистическая небрежность или весьма изощренное и нетрадиционное понимание устройства символического пространства.

В некоторых случаях игнорирование законов логики позволяет К.А. Елохину выдавать желаемое за действительное. Так, в главе, посвященной территориальным добровольческим батальонам Вооруженных сил Украины, он пишет: «Вот как видели территориальные

батальоны сами украинцы: “Им отведена другая роль – роль посланцев ненависти. Их надо списать, убить, упаковать в гробы, а потом привезти домой и там, вместе с материнским горем, обозначить врага – Российскую Федерацию”. Возможно, роль “посланцев ненависти” имела под собою серьезную основу?» (с. 188). Хотелось бы напомнить, что мнение одного человека не является мнением или видением украинцев, а цитата из источников при обобщающих утверждениях или выводах никак не может служить доказательством, но лишь иллюстрацией.

Иногда поражает очевидность выводов: «Таким образом, на территории Донецкой Народной Республики (для Луганской Народной Республики это обстоит по-другому) флаги общественных организаций имели огромное значение для их репрезентации в обществе. Именно с помощью флагов организации могли обозначать свое физическое и, соответственно, политическое присутствие в том или ином месте в определенный момент времени. Общественные акции – митинги, шествия, пикеты, собирающие как сторонников, так и противников определенных идей, являлись живой коммуникативной средой, в рамках которой и проявлялись с помощью эмблематики, размещенной на вексиллоидах, различные организации, выражающие свои идеи именно с помощью флагов (флаги с образами Ленина, Сталина)» (с. 102).

Конечно, вся вышеприведенная критика вовсе не отменяет тех инте-

ресных находок или утверждений, которые сделал автор. Среди них: описание использования российского флага ополченцами на начальном этапе противостояния (глава 1); указание на то, что и идея Новороссии, и ее эмблематика не появились спонтанно, а были результатом более чем 20-летних усилий (с. 82); описание «симбиоза-противоборства» советско-коммунистической и имперско-националистической символики на территории ДНР и ЛНР (это могло бы стать отправной точкой для более детального изучения политических процессов в регионе и роли истории в легитимации новых режимов); подробное рассмотрение «нацистских» корней символики националистических формирований (с. 168–187), их языческое и оккультное происхождение. Впрочем, анализируя использование оккультного символа «Черное солнце», К. А. Елохин подмечает: «Очевидно, что для самих носителей данной эмблематике она представляет собой эклектичный набор малосвязанных между собой символов, идей и понятий. Есть основания полагать, что и украинские пользователи этой эмблематике в равной или близкой степени рассматривают использованные ими эмблемы, вкладывая в них близкое им по духу националистическое содержание» (с. 181; грамматика отрывка сохранена. – К. П.). Хотя в привычном для этой книги стиле автор не расшифровывает, почему «очевидно» и «есть основания полагать».

К. А. Елохин уделяет немало внимания истории появления современного флага ДНР, указывая, что

«трехцветный флаг ДНР вероятнее всего мог быть создан по аналогии с флагами большинства Балканских славянских республик, взявших за основу российский трехцветный флаг» (с. 86). Тем самым автор считает мифом утверждение, будто история флага уходит корнями в советскую эпоху или период Гражданской войны (с. 96–97). Не менее интересным является изучение государственной символики ЛНР, а именно «переход в вексиллологической государственной эмблематизации от имперской символики, выполненной в качестве подобия российскому орлу, к народной, социалистической просоветской символике. Влияния казачьей компоненты в эмблематизации ЛНР не прослеживается, несмотря на то, что казаки контролировали большую часть ЛНР» (с. 110).

Не менее интересны и наблюдения по итогам изучения карикатур: «Следует отметить, что в карикатурах, освещавших военный конфликт, образ Смерти хотя и присутствует в различных проявлениях, но не является центральным, и даже базовым, в отличие от фокусирования на анальной тематике <...>. Персонажи этих карикатур являются изнасилованными древками флагов, и сам факт изнасилования является символическим аналогом победы над противником» (с. 56–57). К сожалению, автор не пытается исследовать более широкие культурные нормы, которые привели к доминированию именно таких образов. Со своей стороны, сделаем предположение, что истоки находятся в тюремно-блатной культуре.

В этом контексте интересно привести другой отрывок, который, казалось бы, мог стать (но не стал) отправной точкой для более глубокого осмысления происходящего на юго-востоке Украины. Речь идет о психологическом восприятии военными флага Новороссии на поле боя. В частности, К. А. Елохин цитирует одного ополченца: «Конечно, помню момент, как Шустрый из мотороловских [из подразделения командира с позывным «Моторола». — К.Е.] шел к нам на блокпост с флагом Новороссии. Наверное, то — один из самых счастливых моментов в моей жизни. Представляешь — это ты не деньги выиграл, не с красивой девчонкой переспал и даже не взял очень важный турнир по боксу. Это что-то большее: наши пришли» (с. 131). Здесь можно было бы провести параллели с тем, как в другие исторические периоды появление своих флагов на поле боя в тяжелый момент воодушевляло солдат. Однако представляется сомнительным, чтобы, например, в годы той же Первой мировой войны офицер или нижний чин публично *такими* словами описывал те волнующие переживания, которые связаны с военной символикой в боевых условиях. Было бы хорошо зафиксировать подобную дистанцию. Кроме того, перед нами любопытный пример неумения говорить об особых, метафизических переживаниях, которые в свою очередь совершенно легитимно (ведь боец это произнес, а один интернет-журнал опубликовал) ставятся чуть ли не в один ряд со случайным сексом, деньгами и спортивной победой. Подобная смесь профанного и почти-что-сакрального может

представлять интерес для дальнейшего изучения и стать отправным путем для исследования того, насколько верно утверждать (не на основе же используемой символики) о традиционализме и консерватизме ополченцев (как это делает автор, с. 127).

Подводя итог, мы хотели бы лишь один раз акцентировать, что в книге содержатся наблюдения и сведения, которые могут заинтересовать тех, кто изучает события на юго-востоке Украины. Вместе с тем перед нами «сырой текст» — итог желания написать на ту тему, которая требует предварительного серьезного теоретического осмысления (иначе все сводится по большей части к набору очевидностей). Значительная часть замечаний направлена прежде всего против выбранного подхода, который в представленном виде не способен произвести серьезное научное знание. В этом и заключается сложность междисциплинарного исследования: не прийти «со своим видением» в чужое исследовательское поле (ничего кроме раздражения это вызвать не может), а понимая основы и тонкости одновременно исторических, социологических и политологических исследований, синтезировать их для изучения конкретной проблемы. Впрочем, может, изначально стоило отказаться от «масштабной задачи» (работать в рамках «мультидисциплинарного», как выразился К. А. Елохин (с. 14), подхода) и делать каталог флагов и прочих вексиллологических эмблем, дополненный расширенными комментариями?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бирюков, Сергей 2004 — *Бирюков Н. И., Сергей В. М.* Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004.

Бляхер 2005 — *Бляхер Л. Е.* Нестабильные социальные состояния. М., 2005.

Дейк 2013 — *Дейк ван Т.* Дискурс и власть. М., 2013.

Кириченко 2008 — *Кириченко В. В.* Язык и знак в прагматизме. СПб., 2008.

Кожемякин 2015 — *Кожемякин Е. А.* Дискурс-анализ как междисциплинарный проект: между методом и идеологией // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2015. № 6.

Малинова 2013 — *Малинова О. Ю.* Конструирование смыслов: исследования символической политики в современной России. М., 2013.

Символическая политика 2012 — Символическая политика: сб. науч. тр. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / отв. ред. О. Ю. Малинова. М., 2012.

Символическая политика 2014 — Символическая политика: сб. науч. тр. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего / отв. ред. О. Ю. Малинова. М., 2014.

Символическая политика 2015 — Символическая политика: сб. науч. тр. Вып. 3: Политические функции мифов / гл. ред. О. Ю. Малинова. М., 2015.

Фомин 2012 — *Фомин И. В.* Возможности структурного исследования образов в политических дискурсах // Политическая наука. 2012. № 2. С. 237–250.

Фуко 2004 — *Фуко М.* Археология знания. СПб., 2004.

Шейгал 2004 — *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004.

Fairclough 1996 — *Fairclough N.* Language and power. Edinburgh, 1996.

Rev.: Elokhin K. A. Voina flagov na territorii Novorossii v 2014 godu. M.: GAUGN-PRESS, 2016. 267 s., il.

Pakhalyuk Konstantin A. — PhD student of the Department of political science, MGIMO (University) of the The Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow)

REFERENCES

- Biriukov N.I., Sergeev V.M. *Stanovlenie institutov predstavitel'noi vlasti v sovremennoi Rossii*. Moscow, 2004.
- Bliakher L.E. *Nestabil'nye sotsial'nye sostoiianiia*. Moscow, 2005.
- Deik van T. *Diskurs i vlast'*. Moscow, 2013.
- Fairclough N. *Language and power*. Edinburgh, 1996.
- Fomin I.V. Vozможности strukturnogo issledovaniia obrazov v politicheskikh diskursakh // *Politicheskaiia nauka*. 2012. No 2. P. 237–250.
- Fuko M. *Arkheologiia znaniia*. St. Petersburg, 2004.
- Kiriushchenko V.V. *Iazyk i znak v pragmatizme*. St. Petersburg, 2008.
- Kozhemiakin E.A. Diskurs-analiz kak mezhdistsiplinarnyi projekt: mezhdzha metodom i ideologii // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serii: gumanitarnye nauki. 2015. No 6.
- Malinova O.Iu. *Konstruirovaniie smyslov: issledovaniia simvolicheskoi politiki v sovremennoi Rossii*. Moscow, 2013.
- Sheigal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa*. Moscow, 2004.
- Simvolicheskaiia politika*: sb. nauch. tr. Vyp. 1: Konstruirovaniie predstavlenii o proshlom kak vlastnyi resurs / otv. red. O.Iu. Malinova. Moscow, 2012.
- Simvolicheskaiia politika*: sb. nauch. tr. Vyp. 2: Spory o proshlom kak proektirovaniie budushchego / otv. red. O.Iu. Malinova. Moscow, 2014.
- Simvolicheskaiia politika*: sb. nauch. tr. Vyp. 3: Politicheskie funktsii mifov / gl. red. O.Iu. Malinova. Moscow, 2015.

Б. Н. Миронов

МЕЖДУНАРОДНАЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАЦИИ И ЭТНИЧНОСТЬ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ» КАК ОРГАНИЗАТОР НОВОГО НАУЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

Сборник (Нации и этничность 2015) содержит материалы международной междисциплинарной научной конференции «Нации и этничность в гуманитарных науках», состоявшейся 25–27 февраля 2014 г. на базе Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. Конференция была организована в рамках проекта «Historia Nationem Gignit» (научный руководитель — доктор исторических наук, профессор С. Е. Федоров), разрабатывающего стратегии исследования феноменов этничности, наций и национализма¹. У ис-

токов проекта стояли медиевисты, но постепенно его хронологические рамки расширились, и он стал охватывать также Новое и Новейшее время, в чем заключается его своеобразие и привлекательность. Благодаря этому в рецензируемом сборнике освещаются проблемы, связанные с существованием различных этнокультурных идентичностей и с формами проявления этничности и национализма в Средние века, Новое и Новейшее время, включая современность.

Проект был изначально нацелен на установление междисциплинарного диалога, в рамках которого одни и те же проблемы обсуждаются специалистами различных отраслей гуманитарного знания, изучающими

© Миронов Б. Н., 2017

Миронов Борис Николаевич — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, главный научный сотрудник СПбИИ РАН (Санкт-Петербург); mironov1942@yandex.ru

¹ См. о проекте и конференции в социальных сетях: Facebook — URL: www.facebook.com/historianationemgignit, Вконтакте — URL:

vk.com/historianationemgignit; электронный журнал — URL: issuu.com/866533; почта проекта: historianationemgignit@gmail.com.

разные регионы мира. Было проведено несколько круглых столов по средневековым и теоретическим сюжетам, которые привлекли достаточно разнообразный круг участников. Оценив продуктивность подобного рода круглых столов, инициативная группа проекта решила поднять планку — организовать международную конференцию, посвященную широкому кругу проблем: этничности, национализма и этнокультурных идентичностей в Средние века, Новое и Новейшее время. Масштабность заявленной тематики определялась несколькими обстоятельствами.

Во-первых, отсутствием единого академического пространства, объединяющего исследователей этнических проблем из различных научных и образовательных центров России и зарубежья. В постсоветский период произошла утрата полноценных академических контактов не только между различными научными центрами, но и между структурными подразделениями внутри университетов (что особенно заметно в России). Конференция была призвана подготовить почву для создания такого пространства.

Во-вторых, усиливающейся фрагментацией, узкой специализацией гуманитарного знания. По замыслам организаторов конференции, столь общая тема для конференции должна была обеспечить приток специалистов из различных областей гуманитарного знания, разностороннюю рефлексию над уже накопленным материалом и, конечно, расширить научные горизонты гуманитарных исследований по проблеме. Иными словами, предполагалось

выяснить, каким образом в современных исследованиях историков, этнологов, культурологов, политологов и социологов рассматриваются феномены нации и этничности и как объединить их усилия.

В-третьих, потребностью популяризации идей проекта среди широкого круга специалистов.

Поскольку подобного рода междисциплинарные мероприятия в практике современного российского гуманитарного сообщества происходят крайне редко, оргкомитет конференции решил принимать заявки от всех желающих — от студента старшего курса до признанного эксперта — при единственном условии — предложить интересную презентацию. В результате удалось собрать специалистов разных профилей, работающих в различных областях: 55 историков, 6 политологов, 4 этнолога, 3 социолога, 3 культуролога и 1 философа (если судить по ученой степени и тематике докладов). На конференции собрались исследователи из разных городов и стран: в том числе 81 % из России (в скобках число участников): Санкт-Петербурга (29), Москвы (16), Владивостока (1), Вологды (1), Воронежа (1), Казани (1), Н.Новгорода (1), Новосибирска (2), Самары (2), Сургута (1), Ульяновска (1), Ярославля (1); 11 % из ближнего зарубежья: Баку (1), Вильнюса (1), Донецка (1), Киева (1), Львова (1), Тарту (1), Харькова (1), Черкасс (1); 8 % из дальнего зарубежья: Будапешта (1), Варшавы (1), Грайфсвальда (1), Коринфа (1), Люблина (1) и Трира (1). Из Российской Федерации приняли участие около 58 исследователей, из ближнего зарубежья — 8,

из дальнего зарубежья – 6. Петербуржцы составляли лишь 40% докладчиков; шесть из десяти приехали из других городов, каждый пятый – из-за рубежа (табл. 1).

В конференции приняли участие студенты и бакалавры, магистры,

Таблица 1

Распределение участников конференции по странам

Страна	Число участников
Российская Федерация	58
Ближнее зарубежье	8
Азербайджан	1
Литва	1
Украина	5
Эстония	1
Дальнее зарубежье	6
Венгрия	1
Германия	2
Греция	1
Польша	2
Итого	72

аспиранты, преподаватели университетов и научные сотрудники академических институтов и других научных центров. Руководители, их подопечные и ученики обсуждали научные проблемы вместе, маститые и начинающие исследователи учились друг у друга. Большая половина участников (46 из 72) была очень молодой – 30 лет и менее и не имели ученой степени (38 из 72), гендерный состав был также демократическим – 29 женского пола и 43 – мужского (табл. 2).

Благодаря подобному составу участников, на конференции происходило обсуждение широкого спектра наиболее актуальных проблем в рамках междисциплинарного диалога. Диалогу способствовала хорошо продуманная логистика проведения мероприятия. Теоретические проблемы национализма и этничности обсуждались на пленарном заседании. Три кластера наиболее актуальных проблем в современных исследованиях национализма и этничности обсуждались в трех кла-

Таблица 2

Профиль участников конференции

Статус		Ученая степень		Пол		Возраст		Место работы	
		Незаконченное высшее	Итого	Женский	Мужской	до 30	31–50	51+	Итого
Студент и бакалавр	15	11	4	29	46	10	10	10	10
Аспирант, магистр	20	4	16	43	19	62	62	62	62
Научный сотрудник	10	23	72	72	7	72	72	72	72
Преподаватель	12	27	72	72	72	72	72	72	72
Доцент	10	7	72	72	72	72	72	72	72
Профессор	5	72	72	72	72	72	72	72	72
Итого	72	72	72	72	72	72	72	72	72

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

стерах секций в хронологическом порядке. Одни и те же проблемы обсуждались сначала на материалах Средних веков и раннего Нового времени — в так называемую «донациональную» эпоху, затем на материалах Нового времени — эпохе нациестроительства, и Новейшего времени, когда под влиянием глобализации обнаружился кризис национализма. Наконец, этот же кластер проблем обсуждался на круглом столе и в заключение подводился итог дискуссии. Конференция, так же как и сборник материалов конференции, была разделена хронологически: каждый день проходили секции с хронологически смежными докладами и круглым столом на близкую тему — в первый день проходили доклады, относящиеся преимущественно к Средним векам и раннему Новому времени, во второй день — к Новому времени, в третий — к Новейшему времени и современности.

Пленарное заседание было посвящено вопросу «Что такое нация?». На нем выступили представители фактически всего спектра гуманитарного знания: историки, философы, политологи, этнологи, культурологи и социологи-медиаведы. В выступлениях обосновывалась необходимость переосмысления некоторых положений конструктивистской концепции этничности и национализма, созданной на европейском материале Нового и Новейшего времени, при их применении к анализу этничности и этнокультурных идентичностей, существовавших в Средние века и начале Нового времени. Некоторые докладчики высказывали сомнение в «продуктивной» природе власти и обслуживающих ее интеллектуалов

и призывали внимательно анализировать, каким образом ситуативно обусловленная идентичность и связанные с нею практики превращаются в дискурсивные и каким образом этот ситуативно обусловленный опыт фиксируются в текстах (если фиксируются). Отсутствие единомыслия среди участников конференции отражает ситуацию как в современной российской науке, так и *nationalism studies* в целом. Несогласованность не только единой терминологической базы, но и методологии сказывается на уровне представленных в материалах конференции исследований. Количество терминов настолько велико и разнообразно, что не каждому понятию в реальности соответствует явление. Используемые специалистами, казалось бы, разнопорядковые термины описывают либо одно и то же явление, либо не описывают ничего, что приводит к недопониманию. В *nationalism studies* соблазн языковых игр очень велик, что и отразила конференция. Все же разногласия, как правило, находились в рамках постмодернистского подхода.

Различным видам этнических идентичностей, их генезиса и развития в Средние века, в Новое и Новейшее время (вплоть до современности) были посвящены три секции: «Формы этнокультурных идентичностей в Средние века и раннее Новое время», «Конфессии и нации: проблема этноконфессиональных идентичностей (в Новое время. — Б. М.)», «Проблемы современных идентичностей и национализма». На круглом столе «Проблема идентичностей на Британских островах» анализировалась судьба Британского проекта

со времени его возникновения в тюдоро-стюартовскую эпоху до настоящего. По мнению участников круглого стола, проект обернулся неудачей и не смог нивелировать региональные этнокультурные различия по той причине, что оставался англосаксонским по своей сути (Нации и этничность 2015: 8). На британском кейс-стади (case study) хорошо видно, что настоящее связано с прошлым и что учет исторического опыта нациестроительства позволяет понять современность.

Проблемы репрезентации этнического и национального в текстах обсуждались на секции «Концепции нации, этничности, расы – индивидуальное или коллективное восприятие?» и на круглом столе «Этнический и протонациональный дискурс в исторических источниках в Средние века и раннее Новое время». Докладчики сходились в своем подходе к этносам и нациям как продукту сознательной деятельности людей и социальных групп.

Взаимодействие империй и наций, методы конструирования этнокультурных идентичностей и инструменты формирования нации обсуждались на секциях «Империи и нации: проблема взаимоотношений», «Этнодемография и этнические конфликты» (секция работала в формате современных case studies), «Национальные проекты и национальная политика» и на круглых столах «Воображая нацию» – инструменты нациестроения» и «Этническое и национальное в современной политике». В ходе дискуссии были выдвинуты идеи о существовании двух форм национального мышления:

имперской и периферийной, о том, что в основе имперского проекта лежит принцип лояльности элит и что империя может рождать нации с целью подчеркивания своего «многонародного» состава.

Круглый стол – формат, не слишком часто используемый в отечественной практике конференций, но зато наиболее комфортный для докладчиков и аудитории: живая дискуссия, возможность задать вопросы и получить ответы или просто озвучить свое мнение на данную тему. В сборнике конференции опубликованы только материалы докладчиков круглых столов, зато их полноценные расшифрованные записи можно найти в выпуске электронного журнала *Historia Nationem Gignit* – это редкий способ представления научной обществу результатов конференции. Нам, во всяком случае, подобные прецеденты неизвестны.

Интерактивный стиль организации обсуждения докладов, высокий градус неформализованного научного общения – вот что отличало данную конференцию. На конференции удалось преодолеть как статусную замкнутость, так и региональную и дисциплинарную ограниченность существующих исследовательских центров.

Конференция, так же как и рецензируемый сборник, была разделена хронологически: каждый день проходили секции с хронологически смежными докладами и круглым столом на близкую тему. При этом баланс отдельных периодов был соблюден: Средним векам и началу

Нового времени – 31 % всех докладов, Новому времени – 23 %, Новейшему времени 25 % и современности, 1990–2013 гг. – 21 % (табл. 3).

Таким образом, почти каждый третий доклад был посвящен Средним векам и началу Нового времени, каждый пятый – современности. Как показала конференция, изучение проблем наций и национализма непродуктивно без обращения к более ранним периодам и современности, оптимум достигается, когда анализируются все периоды – именно тогда возможно проследить генезис и развитие явлений и структур.

Еще одним ценным результатом конференции стала возможность каждого участника поставить свое конкретное исследование в общий контекст историографии этничности и национализма, увидеть общее и особенное в своем кейс-стади, провести какие-то

параллели (без личного проведения сравнительно-исторического исследования). Например, кейс-стади Эльзас-Лотарингия имеет немало общего с кейс-стади Крым: и в первом, и во втором случае потеря территории вызвала взрыв национализма, привела к мобилизации населения, стала травмой для многих людей по обе стороны новой границы. Дискурс богоизбранности народа, через которую он получит небесное спасение, не являлся в Средние века исключительно русским или еврейским, он встречался и среди других народов, например среди сербов. Политические элиты Российской, Германской и Британской империи воспринимали «других» как варваров.

Среди положительных сторон этой конференции – состоявшийся междисциплинарный диалог, новые контакты. Немаловажной была и дискуссионность обсуждаемых проблем:

Таблица 3

Период и регион изучения, теоретическая парадигма докладчиков

Период изучения			Регион изучения			Теоретическая парадигма	
Средние века	14	18 %	Россия	16	23 %	Конструктивизм	42
XVI–XVII вв.	10	13 %	Западная Европа	26	37 %	Функционализм	1
XVIII в.	7	9 %	Восточная Европа	13	19 %	Инструментализм	4
XIX в.	11	14 %	Балканы	5	7 %	Примордиализм	2
XX в.	20	25 %	Кавказ	2	3 %	Интегральная	4
1990–2013 гг.	17	21 %	США	2	3 %	Неизвестно	19
Итого*	79	100 %	Мексика	1	1 %	Итого**	72
			Центральная Азия и Ближний Восток	4	6 %		
			Япония	1	1 %		
			Итого	70**	100 %		

* Некоторые доклады охватывали несколько столетий.

** Один доклад делали два человека; один участник конференции сделал два доклада. Несколько докладов имели теоретический характер.

почти каждый вопрос, затронутый на конференции, вызывал продуктивные дебаты среди абсолютно разноплановых специалистов (столь бурные дискуссии вообще очень редкое явление для подобных конференций). Как оказалось, историки, этнологи, социологи, политологи на многие проблемы смотрят аналогично, что в значительной мере обуславливалось общностью разделяемой или теоретической парадигмы. Из 53 исследователей, о теоретической ориентации которых можно судить по тексту презентации, 42 отталкивались от базовых установок постмодернизма и социального конструктивизма, до сих пор являющегося ведущим интеллектуальным направлением в мировой этнологии и этнополитологии. Согласно ему этничность — это категория социальной идентичности, ситуативный феномен, создаваемый средствами символического различения. Этническое чувство и формируемые в его контексте представления и доктрины являются интеллектуальным конструктом, создаваемым учеными, писателями, политиками сознательно. Понимание этнической идентичности формируется рефлексией и языком. Этничность в таком понимании — это процесс социального конструирования воображаемых общностей, основанный на вере в то, что они связаны естественными и даже природными связями, единым типом культуры и идеями или мифом об общности происхождения и общей истории.

Многие докладчики воспринимают современные концепции этничности и национализма, сформулированные признанными авторитетами в этой области (на конференции

особенной популярностью пользовались Роджерс Брубейкер, Бенедикт Андерсон, Эрик Хобсбаум, Энтони Смит и Клиффорд Гиртц), как аксиоматические. Между тем, как показала дискуссия, популярные теоретические модели не всегда применимы к исследуемому материалу, относящемуся к Средним векам и началу Нового времени, поскольку они были созданы на европейском материале Новейшего времени, обобщая процессы развития национализма в западноевропейских странах. В необходимости критического подхода к концепциям признанных авторитетов состоит один из принципиальных итогов конференции.

Качество некоторых докладов тоже оставляло желать лучшего: зачастую если доклады не были связаны с конкретными текстами, то они носили весьма умозрительный и поверхностный характер и пестрили откровенными трюизмами. Создавалось впечатление, что некоторые участники боялись высказать свое мнение по заявленным темам и обобщали мысли цитируемых ими специалистов. Этим, как правило, грешили молодые участники конференции, что подтверждает правомерность опасений привлечения на серьезную научную конференцию молодежи. Однако молодые исследователи должны где-то учиться ремеслу историка. Школы и мастер-классы — это продуктивно. Но практическое участие в конференции вместе с опытными и маститыми специалистами все-таки является одним из лучших способов обучения.

Поскольку данная конференция была первым опытом, не удалось избе-

жать и организационных проблем. Например, иностранные участники конференции, не владеющие русским языком, оказались в определенной изоляции из-за того, что на конференции было два языка *de jure*, а *de facto* все же превалировал русский, поэтому иногда иностранные коллеги оказывались вне диалога.

Подведем итоги сказанному.

Конференция получилась достаточно представительной и благодаря этому продемонстрировала современный уровень исследования национализма и этничности, прежде всего в российской историографии. Выбранный формат организации дискуссий — перспективный и адекватный современным задачам. Как мероприятие, на котором можно апробировать результаты своих исследований в кругу специалистов, представляющих разные области гуманитарного знания, конференция оказалась продуктивной и необходимой. Исследовательский проект, представленный оргкомитетом «*Historia Nationem Gignit*» на конференции, оказался состоятельным, актуальным, отвечающим насущным потребностям историографии этничности и национализ-

ма. Стартовые контуры нового научного пространства, на которое нацелен «*Historia Nationem Gignit*», были очерчены. Создана единая коммуникационная сеть среди экспертов и молодых ученых из различных образовательных центров Российской Федерации и зарубежья. В оргкомитет первой конференции 2014 г. поступило 135 заявок. Поэтому вполне логичным было решение оргкомитета «*Historia Nationem Gignit*» сделать конференцию ежегодной. Правильность этого решения подтвердила вторая конференция, прошедшая в феврале 2015 г., собравшая 156 заявок, при этом от участников 1-й конференции поступило лишь 30 заявок (что естественно: трудно ежегодно готовить серьезный доклад).

Публикация материалов конференции символически маркирует не только новое начинание в организации российской науки, но и дает возможность ознакомиться с ее результатами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нации и этничность 2015 — Нации и этничность в гуманитарных науках / под ред. А. Х. Даудова, С. Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2015. 544 с.

THE INTERNATIONAL INTERDISCIPLINARY CONFERENCE «NATION AND ETHNICITY IN HUMANITIES» AS AN ORGANIZER OF A NEW SCIENTIFIC SPACE

Mironov Boris N. — doctor of historical sciences, professor of the St. Petersburg State University, chief scientific researcher, St. Petersburg Institute of history, RAS (St. Petersburg)

REFERENCES

№ 1 2017 *Natsii i etnichnost' v gumanitarnykh naukakh* / pod red. A. Kh. Daudova, S. E. Fedorova. St. Petersburg: Aleteia, 2015. 544 p.

ИНТЕРВЬЮ Ф. Б. УСПЕНСКОГО

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э. Поздравляю Вас с избранием в члены-корреспонденты Российской академии наук. Всем известно, что Вы потомственный ученый! Как в этом смысле на Вас повлиял отец Борис Андреевич Успенский, как повлияла среда?¹

Ф.У. Я происхожу из филологической семьи — мои родители филологи. Отец начинал как лингвист, но потом стал шире заниматься филологией. На каком-то этапе в его жизни огромную роль сыграла Московско-Тартуская школа, в которой он принимал участие будучи еще молодым человеком. Эта школа много занималась структурной лингвистикой и семиотикой. И поскольку до сих пор непонятно, что в сущности такое есть семиотика — каждый ее понимал по-своему, — мой отец разрабатывал такую сферу семиотики, как семиотика культуры и семиотика истории. Так, будучи филологом и прежде всего лингвистом, он стал заниматься исторической проблематикой. В ос-

новном на древнем материале, но не только. В частности, он очень много занимался Петровским временем, расколом и всем, что было до этого. Это во многом определило мои интересы и мою жизнь. Я постоянно находился в живом академическом контексте, для меня это было ежедневной реальностью. Все впитывалось с воздухом, с атмосферой семьи. Когда после школы я пошел на филологический факультет МГУ, выбор мой был (в чем-то даже до оскомины) естественен. Но дальше встал вопрос: чем мне заниматься на филфаке? Я попал в руки к замечательному преподавателю и ученому, одному из немногих крупных скандинавистов в нашей стране — Ольге Александровне Смирницкой. Я очень благодарен судьбе за это. Эти фигуры — мой отец и Ольга Александровна Смирницкая — в моей академической и научной жизни сыграли огромную роль. При том, что их участие всегда было неприкрытым. Все происходило само собой. Конечно, я писал курсовые, посещал семинары Ольги Александровны, она учила меня древнеисландскому языку, советовала — что

© Историческая Экспертиза, 2017
Успенский Федор Борисович — член-корреспондент РАН, Институт славяноведения РАН (Москва); fjodor.uspenskiy@gmail.com

читать, на что обращать внимание. Но все это было в таком непринужденном коллегиальном ключе, что меньше всего со стороны напоминало отношения маститого учителя и юного ученика. Наоборот, у нее был принцип, схожий с обучением плаванию, когда выводят на середину пруда и бросают в воду. Этот принцип заключался в том, что студент первоначально должен быть человеком творческим и в любой своей работе – будь то курсовая, диплом, диссертация – уметь ставить проблемы. В этом Ольга Александровна и мой отец всегда совпадали. Именно такой подход сыграл для меня огромную роль. Разумеется, все это было очень нервно – когда тебя студентом-второкурсником приглашали выступить с докладом по курсовой, а ты и сам не был уверен – заслуживает она внимания или нет. Ведь это такой первый опыт! И тем не менее тебя сразу же бросают в контекст научной жизни, научного мероприятия. Я помню, как в начале третьего курса я совсем молодым студентом участвовал в серьезной научной конференции, где со мной говорили на равных, и я должен был с ними говорить на равных. Оглядываясь назад, скажу, что это было невероятно полезно, сразу многому обучило. Ольга Александровна вводила в контекст стремительно и сразу. Я попал к ней, зная немецкий язык, но не зная английского. И это даже не обсуждалось ею – конечно же, я должен знать английский язык! А как я его выучу, ее не интересовало. Желание соответствовать ее запросам и требованиям очень вытягивало меня – наподобие Мюнхгаузена, тянущего себя за косичку

из болота. Дальше был очень важный эпизод в моей студенческой жизни: я на год уехал в Исландию на стажировку. Тоже благодаря Ольге Александровне. Это был самый судьбоносный год в истории Советского Союза – с 1990 по 1991. Я приехал, Союз распался. Я приехал в июле, а в августе был путч. Исландия была и остается очень свободной страной, исландцы были первыми, признавшими независимость Прибалтики – сразу. Советский Союз не слишком легко отпускал Прибалтику. И если учитывать, что в Исландии живет всего около 300 тысяч, то эти протесты у советского посольства впечатляли – в них участвовало около 50 тысяч человек (если не больше). За всем этим я наблюдал там. Это был один из немногих первых опытов столкновения с границей. Кроме того, я получил возможность работать в хороших библиотеках, много читать, обрести связи, которые до сих пор сохраняются. Это невероятно значимый для меня пласт жизни. Но в чем-то он был и расхолаживающий... Вернувшись из Исландии в те смутные времена, я не сразу смог опять учиться. Года на два я ушел из университета в поисках себя. Потом я вернулся, и это был значимый шаг, потому что я вернулся осознанно. Уже не инерция моего curriculum vitae вела, а результат сознательного решения. Я вернулся к Ольге Александровне Смирницкой, защитил диплом о концепте святости в древнескандинавских текстах. С этого и началась моя научная жизнь, потому что, положив руку на сердце, для меня не было ничего важнее защиты диплома в МГУ. Кандидатская и док-

торская прошли как-то более естественно, хотя тоже были делом нервным. То ли я уже был более уверен в себе, то ли вообще все как-то проходило иначе. Но ощущение, что я сделал что-то значимое, возникло именно после защиты диплома. И в этом, опять же, большая заслуга Ольги Александровны, которая посчитала, что диплом обязан быть настоящим научным трудом, а ни в коей мере не проходной работой. Там были серьезные оппоненты, очень уважаемые специалисты. Все выглядело как защита диссертации. Благодаря Смирницкой работа не проходила в университетской рутине — и для студента, и для кафедры это было очень важным событием. Я помню эти ощущения, они мне многое дали для обретения уверенности в себе... После этого встал вопрос, что дальше. Еще когда я был студентом, меня звала в аспирантуру в Институт славяноведения Татьяна Михайловна Николаева — член-корреспондент РАН, которой, к сожалению, уже нет в живых. Отделу, ею в то время руководимому, долгое время не позволяли брать аспирантов, поскольку это была та самая московско-тартуская структурная семиотическая школа, которую не очень-то любили власти, а институт их прикрывал, впрочем, не предоставляя больших возможностей. А потом, с развалом Союза, с изменением всего политического облика, появилась возможность брать молодых сотрудников. В нашем отделе в первой половине 90-х появилась целая когорта молодых исследователей, сразу прижившихся в нем. Мне было очень лестно еще студентом получить такое приглашение в аспирантуру. Единствен-

ное, мне надо было как-то свои скандинавистские и германистские интересы примирить с проблематикой Института славяноведения. Я был вынужден это сделать. И, естественно, первое, что пришло на ум — я консультировался и с отцом, и с Ольгой Александровной — заняться русско-скандинавскими взаимосвязями ранней поры. А именно — варяжским вопросом, образованием древнерусского государства, контактами между Скандинавией и Русью IX, X, XI веков — то есть обратиться к таким крупным темам, которыми я ранее интересовался, но серьезно не занимался. Я должен был немедленно перестроить всю парадигму и перспективу личного взгляда на свое научное будущее. Мне помогло то, что я сразу попал под сугубо формальное научное руководство академика Владимира Николаевича Топорова. Он работал в этом же отделе, и я пошел писать у него диссертацию. Формальность его руководства заключалась в том, что он полностью доверял тому, кого взял под свое крыло. Он совершенно не вмешивался в работу, помогая мне на начальных этапах: прочел работу, высказав свои осторожные ненавязчивые суждения. Не вмешиваясь, он прикрывал меня на каждом шагу, так как возникла серьезная проблема: нужно было объяснить, что древнеисландский — это не славянский язык, и оправдывать мое присутствие здесь с моими древнеисландскими интересами. Решение всех этих вопросов он брал на себя. Под его руководством я не знал никаких бед. Институт у меня ассоциируется с дружественной атмосферой, которая здесь сохраняется и по сей день. Он не по-

хож на многие другие академические институты. Не хочу ни о ком сказать дурного слова, но наш институт выделяется некоей семейственностью, теплым началом, весьма здесь ощутимым. Кроме того, он уникален в том смысле, что здесь историки и филологи работают вместе. Из этого проистекает очень много пользы. Короче, я чувствовал себя здесь с самого начала комфортно. Моя кандидатская была посвящена русско-скандинавским языковым контактам. Там многое вертелось вокруг антропонимики, в сущности, она была во многом об именах, об обмене личными именами. И так я потихоньку начал заниматься тем, что стало главной темой моей жизни: исторической ономастикой, тем, как в средние века — прежде всего у скандинавов и у русских — выбирались и бытовали имена. Я занимался этим все время со своим постоянным соавтором и женой, Анной Феликсовной Литвиной. Сначала я написал небольшую книгу «Имя и власть» о выборе имени в средневековой Скандинавии. Это был первый для нас шаг в данной сфере. А потом мы написали важный для нас обоим труд о принципах выбора династических имен Древней Руси. По материалам этой книги я и защищал в 2005 году докторскую диссертацию. Она была уже более славистической. Хотя там, конечно, был и скандинавский материал, но его стало уже ощутимо меньше. Диссертация уже не была строго сцеплена с варяжским вопросом, хотя через призму имен я пытался и этот вопрос так или иначе прояснить. Тема звучала так: «О династическом имени в Скандинавии и на Руси». Этой

темой я продолжаю заниматься. Она дает разные ответвления. Занимаясь именами, поневоле приходится заниматься и генеалогией, отчасти — искусствоведением, потому что огромную роль играют, например, посвящения церквей, ктиторские портреты и т. д. Эта тема, казавшаяся вначале филологической, выделяется своей явной междисциплинарностью и возможностью заглядывать в те области, в которые я, возможно, и не стал бы заглядывать, не чувствуя себя профессионалом. Но тема имени объединила все мои интересы и дала мне определенную санкцию чувствовать себя немного искусствоведом, немного генеалогом, немного сфрагистом (т. е. человеком, занимающимся печатями) и т. д. Все это поневоле приходится учитывать, когда занимаешься такой сложной темой, как русские княжеские имена. Постепенно, шаг за шагом, мы с Анной Феликсовной Литвиной стали замахиваться шире, на бытование и обиход династии в домонгольское время: как князья устраивали свои браки, что это значило в то время; как заключались матриониальные союзы и как из них проистекали политические союзы, или наоборот — из политических союзов возникали союзы матриониальные... Так благодаря теме имени мы вышли на более широкие горизонты, занявшись обиходом домонгольской династии русских князей во всех его проявлениях: будь то браки, будь то имянаречение, будь то престолонаследие и т. д... Куда все это пойдет, я еще не знаю, но мы продолжаем этим заниматься. Параллельно с этим я не бросил чистую скандинависти-

ку, занимаясь сугубо специальными проблемами древнеисландского языка и древнеисландских текстов. Это такая кулуарная область, я ее по-прежнему очень люблю и продолжаю разрабатывать... Если говорить о событиях последнего периода, то, развивая тему древних имен, мы с моим отцом написали книгу. На этот раз не о династических и княжеских, а о монашеских (иноческих) именах. Книга так и будет называться: «Иноческие имена на Руси». На мой взгляд, работа важна тем, что это едва ли не первое слово в данной области. Существует несколько небольших статей по этой теме, многие историки церкви так или иначе об этом писали, но нет специально посвященной этой проблематике объемной работы. — **Какой период охватывает это исследование?**

Ф.У. Мы завершаем периодом до раскола. Это XVII век. Но поневоле приходится делать экскурсии и в XVIII век, чуть меньше в XIX. Говоря о древнерусской ситуации, мы вынуждены постоянно сравнивать ее с ситуацией современной. Монашество — живой институт, продолжающий действовать. С одной стороны, институт архитрадиционный, но живущий, исподволь меняющийся. И невозможно не сравнивать то, как это было раньше, с тем, как это есть сейчас. Так читателю виднее, что было, что изменилось, что ушло, что — наоборот — появилось, а такого очень много. Если сравнивать современное и древнерусское, то в принципах выбора монашеских имен изменилось довольно многое, несмотря

на то, что монашество, как я сказал, институт очень традиционный.

С.Э. Я помню, что многие князья постригались перед смертью. Это был русский обычай или это было во многих странах?

Ф.У. Это был не только русский обычай. На Руси, как это часто бывало, это превратилось почти в обязательное, хотя далеко не все князья постригались именно перед смертью. Основная часть — да. Но, скажем, Иван III и Федор Иоаннович — сын Ивана Грозного — не постриглись. И это отдельная проблема, отдельный интересный вопрос. Обычай пришел от монашествующих, когда государи стали сопоставлять себя с монахами и принимали схиму перед кончиной. Это появляется где-то с середины XII века на Руси. Конечно, это было и в Византии, но не как регулярная практика. О предсмертном постриге в книге будет отдельная глава.

С.Э. Россия — это наиболее яркий пример?

Ф.У. В России это обусловлено тем, что династия огромная. Русская княжеская династия (я говорю сейчас только про Рюриковичей) замечательна тем, что они правили более 600 лет только на основании права крови. Это была одна семья, все еще единый род, и по ним очень заметны особые процессы. В Византии за это время столько всего произошло, и там не было престолонаследия по праву крови, там это было устроено иначе. Но у сербов, у венгров, у поляков уже сменилась

масса поколений, к власти пришли другие и т.д. А у нас неизменно у власти оставались русские князья, и на этом материале лучше проступают какие-то особенности. Но, конечно, практика предсмертного пострига была изобретена не русскими.

С.Э. А было это явление в западной традиции?

Ф.У. В Западной Европе это тоже было, однако не носило того облигаторного характера, который приобрело в восточном православном мире.

С.Э. С какой целью это делалось? Как объяснялась необходимость?

Ф.У. Это связано с очень древним представлением о том, что постриг — это, в сущности, второе крещение. То есть происходит полное метафизическое обновление человека. Все, что было прежде, уходит. В том числе и грехи. Но это мы сегодня начинаем с пониманием улыбаться, улавливая лишь приземлено-прагматический смысл такого поступка, а когда человек в это верит, это имеет для него кардинальное значение. Именно с тотальным обновлением связана и перемена имени, когда человек отказывается от себя прежнего, от себя ветхого, становясь новым человеком.

С.Э. Идея в том, что на том свете им зачтется и все совершенные грехи будут списаны? В этом прагматика?

Ф.У. Едва ли они это так прямо формулировали, но прагматика, воз-

можно, была и такая. Я бы только не относился к этому как к чему-то такому мелочно-прагматическому.

С.Э. Вы упоминали Московско-Тартускую семиотическую школу. Один из ее центров находился здесь, в Институте славяноведения. О ней много написано. Было бы интересно услышать Ваши личные детские впечатления о проводимых там летних школах, о людях — Лотмане, Топорове, Иванове.

Ф.У. Московскую часть Московско-Тартуской семиотической школы я знал с детства, и это во многом определило мою будущую жизнь. Я, конечно, не ездил на научные школы, потому что был слишком маленьким для этого. Я много бывал в Тарту в гостях у Лотмана, потому что мой отец и Юрий Михайлович дружили семьями, и это была не просто профессиональная, а глубокая человеческая дружба. И было естественно, что минимум раз в год мы ездили туда, а Юрий Михайлович, приезжая в Москву, останавливался у нас. Так что мне действительно повезло, я видел «пантеон» замечательных ученых с самого детства. Может быть, это лишило меня какого-то пиетета, который бы полагалось испытывать при виде столь маститых и замечательных во всех проявлениях ученых. Но помогло то, что, став взрослым, я со многими из них оказался в непосредственно коллегиальной среде. Я застал и поработал с Владимиром Николаевичем Топоровым уже даже не как его аспирант, а как полноценный коллега и сотрудник одного с ним отдела. Я продолжаю

работать с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым, который в силу нездоровья не так часто появляется в институте, но он по-прежнему часть нашего института. Очень активно продолжает работать Андрей Анатольевич Зализняк — один из выдающихся лингвистов XX и, уверен, XXI столетия, сопоставимый по масштабам с Трубецким, с Якобсоном, вот, будет делать доклад о Новгородских находках этого лета... То есть процесс не застыл для меня как нечто каноническое в истории науки, а продолжается в моей сопричастности к науке, благодаря моему рождению, контексту. И это всегда очень помогало мне. В чем-то, наоборот, мешало, потому что ты вынужден оценивать себя и свою роль в этом. Но с какого-то момента ты просто становишься взрослым и понимаешь: лучше, не задумываясь и не сравнивая, делать свое дело. Как сказал Мандельштам: «Не сравнивай: живущий несравним...». Мандельштам — еще одна область, которой я занимаюсь, отдыхая от основных занятий. Поэтика Мандельштама — замечательный полигон для применения некоторых филологических методов. Неслучайно им так много и так активно занимались в последние десятилетия, когда был всплеск гуманитарных и, прежде всего, филологических наук. Его язык и поэтика — одна из излюбленных мною тем.

С.Э. В чем власть видела угрозу со стороны Московско-Тартуской школы?

Ф.У. Это было сообщество молодых независимых ученых, делавших науку без оглядки на конъюнктуру

и цензуру. Филологии в этом смысле было чуть-чуть легче. После того, как Сталин написал статью против Марра, в филологии наступили лучшие времена, ее не так гнобили, как гнобили историю. У студентов исторического факультета, образно говоря, что-то вырезали при поступлении, и дальше они без этого органа жили. К сожалению. Хотя, несмотря на это, все равно были замечательные историки, находившие возможность работать. В филологии было чуть проще. Но, конечно, власти неодобрительно относились к зарождающейся семиотике. Еще свежо было представление о кибернетике как о гиблой западной науке. Но по моим впечатлениям — хотя я не участник этих событий, а скорее младший наблюдатель, который далеко не все видел, но больше знал по воспоминаниям, — все-таки времена были другие и Московско-Тартуской школе повезло. С ними не разобрались по-настоящему, а наоборот — появились люди и институты, понимавшие, что имеют дело с выдающимися талантливыми исследователями — им помогали по мере возможности. В Институте славяноведения был образован отдел типологии и сравнительного языкознания. По сути — это был отдел структурной лингвистики, где и работали представители московского крыла школы. Конечно, у Юрия Михайловича Лотмана были неприятности по служебной линии, ему не давали ходу, все это было. Но уже несопоставимо с тем, что было на излете сталинских времен. Тут очень повезло с контекстом. И сложно понять, где причина, а где следствие. То ли после разоблачения культа личности в эту брешь

хлынули новые молодые силы, у которых хватало смелости говорить какие-то вещи. То ли, наоборот, одно обусловило другое. Непонятно. Это уже метафизика исторического процесса. Но ясно, что это шло вместе друг с другом. Я бы сказал, что судьба Московско-Тартуской семиотической школы при массе драматических моментов, имевших там место, была довольно благополучна. Все-таки Советский Союз уже дряхлел, власти уже не так активно боролись. Кроме того, Московско-Тартуская семиотическая школа не протестовала, не играла в политику, не участвовала в ней. Не из-за трусости, а из-за ясного представления, что у них есть свое дело, которым они должны заниматься. Они не были диссидентами в прямом смысле слова. Хотя, конечно, те миры были очень проницаемы, и масса людей из диссидентского мира участвовали в работе этих школ, и наоборот — лингвисты были по совместительству еще и диссидентами. Все было, но никогда не декларировалось политически противопоставить себя власти и бороться с нею. Они занимались по-настоящему наукой. И, может быть, власть — на уровне каких-то мелких начальников, от которых это зависело, — ценила это.

С.Э. Лучше пусть наукой занимаются, чем листовки разбрасывают.

Ф.У. Скорее всего, так. Конечно, у всех в то время были неприятности. У Лотмана все закончилось обыском. И вообще КГБ не оставлял их в покое. Но это не проходило по столь же жесткому сценарию, как в диссидентском мире.

С.Э. А откуда в КГБ могли знать, что люди занимаются не совсем марксистским подходом? Это партийное академическое начальство давало им такие «сигналы»?

Ф.У. У них были эксперты из академического мира, с которыми они сотрудничали. Хватало людей, составлявших экспертные заключения. Более того, уже на излете, когда Московско-Тартуская семиотическая школа полностью стала на ноги, была попытка создать марксистскую семиотику. Ее возглавил академик Храпченко. Из этого ничего не вышло, но некоторая идея противопоставления возникла. Занимались ею люди карьерные. Ничего успешного из этого выйти не могло, но тем не менее такая попытка была.

С.Э. А Зализняк тоже входил в Московско-Тартускую школу?

Ф.У. Да, в том числе биографически, потому что он дружил со многими. Если Вы откроете семиотические труды, там, конечно, будут работы Зализняка.

С.Э. Все еще идут споры об аутентичности «Слова о полку Игореве». Зализняк на основе языка доказывает, что это мог быть только язык XII века, и в этом плане оно неподдельное. Сейчас нашли опись монастыря, где указано, что там была воинская повесть, и, скорее всего, Мусин-Пушкин ее украл. Это дополнительный аргумент подлинности «Слова». Но в книге Зимина даны серьезные аргументы, на которые хотелось бы получить ответы. Он настаивает на том, что все факты были взяты

автором «Слова» из «Повести временных лет». В числе самых очевидных примеров этой зависимости от данных ПВЛ указывается, что героиня именуется не по имени, а по отчеству — Ярославна. Отсутствие имени Зимин объясняет тем, что оно не было указано в ПВЛ. Именование Ярославна, по мнению Зимина, является анахронизмом. В те времена замужнюю женщину называли не по имени отца, а по имени мужа. То есть она должна была быть «Игорева». Встречаются ли в источниках того времени такие нарушения именования, когда замужнюю княгиню именуют не по мужу, а по отцу?

Ф.У. Несколько слов по ходу Вашего суждения. Я, как и Вы, считаю, что работа Зализняка лингвистически закрывает вопрос о подлинности «Слова о полку Игореве». Зализняк действительно продемонстрировал, что это подлинный памятник литературы. Книга же Зимина не может не производить серьезного впечатления, потому что автор был талантливый исследователь. Другое дело, что после книги Зализняка мы можем считать, что путь Зимина неверный. На то и существует наука! Зимин предложил некое направление. Однако направление не всегда бывает правильным. К сожалению, это печально для автора, но нормально в целом для развития науки... Что касается того аргумента Зимина, который Вы упомянули: конечно, история Игоревы похода в «Слове» описана не так, как в ПВЛ. И главная загадка заключается в том, зачем вообще Игорь пошел в поход. Это довольно

темная история. Потому что Игоря с половцами связывали исключительно тесные союзнические и дружественные отношения. Настолько тесные, что даже летописец — не говоря об этом напрямую — намекал на неких Черниговских князей, больше якшавшихся с половцами, чем со своими братьями Рюриковичами. В том числе он имеет в виду, вероятно, и Игоря Святославича. Я приведу короткий пример, который о многом говорит. Давно известно, что Игоря и половецкого князя Кончака, которого мы знаем по опере как хана, связывали периоды большой дружбы. Кстати, половецкие князья нигде не называются *ханами*, это выдумка поздних историков! Половецкая элита, половецкие правители, как и русские, называются *князьями*.

С.Э. Они себя сами так называли?

Ф.У. Мы не знаем. Русский летописец их называет *князья*. Это существенная вещь. Русский летописец не разбрасывался титулатурой... Игоря и Кончака связывали дружеские отношения: то они, совместно проиграв большую схватку, бегут в одной лодке, спасая свои жизни; то Игорь на какое-то время дает приют Кончаку. Если смотреть на их взаимодействие в перспективе имен, то следует учесть, что у Кончака был сын по имени *Георгий* (Юрий Кончакович). Считается, что он был христианином: ведь имя *Юрий* — явно христианское. А как звали Игоря в крещении? Его звали *Юрий*, *Георгий*. Поэтому я не исключаю, что речь идет совсем не о том, что у Кончака родился сын и он его крестил, хотя сам был язычником.

Речь идет о прямом заимствовании имени, о своеобразном дарении имени. В то время имя воспринималось почти как материальная сущность. Кончак просто назвал своего сына в честь своего ближайшего друга и союзника из чужаков, из русских князей. Аргументы Зимина, касающиеся Ярославны, на мой взгляд, не совсем верны. Если брать регулярную и стандартную ситуацию, то княжна — пока живет в семье своего отца — называется по отцу, по отчеству. Часто это без имени, потому что в летописи так нормально. Летописи обходятся вообще без женских имен. Некоторых княгинь и княжон все же упоминают по имени, но лишь меньшую часть из них... А выходя замуж, они действительно обычно назывались по мужу. Однако в этой схеме нет никакой регулярности или обязательности, потому что время от времени летописец вполне мог замужнюю княгиню назвать не по мужу, а по отцу, такие примеры хорошо известны. Можно задать вопросом, почему летописец вопреки обыкновению или, точнее, вопреки привычке иногда именуется замужнюю женщину отчеством? Мы не всегда знаем конкретную мотивировку, которая определяла выбор летописца. Вот это вот интересная проблема, не исключено, что за таким именованием и скрываются какие-то намеки или оттенки (не исключено, например, что таким образом имплицитно вводится тема «ситуативного вдовства», плач ведь по преимуществу вдовье занятие), но вовсе не те, о которых писал Зимин. Иными словами, правильно, что на это обращено внимание, но никакого анахронизма или ошибки здесь нет.

С.Э. Здесь важно, что она главная героиня — все мы помним «Плач Ярославны», — но автор ее не называет по имени.

Ф.У. Это совершенно не должно удивлять! Если взять летопись — я сейчас имею в виду даже не «Повесть временных лет», а именно летопись, скажем, Киевскую или Галицкую, — то там такое встречается очень часто. Когда речь идет о каких-то коллизиях или пертурбациях, когда княгиню выгоняют из города, грабят, отсылают к отцу, она умирает, летописец, странным для нас образом, легко обходится без ее имени... Понимаете, все устроено причудливо и мало напоминает нашу с вами современность. Мы-то привыкли, что должны все обо всем знать. Если нам рассказывают о ком-то, мы должны знать, как его зовут, кто он, сколько ему лет. Иметь досье на него. А в летописях все устроено иначе. Есть знаменитейшие русские князья, а мы не знаем, на ком они были женаты. У князей было огромное количество детей, мы знаем их потомков, но не знаем и никогда, видимо, не узнаем, кто были их жены! Ну, если, конечно, не появятся какие-то граффити, новые источники. Скажем, Ростислав Смоленский — могущественный князь, определивший весь облик XII столетия. Мы не знаем, на ком он был женат... А Андрей Боголюбский? Есть какая-то смутная история про участие его жены в заговоре. Но история эта поздняя, явно придуманная — мы практически ничего не знаем про его жену... Ярослав Мудрый, как известно из иностранных (независимых от летописи) источников, был же-

нат на шведке Ингегерд. Благодаря этим источникам мы знаем, кто она была, когда примерно этот брак состоялся — известно почти все! В летописях же говорится только о ее смерти, без упоминания имени.

С.Э. Если сравнивать — это именно в русских источниках того времени такое невнимание к женщинам?

Ф.У. В византийских тоже... На этом фоне очень выделяются скандинавские средневековые источники, где женщин упоминают легко и охотно, они полноценные участницы ситуаций, известны их имена, происхождение, связи (в том числе и внебрачные)...

С.Э. Судя по древнему русскому праву, женщины вроде бы имели большие права. А тут просматривается некоторая приниженность.

Ф.У. Тут дело не в приниженности, как мне кажется, а в особой социально-политической нише, которую они занимали. Ведь летопись — это прежде всего политическая история династии. В русской династии Рюриковичей через женщин ничего не наследовалось, только через мужчин. Невозможно себе представить фигуру вроде Марфы Посадницы, овдовевшей княгини-матери, которая будет сидеть на княжеском престоле и править, хотя дети ее уже выросли и стали дееспособны! Такого никогда не было.

С.Э. Хотелось бы услышать Ваши комментарии к появившейся в сети Фейсбук информации. Там

было написано, что как только Успенского и Андреева избрали в академики, в тот же день их уволили из РГГУ.

Ф.У. Все это не совсем так. Фейсбук всегда привносит некий театральный драматизм, но история эта действительно похожа в чем-то на комедию положений. Тут нет никакой тайны. Я долго работал в РГГУ, в Институте высших гуманитарных исследований имени Елеазара Моисеевича Мелетинского, работал в качестве совместителя. Как и многим другим коллегам, мне там очень хорошо жилось. Там замечательный сплоченный живой коллектив. Я чувствовал там редкостную свободу. Даже, пожалуй, чересчур — наверное, будучи совместителем, я не работал так много, как хотела бы новая администрация РГГУ. Но как у меня, так и у моих коллег — Михаила Леонидовича Андреева и ряда других сотрудников — продолжались публикации и участие в конференциях, велась отчетность... Как я понимаю, в РГГУ наступили тяжелые времена. Происходят «рывки» и судорожные телодвижения, направленные на спасение финансовой ситуации. И как всегда бывает в нездоровой атмосфере — не в ИВГИ, там всегда атмосфера была хорошей, — посыпались упреки и обвинения. Почему-то ИВГИ стали обвинять в том, что он основывался как гуманитарный центр РГГУ, а фактически это просто институт и все... С другой стороны, там так мало денег платят, что лучше подумали бы, как поддержать ученых, а не упрекать их. Я не придавал бы так много значения своему увольнению, мне гораздо жальче и горше,

что уволили Михаила Леонидовича Андреева, проработавшего в ИВГИ чуть ли не с его основания. Я-то туда пришел лет 10–12 назад, а для Андреева это действительно значительная часть его жизни. Разумеется, Михаил Леонидович не пропадет без РГГУ! Это скорее определенным образом характеризует новую администрацию РГГУ, которая тоже не однородна: там есть голоса и за нас, и против нас. Это выглядит карикатурно — как некая гримаса, — когда увольняют несколько человек, которых через неделю выбирают в члены-корреспонденты РАН... Но таковы парадоксы нашей жизни. Я могу вспомнить об РГГУ только хорошее и надеюсь — может быть в каком-то качестве когда-нибудь еще вернусь туда... Сейчас под угрозой весь ИВГИ: и Сергей Дмитриевич Серебряный — его глава, и Нина Владимировна Брагинская, которая очень активно борется за ИВГИ. Они пытаются как-то спасти ситуацию, но силы неравны. Против них и административный аппарат во главе со старым ректором (хотя новый ректор как раз готов пойти навстречу!), и проректоры, давно воюющие с ИВГИ. Стоит опасаться, как бы ИВГИ вообще не закрыли.

С.Э. В целях экономии?

Ф.У. Да. На нас с Михаилом Леонидовичем Андреевым и еще нескольких сотрудниках сэкономили что-то около 9000 рублей, так как совместителям деньги там платили символические. У меня нет никакой обиды, но есть тревожное опасение за судьбу Института высших гуманитарных исследований.

С.Э. Если брать РГГУ в целом: когда Афанасьев его создавал, он сумел набрать коллектив более сильный, чем в МГУ. Это был ведущий гуманитарный вуз России. И в своих «записях» Гаспаров в шутку назвал его «Красная Кастилия». Там собраны известные и уважаемые в научном мире люди. Причем, когда была *Болотная*, многие из них были на площади, так сказать граждане с активной жизненной позицией. Но почему-то — кроме Нины Владимировны Брагинской — эту активную жизненную позицию по отношению к происходящему в РГГУ они не проявляют.

Ф.У. Нина Владимировна проявляет ее за пятерых!

С.Э. И еще Сергей Николаевич Зенкин. Ну и недавняя история с Константином Юрьевичем Ерусалимским, сорвавшим вначале «лекцию» Старикова в РГГУ, затем написавшим вместе с коллегами заявление в ВАК по поводу докторской диссертации Мединского. А остальные замечательные профессора РГГУ молчат, не проявляют активной гражданской позиции. Почему это происходит?

Ф.У. Вы знаете, мне кажется, мы не в праве чего-то требовать от людей. Может быть, эта тихость и пассивность обернется потом против них же самих. Ну не могут все люди быть как Нина Владимировна, как Сергей Николаевич или как Константин Юрьевич. У людей разный темперамент, разные опасения, разные возможности в конце концов. Я бы никого из коллег не упрекал. Мне

кажется, у кого-то просто наступила усталость. Ведь эта история с РГГУ тянется не первый год. Еще при Пивоваре все было отнюдь не благополучно. Началось все еще тогда. Люди просто устали от противостояния суррогату. Так что упрекать никого не хотелось бы. Наоборот, хочется поблагодарить людей, сохраняющих свою активность. Тот же Сергей Дмитриевич Серебряный говорит очень правильные вещи! У него интонационно другой рисунок, он человек более тихий и менее радикальный, но все, что он говорит, конечно, продиктовано заботой об ИВГИ. Там есть голоса разного уровня громкости. Но, к сожалению, РГГУ ждет не лучшее развитие событий. Администрация, раздавая направо и налево упреки тем, кто составил их славу, и тем, кто их сегодня кормит — славу нынешнему университету составляют работающие ученые! — забывает о том, что это сама администрация не справляется со своими обязанностями. Не ученые получили пачку денег и выбросили их в помойку, а администрация, скажем так, все их растратила — уж не знаю, что там произошло. Это именно администрация не соответ-

ствует уровню, долженствующему быть в таком вузе... Боюсь, что все закончится печально.

С.Э. Нельзя сказать, что РГГУ в этом плане отличается от других вузов. Это всего лишь пример общей пассивности. Вспомните, Милуков говорил, что западная демократия возникла из университетов, борющихся за свою автономию и независимость. Но в наших университетах мы такого вообще не наблюдаем. Хотя в них собраны *русские европейцы*, они даже не пытаются установить в своей среде университетскую автономию и демократию.

Ф.У. К сожалению, со всеми категориями, перечисленными Вами, с каждым днем становится все хуже и хуже. И тут огромную роль играет банальная причина — отсутствие или наличие денег. Во многом культурный статус РГГУ сейчас перешел к ВШЭ, у которой есть деньги, которая в состоянии давать людям человеческие зарплаты. Люди уходят туда, потому что нужно кормить семьи... А вот почему у РГГУ нет денег, это вопрос не к ученым.

F. B. USPENSKY INTERVIEW

Uspensky Fyodor B. — corresponding member of RAS, Deputy Director of the Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

Полный текст интервью размещен на сайте журнала «Историческая экспертиза»
www: istorex.ru

ИНТЕРВЬЮ В. В. КОНДРАШИНА

Беседовал С. Е. Эрлих

В.К. После окончания в 1983 году Пензенского пединститута я работал учителем истории на селе. Пока я работал в деревне, я взял тему голода 1933 года... Тогда в «Романгазете» я прочел роман Михаила Алексеева «Драчуны», где впервые было написано о голоде 1933 года.¹

С.Э. Интересно, как тогда его пропустили?

В.К. Он вышел в 1982 году. Алексеев писал о страшном голоде в Саратовской области. Потом уже, когда я работал лаборантом в Пензенском сельхозинституте, в 1987 году вышла статья В. П. Данилова о голоде. А потом, в начале 1988 года, в «Вопросах истории» вышла его статья против Р. Конквеста о демографических потерях. И поскольку я этим занимался еще раньше, когда работал в деревне, увидев эти статьи, я поехал в Институт истории СССР к Виктору Петровичу Данилову. Я привез ему свою рукопись о голоде, которую написал по материалам Пензенской области. Летом было заседание редколлегии в «Вопросах истории», где Данилов, тряся рукописью, кричал: «Вот, парень из Пензы привез нам уникальную статью о голоде 33 года, и мы будем ее публиковать». А когда я приехал, он мне

сказал: «Поступай в аспирантуру». Я ему отвечаю: «У меня направления нет, я беспартийный». «Ничего», — сказал он. И я собрал документы и подал заявление на конкурс в аспирантуру Института истории СССР.

С.Э. Какую Вам дали тему?

В.К. «Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья». Это был 1988 год.

С.Э. А почему «источников нет»?

В.К. Это же все было закрыто! А я еще и беспартийный! Но поскольку я раньше занимался опросом населения, мой наставник и коллега Владимир Васильевич Кабанов посоветовал мне самому создать источник. Я несколько лет ходил по деревням, записал около тысячи свидетельств из 102 деревень. Есть списки тех, чьи воспоминания я обработал. Это «Список свидетелей голода 32–33 годов в Поволжье и на Южном Урале, опрошенных автором в ходе социологического исследования». За книгу «Голод 32–33 годов в российской деревне», в которую частично вошли эти материалы, мне дали медаль «Лучшие книги России», учрежденную Всероссийским советом ректоров.

С.Э. Сколько времени это у Вас заняло?

В.К. Почти три года. Каждое лето по два месяца.

© Историческая Экспертиза, 2017
Кондрашин Виктор Викторович — доктор исторических наук, профессор Педагогического института им. В.Г. Белинского Пензенского государственного университета, член Совета Федерации (Пенза); vikont37@yandex.ru

С.Э. Три года Вы ездили по селам и записывали?

В.К. Да нет, просто ходил пешком. Заходил в деревни. Нужно было анкету разработать. Я спрашивал людей. У меня была бумага из Академии наук. Это целая история!.. В том числе и по моим «походам» было потом решение Политбюро ЦК Компартии Украины, потому что вышла статья «Операция голод» двух авторов, Сергея Заворотного и Петра Положевца¹. В феврале 1990 года, еще до развала СССР, они опубликовали огромную статью в «Комсомольской правде», где написали обо мне, что есть такой парень — Кондрашин, который не побоялся обвинить Сталина в организации голода. Вот так я сам создавал источники... Второй источник — это ЗАГСы. Я исследовал 65 архивов ЗАГСов пяти областей Поволжья. Я просто приходил туда и листал все книжки о смерти, о рождении с 1927 по 1941 год и искал, какие там записи есть о голоде. Второй том моей кандидатской диссертации с огромным приложением, где расписан анализ архивов по всем сельсоветам, анализ по причинам смерти. Была проделана огромная работа. Меня там даже чуть не убили два раза — по этому можно отдельную книгу писать... В Институте истории СССР я оказался в Секторе истории советского крестьянства и сельского хозяйства, потом он стал Центром истории крестьянства и сельского хозяйства, а потом уже — Группой по аграрным исследованиям Института российской истории РАН. Его руководителем был

¹ Комсомольская правда. 1990. 3 февраля.

Данилов. Мой научный руководитель и начальник. Под его руководством я подготовил кандидатскую диссертацию о голоде. В «Вопросах истории» была опубликована моя статья по этому вопросу. Вот таким образом начиналась моя карьера.

Кандидатскую я защищал в Институте истории. Это была первая за советский период защита, в которой говорилось о том, что Сталин искусственно организовал голод, обо всех преступлениях, связанных с этим. До этого подобное писали только в газетах. А тут вдруг академический институт!

С.Э. В каком году это было?

В.К. В феврале 1992 года... И вот, на защите сидят все старики, слушают и говорят мне: «Ну, зачем вы это написали? Да, понятно, что это все достойно, но все-таки для чего?! Неужели вы не понимаете?..»

С.Э. То есть они по инерции все еще продолжали бояться?

В.К. На голосовании — все-таки они специалисты! — все проголосовали «за», и только один человек смял и выбросил бюллетень. Он не мог сказать «против», потому что 65 архивов здесь, 102 деревни, плюс — все архивы стали открыты, мне форму № 2 сделали, чтобы был допуск к этим документам...

Я работал по международным проектам в Институте российской истории РАН, под руководством Данилова и в Московской высшей школе социальных и экономических наук, ректором которой был Теодор Шанин. Это

мой друг, мы с ним часто общаемся, пишем совместно статьи. К юбилею Шанина я написал несколько статей о нем. Шанин смог в организационной части поддержать материально аграрное направление. Он взял на зарплату Данилова, меня, других. У нас была группа архивистов и историков в Москве и в регионах. Были осуществлены, я считаю, выдающиеся проекты в области изучения аграрной истории России, посвященные истории Гражданской войны, истории коллективизации и истории советской деревни. В частности, такие проекты, как «Крестьянская революция в России», «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД», «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание». Продолжением стала серия в четырех томах «Голод в СССР», увидевшая свет под моей редакцией. Моя самая любимая книга из серии вышеназванных проектов, на которой, кстати, я потерял зрение: «Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине в 1919–1922 годах» (М.: РОССПЭН, 2006). Я участвовал в этих проектах в качестве составителя и автора комментариев.

С.Э. Поскольку идут постоянные дискуссии с нашими сталинистами, хотелось бы услышать Ваше резюме из работ по голоду. Сталинисты аргументируют тем, что причина голода — исключительно в жесткой засухе. Скажите, пожалуйста, в чем отличие голода 1932–1933 годов и в чем, на Ваш взгляд, вина Сталина лично и большевиков в целом?

В.К. В своей кандидатской диссертации я специально уделил огром-

ное внимание влиянию природных факторов и обратился за помощью в Обнинский институт сельскохозяйственной метеорологии. Доктор сельскохозяйственных наук Олег Дмитриевич Сиротенко, возглавлявший сектор сельскохозяйственной метеорологии, по моей просьбе восстановил погодные условия и среднюю урожайность, которая должна была бы быть тогда при сохранении уровня агротехники, характерной для 20-х годов. Стало понятно, что погода была неидеальная: допустим, в 1931 году была засуха, частично — в 1932–33. Но такой засухи, какая была, например, в 1921 году, когда все погибло, не было. То есть погодные условия усугубили уже присутствовавшие негативные процессы в организации сельскохозяйственного производства. В моей монографии есть глава: «Урожай вырастили, но не убрали». Из-за негативных последствий коллективизации и хлебозаготовок царили такой развал и неразбериха, что не удалось нормально организовать посевную, а потом и уборочную кампании. Так что в этом смысле погода — фактор, лишь усугубивший общую ситуацию. Но если бы не коллективизация, никакого голода, с точки зрения погодных условий, не было бы. Это однозначно! Локально были отдельные районы, где это присутствовало, но так, чтобы повсеместно — нет!

С.Э. Вы хотите сказать, что повальной смертности это вызвать не могло?

В.К. Нет, по этому поводу вообще никакой смертности не было. В первом томе двухтомника

«Экономическая история России» есть моя большая статья, которая называется: «Голод в истории России». Я изучил все до одной голодовки, проверил их, сравнил. У нас само понятие царь-голод появилось в 1891–92 годах, когда наступил первый массовый голод и когда действительно голодали 35 миллионов. А до этого, в 1870-е годы, был голод, связанный со строительством железных дорог в зерновых районах, когда стали вывозить хлеб. И первый организованный голод был результатом рыночных отношений, связанных с политикой И. А. Вышнеградского, который говорил: «Не доедим, но вывезем».

Погода, да, не была идеальной, но она и не была катастрофической, чтобы привести к какому-то массовому недороду. Недород был из-за развала сельскохозяйственного производства, ставшего результатом коллективизации. Плохо сеяли из-за недостатка лошадей, зерна, недобросовестной работы, плохого сбора урожая, небрежной прополки, плохой работы техники, недостатка специалистов и т. д. Тут целая цепочка! В сборнике документов «Голод в СССР» у меня была показана вся динамика развития ситуации и того, как нарастал кризис. Он начался, я считаю, в 1929 году и, усугубляясь, достиг своей кульминации в 1932 году, когда, по сути, наступил развал сельскохозяйственного производства, и его результатом стало массовое бегство крестьян из деревень, повсеместное воровство и недобросовестное отношение к труду колхозников. Бессмысленно было хорошо работать, если тебе ничего не платили; люди не могли

нормально работать из-за того, что лошади были слабые, техника была не на высоте, специалистов не было. Полная неразбериха. Это был очень глубокий кризис. И он был результатом политики, проводимой сверху, а не действий или бездействия крестьян. Другое дело – слабые колхозы, где все разворовали, все развалилось и где по этим причинам даже самая небольшая засуха давала о себе знать... Кроме того, в 1932 году на Кубани все лето шли дожди – какая уж там засуха?!

С.Э. Если сравнивать по смертности голод 1891 года (когда действительно была сильная засуха) и голод 1932–33 годов: какая смертность была при царе и какая смертность была при Советской власти?

В.К. 500–600 тысяч человек при царе. А в 1933 году – по нашим сведениям – до 5 миллионов.

С.Э. Это по всей территории СССР?

В.К. Да, по всей территории. По официальной сталинской статистике указывалось до 3 миллионов. Об этом написано в третьем томе «Голод в СССР». В нем дан огромный библиографический раздел, там две позиции – Стивена Уиткрофта (главного демографа на Западе) и Валентины Борисовны Жиромской из Института российской истории. Мы опубликовали все аналитические записки, опубликовали результаты исследования Уиткрофта по технологиям, основанным на первичных материалах текущего учета ЗАГСов. У меня есть большая статья, огромный раздел:

«Документы в российских архивах о трагедии Советской Украины в 1932–33 годах» в книге «Украинцы и голод». Мой друг Валерий Федорович Солдатенко, бывший директор Института национальной памяти в Киеве, издал эту книгу как раз накануне украинского майдана. В этой статье я буквально шаг за шагом дал подробный анализ происходившему на Украине. Поэтому с точки зрения остроты голода и последствий, конечно, голод 1933 года был ужаснее. Почему в 1891 не было таких последствий? Потому что, как бы мы там ни говорили, но были созданы соответствующие комитеты. Есть такой американский историк Ричард Роббинс, написавший о голоде 1891–92 годов. Так вот, Роббинс критикует губернаторов, которые до последнего пытались скрывать масштабы бедствия, и земства, у которых были с этим проблемы. Но весной в конце концов был остановлен экспорт хлеба, началось оказание помощи, крестьянам разрешено было уходить из пострадавших районов, были введены все формы поддержки населения — общественное питание, помощь нищим. Поэтому тогда это не приобрело таких масштабов. А в 1933 году проблемы были связаны с тем, что в эпицентре голода оказались очень большие зерновые районы, где проживали миллионы. Допустим, Украина, где 27–30 миллионов населения. Представляете! Огромная житница, оказавшаяся в разрухе в результате коллективизации. Плюс введение законов о блокаде! Если брать другие районы, то там были запрещены многие традиционные методы выживания крестьян в условиях голодных катастроф.

С.Э. Им запрещали уходить со своих мест?

В.К. Именно. Была запрещена миграция. Они, конечно, тоже пытались уходить, но из-за этого возникали определенные проблемы. Несвоевременно оказывалась помощь, потому что местные власти старались замалчивать имевшие место факторы. Но самое главное то, что центральная власть не признала сам факт голода. Я всегда пишу по этому поводу. Я считаю, что самым мерзким было то, что власть могла бы признать факт голода в стране, сказав, что голод был, например, результатом вредительства, скажем — навредили кулаки, враги народа, американский империализм и т.д. Можно было организовать помощь. В третьем томе, в разделе «Международная реакция на голод в СССР» я писал об этом... Во Франции у меня тоже вышла книга о голоде 1932–1933 годов в СССР. Я также давал интервью на эту тему на «Радио Франс» и в их главном журнале по книгам. В начале майдана меня приглашали выступить украинцы. Жена меня не отпускала, говорила — тебя там убьют, хоть и уважают. Я не поехал. Но я отправил на последнюю конференцию во Львов статью о деятельности украинских и зарубежных общественных организаций в период голодных катастроф, о том, как они пытались организовать эту помощь. И то же самое пытались делать русские организации, Керенский, например, русская эмиграция очень активно старались помочь. А у нас в это время факт голода отрицался. Тогда Лига наций решила рассмотреть этот вопрос, но под давлением

России Англия и Франция отказались, и все это передали в Международный Красный Крест. По уставу Международного Красного Креста, он мог действовать при получении согласия своего филиала на территории СССР. А оттуда ответили, что никакого голода у нас нет.

С.Э. То есть даже отказывались от помощи?

В.К. Более того, в самой стране было запрещено оказание помощи. Хотя выделялись ссуды, была проведена посевная кампания, но то, что нужно и можно было сделать, например перераспределить ресурсы, не было сделано. Когда в марте 1933 года Сталин выступал на съезде колхозников, он говорил, что все эти разговоры о голоде — болтовня, что на самом деле, напротив, наши колхозы стали зажиточными. А еще проводилась циничная пропаганда: колхозников заставляли писать письма в газеты, что они сыты и едят вдоволь. И в газетах печатались эти самые многочисленные статьи в то самое время, когда на самом деле ели людей и на Украине, и в России. Поэтому, конечно, здесь налицо вина власти. И отрицать это невозможно. Да, конечно, Сталин не хотел кого-то специально уморить, тем более Украину. Именно в Украине тогда начали индустриализацию. Какой смысл было заводы строить, чтобы потом там их всех уморить?

С.Э. Значит, Сталин не организовывал репрессии по этническому принципу?

В.К. Вы знаете, я специально искал документы, где бы он говорил: «Эти

проклятые хохлы!» и т. д. Но я не нашел ни одного.

С.Э. Выходит, репрессивные меры были одинаковые, что в отношении Украины, что в отношении Поволжья?

В.К. Просто давили там, где был хлеб. Вот и все. Ну а поскольку Украина — это огромные территории, житница, то там, естественно, эти процессы были очень мощными. Спецификой Украины было наличие местного автономного руководства. В то время было два политбюро — Политбюро Украины и общее. И Станислав Косиор был, по сути, хозяином Украины, он всячески пытался первым построить социализм. Когда в апреле 1932 года Сталин написал письмо Косиору, спрашивая, есть ли на Украине голод, Косиор отвечал, что никакого голода нет. У меня есть статья об этом: «И. В. Сталин и голод 1932–1933 гг. в УССР: проблема ответственности Центра и республиканского руководства» в журнале «Крестьяноведение». Я считаю, что ответственность тут лежит на руководстве Украины, которое пыталось решать этот вопрос самостоятельно. Поскольку Косиор был наставником Кагановича, а Каганович был ответственным за сельское хозяйство, последний его всячески покрывал.

С.Э. Каганович в это время был на Украине?

В.К. Нет, Каганович уже был в Москве секретарем ЦК и курировал сельское хозяйство по поручению Сталина. Все конфликты с Украи-

ной он пытался сглаживать. Сталин вообще хотел отправить Кагановича на Украину вместо Косиора, но тот отказался, отстояв Косиора, заверив Сталина, что все будет в порядке. У меня собраны документы, по которым видно, как в конце 1932 года украинское руководство лезло из кожи вон, чтобы любой ценой выполнить план. Но Сталин все равно отправил туда своих людей — Постышева, Молотова. Очень важен тот факт, когда именно Сталин впервые узнал о том, что на Украине голод! В январе-феврале Киевский обком и местные власти обсуждали, как за две недели решить проблему голода, поставить всех на ноги. И уже когда Менделя Хатаевича назначили секретарем Днепропетровского обкома партии в начале марта 1933 года, он писал Сталину, что весь его стол завален письмами о фактах людоедства. Это письмо попадает к Кагановичу, Каганович передает Косиору. Косиор через два дня пишет Сталину, что он преувеличивает и что на самом деле Днепропетровская область получила помощь и т.д. То есть была такая бюрократическая канитель, связанная с последствиями диктатуры, установившей жесткий курс на единообразии, тупое исполнение. Начали давить и давили до тех пор, пока не стало ясно, что если и дальше будут давить, то действительно вымрут все.

С.Э. Они боялись признаться начальству, чтобы их не сняли с должностей?

В.К. Нет, Косиор просто хотел доказать, что сам способен решить все. Но если брать в целом историю

по регионам, то становится видно, что там, где был товарный хлеб, необходимый для нужд индустриализации, там использовались очень жесткие меры насаждения колхозов и проведения государственных заготовок продовольствия, невзирая на последствия. Кроме того, Сталин всегда писал, что у нас нет никакой засухи. И тут вдруг — надо снизить план! А как снизить план? Они снижали планы, но в последний момент, и не объявляли, что план на самом деле снижен, чтобы выжать из людей насколько можно больше. И тогда, когда становилось понятно, что большего уже не получить, тогда и снижался план. Это была такая система выжимания соков из деревни ради индустриализации. Поэтому последствия были непредвиденными. Они не думали о том, что крестьяне не будут работать задарма. Они думали, что выдумают культурную революцию и все пойдут работать за «палочки» добросовестно или, по крайней мере, не хуже, чем раньше. Но оказалось, что нет! Крестьянское сопротивление — оружие слабых. Есть такая теория у Джеймса Скотта — «Оружие слабых» — моральная экономика, там все об этом написано. У меня в Германии вышла статья «Стратегия и тактика выживания крестьян в условиях голода». Она универсальна везде. И с ней у нас здесь столкнулись коммунисты в то время. Крестьяне не идиоты, чтобы добросовестно за гроши умирать на работе.

С.Э. Они тогда забили весь скот?

В.К. Ну, свой личный, конечно, забили. А те, кто не забили, у кого

что-то оставалось — только за счет этого и жили. Компромиссом стало то, что в 1933 году Сталин фактически разрешил иметь коров, поставив задачу борьбы с бескоровностью колхозников, а в 1935 году — когда уже стало понятно, что колхозники иначе работать не будут — или все перемрут, или сбегут, — членам сельхозартелей разрешили иметь личное подсобное хозяйство, зафиксировав это в Уставе сельскохозяйственной артели. Личные подсобные хозяйства стали источниками выживания. Это было трагедией советской деревни — деревня становилась источником бесперебойного снабжения государства сырьем, и, по сути, установилось самое настоящее крепостное право. Как они называли — ВКП(б) — «второе крепостное право большевиков». А еще Торгсин расшифровывали как «товарищи, опомнитесь, Россия гибнет, Сталин истребляет народ».

С.Э. Народная расшифровка?

В.К. Я недавно был в Петербурге на конференции по истории сталинизма, посвященной культуре. У меня был доклад «Крестьянский фольклор о Сталине и колхозах». У меня собраны в книгу пословицы и поговорки, частушки, анекдоты о том времени, о Сталине, о Ленине.

С.Э. Вы собирали их, когда ходили по селам?

В.К. Да. Это все, безусловно, интересно. В нашей историографии есть уже выводы, которые вряд ли будут подвергнуты сомнению, даже и сталинистами. Но в принци-

пе, у каждого есть своя история, и они — в этом смысле — могут ее пропагандировать. Но нельзя отрицать факт того, что для советской деревни это стало трагедией! Потому что было разрушено производство, погибли миллионы совершенно невиновных людей! Отношение к Сталину и к советской власти в деревне в то время было резко негативным. Это уже во время войны авторитет вырос.

С.Э. К слову, вот факты из моей семейной памяти. Я родом из Молдавии, брат моего деда рассказывал, как он работал грузчиком на железной дороге, как раз в 1932–33 годах. В то время это была территория Румынии. Он рассказывал, что тогда они получали пшеницу, подписанную «Излишки СССР». Что Вы об этом знаете?

В.К. Торговля шла. Хлеб вывозили, об этом все знали. Но вот писали ли такие вещи — не знаю. Для чего нужно было бы это писать?

С.Э. Возможно, в целях пропаганды?

В.К. Во всяком случае, я такого не слышал. Думаю, что это могла быть как раз какая-то контрпропаганда.

С.Э. Другой вопрос — голод 1946 года. О нем в Молдавии помнят, многие об этом рассказывали. А, скажите, на другой части, которая была в составе СССР уже давно, были ли смерти во время этого голода?

В.К. Были.

С.Э. А сколько человек погибло?

В.К. На этот счет приводятся разные данные. Главным специалистом у нас, защитившим докторскую диссертацию на эту тему, является Вениамин Федорович Зима из Института российской истории. И книга об этом есть. Коллеги из Украины публиковали об этом серию сборников. Есть моя статья, опубликованная, кажется, в Стэнфорде на английском языке, она называется: «Голод 1932–33 годов и голод 1946–47 годов в России и Украине — общее и особенное». Если говорить об общих потерях, то в 46–47 годах умерли до 1 миллиона человек. Но разница была в том, что в годы войны и в послевоенный период была хорошо налажена противоэпидемическая система. Кроме того, мы получали значительную продовольственную помощь от союзников.

С.Э. Во время голода 1946 года?

В.К. Да. Особенно Белоруссия и Украина — как члены антигитлеровской коалиции, пострадавшие от нацизма. То есть не от голода, а именно от нацизма. Они получали тогда эти посылки в огромных количествах. И поэтому дети, больницы, определенные категории бюджетников получали продовольственные пайки; плюс было хорошо налажено медицинское санитарное обслуживание — выдавались порошки, медикаменты для поддержания здоровья. Но были анклавов, такие как Молдавия, которые, видимо, из-за того, что были менее включены в советскую систему, не попадали под эту систему распределения. Там были факты людоедства... У ме-

ня была интересная история на выступлении во Львове. Во время моего доклада встает украинский представитель и говорит: «Впервые из уст русского историка мы услышали добрые слова в адрес ООН УПА». Я сижу и думаю: «Ну, все, хана мне!» А что такое я сказал? Да только то, что в 1946–47 годах на Западной Украине не было засухи. Там дожди лили. А еще там шла гражданская война с «зелеными». Это была история, схожая с Антоновским мятежом в Тамбовской губернии. Поэтому, когда шли бои, продотряды просто не работали. И туда за продуктами шли люди из Белоруссии, из Смоленска, из окрестностей. Там они их получали. То есть именно в этом заключалась особенность — не все районы пострадали от той страшной засухи. Хотя засуха была очень серьезная!

С.Э. Но смерти были не только на Украине, но и в РСФСР?

В.К. Да, меньше, но частично были.

С.Э. Около миллиона погибших от голода 1946–47 годов — это официальные данные?

В.К. Ну, это по мнению В. Ф. Зимы, который смотрел статистику. А так, по официальным данным, считается около 600 тысяч. Дело в том, что это был уже не 1933 год, никто никого не прессовал, все это признавалось официально, централизованно кормили детей. А умирали ослабленные и одиночники, которые не были задействованы в какой-либо государственной системе. Их было достаточно много, в том числе и в Молдавии.

С.Э. В Молдавии было более 100 тысяч по официальным данным.

В.К. Мой приятель Бомешко написал докторскую диссертацию как раз об этом. Так что это были абсолютно разные голодовки. Это был результат действительно страшной засухи и войны. Это усугублялось тем, что, по крайней мере, в 1946 году проводили заготовки, вывозили хлеб для Франции и особенно для Германии. Эти материалы публиковал Рудольф Германович Пихоя в своей книге «Советский Союз: история власти 1945–1991». Там он приводит все данные об экспорте продовольствия.

С.Э. Во время голода все равно продолжали экспорт продовольствия?

В.К. Да, в Германию и в Восточную Европу. И если бы не завозили, то там была бы большая смертность. И даже в Англии. Мой друг Стивен Уиткрофт вспоминал, что, когда он был маленьким, в Англии был очень сильный голод. Это была общая европейская трагедия. Засуха по показателям была такая же жестокая, как в 1891 и 1921 годах.

С.Э. Еще один вопрос: мы понимаем, что коллективизация привела к тяжелым последствиям и, если говорить о дальней перспективе, вообще подорвала русское крестьянство. А какие были альтернативы? Сталин начал ускоренно развивать колхозы по той причине, что крестьяне не хотели продавать хлеб. А как можно было по-другому решить этот вопрос?

В.К. Я много об этом писал. И в многотомнике «Голод в СССР» указывал эти альтернативы. Дело в том, что если подходить с точки зрения политики, то альтернатива, конечно же, была. Это предложения так называемой правой оппозиции — сбалансированный вариант, сокращение ускоренных темпов индустриализации, перераспределение ресурсов, предлагалась закупка продовольствия в условиях кризиса. То есть главным был баланс расходов на то и на другое. И их вариант был приемлемым. Но там возникла другая проблема. Дело в том, что у нас в 1928–1929 годах начались многочисленные стройки. Завезли кучу инженеров, начали строить заводы, Днепрогэс. И вдруг — мировой экономический кризис и засуха 1929 года. У нас проблемы начались еще с 1927 года с погоды и кризиса хлебозаготовок. В этой ситуации вводят карточную систему, и образуется дефицит бюджета на строительство. Возникает дилемма: заморозить все стройки и закупить продовольствие (это предлагали Бухарин и Рыков), но это реально остановило бы строительство. Что было в это время на Украине? В 20-е годы там начался кризис — безработица в деревне, очень низкая товарность и производство. На эту тему есть книга Сергея Альбертовича Есикова «Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации» (М.: РОССПЭН, 2010), где он на материалах Центрального Черноземья показывает развитие сельского хозяйства с начала XX века и до коллективизации, а также кризис крестьянского хозяйства, снижение товарности и эффектив-

ности производства, то есть серьезную стагнацию к концу 1920-х годов. Когда встал вопрос о том, что делать в условиях кризиса хлебозаготовок, одним из вариантов стало предложение закупить продовольствие за рубежом. Но по нашим исследованиям стало ясно, что того продовольствия хватило бы на три месяца — на большее не было валюты. И в этих условиях остановились бы стройки. Многие, особенно на Украине, покидали стройки. Я стал исследовать, почему в 1930-м году стали массово загонять людей в колхозы. Оказывается, государству просто нужна была валюта, так как нам никто не давал кредиты. В моей статье «Хлеб в обмен на валюту и станки. Об источниках советской индустриализации» говорится о том, что государству нужно было заплатить за пять генераторов для Днепрогэса, нужно было оплатить работу инженеров, и для этого необходимы были «быстрые короткие деньги». А где их можно было взять? Только продав хлеб. Одним словом, наше государство предложило такую операцию — хлеб в обмен на валюту. Мы даем хлеб, они нам валюту, потом на эту валюту мы делаем у них обратные заказы, и начинается взаимовыгодное сотрудничество. Самое главное — Сталину нужен был хлеб одного-двух урожаев, для того чтобы его сразу продать и получить быстрые деньги. Я пытаюсь добиться доступа к информации об этих конкретных операциях. У нас они до сих пор закрыты — ВнешЭкономТорг засекречен. Когда я делал сборник по голоду, я хотел увидеть, как это все было организовано. Одна из задач исследований в этой области —

показать механизм международного экономического взаимодействия между Советским Союзом и Западной Европой в период экономического кризиса. По ряду документов видно, как СССР начал диктовать свои условия. Сталин пишет открытым текстом, что если, например, Италия не согласится на наши квоты по закупке зерна, то мы не будем выполнять условия по промышленным заказам, а это в свою очередь повлечет за собой остановку работы их заводов, предприятий и т.д. Говоря об альтернативах, можно сделать выводы, что ситуация нарастала и в нее втягивались. Полагаю, что еще в 1929 году Сталин не думал о том, что массовая коллективизация будет в 1930-м. Все это было решено неожиданно, резко. И это было результатом отсутствия валюты и средств для продолжения индустриализации, которая уже шла. Можно было, следуя предложениям правых, приостановить строительство, распустить рабочих, инженеров, закупить хлеб, всех накормить, но дальше будет то же самое... Могли кто-то сменить Сталина после того, как он уже победил в борьбе за власть? Вряд ли!

С.Э. Ну, он и не отдал бы власть!

В.К. Поэтому альтернативой была такая наивная идея. Я работал с Михаилом Львовичем Левиным, который написал книгу «Последняя борьба Ленина», где он выдвигает предположение, что если бы Ленин был жив, то его вариант был бы более мягким, и, возможно, что мы могли бы не допустить такого развития событий, как оно произошло, учитывая именно практическую

деятельность Ленина в последние годы, когда он предлагал нэп, различные меры по развитию кооперации и т. д. Он же не был сумасшедшим, когда писал свои последние письма! Он выдвигал в них вполне здравые идеи. Недавно я общался с Таисией Михайловной Китаниной — нашим ведущим специалистом по хлебной торговле и экономике дореволюционной России: она считает, что идея кооперации при союзе с бизнесом и государством — это модель шведского социализма, и Россия вполне могла пойти по этому пути. Интересный факт, что в условиях гражданской войны рассматривался вариант сотрудничества и совместного производства и управления экономикой с А. И. Путиловым. Там были серьезные дебаты на эту тему. Мне кажется, что основная трагедия страны была в том, что во главе государства оказался такой человек, как Сталин.

С.Э. В том смысле, что ускоренные темпы индустриализации были неверным решением?

В.К. Когда они начинали, это было нормальным решением. Если почитать материалы XIV–XV съездов, там ни слова не было ни о насильственной коллективизации, ни о раскулачивании, ни о таких бешенных темпах индустриализации!

С.Э. То есть решение реальных вопросов подменялось борьбой за власть?

В.К. Никто не хотел, чтобы было хуже, все хотели строить заводы и т. д. Если читать полемику между правыми и сталинистами, они писа-

ли: «Будьте вы прокляты, лучше мы построим еще один завод, чем пойдем у вас на поводу!» Я думаю, что здесь еще решающую роль сыграла победа Сталина в борьбе за власть. И его победа не оставляла никаких альтернатив, кроме альтернативы реагирования силовыми методами на возникшие экономические проблемы. А его реакция на крестьянское сопротивление, на развал сельского хозяйства была чисто силовой административной. И то он понял, что необходимо идти на уступки, и признал так называемый «неонэп» 1933 года. И на самом деле дальше пошло какое-то развитие. В 1937 году был очень хороший урожай. А накануне войны у нас были «миллионеры», которые даже могли покупать самолеты и танки.

С.Э. У меня к Вам вопрос как к государственному деятелю, связанному с историей и наукой: в России в университетах и при царе, и даже в советское время формально существовали академические свободы, были выборы и т. д. Остались ли сейчас еще где-то выборы ректора, выборы деканов?

В.К. Они остались, но после согласования с министерством.

С.Э. Это не совсем реальные выборы. Может быть, есть смысл восстановить университетскую автономию для развития науки и образования?

В.К. Я считаю, что самое главное — предоставить возможность трудовым коллективам выбирать ректора. Если человек достоин, то не нужно искать поводы не допу-

скать его до конкурса. Сейчас придумали условия, затрудняющие и даже не позволяющие осуществлять это право. Формально выдвигаются несколько кандидатур, которые утверждает министерство. Или не утверждает. Почему? Потому что у кандидатов, например, нет диплома об образовании по управлению, нет определенного стажа и т. д. Иными словами, отсекают альтернативные кандидатуры на должность ректора. Кроме того, сверху назначают исполняющего обязанности ректора, и тот готовит избирательную кампанию под себя. Конечно, в этом случае никакой реальной автономии нет! По моему мнению, ректором университета должен быть уважаемый ученый, авторитетный человек, которого действительно уважают. Он может быть даже не из этого университета. В нынешней ситуации все вузы и университеты поставлены под жесткий контроль. Все ректоры – «временно освобожденные от увольнения люди». Над университетами и преподавателями установлена мелочная опека, которой никогда не было. Это, конечно, безобразие! Радует, что новый министр образования и науки тоже об этом сожалеет и считает, что проблему нужно решать... В Пензе в октябре 2014 года было педагогическое совещание, на котором присутствовал Президент В. В. Путин. Много говорилось о бюрократизации школы и вузов, но, к сожалению, почти ничего не изменилось. Как же изменить ситуацию и пойти на какие-то перемены? Я думаю, что в рамках ныне существующей политической ситуации это невозможно. Потому что существует главный тренд – это управляемая система

в условиях экономического кризиса и западных санкций. В данном контексте следует напомнить, что университеты всегда являлись очагами свободомыслия, оппозиционных настроений, особенно в условиях политических кризисов. Ну а сейчас можно ли говорить о политическом кризисе? Последние выборы показали, что нет. Народ смирился с нынешней ситуацией и никакой реальной альтернативы власти в этих условиях не видит. Нет у нас таких сил, кроме партии власти и ее союзников, которые могли бы взять на себя ответственность за судьбы страны. Может быть, в Москве чуть по-другому, где собрана значительная часть интеллигенции. И то последние выборы подтвердили общую тенденцию в стране. А если брать регионы, то там альтернатив вообще нет. Поэтому поэкспериментировать и пустить в свободное автономное плавание университеты вряд ли целесообразно. Главная проблема в том, что министерства – это учредители, определяющие объем финансирования вузов. И автономия сама по себе хороша только тогда, когда есть экономические свободы и независимость. Но если университет находится на содержании у государства, какая там экономическая свобода в полном объеме?

С.Э. То есть нужно просто вернуть реальные выборы?

В.К. Они есть, просто проходят они, как правило, когда фактически выбирается только один человек, потому что других кандидатур нет. Но голосование проходит. Формально все действует. Но бывает

и по-другому, когда коллективы отстаивают своего кандидата и идут против решения министерства. Например, в Пензе проходили выборы в Сельхозакадемии. Из двух кандидатур власть поддерживала того, кого не избрали. Коллектив сумел отстоять своего кандидата. Так что есть и такие примеры. Но тревожит тенденция, когда министерство продавливает на должность ректора людей, недостаточно авторитетных в данном вузе. Знаете, как выбирают ректора в Японии? Я работал в университете Тохоку г. Сэндай, где ректора выбирает узкий круг лиц, это представители министерства — никакой демократии.

С.Э. Избирает ученый совет?

В.К. Не ученый совет, а специальная комиссия из представителей министерства... Поэтому я думаю, настоящая автономия более подходит для частных крупных университетов, где очень мощная система попечительства, благотворительности, реноме и где просто так кого-то протолкнуть туда не получится. А вот в государственных вузах практически по всем странам такая же система, как у нас. В Китае, например, до сих пор партторги сидят на руководящих должностях в вузах. У нас еще не самое худшее. Самое худшее, когда шла оптимизация и искусственно присоединяли одни вузы к другим, из-за этого страдали научные школы, увольнялись люди, не береглись должным образом кадры. Вот тут были допущены ошибки! Я, как сенатор, иногда занимаюсь тем, что звоню ректорам, прошу помочь заслуженным ученым, профессорам, чтобы их не уволили,

дали работу. Недавно один ректор мне сказал: «Вот, мы устроили вашего замечательного крупного историка заведующим музеем в нашем университете».

С.Э. И последний вопрос: Вы остаетесь историком, продолжаете участвовать в конференциях — какие дальнейшие творческие планы?

В.К. Планов очень много. Я остаюсь заведующим кафедрой в университете в Пензе, кроме того, я руковожу Центром экономической истории в Институте российской истории РАН, являюсь главным специалистом Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории. Если говорить о конкретных планах, то сейчас я осуществляю проект, который называется «Политбюро ЦК ВКП(б) и проблемы “вредительства” в сельском хозяйстве СССР в 1930–1940-е годы». Проект делается по документам Архива Президента Российской Федерации. С моим коллегой Олегом Борисовичем Мозохиним мы почти подготовили книгу «Политотделы МТС». Дальше у меня есть планы больших проектов в Институте российской истории РАН по экономической истории с участием специалистов и коллег из разных регионов. Это такие проекты, как «Экономическое освоение России», «Продовольственный вопрос и продовольственная безопасность в истории России», «Национально-региональный аспект в экономике». У меня еще есть большое желание сделать к 2020 году сборник документов по рассекреченным до-

кументам Архива Президента Российской Федерации под названием: «Советская деревня и сельское хозяйство СССР накануне и в годы суровых испытаний» — два тома в четырех книгах. Первая книга «Аграрные реформы в Прибалтике и Западной Украине и Белоруссии», второй том «Советская деревня накануне суровых испытаний», третья книга «Советская деревня в оккупации» и четвертая книга «Сельское хозяйство СССР в годы войны». Мы рассекретили в архивах Президента уже около 125 дел. Это очень важная тема! Очень перспективным направлением может быть работа в Российском государственном архиве социально-политической истории, где я планирую подготовить сборник документов «Военная переписка Л. Д. Троцкого как исторический источник по истории Гражданской войны в России». Также я надеюсь на поддержку директора Российского государственного архива экономики Елены Александровны Тюриной по изучению истории СЭВ, влияния СЭВ на экономику Советского Союза. Планов много! Я выпустил книгу «Исто-

рики-аграрники России». Выпуск первый у меня был, я хочу сделать второй выпуск и написать о моих коллегах, которые занимались этой историей. В первом выпуске у меня были очерки о Викторе Петровиче Данилове, о Н. Я. Гущине, Н. А. Ивницком, И. Е. Зеленине о многих других историках. Книга вышла в Праге. Я хочу сделать такую историографическую серию об этих людях. И еще я мечтаю, что в конце концов будет написана «История коллективизации в СССР», академическое издание. Этим тоже можно заниматься. Плюс еще в своей родной Пензе я буду по мере сил продолжать документальную историю Пензенского края. Первый выпуск в двух томах у нас уже был: «Пензенская губерния в годы Первой мировой войны», а сейчас мы готовим книгу «Пензенская губерния в годы Гражданской войны. Том первый. 1918 год». Это большой шанс показать возможности регионального архива в изучении общих серьезных тем. Я все-таки во многом историк-публикатор, всю жизнь публикую документы и рассчитываю этим заниматься и дальше.

V.V. KONDRASHIN INTERVIEW

Kondrashin Viktor V. — doctor of historical sciences, professor, V. G. Belinsky Pedagogical Institute of the Penza State University, member of the Federation Council (Penza)

Полный текст интервью размещен на сайте журнала «Историческая экспертиза»
www: istorex.ru

ИНТЕРВЬЮ М. В. ЕЛИФЕРОВОЙ

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э. Расскажите о себе, в том числе почему решили заниматься научной деятельностью, о ваших учителях, о вашей научной карьере.

М.Е. Жизненные пути людей бывают весьма извилисты. Такие случаи, как с Джеральдом Дарреллом, который уже в детстве знал, что хочет работать в зоопарке, все же в реальной жизни большая редкость. Филологом быть я однозначно не собиралась, если и думала о научной карьере, то в области биологии. Вообще по окончании школы очень мало кто сознательно выбирает специальность – выбор складывается из моды, желания родителей, оценки возможности реально поступить и местоположения вуза. В общем, так сложились обстоятельства. Я оказалась на историко-филологическом факультете РГГУ, даже не зная толком значения слова «филолог». А потом втянулась. Не последнюю роль во «втягивании» сыграло мое (наивное) убеждение, что работа на кафедре обеспечит мне покой и стабиль-

ный прожиточный минимум. В то время были очень популярны сетования, что молодежь не идет в науку, а хочет торговать и зарабатывать тысячи долларов. Я приняла это все за чистую монету и вообразила, что мне в науке будут очень рады. Впоследствии жизнь внятно разъяснила мне, что я заблуждалась.

Теперь об учителях. Боюсь, я не могу похвастаться тем, что мне довелось учиться у каких-то харизматичных знаменитостей. Хотя в годы моего студенчества были живы и преподавали такие люди, как А.Я. Гуревич, М.Л. Гаспаров, Г.М. Дашевский, я их даже в лицо практически не видела. С Л.М. Баткиным свела шапочное знакомство уже после аспирантуры. Занятия вели у нас в основном совсем другие люди. А самые яркие семинары – по древнерусской литературе – у нас вел преподаватель, у которого это вовсе не основная специальность.

И все же я считаю, что с образованием мне повезло. Неверно измерять успешность учебы только лишь наличием «замечательных учителей». Семинар, которым руководит яркий харизматик, выглядит достижением, только пока руководитель жив. Но руководители-то не вечны.

© Историческая Экспертиза, 2017

Елиферова Мария Витальевна – кандидат филологических наук, редактор электронного междисциплинарного журнала европейских исследований VALLA (Москва); meliferova@yandex.ru

А в науке важна воспроизводимость среды. И вот это, на мой взгляд, в РГГУ времен моего студенчества было. Нам буквально на пальцах разъясняли, как делается научное исследование и чем работа гуманитария отличается от простого переписывания «нужных» абзацев из книжек. Я до сих пор благодарна своим преподавателям за то, что из меня усиленно выбивали привычку начинать предложения словами «Известно, что...» или «Ученые установили...». На меня набрасывались: «Откуда известно? Какие именно ученые установили? А ссылку?»

Мой путь в науке оказался тоже зигзагообразным. Я еще на первом курсе поняла, что хочу заниматься западно-европейским средневековьем, но я человек увлекающийся и позволила себя отвлечь сначала на Шекспира, а потом на проблему рецепции Шекспира в России пушкинской эпохи. В результате это создало мне кучу проблем, в том числе совершенно неакадемического характера. Защитив кандидатскую, я решила все же вернуться в эту сферу. Зажала себя в кулак и самостоятельно принялась учить среднеанглийский, древнеанглийский, древнеисландский и немецкий, читать источники в оригинале. Вообще, широкая сфера интересов в науке создает много проблем. Сейчас как? Ученый столбит себе делянку, например «Гимназический период творчества Васи Пупкина», и окапывает ее всю жизнь. А мне это чуждо совершенно. Я часто пишу статьи о том, что мне интересно в данный момент. Поэтому меня считают то специалистом по детской литературе (из-за того, что я в одной статье рассматривала частную про-

блему перевода на примерах из детской литературы), то специалистом по Свифту (по которому я всего-то один популярный очерк написала). Но мало кому известно, например, что я еще в 2006 году перевела отрывок из среднеанглийской поэмы «Видение о Петре Пахаре», текста, который у англичан считается классикой, а у нас его почти не знают. Перевод есть в Интернете¹. (Там есть неточности в комментариях, сейчас я уже кое-чем недовольна.) На каком-то этапе для меня было очень важно преподавание. Самой большой своей удачей считаю разработку курса для магистрантов «Междисциплинарность как принцип гуманитарного знания», который я вела с 2011 по 2015 год.

С.Э. Для чего вы решили создать журнал Valla?² Есть у вас единомышленники в этом проекте? Можно ли назвать ваш журнал одним из примеров самоорганизации ученых?

М.Е. Вопрос на самом деле в точку, причем сразу в несколько больших точек. Изначально я не хотела создавать именно журнал. Моей идеей, возникшей около 2012 года, была база данных, которой бы владели сами ученые на кооперативных началах. Чтобы они сами публиковали там статьи и сами продавали их по доступной цене. Мне хотелось вывести ученых из дилеммы: недоступные статьи хороших журналов по 40 евро за электронную версию (причем сами авторы статей не получают ни гроша) или донкихотская идея

¹ URL: www.academia.edu/2446855/The_Vision_of_Piers_Plowman_Russian_translation_and_notes_.

² URL: www.vallajournal.com.

open-access, которая часто реализуется на практике в виде взимания платы за публикацию любой галиматии.

К сожалению, моя идея, высказанная на форуме газеты «Троицкий вариант», не встретила понимания. Общий смысл реплик, которыми она была встречена: раз ты такая умная, то сама и делай. В конце концов я решила делать журнал. Это публике оказалось понятнее. Мне удалось собрать стартовый капитал с помощью краудфандинга на портале Планета.ру³. Правда, приходится вкладывать и собственные средства — финансовый кризис и недооценка расходов затрудняют окупаемость.

Однако убедить людей делать что-то больше, чем внести сто или тысячу рублей на издание журнала, несоизмеримо труднее. То, что мне удалось собрать редколлегию и несколько десятков авторов, я считаю большой победой. Когда я собирала редколлегию, я с самого начала решила, что работать она будет на аутсорсинге. У нас нет офиса, нет собраний, от членов редколлегии не требуется решения каких-либо организационных вопросов — только рассмотрение рукописей статей, присылаемых по электронной почте. Потому что я понимаю — у авторитетных специалистов мало времени, они загружены по уши всякой деятельностью и без меня, а приглашать абы кого не хочется. И все равно приходилось в основном лично встречаться с людьми и уговаривать. На данный момент все отношения внутри журнала строятся на личном доверии, хотя я и считаю это неправильным.

³ URL: www.planeta.ru.

Так что к перспективам самоорганизации ученых я отношусь умеренно пессимистически.

С.Э. Какова концепция журнала, тематика, сколько номеров вышло, кто авторы? Каковы ваши научные планы, в каком направлении вы собираетесь развивать журнал?

М.Е. Вначале журнал задумывался как медиевистический, но я быстро от этой идеи ушла, и в итоге он стал журналом европейских исследований. Тематика посвящена европейской культуре того, что «Школа Анналов» определяет как «долгое Средневековье»: временного промежутка между античностью и XX веком. Этот период в современном восприятии видится как период «классической» европейской культуры, и вместе с тем он слабо отражен в отечественной периодике. До недавнего времени по этой тематике издавались только сборники и альманахи, журналов же и сейчас существует мало. Принципиально важный элемент концепции — интегрированность разных дисциплин. Речь не идет о том, чтобы под маркой «междисциплинарности» или «культурологии» публиковать околофилософскую эссеистику, как часто делают. Речь идет о том, чтобы предоставить общую платформу историкам и филологам, причем точками соприкосновения должны служить конкретные предметные вопросы. В частности, анализ исторических источников. Одновременно с этим мы отказались от деления истории культуры на «отечественную» и «всю остальную». Предметом служит общее географическое пространство Европы и лингвистическое пространство европейских языков. Если

у кого-то такое членение вызывает вопросы, то ведь оснований для него, по крайней мере, не меньше, чем для объединения Египта и Японии в сферу «востоковедения».

Политика журнала состоит в принципиальном противодействии «тусовочности» и в открытости для всех авторов независимо от их возраста, статуса и наличия ученых степеней и званий. Обязательное условие для работ, поступивших самотеком, — честное слепое рецензирование. Работа, написанная по заказу главного редактора, тоже может подвергнуться слепому рецензированию, если есть сомнения в ее научном уровне.

Среди наших авторов есть как известные специалисты международного уровня, такие как кельтолог Т.А. Михайлова, так и аспиранты, магистранты и независимые исследователи. Отметим, что независимые авторы могут пользоваться достаточно большой известностью и авторитетом в сфере своих научных интересов, как, например, О.Л. Губарев, который давно и успешно пишет о скандинавских контактах Древней Руси.

Журнал позиционирует себя как проект, независимый от институций и ориентированный на интересы читателя. На данный момент вышло шесть номеров, готовится в печать следующий.

M.V. ELIFEROVA INTERVIEW

Eliferova Maria V. — candidate of philological sciences, editor of the electronic interdisciplinary journal of European studies VALLA (Moscow)

С.Э. Как Вы считаете, сможет ли российская наука развиваться путем самоорганизации вне традиционных бюджетных структур?

М.Е. Хотелось бы надеяться, что сможет. Хотя наблюдения склоняют меня к пессимизму. Уровень патернализма среди российских ученых все еще велик. Например, меня бомбардировали в соцсетях просьбами подписать петицию о спасении альманаха «Одиссей». Мне нравится этот альманах, отличное издание, но ведь те же люди месяцем раньше агитировали меня не ходить на выборы, потому что это, дескать, фарс, и кто думает, будто своим участием на что-то повлияет, тот полный идиот. То есть в то, что их бюллетень на что-то повлияет, они не верят, а в то, что подпись под петицией повлияет — верят. Я предложила в «Фейсбуке» вместо петиций выяснить, сколько издательство «Наука» хочет за копирайт, собрать нужную сумму с помощью краудфандинга и выкупить альманах — никто не отреагировал даже.

Беда в том, что каждый уверен, будто плохое его не коснется, что уж он-то хороший и нужный, в отличие от всех этих лузеров. А когда коснется, будет поздно. Российской науке придется учиться самоорганизации, иначе она рискует не выжить вообще.

ИНТЕРВЬЮ А.А. ГЛУХОВА: «С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ АВТОНОМИИ, ТОЛЬКО САМ УНИВЕРСИТЕТ ВОЛЕН РЕШАТЬ, КАКИЕ СТРУКТУРЫ В НЕМ ИМЕЮТ ПРАВО НА СУЩЕСТВОВАНИЕ»

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э. Расскажите о Вашей научной карьере. Почему Вы выбрали именно философию и не пошли, скажем, в бизнес или на госслужбу?

А.Г. В моем случае говорить о научной карьере несколько странно, потому что большую часть своей жизни я занимался как раз тем, чтобы не делать никакой карьеры в науке. Я окончил математический и философский факультеты МГУ, аспирантуру Института философии. То есть вполне был готов к тому, чтобы начать научную карьеру. Не знаю, с чем это совпало — с общемировой ситуацией или с моей лично, — но в какой-то момент я понял, что не готов заниматься философией. Не люблю заниматься вещами, в которых не вижу смысла. И с философией я закончил.

С.Э. Какой это был год?

© Историческая Экспертиза, 2017
Глухов Алексей Анатольевич — кандидат философских наук, НИУ ВШЭ (Москва);
agloukhov@hse.ru

А.Г. Это было в 2000 году. В этот момент я как раз находился в Германии. Возможно, это тоже оказало свое влияние на мое решение. В Германии просто нет философии. Это факт. С моей стороны было, вероятно, немножко наивно приехать в страну, где все должно говорить о философии и вдруг обнаружить, что от философии собственно там ничего не осталось.

С.Э. Там нет философских факультетов?

А.Г. Как раз этого там сколько угодно. Сегодня в Германии нет прежней мощной философской мысли. Меня это разочаровало, и я потерял понимание того, зачем вообще этим заниматься. Спустя несколько лет я вернулся в Академию, когда понял, зачем мне это — для того, чтобы чего-то достичь. Я могу устроиться в жизни и не занимаясь философией. Поэтому все, что я делаю в науке, имеет для меня вполне серьезный смысл. Я вернулся в Академию только потому, что хочу че-

го-то достичь именно в области философии.

С.Э. Получается, что Вы вернулись в научную жизнь именно в тот момент, когда российские ученые столкнулись со стремлением государства сэкономить на науке.

А.Г. Говорить об ученых только как о бюджетниках, получающих зарплату наравне со всеми прочими людьми, мне представляется несколько неуместным. Получается, что многие наши коллеги выбирают не самую успешную в жизни стезю. Если вести речь только о том, какую зарплату они получают, они могли бы заниматься чем угодно другим в жизни. Поэтому разговор получается очень странным. Я очень уважительно отношусь к людям, занимающимся наукой, они хотят быть учеными. Но почему-то на первый план выходят вопросы, связанные именно с зарплатой. Я не говорю, что это не важно. Это важно, но во вторую очередь. Я очень приветствую профсоюзные инициативы. У нас этого нет, но это достаточно востребовано. Однако, на мой взгляд, этим невозможно ограничиваться. Более того, профсоюзные инициативы, связанные с экономическими требованиями, должны быть для ученых вторичными. Они не могут быть центром, вокруг которого консолидируется солидарность ученых. Здесь несколько причин. Во-первых, дело в истории нашей страны, в которой профсоюзное движение было извращено. У нас плохой профсоюзный исторический опыт. В Советском Союзе не было модели, функционирую-

щей в других странах. В СССР профсоюзы были элементом системы. Поэтому у нас нет опыта активной и эффективной профсоюзной работы, которая бы приводила к какому-то результату. И в этом смысле делать ставку лишь на экономическую профсоюзную солидарность ошибочно. Практически никто не понимает, как с этим работать. У нас не было исторического опыта успешной профсоюзной борьбы. Ни у преподавателей, ни у кого бы то ни было другого. В нашей стране нет подлинных профсоюзов. Получается, что мы играем в слова, за которыми ничего не стоит. Если будут успешные примеры того, как профсоюзы чего-то добиваются, возможно, это будет иметь больший смысл, чем сейчас. А сейчас у нас есть печальный опыт и нет позитивных результатов. Во-вторых, в этом случае между учеными и всеми другими категориями бюджетников и просто наемных рабочих нет никакой разницы. У нас абсолютно одинаковые требования, мы занимаемся абсолютно одинаковыми вещами в жизни. С одной стороны, это подкупает тем, что возникает некая общая солидарность всех трудящихся. И мы не выделяем себя как ученых среди других групп граждан. У всех те же самые проблемы — это некое сближающее нас равенство. Если говорить об общественном резонансе движения солидарности ученых, то нужно думать об этом равенстве. Однако, когда в нашей речи начинает доминировать такого рода логика, мы постепенно начинаем забывать и умалчивать о том, почему на самом деле занимаемся наукой. Ученый занимается наукой вовсе не потому, что хотел бы

быть таким же, как все остальные граждане нашей страны. Мы изначально хотели быть немножечко другими и всю жизнь сознательно к этому шли. У нас другие интересы. И мы ни за какие деньги не готовы от них отказаться. Тут возникает момент, когда нужно понять, что наша солидарность с другими частями населения должна строиться на солидарности внутри самого общества ученых. И разница в том, что внутри своего сообщества мы можем позволить себе — как мы это и делаем — говорить на понятном нам языке, немного отличающемся от языка, на котором разговаривает остальное общество. В своей среде мы говорим о стремлении к истине, и это никого не шокирует, напротив, это всех воодушевляет. По поводу истины существуют, конечно, различные философские взгляды, но сейчас речь не об этом. Общество состоит из разных частей, у каждой из которых свои интересы. Этот момент важен, потому что диктует нам иные принципы организации солидарности ученых. Профсоюзная солидарность вынуждает нас отказываться от всех тех милых нашему уху слов и способов выражения, которые приобретают осмысленность лишь в жизни ученого. Получается, что мы защищаем свои права, отказываясь от того, что представляет для нас наибольший интерес. Мы не можем заниматься профсоюзной деятельностью и говорить, что боремся за истину. Мы вынуждены говорить, что боремся за зарплату.

С.Э. А почему не могут сосуществовать два направления деятельности научных работников? С одной стороны, они, как гражда-

не, члены всего общества, борются за свои экономические права, на которые сейчас активно наступает государство. А с другой стороны, как профессионалы науки, создают неправительственные сообщества солидарности, сопротивления и противодействия всему тому, что мешает искать научную истину. Может быть, должны существовать две формы организации?

А.Г. Я с Вами абсолютно согласен. Но нужно понимать, чем одна форма отличается от другой и что мы получаем и теряем в каждом из этих случаев. Важно, чтобы это не сводилось к формуле: «Давайте попробуем все!» Это разные формы солидарности. У них разные цели и разные возможности достижения. Я не отвергаю профсоюзное движение, считая его осмысленным. Но я не думаю, что оно способно сейчас принести нам какой-то хороший результат именно в силу нашего исторического опыта. Занимаясь профсоюзной деятельностью, мы разговариваем на одном языке со всеми бюджетниками. Таким образом, наши ряды пополняются. Деньги нужны всем: и ученым, и врачам, и учителям. В этом смысле, будучи еще и избирателями — а это определенный рычаг воздействия, — мы можем накинуться миллионной толпой на правительство, требуя решения проблем. Но тогда теряется наша индивидуальность как ученых. Правительство может спокойно ответить, что не считает ученых лучшими в сравнении с врачами, например. Возможно, по нынешним показателям стране больше нужны врачи, нежели ученые. Потому что,

скажем, не совсем понятно, чем именно занимаются ученые. Врачи и учителя нужны. А что делают ученые? Может, следует избавиться от такого количества ученых или даже от Академии наук? С одной стороны, соединившись с многомиллионной армией бюджетников, мы получаем преимущество. Но недостаток в том, что, помимо ставок, ученые не могут в этом случае говорить о действительно важном для них. И поскольку мы отказываемся от своей позиции, заговорив на языке всего общества (а в более узком смысле — на языке правительства), мы вынуждены уступать. Если нам скажут, что такое количество ученых не нужно стране, мы будем послушно сокращать свое поголовье. Участие в профсоюзах лишает ученых возможности высказываться от имени научного сообщества. Мы отдаем другим людям контроль за процессом. Если же мы пытаемся создать солидарность между учеными на принципах, понятных самим ученым, то мы не должны стесняться разговаривать на достаточно смешном для всего остального общества языке. Например, не стесняться говорить о нашем стремлении познать истину. Этот язык смешно звучит на улице, но он понятен в научном кругу. И важно не стесняться заявлять о том, что для нашего круга это мерило поступков. Тут своя логика. Понимание своей свободы в высказывании таких вещей сильно способствует солидарности внутри научного сообщества. Я убежден, что большинство пришли в науку не зарабатывать деньги, а исследовать истину. Но многие стесняются говорить об этом открыто, предпочитая говорить о ставках, зарплате и т.д.

Университеты и институты — центры науки и единственные места, где на понятном для себя языке могут между собой общаться ученые. Именно там эта речь воспринимается как само собой разумеющееся. Только на языке самого научного сообщества возможно ясно изложить свои потребности. При этом никто не говорит, что истину можно познать в физике, например, не прибегая к экспериментам. Те же самые экономические требования в этом смысле возвращаются. Просто они возвращаются в качестве подчиненных требований. В научном кругу очень ясно понятно, что это средства, а не цели. Ректор или директор института, объясняющий научным сотрудникам, что правительство предприняло определенные шаги, в результате которых им нужно сокращать ставки, должен понимать, что в этот момент он изымает себя из среды ученых. Пытаясь говорить на языке, не свойственном этой среде, он становится врагом ученых. Это делает двусмысленной фигуру ректора и любого руководителя, имеющего связи с внешним миром. Именно в силу того, что он пытается нам навязать чужую логику, ученые должны относиться к нему с подозрением, требуя ответа — насколько этот чиновник отражает интересы ученых, а не просто транслирует распоряжения министерства.

С.Э. Он должен быть не представителем государства в науке, а наоборот — представителем ученых в государстве.

А.Г. Именно! Все это приобретает смысл, когда на повестку дня ставится требование автономии.

Университеты и институты тогда воспринимаются как автономные организации, естественно вписывающиеся в бюджет и экономическую логику. Почему эта структура автономна в принципе? Потому что люди в ней мыслят другими категориями, нежели люди во внешнем мире. Там есть совершенно иные критерии оценки, отличные от спускаемых сверху министерством. Требование научной и университетской автономии — это нечто отличное от профсоюзных требований, связанных с экономическими потребностями и уравнивающих ученых с остальными бюджетниками. Мы имеем право на независимое существование. Тут надо вспомнить, что наука не всегда была на государственном обеспечении. Многие столетия и тысячелетия наука выживала совершенно автономно. Она стала получать инвестиции от государства только после того, как государство сообразило, что наука — это очень выгодное вложение. Это базовые вещи, о которых нужно помнить. За претензией на автономию стоит полное ясное понимание того, что научный институт и университет — это нечто, обладающее своим влиянием и властью в обществе. Но если сами ученые от этого отстраняются, называя себя просто бюджетной организацией, почему же остальные граждане должны думать об этом как-то иначе?

С.Э. В названии любого университета написано: «бюджетное учреждение».

А.Г. Конечно, людям свойственно так думать, но мы-то сами должны помнить, что это не так. Образова-

ние — нечто особенное из того, что производится в обществе, обладая определенным влиянием на него. И власть это прекрасно понимает, пытаясь всячески контролировать. Почему? Потому что именно в руках ученых тоже есть определенная власть. Мы не просто бюджетники. Мы имеем влияние на умы людей и на общество в целом. Все ученые — и в гуманитарных науках, и в естественных — сегодня имеют законное место в академическом мире, потому что доказали в предшествующей истории, что то, чем они занимаются в свое удовольствие, имеет большое общественное значение. Поэтому они не просто просят денег, а всегда заслуженно занимают свое место в обществе. Нужно лишь помнить, почему это так. Мы просим денег не потому, что умираем от голода, а потому, что приносим пользу. Мы имеем право и на экономические требования, и на требования автономии.

С.Э. Даже в советское время ученые старались продемонстрировать свою автономию от государства. Например, несмотря на давление властей, А.Д. Сахаров не был исключен из Академии наук СССР. Почему после 1991 года ученые так легко отказались от академической автономии и академических свобод?

А.Г. Вы задаете очень сложный вопрос. С одной стороны, для меня это является большой загадкой. С другой стороны, я думаю, что пока мы не дадим ответа на эту загадку, мы не двинемся дальше. И это касается не только положения в науке. Это касается и того, что способствовало

приходу либералов во власть, и почему ничего не получилось — только ли враги помешали или были какие-то собственные ошибки? Мне кажется, очень важно рассматривать весь опыт в целом. Меня интересуют разные части этой истории. Например, история с РГГУ и с тем, что там делал ЮКОС. Университетская автономия в том виде, в котором она существует в Америке, у нас сейчас вообще никак не может существовать. Там лидируют частные университеты.

С.Э. Там все равно есть большие государственные университеты, в которых проходят выборы. Власть там не диктует, кто будет ректором.

А.Г. Мне кажется, это связано с тем, что в процентном соотношении лучшими университетами являются частные. Они подают пример, показывая, как нужно. Именно поэтому государственные структуры, имея контроль над государственными университетами — в которых учится гораздо большее количество студентов, чем в частных, — не могут реализовывать свои капризы, они вынуждены равняться на лучшие частные университеты. Это некий идеал. И государство находится под этим влиянием. Для меня необъяснимая загадка, почему этот проект провалился у нас. Мне кажется, это связано с провалом либерального проекта вообще. Видимо, были совершены одинаковые ошибки. На мой взгляд, мы не перейдем к университетской автономии до тех пор, пока не будет возможности для создания у нас частных университетов. Просто периодическая

смена ректора — вещь процедурная. Должно быть что-то иное.

С.Э. Вы считаете, что если не будет десяти крупных частных университетов, то университетская автономия в России невозможна?

А.Г. Здесь есть один тонкий момент. Я согласен с тем, что можно постигать истину и двигать науку только в случае ее автономии. Но сказать так, значит закрыть глаза на то, что современная физика — это огромные инвестиции. Ведь и в гуманитарной науке они тоже нужны. В Москве — не говоря уже о других городах — нет ни одной хорошей библиотеки. А хорошая библиотека — это вложение денег. Я не понимал, что такое хорошая библиотека и насколько она продвигает мои исследования, пока не оказался в одном из топ-университетов, где в библиотеке есть абсолютно все. Если провести год в такой библиотеке, то лишь совершенно бесчувственный к науке человек не напишет здесь серьезную книжку, настолько все к этому располагает. Нужно не быть ученым — лишь в этом случае возможно ничего там не написать. Это не просто складирование книг, это принципиально иное. Это требует отдельного вложения денег в гуманитарных областях. И поэтому Оксфорд, Кембридж и остальные университеты производят книги, а мы — читаем их. Я не знаю, как это устроено в Великобритании, но Гарвард и Принстон в Америке — это автономные образования со своим многомиллиардным бюджетом, который нам и не снился. Они вкладывают деньги в библиотеки как в средства производства. У нас ничего

не производится именно из-за отсутствия капиталовложений. Поэтому нельзя сказать, что нам нужна исключительно автономия и не нужны материальные средства. Это иллюзия. И деньги могут вкладываться не только государством. Если замыкаться лишь на государстве, то можно бесконечно выслушивать от чиновников упреки в том, что раз они выделяют деньги, то и правила игры должны диктоваться ими. Мне кажется, у нас может что-то реально сдвинуться только после выводов из того, что ЮКОС попытался сделать в РГГУ. Хотя, возможно, в этом случае эксперимент был слишком короткий. Однако это общесистемная проблема. Власть прекрасно понимает, что университеты, Академия наук – это не просто требующие денег бюджетники, но очень влиятельные институции. И именно в силу влиятельности их придется жестко контролировать. Маловероятно, что власти с легкостью допустят создание частных университетов по американскому образцу.

С.Э. У нас достаточно много богатых людей, которые пожелали бы вложить деньги. Но им не разрешат это делать из-за нежелания утратить контроль над наукой. Как Вы думаете, если наши ученые, обладая некой сакральной научной властью – с которой государство все равно считается, – начнут отстаивать свои права, можно ли будет изменить ситуацию?

А.Г. Я думаю, что наиболее практически реализуемый вариант автономии может быть при частных вложениях. С другой стороны, понятно, что у нас все эти проблемы

связаны воедино и частных вложений не появится до тех пор, пока не изменятся какие-то более общие для нашего общества вещи. Здесь мы должны проводить различия между солидарностью на основе автономии и солидарностью на основе профсоюзного движения. В этом смысле разница оказывается очень существенной. До тех пор, пока мы говорим об экономических требованиях, не возникает понимания, что ученый совет – совершенно особый орган. Он не вписывается в эту логику: он не инстанция бюджетной власти, не имеет рычагов. В этом случае важны другие участники: ректор, министерство образования, отдельные преподаватели как получатели денег в кассе... Никакого ученого совета как центра знания в этой структуре нет. Но если рассуждать о солидарности на основе научной автономии, то именно в этом случае становится понятно, что такое ученый совет, зачем он нужен и что именно он, а вовсе не ректорат, является главным органом власти в университете.

С.Э. Многие ученые считают, что их собственные действия внутри научной корпорации ничего не смогут изменить. Все их упования связаны с падением нынешнего антинаучного режима. То есть кто-то за них решит их проблемы. Но ведь сейчас не 37-й год и даже не брежневский «застой». Трудно предположить, что если наши коллеги решатся изменять ситуацию в университетах и академиях, то власть бросит все свои силы на противодействие им. У государства сегодня огромное количество проблем. Вполне возможно,

что власть будет только рада, если ученые смогут навести порядок в своей среде. Опыт «Диссернета» это доказывает. Под давлением этой организации в области защиты диссертаций произошли положительные изменения. Как Вы считаете, могут ли научные работники изменить ситуацию внутри корпорации?

А.Г. Это две разные вещи, и в них нет противоречия. Я считаю неверным говорить о том, что мы обычные граждане, и забывать о том, что мы ученые. Возможно, в этом случае мы и построим справедливое общество, но в нем нельзя будет исследовать истину. Мы сделаем лучше для общества, и это похвальная цель. Но мы не сделаем хорошо для себя. Если относиться к науке серьезно, учитывая ее пользу для общества, то как раз следуя этому пути, мы и не принесем всей возможной пользы обществу. Сам термин «независимость» или «автономия» говорит о том, что возможно заниматься наукой не зависимо от всего остального. Можно выступать с требованиями общественных преобразований, но это совершенно не мешает заниматься тем, что способствует университетской автономии. Многие мои коллеги говорят, что нет необходимости обсуждать подобного рода вещи и лучше говорить о том, что понятно всем. Этот аргумент мне кажется сомнительным. Во-первых, одно не отменяет другого. А во-вторых, есть очень большой смысл в том, чтобы заниматься университетской автономией. Потому что мы создаем новую инстанцию власти внутри общества, которой не будет, пока мы этим не занима-

емся. Об этом не написаны никакие книжки. Нам нужны определенные практики. Все возникает и приобретает силу, только когда этим занимаются, а не просто опираются на теорию, что все само собой возникнет в следующую минуту.

С.Э. Видите ли Вы хоть какие-то зародыши того, что ученые начнут самоорганизовываться? Где могут возникнуть эти прорывы?

А.Г. Мне кажется, что самоорганизация должна начинаться на низовом уровне. Хотя бы с того, что мы перестанем стесняться озвучивать простые вещи вроде: «Мы здесь собрались, чтобы заниматься истиной». Это может дико звучать на улице, но как раз это дает нам некую свободу самовыражения, это первый шаг в приобретении независимости и автономии от того, что о нас думают другие люди и правительство. Только в том случае, когда мы сможем заговорить на своем языке, в котором есть такие смешные понятия, как «стремление к истине», мы сможем выразить и цели, которых хотим достичь. Необходимо собраться и организовать вокруг этих целей. Можно обсуждать какие-то далее продвинутые этапы, но я вижу трудности уже на первом шаге — очень многие ученые просто стесняются говорить на своем языке.

С.Э. А как они объясняют свою полезность обществу?

А.Г. Я слышу от некоторых своих коллег мнение о том, что они такие же работники, хорошо делающие свое дело и получающие за это зарплату, как и подавляющее

большинство в нашем обществе. Но ограничиваясь этим, мы лишаем себя возможности говорить о вещах, важных для нас — ученых, лишаем себя возможности организовывать свою солидарность, основанную на принципе автономии, а не на экономических профсоюзных требованиях.

С.Э. Может быть, надо пропагандировать литературу, по которой ученые смогут научиться открыто говорить о своих требованиях? Кого бы Вы посоветовали?

А.Г. Я понимаю, что Вы имеете в виду, но не буду навязывать имен великих философов, хотя считаю это неплохим стартом для подобного разговора. В любой научной дисциплине есть своя школа, есть свои великие умы, которые об этом говорят. У меня есть некоторое естественно-научное образование. Я читал в юности книги великих физиков, восхищался тем, что они говорят, что для них является смыслом жизни. Физики пусть читают великих физиков. Там они найдут все, что нужно. Более того, я уверен, что все ученые в юности читали *свои* книжки, каждый из ученых знает книги, которые привели конкретно его в эту науку. Просто нужно их вспомнить. Вспомнить о том, что там говорилось. И еще о том, что мы стали учеными не потому, что не умеем заниматься бизнесом и у нас нет другого выбора. Напротив, это был наш сознательный выбор. Нужно вспомнить, почему это был наш выбор, и не стесняться этого. Сделать ситуацию, в которой мы находимся, своей ситуацией и контролировать ее. Не власть

поставила нас в эти условия, но мы пришли к этому сами, это был наш жизненный выбор. Действие, исходящее от нас самих, а не навязанное извне — это начало автономии.

С.Э. В каком виде это должно происходить? В форме семинаров, конференций? Может быть, для этого должны быть созданы какие-то независимые институты, которые будут поднимать и обсуждать эту тему?

А.Г. Отчасти все это уже есть. Мы же занимаемся наукой не в каких-то случайно возникших учреждениях — мы находимся в университетах. У университетов есть определенная история университетских практик. Эти практики нужно восстановить в их подлинном смысле. Нужно вспомнить, например, что такое ученый совет. Вспомнить, что это не просто орган, выносящий какие-то резолюции, принимающий постановления и подписывающий бумаги, но действительно орган университетской автономии, куда избираются наиболее достойные люди, более всех заботящиеся об истине. И в этом смысле решение ученого совета должно быть продиктовано именно этой заботой об истине, а не тем, как государство считает нужным распорядиться своим бюджетом. В чем может еще проявляться университетская автономия? Например, в том, что автономный университет вовсе не воспринимает свою собственную внутреннюю структуру как раз и навсегда заданную министерством. Поскольку цель университета — это исследование и обучение истине, то все, что способствует этому, должно

приветствоваться. С точки зрения университетской автономии, только сам университет волен решать, какие структуры в нем имеют право на существование. В этом смысле все, способствующее научным це-

лям, должно приветствоваться и поощряться вне зависимости от того, что об этом думает министр и какие у него нормативы. Внутренняя жизнь университета должна быть делом самого университета.

A.A. GLUKHOV INTERVIEW: «FROM THE POINT OF VIEW OF THE UNIVERSITY AUTONOMY, THE UNIVERSITY ITSELF HAS TO DECIDE WHAT STRUCTURES IT WANT TO HAVE»

Glukhov Alexey A. — candidate of philosophical sciences, HSE (Moscow)

Полный текст интервью размещен на сайте журнала «Историческая экспертиза»
www: istorex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски – 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и английском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной класси-

фикации), который приводится над фамилией автора слева.

Сноски к тексту – постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25). Подробно о правилах оформления библиографии и внутритекстовых ссылок см.: <http://istorex.ru/rules.html>